

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2023

ISSN 0131 – 2812
2712 – 9098

Перспективы российского
газа в Китае

Энергетическая политика Японии:
актуальные вызовы и проблемы

Архитектура концепции
киберсуверенитета КНР

Исторический опыт развития
китайской цивилизации

Исследование качества
экономического роста
в регионах Востока России
и Северо-Востока Китая

FAR EASTERN STUDIES

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2023

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор: А.В. Виноградов, д.полит.н.

Редакционная коллегия:

Островский Андрей Владимирович (д.э.н., проф., заместитель гл. редактора);
Дацышен Владимир Григорьевич (д.и.н., проф.);
Ломанов Александр Владимирович (д.и.н., проф. РАН);
Лукин Александр Владимирович (д.и.н., проф.);
Портяков Владимир Яковлевич (д.э.н., проф.);
Стрельцов Дмитрий Викторович (д.и.н., проф.);
Самойлов Николай Анатольевич (д.и.н., проф.).

Иностранные члены редколлегии:

Одд Арне Вестаг, профессор, Йельский университет, США;
Ивасита Акихиро, профессор, Университет Хоккайдо, Япония;
Ким Сок Хван, профессор, Университет иностранных языков Хангук,
Сеул, Южная Корея;
Сунь Чжуанчжи, директор Института России, Восточной Европы и
Центральной Азии КАОН, КНР;
Янь Годун, профессор, директор института иностранных языков
Нанькайского университета, КНР.

Редакционный совет
Председатель В.В. Михеев, академик РАН.

К.М. Барский, к.и.н.;
О.Н. Борох, к.э.н.;
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф.;
Б.Н. Горбачев, д.и.н., проф.;
С.Н. Гончаров, к.и.н.;
Т.Л. Гурулева, д.пед.н., проф.;
А.З. Жебин, к.полит.н.;
О.И. Завьялова, д.филол.н.;
А.Н. Карнеев, к.и.н.;
В.О. Кистанов, д.и.н.;
А.И. Кобзев, д.ф.н., проф.;
В.Н. Колотов, д.и.н., проф.;
А.Н. Королев, Ph.D.;
В.Л. Ларин, академик РАН.;
Я.В. Лексютина, д.полит.н., проф. РАН;
В.В. Малявин, д.и.н., проф.;
М.С. Михалев, д.и.н.;
И.Ф. Попова, чл.-корр. РАН;
М.А. Потапов, д.э.н.;
О.А. Тимофеев к.и.н., заместитель главного редактора.

Иностранные члены редакционного совета:

Алка Ачария, проф., Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия);
Гуань Гуйхай, проф. Пекинский университет (КНР);
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР);
Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР);
Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция:

С.Н. Алексахина, к.э.н., *зав. отделом экономики*;
К.В. Асмолов, к.и.н., *зав. отделом Кореи*;
Е.В. Власова, *редактор*;
О.И. Казаков, *зав. редакцией*;
А.Н. Карнеев, к.и.н., *зав. отделом истории и внутренней политики*;
В.О. Кистанов, д.и.н., *зав. отделом Японии*;
И.В. Кожевникова, *корректор*;
А.Н. Коробова, к.филол.н., *зав. отделом культуры*;
Р.Ф. Кудакеев, и. о. *отв. секретаря*;
А.Л. Поленова, *редактор*;
Д.Б. Славинский, *верстальщик*;
А.Б. Старостина, к.филос.н., *зав. отделом идеологии и философии*.

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
Тел. +7 (499) 124-09-02; E-mail: pdvjjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies RAS

FAR EASTERN STUDIES

4/2023

July — August

The academic, social and political journal,
published six times per year in Russian
and quarterly in English.
The first issue was published in March 1972.

Published under the supervision
of the Department of Global
Problems and International
Relations of the Russian
Academy of Sciences

Founders: Russian Academy of Sciences and the Institute of Far Eastern Studies RAS

Editor-in-Chief: A.V. Vinogradov, Dr.Sc. (Political Science)

Russian Editorial Board Members:

Datsyshen V., Dr.Sc. (History);
Lomanov A., Dr.Sc. (History), Prof. of RAS;
Lukin A., Dr.Sc. (History);
Ostrovskiy A., Dr.Sc. (Economics) Deputy Editor-in-Chief;
Portyakov V., Dr.Sc. (Economics);
Streltsov D., Dr.Sc. (History);
Samoilov N., Dr.Sc. (History).

Foreign Editorial Board Members:

Akihiro Iwashita (Hokkaido University, Japan);
Kim Seok Hwan (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea);
Sun Zhuangzhi (Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies,
CASS, PRC);
Odd Arne Westad (Yale University, USA);
Yan Guodong (Nankai University, PRC).

Editorial Council
Chairman Mikheev V., Academician of RAS

Barsky K., Ph.D. (History);
Borokh O., Ph.D. (Economics);
Goncharov S., Ph.D. (History);
Gorbachev B., Dr.Sc. (History), Prof.;
Guruleva T., Dr.Sc. (Pedagogy), Prof.;
Karneev A., Ph.D. (History);
Kistanov V., Dr.Sc. (History);
Kobzev A. Dr.Sc. (Philosophy), Prof.;
Kolotov V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Korolev A., Ph.D.;
Larin V., Academician of RAS;
Leksyutina Ya., Dr.Sc. (Political Sciences), Prof. of RAS;
Maliavin V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Mikhalev M., Dr.Sc. (History);
Popova I., Corresponding Member of RAS;
Potapov M., Dr.Sc. (Economics);
Timofeev O., Ph.D. (History), Deputy Editor-in-Chief;
Voskresenskiy A., Dr.Sc. (Political Science), Prof.;
Zavyalova O., Dr.Sc. (Linguistics);
Zhebin A., Ph.D. (Political Science).

Foreign Members of the Editorial Council:

Acharia Alka, Prof., Director of the Institute of Chinese Studies (New Delhi, India);
Guan Guihai, Prof. Peking University (Beijing, China);
Hu Angang, Prof., Qinghua University (Beijing, China);
Wu Enyuan, Prof., Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China);
Zhu Xianping, Prof., Jilin University (Changchun, China).

Editors Office

S.N. Aleksakhina, Ph.D. (Economics), *Head of the Economics Dept.*;
K.V. Asmolov, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of Korea*;
O.I. Kazakov, *Head of the Editors Office*;
A.N. Karneev, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of History and Internal Policies*;
V.O. Kistanov, Dr.Sc. (History), *Head of the Dept. of Japan*;
A.N. Korobova, Ph.D. (Philology), *Head of the Dept. of Culture*;
I.V. Kozhevnikova, *Corrector*;
R.F. Kudakaev, *Acting Executive Secretary*;
A.L. Polenova, *Editor*;
D.B. Slavinsky, *Layout Designer*;
A.B. Starostina, Ph.D. (Philosophy), *Head of the Dept. of Ideology and History*;
H.V. Vlasova, *Editor*.

Address: 32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation
Tel. +7 (499) 124-09-02; E-mail: pdvjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Верченко А.Л.</i> Партийная дипломатия во внешней политике КНР: «Диалог КПК с миром — 2023».....	7
<i>Лешаков П.С., Соловьёв А.В.</i> КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности.....	20
<i>Гордеева И.В.</i> Обострение борьбы за влияние в Океании и политика Японии в регионе.....	36

ЭКОНОМИКА

<i>Кондратов Д.И.</i> Перспективы российского газа в Китае.....	46
<i>Корнеев К.А.</i> Энергетическая политика Японии: актуальные вызовы и проблемы	73
<i>Добринская О.А.</i> Экономическая стратегия Японии в Индии: проблемы и перспективы	85

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Янькова А.Д.</i> Архитектура концепции киберсуверенитета КНР (по материалам докладов Всемирной интернет-конференции «Киберсуверенитет: теория и практика»).....	99
--	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Буров В.Г.</i> Исторический опыт развития китайской цивилизации.....	113
---	-----

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>Забелина И.А.</i> Исследование качества экономического роста в регионах Востока России и Северо-Востока Китая.....	131
---	-----

ИСТОРИЯ

<i>Головачев В.Ц.</i> «Россия приблизилась к нам более чем вдвое»: Московский договор 1896 г. в оценках китайских исследователей.....	151
<i>Федорин А.Л.</i> «Продолжение Полного собрания исторических записок Дайвьета» и его злосчастная судьба.....	164

ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Актамов И.Г.</i> Автономный район Внутренняя Монголия в реализации образовательной политики Китая во Внутренней Азии.....	174
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Блажжина А.Ю., Кварталова Н.Л.</i> XXIV Международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура».....	188
---	-----

Contents

POLITICS

<i>Verchenko A.L.</i> Party Diplomacy in China's Foreign Policy: "CCP Dialogue with the World-2023".....	7
<i>Leshakov P.S., Solovyov A.V.</i> DPRK as a Structural Factor of Regional and Global Security	20
<i>Gordeeva I.V.</i> The Intensification of the Struggle for Influence in Oceania and the Policy of Japan in the Region.....	36

ECONOMICS

<i>Kondratov D.I.</i> Prospects for Russian Gas in China	46
<i>Korneev K.A.</i> Japan's Energy Policy: Current Challenges and Problems	73
<i>Dobrinskaya O.A.</i> Japan's Economic Strategy in India: Issues and Prospects.....	85

STATE AND SOCIETY

<i>Yankova A.D.</i> Architecture of China's Cyber Sovereignty Concept: Based on the Reports World Internet Conference "Sovereignty in Cyberspace: Theory and Practice"	99
--	----

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Burov V.G.</i> Historical Experience of the Development of Chinese Civilization	113
--	-----

RUSSIAN FAR EAST

<i>Zabelina I.A.</i> A Study of the Economic Growth Quality in the Eastern Regions of Russia and the Northeastern Regions of China	131
--	-----

HISTORY

<i>Golovachev V.Ts.</i> "Russia has Come More Than Twice as Nearer to Us": The 1896 Moscow Treaty in the Chinese Scholars' Perceptions.....	151
<i>Fedorin A.L.</i> "Continuation of the Complete Collection of the Historical Notes of Dai Viet" and Its Unfortunate Fate	164

EDUCATION

<i>Aktamov I.G.</i> The Role of the Inner Mongolia Autonomous Region in the Implementation of China's Educational Policy in Inner Asia	174
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Blazhkina A.Y., Kvartalova N.L.</i> XXIV International Scientific Conference "China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture"	188
--	-----

ПОЛИТИКА / POLITICS

Партийная дипломатия во внешней политике КНР: «Диалог КПК с миром — 2023»

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120026884-3

Верченко Алла Леонидовна

Старший научный сотрудник Центра изучения истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 24.05.2023.

Аннотация:

Коммунистическая партия Китая проводит двусторонние, региональные, международные встречи с представителями правящих и оппозиционных политических партий мира («Диалоги») и рассматривает их в качестве канала для усиления роли партийной дипломатии как части китайской дипломатии в целом, особенно для создания основ построения сообщества единой судьбы человечества. «Диалог КПК с политическими партиями мира на высшем уровне» проводится с 2017 г. и пришел на смену менее амбициозному «Диалогу КПК с миром» (2014–2016 гг.). В его работе начали принимать участие лидеры правящих партий, главы государств и правительств. Нынешний «Диалог», как и раньше, обсуждает роль правящей партии, ее ответственность за будущее своей страны и человечества. Ключевая тема последнего «Диалога» — «Путь к модернизации: ответственность политических партий» — выбрана для ознакомления мира с намеченной XX съездом КПК линией на модернизацию китайского типа. КПК знакомит мир со своими инновационными предложениями: «Глобальная модернизация» как совместное развитие в интересах всего человечества и «Глобальная цивилизация», подразумевающая уважение многообразия цивилизаций, признание их равенства, отказ от навязывания чужих ценностей, активизация гуманитарных обменов. В онлайн-форуме, состоявшемся 15 марта 2023 г., приняли участие представители 500 политических партий из 150 стран и регионов, с основным докладом выступил Си Цзиньпин.

Новое время ставит новые задачи, и Китай, переходя на модель высокотехнологического развития, предлагает миру для ознакомления свои пути, а заодно свою помощь в будущем становлении. Как и на предыдущих форумах «Диалога», КПК подчеркивала свою роль миролюбивой крупной державы, проявляющей заботу о судьбах человечества, предлагающей план коллективного сотрудничества в деле развития человеческой цивилизации и пути установления справедливого мироустройства в противовес переживающей системный кризис западной идее глобализации.

Ключевые слова:

Диалог КПК с политическими партиями, партийная дипломатия, Си Цзиньпин, глобальная модернизация, глобальная цивилизация.

Для цитирования:

Верченко А.Л. Партийная дипломатия во внешней политике КНР: «Диалог КПК с миром — 2023» // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 7–19.
DOI: 10.31857/S013128120026884-3.

Партийная дипломатия как часть внешнеполитической деятельности КНР

Руководство Коммунистической партии Китая всегда уделяло большое внимание внешнеполитической деятельности, т.н. партийной дипломатии, представляющей собой вполне конкретный механизм по обеспечению международных контактов КПК. Систематическая работа с иностранными политическими партиями и организациями состоит в обмене опытом управления и взглядами на международные и региональные проблемы, направлена на укрепление международных связей и взаимного доверия, формирование и поддержание позитивного образа и расширение влияния КПК в мире, неотрывна от внешнеполитических задач государства. Чжоу Эньлай, будучи министром иностранных дел, указывал, что дипломатия проявляется в трех аспектах: партийном, государственном и народном¹. Отмечая важность их взаимодействия для достижения общих целей, он ставил партийную дипломатию на первое место. Теория и практика партийной дипломатии в современной КНР широко изучается, освещается в научных работах, в том числе монографиях², диссертациях³ и статьях.

В начале XXI в., особенно при Си Цзиньпине, происходит усиление роли КПК в государственном управлении, возрастает роль партийной дипломатии, работающей на создание облика крупной миролюбивой державы. Руководство Китая исходит из того, что партийная дипломатия должна обеспечивать распространение в мире понимания пути Китая, китайского опыта и китайских идей и для этого необходимо расширять многоканальное многоуровневое взаимодействие, содействовать построению международных отношений нового типа, основанных на взаимном уважении, справедливости, взаимовыгодном сотрудничестве.

Новый формат мирового межпартийного взаимодействия

В международной деятельности КПК следует четырем принципам: самостоятельность и независимость, полное равноправие, взаимное уважение и невмешательство во внутренние дела⁴. После XVIII съезда КПК (2012 г.) генеральный секретарь ЦК КПК

¹ 余科杰. 二十大以后的中国特色政党外交 [Юй Кэцзе. Партийная дипломатия с китайской спецификой после XX съезда КПК] // 外交评论. 2023年. 第3期. 第2页. DOI: 10.13569/J.cnki.far.2023.03.001

² 许月梅. 建国后中国共产党政党外交理论研究 [Сюй Юэмэй. Исследование теории партийной дипломатии КПК после образования КНР]. 北京: 中国社会科学出版, 2003年. 351页; 于洪君. 新型政党关系与新时代政党外交 [Юй Хунцзюнь. Межпартийные отношения нового типа и партийная дипломатия в новую эпоху]. 北京: 当代世界出版社, 2019年. 306页; 吴兴唐. 政党外交工作的回忆与思考 [У Синтан. Работа по линии партийной дипломатии: воспоминания и размышления]. 北京: 当代世界出版社, 2020年. 450页.

³ 付金辉. 新时代中国特色政党外交话语创新研 [Фу Цзиньхуэй. Исследование языковых новшеств в терминологии партийной дипломатии с китайской спецификой в новую эпоху] // 武汉大学学位论文管理系统. URL: <http://paper.lib.whu.edu.cn/simpsearch.action>. 2022 (дата обращения: 01.07.2023). DOI: 10.27162/d.cnki.gjlin.2022.007655; 宋婉宁. 构建人类命运共同体视角下政党外交功能作用研究 [Сун Ваньнин. Исследование возможностей и роли партийной дипломатии под углом зрения формирования сообщества единой судьбы человечества] // 武汉大学学位论文管理系统. URL: <http://paper.lib.whu.edu.cn/simpsearch.action>. 2022 (дата обращения: 01.07.2023). DOI: 10.27373/d.cnki.gwjxc.2022.000143

⁴ 宋涛. 赓续对外工作百年辉煌服务中华民族伟大复兴 [Сун Тао. Продолжать славу вековой внешнеполитической работы, служить великому возрождению китайской нации] // 全国人民代表大会. 28.05.2021. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202105/522c20d83ceb4ed6bc238ad8ab92ed98.shtml> (дата обращения 25.06.2023).

Си Цзиньпин выступил с рядом предложений по поводу внешнеполитической работы партии, подчеркнув, что она составляет важнейшую часть общей дипломатии крупной страны и имеет китайскую специфику. Начал складываться новый стиль, в основе которого лежит поиск точек соприкосновения с политическими течениями разной идеологической направленности при сохранении различий⁵. Теоретически партийная дипломатия в новую эпоху должна основываться на заинтересованности сторон-участниц в совместном обсуждении и решении проблем, в равноправном сотрудничестве и строительстве нового мира. Именно в этом русле партийная дипломатия продолжает развиваться при Си Цзиньпине.

Для установления постоянных контактов и обсуждения с политическими партиями мира важнейших международных проблем и путей их решения КПК предложила формат *диалога*, декларировав равноправие и самостоятельность его участников. Впервые подобное мероприятие под названием «Диалог КПК с миром» (中共与世界对话) состоялось в Пекине в 2014 г. Тогда Китай собрал 60 представителей политических партий и экспертных сообществ из 30 стран. Это были в основном отставные политические деятели, продолжавшие функционировать в рядах своих партий и организаций, а также члены разнообразных научных и общественных организаций. В 2015 г. в аналогичном мероприятии в столице КНР участвовали более 80 представителей из 33 стран. В 2016 г. 300 участников от 70 политических партий из 50 стран и регионов собрались в Чунцине, крупнейшем мегаполисе страны, на территории которого Китай демонстрировал свои успехи⁶. С этого года организацию мероприятий полностью взял на себя Отдел международных связей ЦК КПК. Иногда в Китае его называют министерством иностранных дел партии, отвечающим за внешнюю политику и стратегию партии⁷. Практика показывает, что Отдел успешно претворяет политические установки партии в жизнь. В 2017 г. «Диалог» собрал 200 представителей высшего руководства политических партий и организаций из 120 с лишним стран, ясно обозначив партийную направленность форумов — мероприятие изменило название на «Диалог КПК с политическими партиями мира». После этого «Диалоги» в силу повышения статуса участников были реформатированы во «встречи на высшем уровне». Си Цзиньпин начал выступать на открытии форумов с пространной речью. До пандемии форумы проводились в офлайн-формате, длились несколько дней, что позволяло кроме пленарного заседания проводить двусторонние и многосторонние тематические встречи, круглые столы и дискуссии, организовывать для участников экскурсии на производство (например, в 2016 г. состоялись специальные встречи с представителями политических партий стран Африки и Меконга, в 2017 г. — знакомство с китайским бизнесом). В 2021 г. в виртуальном «Диалоге КПК с лидерами политических партий мира на высшем уровне» приняли участие более 600 лидеров от 500 политических партий и организаций из 160 стран. По китайским подсчетам, в мероприятии по всему миру участвовали 10 тыс. человек. Празднование важной даты — 100-летия КПК — и достаточно благоприятный для Китая международный климат позволили собрать огромную аудиторию и провести действительно грандиозное мероприятие. Право выступить на «Диалоге» было предоставлено 21 спикеру, которые не только возглавляли

⁵ 韩世龙. 新时代中国共产党党外交理论与实践研究 [Хань Шилун. Исследование теории и практики партийной дипломатии Коммунистической партии Китая в новую эпоху] // 南方论刊. 2023. 第3期. 第29–31页.

⁶ Верченко А.Л. «Диалог КПК с миром» как платформа для продвижения идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Общество и государство в Китае. Т. XLIX. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 565.

⁷ 余科杰. 二十大以后的中国特色政党外交 [Юй Кэцзе. Партийная дипломатия с китайской спецификой после XX съезда КПК] // 外交评论. 2023年. 第12期. DOI: 10.13569/J.cnki.far.2023.03.001

партии или политические движения, но и являлись главами государств или правительств стран, с которыми у Китая налажилось активное торгово-экономическое, инвестиционное или техническое сотрудничество (Южно-Африканская Республика, Аргентина, Палестина, Камбоджа, Куба, Зимбабве, Сербия, Пакистан, Мозамбик, Намибия, Конго, Шри-Ланка, Марокко, Южный Судан и др.). В итоговом документе участники подчеркнули общую ответственность политических партий в новых исторических условиях за будущее своих народов и всего мира⁸.

Напрашивается параллель между «Диалогами» и проводимыми в свое время Коммунистической партией Советского Союза международными встречами коммунистических и рабочих партий. Однако КПК расширила круг участников от представителей братских партий социалистических стран до представителей различных политических партий и организаций, проявив присущий КПК в «эпоху Си Цзиньпина» творческий подход. КПК вывела форумы за рамки чисто партийных мероприятий, что позволяет обсуждать более широкий круг вопросов международной повестки. Еще одно отличие состоит в том, что КПСС не акцентировала в названии совещаний свою руководящую и направляющую роль, а КПК с первой встречи в 2014 г. обозначила себя как одну из сторон диалога, предлагая другой, т.е. политическим партиям мира, знакомиться с достижениями и опытом Китая, его видением и предложениями по решению мировых проблем.

Встречи с лидерами политических партий, многие из которых одновременно занимают посты глав государств и правительств, Китай рассматривает через призму усиления роли партийной дипломатии как части дипломатии в целом. Китайские ученые отмечают сегодня связь между партийной, правительственной, парламентской и общественной дипломатией, считая их неразрывным целым, выполняющим одну общую задачу⁹. «Диалоги» стали платформой для активной пропаганды концепции сообщества единой судьбы человечества и проекта «Один пояс, один путь». КПК использует разные форматы межпартийного общения: двусторонние, региональные и международные, которые могли бы сыграть позитивную роль в построении новой модели международных отношений. Путем развития связей с разными партиями в соседних, развивающихся и развитых странах, а также с появляющимися новыми партиями и организациями КПК стремится укреплять межпартийное взаимодействие для улучшения глобального управления и межгосударственного сотрудничества по разным направлениям.

Партийная дипломатия после XX съезда КПК

Состоявшийся 15 марта 2023 г. «Диалог КПК с политическими партиями мира» (中共与世界政党对话), на котором с основной речью (主旨讲话) выступил генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, был организован с китайской стороны на более высоком по сравнению с предыдущими форумами уровне. Об этом свидетельствует состав участников: члены ПБ ЦК КПК: глава Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ван И (王毅), секретарь Пекинского горкома КПК Инь Ли (尹力), заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Ли Шуэй (李书磊), секретарь ЦК КПК, начальник канцелярии ЦК КПК Цай Ци (蔡奇); член ЦК КПК министр иностранных дел Цинь Ган (秦刚). Присутствие высшего партийного руководства придало мероприятию большую значимость, продемонстрировало миру единство КПК и поддержку руководством партии своего ли-

⁸ 中国共产党与世界政党领导人峰会共同倡议 [Совместная инициатива саммита «КПК и лидеры политических партий мира»] // 中华人民共和国中央人民政府. 08.07.2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-07/08/content_5623242.htm (дата обращения: 30.06.2023)

⁹ 余科杰. 二十大以后的中国特色政党外交 [Юй Кэцзе. Партийная дипломатия с китайской спецификой после XX съезда КПК] // 外交评论. 2023年. 第3期. 第12–14页. DOI: 10.13569/J.cnki.far.2023.03.001

дера — Си Цзиньпина. «Диалог», как и в 2021 г., из-за пандемии прошел в онлайн-формате. Си Цзиньпин участвовал в мероприятии из особняка Фанхуаюань в правительственной резиденции Дяоюйтай в Пекине, где были установлены интерактивные экраны.

Становится традицией проводить «Диалоги» после очередного съезда КПК. Как и в 2017 г., «Диалог-2023» стал первым крупным международным мероприятием, состоявшимся после завершения работы очередного съезда КПК, призванным ознакомить мир с партийными решениями, новыми идеями, с содержанием «нового похода» КПК. В отличие от предыдущего «Диалога», проведенного практически сразу после XVIII съезда партии в декабре того же года, в 2023 г. «Диалог» состоялся после *двух сессий* (ВСНП и ВК НПКСК). Си Цзиньпин выступал на нем как генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР и глава ЦВС — лидер партии и государства. Таким образом КПК продемонстрировала миру единство партии, которая готова не только вести свою страну по пути социалистической модернизации китайского типа и возрождения китайской нации, но и вместе с другими политическими партиями изменить мир и утвердить в нем новый справедливый порядок.

В международной ситуации произошли серьезные изменения, что повлияло на состав участников. На открытии форума выступили представители только дружественных Китаю стран: ЮАР, Того, Сербии, Монголии, Никарагуа, Венесуэлы, Гренады, Папуа-Новой Гвинеи, Ю. Судана, на отношения с которыми не повлияли санкции и западное давление. Россию на форуме представлял Председатель Бюро Высшего совета партии «Единая Россия» Б.В. Грызлов. Своим выступлением он подтвердил ранее высказанную позицию о важности диалоговых площадок, необходимости продолжения межпартийного диалога и о способности политических партий объединить усилия общественных сил и государственных институтов¹⁰. В работе форума от России также приняли участие заместитель Председателя ЦК КПКФ Д.Г. Новиков, генеральный секретарь Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки Н.В. Халтурина.

Тема «Диалога-2023» сформулирована как «Путь к модернизации: ответственность политических партий». Си Цзиньпин в большой речи «Рука об руку идти по пути модернизации»¹¹ разъяснил китайское видение роли и задач политических партий как важной силы, направляющей и продвигающей процесс модернизации на современном этапе. В качестве целей партийной дипломатии он отметил объединение усилий с политическими партиями и политическими организациями различных стран в осуществлении модернизации и движении к мировому процветанию и прогрессу.

Китайские политологи полагают, что диалог с политическими партиями и организациями других стран, включая оппозиционные, и поиск общего при сохранении различий укрепляют международный статус КПК, демонстрируют ее открытость, стремление ознакомить партнеров со своей идеологией и планами, решимость отстаивать мир во всем мире и добиваться справедливости и прогресса в развитии человечества¹². Си Цзиньпин на форуме отметил, что КПК готова углублять и расширять взаимодейст-

¹⁰ Грызлов Б. Политические партии способны объединить усилия общественных сил и возможности государственных институтов // *Единая Россия*. 23.10.2020. URL: <https://er.ru/activity/news/boris-gryzlov-politicheskie-partii-sposobny-obedinit-usiliya-obshestvennyh-sil-i-vozmozhnosti-gosudarstvennyh-institutov> (дата обращения: 18.03.2023).

¹¹ 习近平. 携手同行现代化之路 — 在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Си Цзиньпин. Рука об руку идти по пути модернизации. Основной доклад на «Диалоге КПК с политическими партиями мира»] // 中华人民共和国外交部. 15.03.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202303/t20230315_11042301.shtml (дата обращения: 17.03.2023).

¹² Xi proposes Global Civilization Initiative, stressing inclusiveness // *Global Times*. March 15, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1287326.shtml> (дата обращения: 18.03.2023).

вие со всеми политическими партиями и организациями других стран, заинтересованными в общем прогрессе. Выступление Си поддержал выступивший на форуме лидер Национального демократического конгресса, премьер-министр Гренады, оценивший усилия Китая как направленные на мирное сосуществование и предоставление возможностей другим государствам для подъема и развития¹³.

По данным Отдела международных связей ЦК КПК в форуме 2023 г. приняли участие представители 500 политических партий из более чем 150 стран и регионов мира¹⁴. Как и два года назад, «Диалог» прошел в онлайн-формате. По словам заведующего Отделом международных связей ЦК КПК Лю Цзяньчао (刘建超), это позволило собрать даже больше участников, чем планировалось¹⁵. Четко сформулированные цели, патронаж Отдела международных связей ЦК КПК, систематическая и скрупулезная подготовительная работа, подкрепленные соответствующим финансовым обеспечением, превратили форум из встречи отставных или не самого высокого уровня лидеров в мероприятие с участием постоянно растущего числа действующих руководителей партий и государств. Благодаря планомерной деятельности Отдела международных связей ЦК КПК, число политических партий и организаций, с которыми КПК поддерживает отношения, постоянно растет: в 2017 г. их было 500, в 2021 г. — 560, в 2023 г. — 600¹⁶. В немалой степени этому процессу содействует совершенствование методов и форм проведения партийной дипломатии, среди которых «Диалоги», без сомнения, занимают важное место.

На предыдущем саммите «Диалог КПК с политическими партиями мира» (2021 г.) Си Цзиньпин подробно остановился на обязанностях руководства партий стран мира по содействию развитию, укреплению сотрудничества и улучшению управления, сделал упор на ответственности партий за поиск счастья для людей и прогресса всего человечества в новой реальности. В 2023 г. Си Цзиньпин обратился к проблеме модернизации человеческого общества в период, когда этот процесс, по его мнению, оказался на историческом перепутье. Китайский лидер подчеркнул, что политические партии как важная сила, направляющая и продвигающая модернизацию, несут ответственность за то, как и куда двигаться и что нужно миру: поляризация или общее благополучие, превосходство материального или согласованное развитие материального и духовного на-

¹³ Civilisations and Modernisation: China's path and contribution // *Now Grenada*. February 25, 2023. URL: <https://nowgrenada.com/2023/03/civilisations-and-modernisation-chinas-path-and-contribution/> (дата обращения: 26.04.2023).

¹⁴ 牛弹琴. 3月15日深夜, 中国又干了一件漂亮的外交大事 [Ню Таньцин. 15 марта, поздно вечером, в Китае произошло еще одно яркое внешнеполитическое событие] // 潮新闻. 15.03.2023. URL: https://tianmunews.com/news.html?id=2421272&from_channel=5d8b4d25cf8dfd0001a4143c&top_id=2421273 (дата обращения: 17.03.2023).

¹⁵ 牛弹琴. 3月15日深夜, 中国又干了一件漂亮的外交大事 [Ню Таньцин. 15 марта, поздно вечером, в Китае произошло еще одно яркое внешнеполитическое событие] // 潮新闻. 15.03.2023. URL: https://tianmunews.com/news.html?id=2421272&from_channel=5d8b4d25cf8dfd0001a4143c&top_id=2421273 (дата обращения: 17.03.2023).

¹⁶ Major Achievements in the External Work of the Communist Party of China Over the Past Decade // *Embassy of the People's Republic of China in the United States of America*. September 30, 2022. URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202209/t20220930_10774937.htm#:~:text=It%20maintains%20contacts%20of%20various,forces%20has%20been%20continuously%20 (дата обращения: 19.03.2023); 宋涛. 赓续对外工作百年辉煌服务中华民族伟大复兴 [Сун Тао. Продолжать славу вековой внешнеполитической работы, служить великому возрождению китайской нации] // 全国人民代表大会. 28.05.2021. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202105/522c20d83ceb4ed6bc238ad8ab92ed98.shtml> (дата обращения: 25.06.2023).

чал, хищническое обращение с природой или гармоничное сосуществование человека и природы, игра с нулевой суммой или взаимовыгодное сотрудничество, слепое копирование чужих моделей или развитие с учетом национальной специфики. Си Цзиньпин особо отметил: «...чтобы страна модернизировалась, она должна не только следовать общим законам модернизации, но и опираться на свои национальные условия, иметь свои особенности», отстаивать свою независимость и самостоятельность, а конечной целью модернизации будет являться осуществление свободного и всестороннего развития человека». Он обрисовал свое видение модернизации в глобальном масштабе: она должна учитывать интересы народов, сочетать национальные факторы и мировой инновационный потенциал, поддерживать поступательный характер и инклюзивность достижений¹⁷. Китайский лидер призвал политические партии нести ответственность за проведение модернизации, защищать стремление людей к цивилизации и прогрессу, к достижению материального и духовного процветания в интересах не только нынешних, но и будущих поколений, что будет способствовать устойчивому развитию человеческого общества.

Новые китайские концепции, предложенные на «Диалоге-2023»

В 2023 г. участникам форума была представлена концепция модернизации китайского типа, демонстрирующая укрепление роли КПК в системе государственного строительства в Китае. Си Цзиньпин отметил, что модернизация — это мечта, к которой всегда стремился китайский народ и в течение нескольких поколений под руководством компартии накапливал опыт, давший в итоге новую концепцию. Она вбирает в себя не только собственные, национальные изыскания, но и опыт других стран, интегрирует прошлые достижения и плоды цивилизации, приносит пользу не только китайскому народу, но и способствует общему развитию мира, является, по словам Си Цзиньпина, «необходимым условием великого единения мира»¹⁸. Это модель передового развития, которой руководит КПК и за которую она несет ответственность, будь то успехи или неудачи¹⁹.

Китайские исследователи считают, что впервые об особенностях китайской модернизации Си Цзиньпин упомянул на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в 2015 г. и связал их с понятием *сяокан*, которое Дэн Сяопин начал широко использовать в начале реформ. На 5-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва Си Цзиньпин изложил характеристики модернизации китайского типа, которая на XX съезде КПК в 2022 г. была представлена в виде теории китайской модели модернизации. Выступая перед участниками «Диалога-2023», Си Цзиньпин отметил, что благодаря неустанным усилиям нескольких поколений китайского народа страна встала на путь модернизации китайского типа, который успешно осуществляется в стране с огромным населением и уже позволил вырваться из нищеты 100 млн человек.

По мнению китайского руководителя, теория китайской модели модернизации есть вклад в развитие общей теории модернизации и ее практического осуществления, а

¹⁷ 习近平. 携手同行现代化之路 — 在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Си Цзиньпин. Рука об руку идти по пути модернизации. Основной доклад на «Диалоге КПК с политическими партиями мира»] // 中华人民共和国外交部. 15.03.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202303/t20230315_11042301.shtml (дата обращения: 17.03.2023).

¹⁸ Шицзедатун (世界大同 — великое единение мира) — древнекитайская идея, рисующая некое прекрасное общество, идеальный мир, который может быть достигнут человечеством. В нем все дружелюбны, нет разногласий и войн, люди живут и работают вместе.

¹⁹ 习近平. 携手同行现代化之路 — 在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Си Цзиньпин. Рука об руку идти по пути модернизации. Основной доклад на «Диалоге КПК с политическими партиями мира»] // 中华人民共和国外交部. 15.03.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202303/t20230315_11042301.shtml (дата обращения: 17.03.2023).

также помощь другим странам, если они хотят добиться стабильного и поступательного развития. Си Цзиньпин отметил, что КПК будет по-прежнему поддерживать международную справедливость, прилагать усилия к укреплению мира и стабильности во всем мире; подчеркнул, что модернизация китайского типа не идет по старому пути колониального грабежа, а Китай исходит из того, что сильная страна не обязательно бывает гегемоном²⁰. Модернизацию он рассматривает как путь к национальному возрождению и строительству сильной страны, а также как единственный способ добиться прогресса человечества и мировой гармонии.

Б. Грызлов в выступлении отметил, что Россия и Китай защищают права и свободы личности, равноправие в доступе к культурному и научному наследию, отвергают возможность односторонних ограничительных экономических мер, осуждают односторонние санкции, не признают превосходство одних общественно-политических систем и идей над другими и навязывание своих моделей и идеологии другим, могут и должны сделать мировую модернизацию качественной и «человекоцентричной»²¹.

Китайская модель модернизации получила позитивную оценку в выступлениях участников форума. Так, премьер-министр Папуа-Новой Гвинеи Дж. Марапе высказался за изучение китайского опыта в области управления, выразил надежду на укрепление обменов с Китаем и отметил: «Нет сомнения в том, что модернизация китайского типа предоставляет человечеству новые возможности для лучшей жизни»²².

Си Цзиньпин заявил о неизменном стремлении КПК к объединению усилий для решения проблем глобального масштаба, расширению и углублению многостороннего взаимовыгодного сотрудничества и выступил с инициативой «Глобальная цивилизация», которая продолжила его предложения «Глобальное развитие» (сентябрь 2022 г.) и «Глобальная безопасность» (апрель 2023 г.)²³. Новая инициатива представляет собой обновленные и адаптированные для распространения на международной арене идеи, высказанные Си Цзиньпином ранее. Политическим партиям предлагается вместе работать по пропаганде уважения разнообразия мировых цивилизаций, важности продвижения общечеловеческих ценностей, признания необходимости сочетать наследие и инновации, укреплять межкультурные обмены и сотрудничество.

Мысль о важности диалога и обменов между цивилизациями Си Цзиньпин высказывал уже давно. Например, выступая на сессии ГА ООН в сентябре 2015 г., он говорил об установлении равенства, взаимопонимания, проведения консультаций, о содей-

²⁰ 习近平. 携手同行现代化之路——在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Си Цзиньпин. Рука об руку идти по пути модернизации. Основной доклад на «Диалоге КПК с политическими партиями мира»] // 中华人民共和国外交部. 15.03.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zhxw/202303/t20230315_11042301.shtml (дата обращения: 17.03.2023).

²¹ Борис Грызлов: Россия и Китай во взаимодействии с другими странами совместно могут сделать мировую модернизацию качественной // *Единая Россия*. 15.03.2023. URL: <https://er.ru/activity/news/boris-gryzlov-rossiya-i-kitaj-vo-vzaimodejstvii-s-drugimi-stranami-sovmestno-mogut-sdelat-mirovuyu-modernizaciyu-kachestvennoj> (дата обращения 26.04.2023).

²² 牛弹琴. 3月15日深夜, 中国又干了一件漂亮的外交大事 [Нью Таньцзинь. 15 марта, поздно вечером, в Китае произошло еще одно яркое внешнеполитическое событие] // 潮新闻. 15.03.2023. URL: https://tianmunews.com/news.html?id=2421272&from_channel=5d8b4d25cf8dfd0001a4143c&top_id=2421273 (дата обращения: 17.03.2023).

²³ В опубликованной в Жэньминь жибао в связи с государственным визитом в Россию Си Цзиньпина авторской статье В.В. Путин высоко оценил инициативу Китая в области глобальной безопасности, которая соответствует позиции России в этой области, и отметил, что наша страна, как и Китай, всегда была привержена идее создания региональной и глобальной системы безопасности. См.: *Россия и Китай — партнерство, ориентированное на будущее*. 人民日报. 2023年3月20日.

вии межкультурным обменам, исходящим из поиска общего при сохранении различий и уважения национальных особенностей партнеров. На международной конференции «Диалог азиатских цивилизаций», инициированной Си Цзиньпином и проведенной в мае 2019 г. в Пекине, речь шла о повышении уровня доверия, взаимопонимания и сотрудничества в регионе, признании индивидуальности каждой цивилизации, достижении общего азиатского взаимопонимания, расширении культурных связей и наполнении духовной жизни динамичным богатым содержанием²⁴. В 2023 г. речь уже идет об объединении усилий всего мира в этом направлении. Си Цзиньпин подчеркнул, что любая страна, стремящаяся к модернизации, должна придерживаться концепции единства, сотрудничества и общего развития, идти по пути совместных действий, а сильные страны должны помогать другим развиваться на основе взаимного доверия и сотрудничества. В свойственной Си Цзиньпину манере прибегать к ярким образам он подкрепил идею мудростью: «Задув чужую лампу, не высветишь себя, помешав чужому движению, сам не продвинешься далеко».

Предложенная в ходе «Диалога» инициатива «Глобальная цивилизация» состоит в том, чтобы объединенными усилиями:

- уважать разнообразие цивилизаций в мире и их равенство, использовать обмены между цивилизациями для преодоления барьеров между ними;
- отстаивать такие общечеловеческие ценности, как мир, развитие, справедливость, демократия и свобода, не навязывать свои системы ценностей и модели другим, не допускать идеологическую конфронтацию;
- сохранять культурное наследие и привносить новое, способствовать творческому преобразованию и инновационному развитию лучших образцов традиционной культуры различных стран в процессе модернизации;
- поддерживать и укреплять международное гуманитарное сотрудничество, изучить возможность создания глобальной сети цивилизационного диалога и сотрудничества, обогащать содержание обменов, расширять каналы сотрудничества, способствовать взаимопониманию и дружбе между народами всех стран, развитию и прогрессу человеческой цивилизации²⁵.

Инициатива, по словам Си Цзиньпина, направлена на содействие модернизации во всем мире путем взаимного изучения достижений человеческих цивилизаций с учетом их разнообразия и равенства. За 100 лет существования китайская компартия прошла длинный путь, добилась существенного прогресса в развитии страны на пути к национальному возрождению и может поделиться своим опытом со странами, планирующими проведение модернизации. Китай заявляет о готовности помогать развивающимся странам в ускорении их развития, в индустриализации и модернизации; предоставить китайские решения и китайскую мощь для сокращения разрыва между Севером и Югом; работать со всеми политическими партиями для успешного сотрудничества по проектам «Одного пояса, одного пути» в целях ускорения реализации инициативы глобальной модернизации, построения сообщества единой судьбы человечества²⁶. По словам Си Цзиньпи-

²⁴ Верченко А.Л. Продвижение Китая идеи «сообщества единой судьбы человечества» // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2020. № 1. С. 11.

²⁵ 习近平. 习近平. 携手同行现代化之路 — 在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Си Цзиньпин. Рука об руку идти по пути модернизации. Основной доклад на «Диалоге КПК с политическими партиями мира»] // 中华人民共和国外交部. 15.03.2023.
URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202303/t20230315_11042301.shtml (дата обращения: 17.03.2023).

²⁶ 习近平. 携手同行现代化之路 — 在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Си Цзиньпин. Рука об руку идти по пути модернизации. Основной доклад на «Диалоге КПК с политиче-

на, сегодняшний Китай — это не только Китай как таковой, это Китай для Азии и Китай для мира, а будущий Китай с еще большей открытостью будет обращен к миру, более динамично понесет в мир достижения своей цивилизации в интересах общего благополучия и процветания.

Ответственность политических партий за судьбы мира остается ключевой темой форумов на протяжении нескольких лет. В 2017 г. обсуждалась роль политических партий в деле построения сообщества единой судьбы человечества, в 2021 г. — сотрудничество политических партий во имя счастья человечества. Новое время ставит новые задачи, и Китай, переходя на модель высокотехнологического развития, предлагает миру для ознакомления свой путь, а заодно и свою помощь, подчеркивает свою роль ответственной крупной державы. Как отмечалось в докладе на XX съезде КПК, китайская модернизация предоставляет человечеству новые возможности и новые варианты развития, дает силы для решения стоящих перед миром проблем, вносит вклад в дело мира и прогресса²⁷.

«Диалог-2023», как и предыдущие форумы, продемонстрировал, что партийная дипломатия в Китае защищает национальный суверенитет, интересы безопасности и развития страны, служит расширению контактов с политическими партиями и движениями разных стран, выстраивает глобальную сеть партнерства политических партий, на которую возлагает надежду в деле прогресса мировой цивилизации и установления справедливого мироустройства в противовес переживающей системный кризис западной идее глобализации.

Литература

- Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2020. № 1. С. 6–18. DOI: 10.24411/2686–7702–2020–10001
- Верченко А.Л. «Диалог КПК с миром» как платформа для продвижения идеи «сообщества единой судьбы человечества» // *Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Общество и государство в Китае*. Т. XLIX. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 555–565.
- Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Полный текст доклада Си Цзиньпина. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 15 октября 2022 г. // *Министерство иностранных дел КНР*. 26.10.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 10.03.2023).
- Major Achievements in the External Work of the Communist Party of China Over the Past Decade // *Embassy of the People's Republic of China in the United States of America*. 30 September, 2022. URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202209/t20220930_10774937.htm#:~:text=It%20maintains%20contacts%20of%20various,forces%20has%20been%20continuously%20 (дата обращения: 19.03.2023).
- 付金辉. 新时代中国特色政党外交话语创新研 [Фу Цзиньхуэй. Исследование языковых новшеств в терминологии партийной дипломатии с китайской спецификой в новую эпоху] // *武汉大学学位论文管理系统*. URL: <http://paper.lib.whu.edu.cn/simpsearch.action.2022> (дата обращения: 01.07.2023). DOI:10.27162/d.cnki.gjlin.2022.007655

скими партиями мира»] // *中华人民共和国外交部*. 15.03.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zhxw/202303/t20230315_11042301.shtml (дата обращения: 17.03.2023).

²⁷ Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Полный текст доклада Си Цзиньпина. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 16 октября 2022 г. // *Министерство иностранных дел КНР*. 26.10.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 10.03.2023).

- 韩世龙. 新时代中国共产党党外交理论与实践研究 [Хань Шилун. Исследование теории и практики партийной дипломатии Коммунистической партии Китая в новую эпоху] // 南方论刊. 2023. 第3期. 第29–31页.
- 宋涛. 赓续对外工作百年辉煌服务中华民族伟大复兴 [Сун Тао. Продолжать славу вековой внешне-политической работы, служить великому возрождению китайской нации] // 全国人民代表大会. 28.05.2021.
URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202105/522c20d83ceb4ed6bc238ad8ab92ed98.shtml> (дата обращения: 25.06.2023)
- 吴兴唐. 政党外交工作的回忆与思考 [У Синтан. Работа по линии партийной дипломатии: воспоминания и размышления]. 北京: 当代世界出版社, 2020年. 450页.
- 习近平. 携手同行现代化之路 — 在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Си Цзиньпин. Рука об руку идти по пути модернизации. Основной доклад на «Диалоге КПК с политическими партиями мира»] // 中华人民共和国外交部. 15.03.2023.
URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202303/t20230315_11042301.shtml (дата обращения: 17.03.2023).
- 宋婉宁. 构建人类命运共同体视角下政党外交功能作用研究 [Сун Ваньнин. Исследование возможностей и роли партийной дипломатии под углом зрения формирования сообщества единой судьбы человечества] // 武汉大学学位论文管理系统.
URL: <http://paper.lib.whu.edu.cn/simpsearch.action.2022>. DOI: 10.27373/d.cnki.gwjxc.2022.000143
- 许月梅. 建国后中国共产党党外交理论 [Сюй Юэмэй. Исследование теории партийной дипломатии КПК после образования КНР]. 北京: 中国社会科学出版, 2003年. 351页.
- 余科杰. 二十大以后的中国特色政党外交 [Юй Кэцзе. Партийная дипломатия с китайской спецификой после XX съезда КПК] // 外交评论. 2023年. 第3期. 第1–23页+第165–166页. DOI: 10.13569/J.cnki.far.2023.03.001
- 于洪君. 新型政党关系与新时代政党外交 [Юй Хунцзюнь. Межпартийные отношения нового типа и партийная дипломатия в новую эпоху]. 北京: 当代世界出版社, 2019年. 306页.
- 中国共产党与世界政党领导人峰会共同倡议 [Совместная инициатива саммита «КПК и лидеры политических партий мира»] // 中华人民共和国中央人民政府. 08.07.2021.
URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-07/08/content_5623242.htm (дата обращения: 30.06.2023).
- 俄罗斯和中国- 面向未来的伙伴关系 [Россия и Китай — партнерство, ориентированное на будущее]. 人民日报. 2023年3月20日.

Party Diplomacy in China's Foreign Policy: “CCP Dialogue with the World-2023”

Alla L. Verchenko

Senior Researcher, Centre for Modern History of China and China-Russia Relations, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8718-8338.
E-mail: veailan@yahoo.com

Received 24.05.2023.

Abstract:

The Chinese Communist Party holds bilateral, regional, international meetings with representatives of the ruling and opposition political parties of the world (“Dialogues”) and considers them as a channel for strengthening the role of Chinese party diplomacy as a part of Chinese diplomacy as a whole, especially towards laying the foundation for building a “Community of the Common Destiny of Mankind”. The “Top Level CCP Dialogue with the World Political Parties” has been held since 2017 and replaced the less ambitious “CCP Dialogue with the World” held in 2014–2016. The leaders of the ruling parties, heads of states and governments began to take part in its work. “Dialogue — 2023”, like all previous meetings, discusses the role of the ruling party and its responsibility for the future of their country and the humanity. The key theme of the current “Dialogue” — “The path to modernization: the responsibility of political parties” was chosen to introduce to the world parties the concepts outlined by the 20th Congress of the CCP. CCP has informed the world parties about Chinese innovative proposals: “Global Modernization” that is a joint development for all mankind and “Global Civilization” that is an idea of respect for different civilizations, recognition of their equality, refusal to impose alien values, intensification of hu-

manitarian exchanges. Xi Jinping delivered a key speech. The online forum, held on March 15, 2023, was attended by representatives of 500 political parties from 150 countries and regions. New times pose new challenges, and China, moving to a high-tech model, shares its models with the world, at the same time shows willingness to help others in the future development. As during previous "Dialogue" forums, the CCP emphasized its role as a peace-loving major power that concerns for humanity, proposes a plan for collective cooperation in the field of development of human civilization, ways to establish an equitable world order against the systemic crisis of the Western idea of globalization.

Key words:

CCP dialogue with the world political parties, party diplomacy, Xi Jinping, Global Modernization, Global civilization.

For citation:

Verchenko A.L. Party Diplomacy in China's Foreign Policy: "CCP Dialogue with the World-2023" // Far Eastern Studies. 2023. No. 4. Pp. 7–19. DOI: 10.31857/S013128120026884-3.

References

- Major Achievements in the External Work of the Communist Party of China Over the Past Decade. *Embassy of the People's Republic of China in the United States of America*. September 30, 2022. URL: http://us.chinaembassy.gov.cn/eng/zgyw/202209/t20220930_10774937.htm#:~:text=It%20maintains%20contacts%20of%20various,forces%20has%20been%20continuously%20 (accessed: 19.03.2023).
- Verchenko A.L. Prodvizheniye Kitayem idei «soobshchestva yedinoi sud'by chelovechestva» [China's Promotion of the Idea of "Community of Common Destiny for Mankind"]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. 2020. No. 1. S. 6–18. DOI: 10.24411/2686–7702–2020–10001. (In Russ.)
- Verchenko A.L. «Dialog KPK s mirom» kak platforma dlya prodvizheniya idei «soobshchestva yedinoi sud'by chelovechestva» ["The CPC in Dialogue with the World" as a Platform for Promotion of the "Community of Common Destiny" Idea]. *Uchenyye zapiski Otdela Kitaya IV RAN. Obshchestvoigotudarstvo v Kitaye. T. XLIX. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2019. S. 555–565. (In Russ.)*
- Xi Jinping. Vysoko nesya velikoye znamya sotsializma s kitayskoy spetsifikoy, splochenno borot'sya za vsestoronneye stroitel'stvo modernizirovannogo sotsialisticheskogo gosudarstva. Polnyy tekst doklada Si TSzin'pina. Doklad na XX Vsekitayskom s'yezde Kommunisticheskoy partii Kitaya. 16.10.2022. [Xi Jinping. Carrying High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics, we will Unite in the all-round Construction of a Modernized Socialist State. Full text of Xi Jinping's Report. Report at the 20th National Congress of the Communist Party of China. October 16, 2022]. *Ministerstvoinostrannykh del KNR*. 26.10.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (accessed: 10.03.2023). (In Russ.)
- 付金辉. 新时代中国特色政党外交话语创新研 [Fu Jinhui. Research on Innovation of Party Diplomatic Discourse with Chinese Characteristics in the New Era]. 武汉大学学位论文管理系统. URL: <http://paper.lib.whu.edu.cn/simpsearch.action.2022>. DOI:10.27162/d.cnki.gjlin.2022.007655 (accessed: 01.07.2023). (In Chin.)
- 韩世龙. 新时代中国共产党政党外交理论与实践研究 [Han Shilong. Research on the Theory and Practice of Party Diplomacy of the CCP in the New Era]. 南方论刊. 2023年. 第3期. 第29–31页. (In Chin.)
- 宋涛. 赓续对外工作百年辉煌服务中华民族伟大复兴 [Song Tao. Continue the Glory of the Century of Foreign Policy Work, Serve the Great Revival of the Chinese Nation]. 全国人民代表大会. 28.05.2021. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202105/522c20d83ceb4ed6bc238ad8ab92ed98.shtml> (accessed: 25.06.2023). (In Chin.)
- 吴兴唐. 政党外交工作的回忆与思考 [Wu Xingtang. Party Diplomacy Work: Memories and Reflections]. 北京: 当代世界出版社. 2020年. 450页. (In Chin.)
- 习近平. 携手同行现代化之路—在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话 [Xi Jinping. Walking the Road of Modernization hand in hand — Keynote Speech at the High-level Dialogue of the Chinese Communist Party with the World's Political Parties]. 中华人民共和国外交部. 15.03.2023. URL: <https://politics.people.com.cn/n1/2023/0315/c1024–32645118.html> (accessed: 17.03.2023). (In Chin.)

- 宋婉宁. 构建人类命运共同体视角下政党外交功能作用研究 [*Song Wanning. Research on the Role of Party Diplomacy from the Perspective of Building a Community with a Shared Future for Mankind*]. 武汉大学学位论文管理系统. URL: <http://paper.lib.whu.edu.cn/simpsearch.action>.2022. DOI: 10.27373/d.cnki.gwjxc.2022.000143 (accessed: 01.07.2023). (In Chin.)
- 许月梅. 建国后中国共产党政党外交理论研究 [*Xu Yuemei. Research on the Theory of Party Diplomacy of the CCP after the Founding of the People's Republic of China*]. 北京: 当代世界出版社, 2020年. 450页. (In Chin.)
- 余科杰. 二十大以后的中国特色政党外交 [*Yu Kejie. Party Diplomacy with Chinese Characteristics after the XX Congress*]. 外交评论. 2023年. 第3期. 第1–23页+第165–166页. DOI: 10.13569/J.cnki.far.2023.03.001 (In Chin.)
- 于洪君. 新型政党关系与新时代政党外交 [*Yu Hongjun. New-type Party Relations and Party Diplomacy in the New Era*]. 北京: 当代世界出版社, 2019年. 306页. (In Chin.)
- 中国共产党与世界政党领导人峰会共同倡议 [*The Common Initiative of the Summit of the CCP and World Political Parties*]. 中华人民共和国中央人民政府. 08.07.2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-07/08/content_5623242.htm (accessed: 30.06.2023). (In Chin.)
- 俄罗斯和中国- 面向未来的伙伴关系 [*Russia and China — a future-oriented partnership*]. 人民日报. 2023年3月20日. (In Chin.)

КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027132-6

Лешаков Павел Семенович

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т 32). ORCID: 0000-0002-8282-9933. E-mail: pleshakov@hse.ru

Соловьёв Александр Валерьевич

Заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике»; приглашенный преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: Москва, М. Ордынка ул., д. 17, каб. 406). ORCID: 0000-0003-2897-0909. E-mail: asolovev@hse.ru

Статья поступила в редакцию 13.07.2023.

Аннотация:

В статье анализируется текущее внутреннее и внешнее положение КНДР, которое авторы оценивают как промежуточный итог уникального 75-летнего опыта социально-экономического развития. Ракетно-ядерная программа, ставшая для КНДР средством обеспечения безопасности, инструментом дипломатического торга, а также причиной получения специфического международного статуса «малой великой державы», сделала страну объектом беспрецедентно жестких санкций — как со стороны отдельных стран, так и со стороны международного сообщества в лице СБ ООН. Санкции, нанеся серьезный ущерб экономике страны, а также усугубив ее гуманитарное положение и международную изоляцию, тем не менее не привели к денуклеаризации КНДР. В этих условиях руководство страны считает главной задачей сохранение политической стабильности, что, по его мнению, на долгое время предопределило консервацию специфической системы хозяйствования, сочетающей директивные методы управления и отдельные принципы товарно-денежного обращения.

Декларируя безусловную приверженность развитию своей ракетно-ядерной программы, КНДР создает двоякую структурную угрозу стратегической стабильности на региональном и глобальном уровне. На региональном уровне РЯП КНДР, подрывая принципы ядерного нераспространения, может стимулировать пороговые государства региона к разработке своих ядерных программ. Активное продвижение многосторонних военно-политических альянсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе под патронатом США делает перспективу выхода Пхеньяна на переговоры о контроле над стратегическими вооружениями маловероятной. На глобальном же уровне успешное противодействие Пхеньяна санкционному режиму в условиях нарастания системных и структурных международных противоречий может привести к деградации этого режима и, как следствие, — к опасной дисфункции ООН как ключевого международного института.

Ключевые слова:

КНДР, ядерное оружие, «малая великая держава», санкции, денуклеаризация, теория режимов, хозяйственная автаркия, «низовой капитализм», квазирыночная экономика.

Для цитирования:

Лешаков П.С., Соловьёв А.В. КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 20–35.

DOI: 10.31857/S013128120027132-6.

9 сентября 2023 г. созданная в северной части Корейского полуострова Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) торжественно отметит 75-летний юбилей. Попытка силового объединения Кореи, предпринятая Севером в 1950 г., потерпела неудачу в результате легализованного соответствующими резолюциями СБ ООН вмешательства США в гражданскую междоусобицу. При участии ООН внутренний конфликт в Корее, близившийся к развязке, превратился в затяжную и кровавую прокси-войну между великими державами, едва не приведшую к Третьей мировой.

Семьдесят лет назад 27 июля 1953 г. Корейская война была остановлена Соглашением о перемирии. Юридическая незавершенность Корейской войны (перемирие вместо мирного договора) превратила полуостров в один из самых взрывоопасных регионов мира¹. Фактически КНДР в течение последних семи десятилетий оставалась на осадном положении, а ее граждане, по выражению Ким Ир Сена, вынуждены были держать «в одной руке винтовку, а в другой — серп и молот».

В 1962 г. руководство страны взяло курс на параллельное строительство гражданской экономики и оборонной промышленности, который предполагал модернизацию армии на основе развития собственного ВПК, вооружение всего народа и превращение КНДР в одну большую неприступную крепость. Этот курс был продолжен преемниками Ким Ир Сена. Его старший сын Ким Чен Ир на основе «философии винтовки» выдвинул политику «приоритета армии» (*сонгун*) и сделал ставку на развитие ракетно-ядерной программы (РЯП). Внук Ким Ир Сена Ким Чен Ын вернулся к стратегии деда, провозгласив в 2013 г. «курс на одновременное экономическое строительство и наращивание потенциала ядерного сдерживания». В рамках нового политического курса в КНДР сместился баланс внутривнутриполитических сил — от армии к партии.

«Маленькая великая держава»

За годы холодной войны КНДР, с одной стороны, на собственном опыте ощутила, что значит быть объектом противостояния великих держав, а с другой — приобрела опыт балансирования между СССР и Китаем, на противоречиях между которыми Пхеньян успешно играл со времен Н. Хрущева. Распад социалистического блока поставил Пхеньян в сложнейшие условия международной изоляции. Необходимо отметить, что одной из ключевых причин стигматизации КНДР как «страны-изгоя»² было нежелание США и Японии провести «перекрестное признание» КНДР вслед за СССР и КНР, установившими дипотношения с Республикой Корея в 1990 и 1992 г. соответственно. В результате Пхеньян оказался в гораздо менее выгодном положении по сравнению с Сеулом, сумевшим диверсифицировать свою международную коммуникацию³. Положение КНДР осложнилось и в связи с прохладным отношением России. Москва не испытывала желания продлевать заключенный в 1961 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, что в КНДР восприняли очень болезненно — как и отсутствие официальных соболезнований по поводу кончины Ким Ир Сена в 1994 г. Китай же в конце XX в. был слишком занят собственными проблемами. Пхеньян мог рассчитывать только на себя.

Стивен Уолт отмечал, что к поиску союзников страны мотивирует не столько сила потенциального агрессора, сколько само восприятие исходящей от него угрозы потен-

¹ Подробнее о предпосылках, ходе и итогах Корейской войны см., напр.: Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: РОССПЭН, 2000; Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2006.

² Lake, A. Confronting Backlash States // *Foreign Affairs*. March/April 1994.

³ Асмолов К.В., Соловьёв А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // *Международная аналитика*. 2021. № 12(2). С. 57–58.

циальной жертвой⁴. Но это наблюдение верно и в случае, когда у государства нет возможности (или желания) заключать союз — ключевым мотиватором усилий по наращиванию силовой компоненты безопасности остается субъективное *восприятие* угрозы, а не объективная мощь потенциального противника. В условиях неопределенности и в обстановке недоверия⁵ этот субъективный фактор ведет к формированию классической дилеммы безопасности: каждое усиление обороноспособности становится поводом для опасений соседей за свою безопасность и заставляет их в свою очередь усиливаться. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в случае с КНДР и РК, и, шире, в регионе в целом⁶.

Оставшись на рубеже веков без союзников, Пхеньян не имел иного выхода, кроме как наращивать силовой потенциал — тем более что стремление к политической субъектности (облаченное в антиколониальную и антиимпериалистическую риторику) составляло ключевой элемент политической идентичности северокорейского государства⁷.

РЯП (только за годы правления Ким Чен Ына в стране было осуществлено 4 испытания ядерных устройств и более 120 запусков баллистических ракет) стала для КНДР не только средством силового обеспечения безопасности, но и инструментом дипломатического торга и давления, а также элементом международного статуса. Повторяющиеся циклы «провокация — рост напряженности — переговоры — урегулирование — застой — постепенный отход от договоренностей — новые провокации»⁸ некоторое время позволяли Пхеньяну достаточно успешно взаимодействовать с международным сообществом, добиваясь уступок в переговорном процессе (в том числе и в рамках Шестисторонних переговоров). Подобная цикличность стала восприниматься уже как стереотип внешнеполитического поведения Пхеньяна: «Если мы не видим [подобных провокаций], значит, в Пхеньяне что-то неладно»⁹, — заметил один из весьма авторитетных американских экспертов-ястребов Виктор Чха (бывший главный советник по КНДР в администрации Буша-младшего).

«Апофеозом» такой тактики Пхеньяна, нацеленной преимущественно на США, стали американо-северокорейские саммиты в Сингапуре (2018 г.) и Ханое (2019 г.). Встречам на высшем уровне предшествовало обоюдное нагнетание напряженности и пикировка лидеров стран, сопровождавшаяся взаимными оскорблениями.

⁴ Walt S.M. Alliance formation and the balance of world power // *International security*. 1985. Vol. 9. No. 4. P. 12.

⁵ Один из существенных факторов неопределенности — слабая способность КНДР отслеживать стратегические возможности США и РК (прежде всего — запуски ракет). Осознание этой проблемы сложилось довольно давно: по некоторым данным, некий высокопоставленный американский военный отставник в свое время даже предлагал США делиться с КНДР разведывательной информацией со спутниковых систем слежения в реальном времени, чтобы снизить потребность КНДР в такой информации, добыча которой регулярно (и неизбежно) сопровождалась инцидентами и вызывала обострения отношений (см.: Noland M. *Avoiding the Apocalypse. The Future of the Two Koreas*. PIIE, 2000. Pp. 85–86).

⁶ Болезненная реакция Пекина на размещение Южной Кореей системы ПРО THAAD, предназначенной для борьбы с северокорейскими ракетами, прекрасно иллюстрирует масштабирование дилеммы безопасности с уровня сугубо межкорейских отношений на региональный уровень, а РЯП КНДР в целом демонстрирует, в свою очередь, глобальное масштабирование этой дилеммы.

⁷ Ким Н.Н., Соловьёв А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14. № 2. С. 52.

⁸ Толорая Г. Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 5. С. 3–19; Дьячков И.В. Влияние ядерной проблемы КНДР на безопасность в Северо-Восточной Азии // *Вестник ТГУ*. 2012. № 5. С. 313.

⁹ Grady J. U.S. Forces Korea CO: North Korea Showing No Signs of Regime Instability // *USNI News*. September 11, 2020.

Саммиты, однако, оказались безрезультатными. Перспективы денуклеаризации полуострова становились все более туманными, а Северная Корея продолжила институционализировать свой ядерный статус, который накануне саммитов позволял международникам теоретизировать о КНДР как о «малой великой державе (Small Great Power)»¹⁰. В преамбулу Конституции КНДР положение о ядерном статусе страны было внесено еще в 2012 г., а 8 сентября 2022 г. Верховное народное собрание КНДР приняло Закон о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил — фактически ядерную доктрину. С одной стороны, КНДР позиционировала себя как «ответственную ядерную державу, чья концепция применения ядерного оружия адекватна существующему миропорядку и региональным особенностям»¹¹. С другой — закон существенно снизил порог применения ядерного оружия, допустив его использование в случае «суждения о приближающейся атаке с помощью оружия массового поражения»¹². На следующий день в своей речи перед делегатами VII сессии ВНС Ким Чен Ын назвал ядерный статус КНДР «необратимым», «торг по поводу нашего ядерного оружия» — «недопустимым», а также призвал «непрестанно расширять пространство применения ядерного оружия тактического назначения»¹³.

КНДР под санкционным прессом

Мировое сообщество отреагировало на ракетно-ядерные амбиции КНДР жестко. СБ ООН принял шесть резолюций (последние три в 2017 г.), в которых были предусмотрены меры, фактически направленные на международную финансово-экономическую изоляцию Пхеньяна. Под запрет на вывоз (помимо продукции северокорейского ВПК) попал уголь, железная руда, металлы, текстиль, продукция морского промысла, т.е. львиная доля всей номенклатуры северокорейского экспорта. Были введены ограничения на такие чувствительные для КНДР сферы внешнеэкономической деятельности, как импорт сырой нефти, природного газа и нефтепродуктов, морское судоходство, доступ к международной финансовой системе и иностранным капиталам. К 2020 г. были перекрыты легальные каналы экспорта услуг северокорейской рабочей силы.

Санкции СБ ООН, изначально вводимые для предотвращения передачи Пхеньяну материалов, оборудования и технологий, связанных с разработкой ядерных зарядов и средств их доставки¹⁴, в последние годы с подачи США и их союзников превратились в

¹⁰ Korhonen P., Mori T. North Korea as a Small Great Power // *Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2019. No. 17(5).

¹¹ 조선민주주의인민공화국 핵무력정책에 대한 법령 발포 [Опубликование Закона о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил] // 조선중앙통신. 주체111.9.9 [09.09.2022]. URL: <http://kcna.kp/kp/article/q/5f0e629e6d35b7e3154b4226597df4b8.kcmsf> (дата обращения: 07.07.2023).

¹² 조선민주주의인민공화국 핵무력정책에 대한 법령 발포 [Опубликование Закона о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил] // 조선중앙통신. 주체111.9.9 [09.09.2022]. URL: <http://kcna.kp/kp/article/q/5f0e629e6d35b7e3154b4226597df4b8.kcmsf> (дата обращения: 07.07.2023).

¹³ 경애하는 김정은동지께서 최고인민회의 제14기 제7차회의에서 시정연설을 하시였다 [Уважаемый товарищ Ким Чен Ын выступил с политической речью на VII сессии ВНС четырнадцатого созыва] // *МИД КНДР*. 09.09.2022. URL: <http://mfa.gov.kp/view/article/15793> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁴ Существуют и куда более радикальные оценки. Так, А.В. Воронцов еще в 2007 г. отмечал, что «администрация Дж. Буша-младшего... взяла курс не на ликвидацию северокорейской ракетно-ядерной программы, а на ликвидацию самого политического режима КНДР», а проект резолюции СБ ООН 1718 США продавливали напористо и агрессивно «на фоне довольно пассивной (и даже растерянной) реакции России и Китая». См.: Воронцов А.В. Ядерная проблема Корейского

инструмент целенаправленной экономической (торговой, финансовой, морской) блокады КНДР. Международные рестрикции в отношении КНДР были распространены на гражданскую продукцию, доходы от экспорта которой гипотетически могли быть использованы на реализацию северокорейской РЯП. Простые расчеты показывают, что в случае надлежащего выполнения всеми государствами резолюций СБ ООН, принятых в 2017 г., валютные поступления КНДР от экспорта должны сократиться на две трети, что, по логике апологетов усиления санкционного давления, заставило бы Пхеньян отказаться от провозглашенного в 2013 г. курса на параллельное экономическое строительство и наращивание ядерной мощи.

Беспрецедентно жесткие санкции СБ ООН, принятые в отношении КНДР, воспринимаются северокорейским руководством как внешняя агрессия, целенаправленная политика экономического удушения страны, а также провокация силового решения «корейского вопроса». В таких условиях Пхеньян предпочел сконцентрироваться на развитии РЯП в ущерб благосостоянию народа.

Демонстративное пренебрежение Пхеньяна к внешнему санкционному давлению основывается, скорее всего, не на эмоциях, а на трезвом расчете. В краткосрочной перспективе международные санкции, даже в случае их дальнейшего ужесточения в связи с запуском очередного северокорейского «мирного» спутника¹⁵ (ядерные испытания с учетом их циклического характера, в последние четыре года не проводились), решающего влияния на социально-экономическую ситуацию в стране не окажут. Перспективы безоговорочного присоединения Пекина к экономической блокаде своего соседа весьма маловероятны. Ограничения, наложенные резолюциями ООН, выполняются (с оговорками) лишь государственными и крупными частными китайскими компаниями, которые из-за опасности вторичных американских санкций и так уже не работают с КНДР. Пекин не сможет, да и не захочет контролировать массу мелких бизнесменов, которые зарабатывают на рестрикциях, используя различные «серые» схемы. Тем более что опыт подобного ведения бизнеса со своими северокорейскими партнерами у них накоплен значительный. Показателен официальный ответ КНР на запрос Группы экспертов при Комитете по санкциям 1 718 (по КНДР) СБ ООН о брендах алкогольных напитков, поставленных с июня по октябрь 2022 г. на сумму более 3,2 млн долл. США. В частности, Китай ответил, что «алкогольные напитки не входят в список предметов, запрещенных к экспорту в КНДР, и резолюция не уполномочивает Группу толковать понятие “предметы роскоши”»¹⁶.

Соблюдение санкционного режима саботируют (вольно или невольно) и другие государства — члены ООН, и даже сама Организация. В 2023 г. в мартовском Докладе Группы экспертов указывала, в частности, что государства-члены объясняют попадание подсанкционных товаров в КНДР (выявленное экспертами по таможенным данным) тем, что «при оформлении соответствующих таможенных деклараций вносился неверный страновой код, т.е. вместо кода KR (фактический торговый партнер — Республика Корея)

полуострова и политика США // *Корея: взгляд из России. Доклады, представленные на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2007 г.* М.: ИДВ РАН, 2007. С. 36–37.

¹⁵ 조선중앙통신사 보도 군사정찰위성발사시 사고 발생 [Сообщения Центрального информационного агентства Кореи о неудаче при запуске военного разведывательного спутника] // 조선중앙통신. 주체112.5.31 [31.05.2023]. URL: <http://kcna.kp/kp/article/q/65e93d8a71e2fc200437e1459d7e15083ff50bc36a1bbc32de9bd4d9c8f05965e6e51ded77b5f95f1868fd3d38b99c1f.kcmsf> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁶ Заключительный доклад Группы экспертов, представленный в соответствии с резолюцией 2627 (2022) СБ ООН. S/2023/171. 07.03.2023. С. 73. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/23/037/98/PDF/2303798.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.07.2023).

там проставлялся код КР (Корейская Народно-Демократическая Республика)»¹⁷, а ООН не вносит выявленные Группой лишённые флага суда, нарушающие санкционные запреты, в санкционный перечень, который последний раз обновлялся в 2018 г.¹⁸

В последнее время санкционный режим ООН в отношении КНДР испытывает серьёзную структурную эрозию. Так, 26 марта 2022 г. Россия и Китай вети́ровали в СБ ООН резолюцию, осуждавшую КНДР и вводившую новые санкции. А в сентябре 2022 г. Государственная дума РФ направила в МИД России запрос о возможности и порядке снятия запрета на использование рабочей силы из КНДР¹⁹.

В академическом сообществе санкции против КНДР остаются предметом живой дискуссии. Текущий корпус только академических работ по этой проблематике составляет уже сотни публикаций. Ключевым вопросом остается их низкая результативность²⁰, т.е. слабое или вообще нулевое воздействие на политическое поведение Пхеньяна. Одной из основных причин этого считается недостаточное институционально-юридическое обеспечение санкционного режима, позволяющее КНДР не только вполне эффективно эти санкции обходить²¹, но даже укреплять существующий режим, консолидируя общество против внешней угрозы²². Впрочем, сторонники «умных санкций» продолжают рассчитывать на их действенность²³.

Не отрицая урона, нанесенного санкциями экономике КНДР, эксперты отмечают, что относительно успешной в отношении Северной Кореи можно считать лишь сигналь-

¹⁷ Заключительный доклад Группы экспертов, представленный в соответствии с резолюцией 2627 (2022) СБ ООН. S/2023/171 // *Official Documents System of the United Nations*. 07.03.2023. С. 66. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№23/037/98/PDF/№2303798.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁸ Заключительный доклад Группы экспертов, представленный в соответствии с резолюцией 2627 (2022) СБ ООН. S/2023/171 // *Official Documents System of the United Nations*. 07.03.2023. С. 34, прим. 39. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№23/037/98/PDF/№2303798.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁹ Лешаков П.С., Соловьёв А.В. Сердечно, но мучительно // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 2. С. 191.

²⁰ В отечественном корееведении часто в том же значении употребляется термин «эффективность». См., напр.: Дьячков И.В. Санкции ООН в отношении КНДР: оценка эффективности // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23. № 177. С. 173–179. DOI: 10.20310/1810–0201–018–23–177–173–179; Кикю Д.В. Эффективность воздействия санкций Совета Безопасности ООН на ракетно-ядерную программу КНДР // *КНДР и РК — 70 лет*. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 128–136. и др. Нам представляется, что это не совсем корректная замена, ибо эффективность — это все же соотношение затраченных средств и усилий к полученному результату. Поскольку оценить затраты и усилия международного сообщества на санкционирование КНДР достаточно непросто, уместнее говорить именно о результативности санкций, сопоставляя цели и полученные результаты.

²¹ Hugh G., Schroeder M. Covert Carriers: Evolving Methods and Techniques of North Korean Sanctions Evasion // *Small Arms Survey*. 2020. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep26353> (дата обращения: 09.07.2023).

²² Кикю Д.В. Эффективность воздействия санкций Совета Безопасности ООН на ракетно-ядерную программу КНДР // *КНДР и РК — 70 лет*. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 128–136; Толорая Г.Д. Санкции в отношении КНДР и ситуация вокруг Корейского полуострова // *Корейский полуостров: история и современность*. М.: ИДВ РАН. 2020. С. 182–191.

²³ 허재영, 정진문. 대북 경제제재의 실효성 분석: 식량지원 중단을 중심으로 [Хо Джэёнъ, Чонъ Джжинмун. Анализ эффективности экономических санкций против КНДР с точки зрения перебоев продовольственного обеспечения] // *한국과 국제정치*. 2016. No. 32(3). Pp. 89–123; Kim, Sang-Hoon. An Analysis on the Conditions for Successful Economic Sanctions on North Korea: Focusing on the Maritime Aspects of Economic Sanctions // *Strategy 21*. 2020. Vol. 23. No. 1. Pp. 239–276.

ную функцию санкций, направленную на стигматизацию страны-цели в глазах международного сообщества²⁴.

Как бы то ни было, последние рестрикции СБ ООН, последствия которых в первую очередь ощутили на себе рядовые граждане, на корню загубили декларируемые молодым вождем благие начинания в области улучшения жизни народа и тем самым полностью дискредитировали заявления о том, что меры, вводимые этими резолюциями, «не призваны иметь негативные гуманитарные последствия для гражданского населения КНДР»²⁵. Однако в текущей ситуации «вопросы экономического роста для [северокорейской] элиты вторичны по сравнению с вопросами сохранения стабильности, которые... имеют абсолютный приоритет»²⁶.

Новый «Трудный поход»

Несмотря на санкционное давление, Ким Чен Ыну в целом удастся решать двукратную задачу параллельного развития оборонного комплекса и гражданской экономики. Очередным доказательством непреклонной приверженности северокорейского руководства укреплению своего ракетно-ядерного щита стали испытания межконтинентальных баллистических ракет, проведенные в 2022–2023 гг.

В новогоднем обращении 2018 г. на пике конфронтации с США Ким Чен Ын призвал нацию развернуть революционное генеральное наступление на всех фронтах строительства могучего социалистического государства, усилив самостоятельный и чуждый характер народного хозяйства²⁷. Последующие пять лет беспрецедентного санкционного давления извне, дополненного полной самоизоляцией Пхеньяна от внешнего мира в условиях коронавирусной пандемии, не ввергли КНДР в кризис, подобный «Трудному походу» второй половины 1990-х гг.

Для страны, строящей свою экономическую стратегию на хозяйственной автаркии, в которой доля внешнеторгового оборота в ВВП, даже с учетом его двукратного роста в 2015–2015 гг., составляет не более 20 %, сокращение валютных поступлений на две трети не стало социально-экономической катастрофой. Запас прочности КНДР оказался гораздо больше, чем предполагали сторонники политики «стратегического терпения», надеявшиеся на скорый крах режима после наследственной передачи власти третьему поколению династии Кимов. Учитывая исключительную толерантность населения и тотальную систему подавления инакомыслия в стране, ни о каком расшатывании основ северокорейской государственности не может быть и речи²⁸.

В настоящее время состояние северокорейской экономики и социальная стабильность в обществе в большей степени зависят не от связей с мировым хозяйством, а от

²⁴ Biersteker Th., Hudáková Z. Are Sanctions on North Korea Working? // *Global Asia*. Vol. 16. No. 3. September, 2021. P. 43.

²⁵ Резолюция 1874 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6141-м заседании 12 июня 2009 года. С. 1 // *Official Documents System of the United Nations*. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№ 09/368/51/PDF/№ 0936851.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.07.2023).

²⁶ Ланьков А.Н. Северокорейское чудо: 30 лет выживания в условиях кризиса и изоляции // *Международная аналитика*. 2021. № 12(2). С. 75.

²⁷ Ким Чен Ын. Новогодняя речь 2018 г. // *Чучхэ Сонгун*. URL: http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=2482:—2018- (дата обращения: 07.07.2023).

²⁸ Детальный разбор внутренних факторов устойчивости северокорейского режима см., например: Ланьков А.Н. Северокорейское чудо: 30 лет выживания в условиях кризиса и изоляции // *Международная аналитика*. 2021. № 12(2). С. 31–48. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–2–31–48; Асмолов К. В., Захарова Л. В. Проблемы и перспективы развития КНДР: прогноз 2021 // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 4. С. 134–147. DOI: 10.31857/S013128120016161–8

возможных природных катаклизмов на Корейском полуострове. В ближайшие годы руководство КНДР сконцентрирует усилия на обеспечении населения минимальным набором продуктов питания, чтобы не допустить повторения «голодомора» второй половины 1990-х гг. Осторожные эксперименты в сельском хозяйстве (звеньевой и семейный подряд) дали первые положительные результаты, позволив стране относительно безболезненно пережить неблагоприятные климатические условия последнего десятилетия.

В отдельных отраслях народного хозяйства внедряются элементы рынка. Новая «система ответственности социалистических предприятий», предусматривающая самостоятельное использование более 50 % выручки, полученной госпредприятиями, и до 50 % урожая сельхозкооперативов, работает в тестовом режиме в пищевой и легкой промышленности, сельском и рыбном хозяйстве, сфере обслуживания. Фактически в стране существуют две экономические системы, одна из которых по-прежнему базируется на директивных методах хозяйствования, а другая — на основе товарно-денежного обращения²⁹. Однако по идеологическим соображениям правительство не стремится афишировать новые реалии, предпочитая проверенные временем формулировки о построении в КНДР социализма особого северокорейского образца. Более того, наблюдатели отмечают некоторые признаки «сворачивания» квазимаркетизации³⁰.

Управление стратегическими отраслями народного хозяйства, включая военно-промышленный комплекс, будет и далее осуществляться «в ручном режиме». Наряду с сельским хозяйством важнейшими болевыми точками северокорейской экономики остаются энергетическая и транспортная инфраструктуры, требующие масштабных финансовых вложений. Однако ограниченность внутренних ресурсов и невозможность внешних заимствований ставят под вопрос выполнение намеченных задач. Правительство адекватно оценивает сложную экономическую ситуацию в стране, но вынуждено в первую очередь заниматься решением сиюминутных проблем, а партия контролирует беспрекословное исполнение спускаемых сверху политических решений на местах.

Вопросы снабжения продовольствием, потребительскими товарами, топливом «по умолчанию» все больше будет брать на себя квазирыночная экономика, активно развивающаяся в сфере услуг, оптовой и розничной торговли, внешнеэкономической деятельности. Это в конечном счете сможет частично решить и поставленную партией задачу повышения благосостояния народа (по крайней мере, среди узкого слоя населения, уже ориентированного на рынок). Северяне уже при Ким Чен Ире в полной мере осознали значение денег как универсального платежного средства, причем в свободном обращении в стране наряду с местной валютой находятся доллары США, евро и китайские юани. Продолжение спонтанного развития системы квазирыночных отношений, весьма своеобразного «частно-государственного партнерства» неизбежно ведет к росту коррупции и социальному расслоению северокорейского общества, что будет вынуждать правительство время от времени прибегать к «красногвардейским атакам» на капиталистические элементы экономики.

На VIII съезде Трудовой партии Кореи в январе 2021 г. Ким Чен Ын выдвинул новый пятилетний план экономического развития страны на 2021–2025 гг. (показатели предыдущего не были достигнуты, что было признано на съезде), концептуальной основой которого признана «опора на собственные силы», а стратегической целью заявлено

²⁹ Обзор практик и методов развития «низового капитализма» и особенностей государственно-квазичастного партнерства в КНДР см., напр.: *Ward, P., Lankov, A., & Kim, J. Capitalism from Below with North Korean Characteristics: The State, Capitalist Class Formation, and Foreign Investment in Comparative Perspective // Asian Perspective. 2019. Vol. 43. No. 3. Pp. 533–555.*

³⁰ *Ланьков А. Рынок подождет: в КНДР сворачивают реформы // Россия в глобальной политике. 12.01.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-kndr-svorachivayut-reformy/> (дата обращения: 07.07.2023).*

«удовлетворение потребительского спроса за счет собственного производства»³¹. На практике это может означать некоторое увеличение бюджетных расходов на нужды гражданского сектора для смягчения возможного негативного влияния международных санкций на социально-экономическое положение в стране. Мобилизация же населения на новый «созидательный поход» будет призвана продемонстрировать всему миру бесперспективность внешнего экономического давления на «нерушимый бастион» и вынудить заинтересованные стороны к переговорам на условиях, которые бы учитывали нынешние северо-корейские реалии. Реалии эти показали, что у КНДР есть все необходимые ресурсы для самостоятельного совершенствования РЯП при одновременном поддержании на плаву гражданской экономики.

Тревожные перспективы

Текущая ситуация оставляет Ким Чен Ыну немного пространства для маневра. Молодой маршал, хотел бы он этого или нет, вынужден продолжить линию на построение «могучего и процветающего социалистического государства» в отдельно взятой стране, причем с максимальной опорой на собственные силы. И если при Ким Ир Сене народное хозяйство «независимой и самостоятельной Кореи» поддерживалось на плаву во многом за счет массированных финансовых вливаний СССР и КНР, на разногласиях в отношениях между которыми умело играл дед, то внуку, лишённому такой возможности, волей-неволей приходится менять структуру экономики, декларируя при этом, что никакие «буржуазные веяния», призывы к «реформам и открытости» не заставят страну сойти с выбранного социалистического пути: «Наше поколение не поддастся ни на лукавые посулы, ни на прямую нажим противника ради... мнимого сиюминутного благополучия... ценой отказа от ядерного оружия»³².

В КНДР, таким образом, не внешняя политика является продолжением внутренней, а наоборот — внутренняя политика во многом диктуется внешнеполитической повесткой (что, в свою очередь, ставит под сомнение «маловеликодержавный» статус КНДР, поскольку в такой ситуации вынужденность внутривнутриполитических решений вкупе с сохраняющейся потребностью во внешней помощи все же свидетельствует об определенной зависимости). Разбалансированность народного хозяйства, изношенность основных производственных фондов, хаотическое состояние финансов, все больший уход реальной экономики и денежных потоков в тень — весь этот клубок накопившихся проблем наталкивается на нежелание Пхеньяна отказываться от весьма затратного статуса ракетно-ядерной державы, что фактически консервирует существующую малоэффективную систему хозяйствования. По сути, в стране продолжается уникальный эксперимент по построению закрытого общества, в котором экономически немотивированное привлечение к труду в рамках мобилизационных кампаний сочетается с осторожными попытками материального стимулирования работников отраслей, ориентированных непосредственно на покрытие потребностей населения.

Молодому руководителю «малой великой державы» упорно предлагают вернуться к переговорам по ядерной проблеме Корейского полуострова на заранее неприемлемых для него условиях десятилетней давности. Такой подход только консервирует

³¹ Захарова Л.В. VIII съезд Трудовой партии Кореи и его экономические задачи // *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее*. 2022. М.: ИККА РАН, 2022. URL: https://www.ifes-ras.ru/files/abook_file/2022_East_Asia_past_present_and_future.pdf (дата обращения 07.07.2023).

³² 경애하는 김정은동지께서 최고인민회의 제14기 제7차회의에서 시정연설을 하시였다 [Уважаемый товарищ Ким Чен Ын выступил с политической речью на VII сессии ВНС четырнадцатого созыва] // *МИД КНДР*. 09.09.2022. URL: <http://mfa.gov.kp/view/article/15793> (дата обращения: 07.07.2023).

тупиковую ситуацию, оставляя северокорейскому лидеру надежду на то, что время — на его стороне³³.

Однако нарастание структурных противоречий в АТР и отчетливые перспективы формирования блоковой архитектуры в регионе (в частности, связи Вашингтон — Токио — Сеул) вкупе с возросшей способностью Вашингтона связывать евроатлантические и азиатские альянсы³⁴ может способствовать дальнейшему сближению КНДР с КНР и Россией в противостоянии «коллективному Западу на Востоке». В такой ситуации перспективы КНДР договориться с США «один на один» станут и вовсе эфемерными (хотя призрак подобной сговорчивости безусловно, будет беспокоить и КНР, и Россию), а для России более вероятными будут не самые благоприятные сценарии, описанные К. Асмоловым и Л. Захаровой³⁵.

Еще более тревожной представляется неспособность ООН обеспечить денуклеаризацию Корейского полуострова. В последнее время все чаще и отечественные³⁶, и зарубежные³⁷ эксперты предлагают официально признать КНДР ядерной державой и пригласить ее к стратегическому диалогу. На уровне отечественного научного дискурса такие предложения приводят к упрекам корееведов, предлагающим «отказаться от поддержки международных санкций... и сдвинуться в сторону большего содействия КНДР» в неосмотрительности и фактическом дезавуировании как усилий международного сообщества (включая Россию) по денуклеаризации Корейского полуострова, так и принципов нераспространения в целом³⁸.

Мы полагаем, что КНДР на такие переговоры в обозримом будущем не пойдет, следуя примеру и риторике КНР, последовательно отклоняющей любые подобные инициативы на основании того, что ядерный арсенал Китая количественно и качественно серьезно уступает арсеналу ведущих держав³⁹. А это, в свою очередь, еще более актуализирует находящиеся пока на уровне общественного обсуждения перспективы нуклеаризации пороговых государств региона — в первую очередь Южной Кореи и Японии.

Однако главной угрозой, которую порождает нерешенность ядерной проблемы Корейского полуострова, нам представляется эрозия международного авторитета ООН. Теоретическая модель международного режима определяется как «совокупность принципов, норм, правил и процедур, в отношении которых совпадают ожидания разных иг-

³³ 경애하는 김정은동지께서 최고인민회의 제14기 제7차회의에서 시정연설을 하시였다 [Уважаемый товарищ Ким Чен Ын выступил с политической речью на VII сессии ВНС четырнадцатого созыва] // *МИД КНДР*. 09.09.2022. URL: <http://mfa.gov.kp/view/article/15793> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁴ *Истомин И.А.* Вашингтон—Сеул—Токио в доктрине Байдена // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 3. С. 211–212.

³⁵ *Asmolov K.V., Zaharova L.V.* Russia's Relations with North and South Korea in the New Era: Challenges and Perspectives // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 3. — Forthcoming.

³⁶ *Дьячков И.В.* Ядерная проблема Корейского полуострова в середине 2022 г. // *Корееведение*. 2022. № 1. С. 105–121. DOI: 10.48647/ICCA.2022.43.71.007

³⁷ *Khang Vu.* Why North Korea wants an arms control deal with the United States // *The Interpreter*. January 13, 2021. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/why-north-korea-wants-arms-control-deal-united-states> (дата обращения: 09.07.2023).

³⁸ *Лукин А.В., Пугачёва О.С.* Корея в начале XXI века и интересы России // *Международные процессы*. 2020. № 18(4). С. 153–155.

³⁹ По оценкам Стокгольмского международного института проблем мира (SIPRI), если Китай на январь 2023 г. располагал 410 боеголовками, «начав резко расширять свои ядерные силы», то КНДР — 30. См.: SIPRI Yearbook 2023. Oxford University Press. 2023. P. 248. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/YB23%2007%20WNF.pdf> (дата обращения: 09.07.2023).

роков в какой-либо предметной области»⁴⁰. Санкционный режим СБ ООН вполне отвечает этому описанию. Если в этой модели происходит деградация правил и процедур (т.е. санкционные ограничения не соблюдаются странами — членами ООН) — в силу ли «нехватки должной осмотрительности»⁴¹, в силу ли сложности исполнения этих правил, в силу халатности или даже в силу намеренной недобропорядочности — режим все еще может оставаться действенным, если неизменными остаются его изначальные цели и принципы. Но если в основу режима были положены иные, отличные от заявленных, цели, или если по мере изменения международной обстановки национальные интересы ключевых участников этого режима приходят в неразрешимые противоречия с заявленными нормами и принципами, то режим обречен на распад⁴².

Распад санкционного режима в отношении КНДР обострит давно идущую дискуссию о способности (или неспособности) ООН соответствовать своему предназначению — и разговоры о необходимости реформирования этого ключевого международного института, и без того не слишком конструктивные, могут смениться призывами обходиться в международных делах без этой организации вовсе.

Литература

- Асмолов К.В., Соловьёв А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // *Международная аналитика*. 2021. № 12(2). С. 49–73. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–2–49–73
- Ванин Ю.В. Кореysкая война (1950–1953) и ООН. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2006. 286 с.
- Воронцов А.В. Ядерная проблема Кореysкого полуострова и политика США. *Корея: взгляд из России. Доклады, представленные на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ*. Москва, 29–30 марта 2007 г. ИДВ РАН, 2007. С. 34–41.
- Дьячков И.В. Влияние ядерной проблемы КНДР на безопасность в Северо-Восточной Азии // *Вестник ТГУ*. 2012. № 5. С. 308–314.
- Дьячков И.В. Санкции ООН в отношении КНДР: оценка эффективности. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23. № 177. С. 173–179. DOI: 10.20310/1810–0201–018–23–177–173–179.
- Дьячков И.В. Ядерная проблема Кореysкого полуострова в середине 2022 г. // *Корееведение*. 2022. № 1. С. 86–98. DOI: 10.48647/ISSA.2022.43.71.007.
- Заключительный доклад Группы экспертов, представленный в соответствии с резолюцией 2627 (2022) СБ ООН. S/2023/171 // *Official Documents System of the United Nations*. 07.03.2023. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№ 23/037/98/PDF/№ 2303798.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.07.2023).
- Захарова Л.В. VIII съезд Трудовой партии Кореи и его экономические задачи // *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее*. 2022. М.: ИККА РАН. С. 103–112. URL: https://www.ifes-ras.ru/files/abook_file/2022_East_Asia_past_present_and_future.pdf (дата обращения 07.07.2023).
- Истомин И.А. Вашингтон—Сеул—Токио в доктрине Байдена // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 3. С. 208–212. DOI: 10.31278/1810–6439–2023–21–3–208–212

⁴⁰ Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 186.

⁴¹ Заклучительный доклад Группы экспертов, представленный в соответствии с резолюцией 2627 (2022) СБ ООН. S/2023/171. 07.03.2023. С. 53.

⁴² Ярким примером такой дисфункции стали острые разногласия в Группе экспертов по поводу координатора группы, Эрика Пентон-Воака, достигшие пика в начале мая 2023 г. Из-за острого кризиса будущее группы оказалось под угрозой. См.: *Carrol Ch. Future of North Korea sanctions panel in limbo amid UN Security Council dispute* // *NK News*. May 3, 2023. URL: <https://www.nknews.org/2023/05/future-of-north-korea-sanctions-panel-in-limbo-amid-un-security-council-dispute/> (дата обращения: 07.07.2023 г.). В итоге стороны все же пришли к компромиссу, и работа группы продолжилась.

- Кику Д.В. Эффективность воздействия санкций Совета Безопасности ООН на ракетно-ядерную программу КНДР // *КНДР и РК — 70 лет*. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 128–136.
- Ким Н.Н., Соловьев А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14. № 2. С. 49–72. DOI: 10.46272/2587–8476–2023–14–2–49–72
- Ким Чен Ын. Новогодняя речь 2018 г. // *Чучхе Сонгун*. URL: http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=2482:—2018- (дата обращения: 07.07.2023 г.).
- Коргун И. А., Толорая Г. Д. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР // *Политические исследования*. 2022. № 3. С. 80–95. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.07
- Ланьков А. Рынок подождет: в КНДР сворачивают реформы // *Россия в глобальной политике*. 12.01.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-kndr-svorachivayut-reformy/> (дата обращения: 07.07.2023).
- Ланьков А.Н. Северокорейское чудо: 30 лет выживания в условиях кризиса и изоляции // *Международная аналитика*. 2021. № 12(2). С. 31–48. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–2–31–48
- Лешаков П.С., Соловьев А.В. Сердечно, но мучительно // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 2. С. 184–196. DOI: 10.31278/1810–6439–2023–21–2–184–196.
- Лукин А.В., Пугачёва О.С. Корея в начале XXI века и интересы России // *Международные процессы*. 2020. № 18(4). С. 143–157. DOI: /10.17994/IT.2020.18.4.63.6
- Резолюция 1874 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6141-м заседании 12 июня 2009 года // *Official Documents System of the United Nations*. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№09/368/51/PDF/№0936851.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.07.2023).
- Толорая Г. Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 5. С. 3–19.
- Толорая Г.Д. Санкции в отношении КНДР и ситуация вокруг Корейского полуострова // *Корейский полуостров: история и современность*. М.: ИДВ РАН. 2020. С. 182–191.
- Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 312 с.
- Asmlov K.V., Zaharova L.V. Russia's Relations with North and South Korea in the New Era: Challenges and Perspectives // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 3. — Forthcoming.
- Biersteker Th., Hudáková Z. Are Sanctions on North Korea Working? // *Global Asia*. Vol. 16. No. 3 (September 2021). Pp. 42–49. URL: https://www.globalasia.org/v16no3/cover/are-sanctions-on-north-korea-working_thomas-biersteker-zuzana-hud%C3%A1kov%C3%A1 (дата обращения 09.07.2023).
- Carrol Ch. Future of North Korea sanctions panel in limbo amid UN Security Council dispute // *NK News*. May 3, 2023. URL: <https://www.nknews.org/2023/05/future-of-north-korea-sanctions-panel-in-limbo-amid-un-security-council-dispute/> (дата обращения: 07.07.2023 г.)
- Grady J. U.S. Forces Korea CO: North Korea Showing No Signs of Regime Instability // *USNI News*. September 11, 2020. URL: <https://news.usni.org/2020/09/11/u-s-forces-korea-co-north-korea-showing-no-signs-of-regime-instability?fbclid=IwAR05V73h43fa-JAaLniElAhuDPw179UXrb0VCMKflQiwuQm1cKhFHVnM1I> (дата обращения: 07.07.2023).
- Hugh G., Schroeder M. Covert Carriers: Evolving Methods and Techniques of North Korean Sanctions Evasion // *Small Arms Survey*. 2020. 20 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep26353> (дата обращения: 09.07.2023).
- Khang Vu. Why North Korea wants an arms control deal with the United States // *The Interpreter*. 13 Jan 2021. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/why-north-korea-wants-arms-control-deal-united-states> (дата обращения: 09.07.2023).
- Kim Sang-Hoon. An Analysis on the Conditions for Successful Economic Sanctions on North Korea: Focusing on the Maritime Aspects of Economic Sanctions // *Strategy 21*. 2020. Vol. 23. No. 1. Pp. 239–276.
- Korhonen P., Mori T. North Korea as a Small Great Power // *Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2019. No. 17(5). URL: <https://apjif.org/2019/05/Korhonen.html> (дата обращения: 09.07.2023).
- Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 185–205. DOI: 10.1017/S0020818300018920.

Lake A. Confronting Backlash States // *Foreign Affairs*. March/April 1994.

URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-states> (дата обращения: 07.07.2023).

Noland M. Avoiding the Apocalypse. The Future of the Two Koreas. ПИЕ, 2000. 431 p.

SIPRI Yearbook 2023. Oxford University Press. 2023 // *Stockholm International Peace Research Institute*. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/YB23%2007%20WNF.pdf> (дата обращения: 09.07.2023).

Walt S.M. Alliance formation and the balance of world power // *International security*. 1985. Vol. 9. No. 4. Pp. 3–43.

Ward P., Lankov A., & Kim J. Capitalism from Below with North Korean Characteristics: The State, Capitalist Class Formation, and Foreign Investment in Comparative Perspective // *Asian Perspective*. Vol. 43. No. 3. 2019. Pp. 535–555. DOI: 10.1353/apr.2019.0018

경애하는 김정은동지께서 최고인민회의 제14기 제7차회의에서 시정연설을 하시었다 [Уважаемый товарищ Ким Чен Ын выступил с политической речью на VII сессии ВНС четырнадцатого созыва] // *МИД КНДР*. 09.09.2022. URL: <http://mfa.gov.kp/view/article/15793> (дата обращения: 07.07.2023).

조선민주주의인민공화국 핵무력정책에 대한 법령 발포 [Опубликование Закона о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил]. *조선중앙통신*. 주체111.9.9 [09.09.2022]. URL: <http://kcna.kp/kp/article/q/5f0e629e6d35b7e3154b4226597df4b8.kcmsf> (дата обращения: 07.07.2023).

허재영, 정진문. 대북 경제제재의 실효성 분석: 식량지원 중단을 중심으로 [Хо Джэ Ёнь, Чонь Джин Мун. Анализ эффективности экономических санкций против КНДР с точки зрения перебоев продовольственной помощи]. *한국과 국제정치*. 2016. No. 32(3). Pp. 89–123.

DPRK as a Structural Factor of Regional and Global Security

Pavel S. Leshakov

Ph.D. (Economics), Senior Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky pr., Moscow, 117977). ORCID: 0000-0002-8282-9933. E-mail: pleshakov@hse.ru

Alexander V. Solovyov

Deputy Editor-in-Chief, *Russia in Global Affairs*; Visiting Lecturer, Department of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics (address: 17, M. Ordynka Street, Moscow, office 406). ORCID: 0000-0003-2897-0909. E-mail: asolovev@hse.ru

Received 13.07.2023.

Abstract:

The article analyzes the current internal and external situation of the DPRK as an intermediate outcome of a unique 75-year socio-economic experiment. The DPRK's nuclear missile program, which has become a means of ensuring security, an instrument of diplomatic bargaining, and an element of its specific international status, sometimes defined as a "small great power," has made the country the target of unprecedentedly harsh sanctions, both from individual countries and from the international community represented by the UN Security Council. The sanctions, that have seriously crippled the national economy, as well as aggravated its humanitarian situation and international isolation, nevertheless failed to yield the DPRK's denuclearization. Under these conditions, the country's leadership focuses on preservation of political stability, even at the expense of improving the welfare of the people, which will predetermine the conservation of the specific economic system that combines directive state management and certain principles of market economy, for a long time.

Declaring unconditional commitment to the development of its nuclear missile program, the DPRK poses a dual threat to strategic stability at the regional and global levels. At the regional level, by undermining the principles of nuclear nonproliferation, the DPRK's RNP can stimulate the threshold states of the region to develop their nuclear programs. The active promotion of multilateral military-political alliances in the Asia-Pacific region under U.S. patronage makes the prospect of Pyongyang entering strategic arms control negotiations unlikely. At the global level,

Pyongyang's successful opposition to the sanctions regime in the context of growing systemic and structural international contradictions may lead to the degradation of this regime and, as a consequence, to the dangerous dysfunction of the UN as a key international institution.

Key words:

DPRK, nuclear weapons, "small great power", sanctions, denuclearization, regime theory, economic autarky, "grassroots capitalism", quasi-market economy.

For citation:

Leshakov P.S., Solovyov A.V. DPRK as a Structural Factor of Regional and Global Security // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 4. Pp. 20–35. DOI: 10.31857/S013128120027132-6.

References

- Asmolv K.V., Soloviev A.V.* Strategicheskaya avtonomiya Respubliki Koreya: intellektual'naya himera ili politicheskaya real'nost'? [Strategic Autonomy for ROK: Intellectual Pipe Dream or Political Reality?]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 2021. No. 12(2). S. 49–73. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–2–49–73. (In Russ.)
- Asmolv K.V., Zaharova L.V.* Russia's Relations with North and South Korea in the New Era: Challenges and Perspectives. *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 3. — Forthcoming.
- Dyachkov I.V.* Sanktsii OON v otnoshenii KNDR: otsenka effektivnosti [UN sanctions against the DPRK: an assessment of efficiency]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2018. T. 23. No. 177. S. 173–179. DOI: 10.20310/1810–0201–2018–23–177–173–179. (In Russ.)
- Dyachkov I.V.* Vliyanie yadernoj problemy KNDR na bezopasnost' v Severo-Vostochnoj Azii [The Impact of the DPRK Nuclear Issue on Security in Northeast Asia]. *Vestnik TGU*. 2012. No. 5. S. 308–314. (In Russ.)
- Dyachkov I.V.* Yadernaya problema Korejskogo poluoostrova v seredine 2022 g. [Korean Peninsula nuclear issue in mid-2022]. *Koreevedenie*. 2022. T. 1. S. 86–97. DOI: 10.48647/ICCA.2022.43.71.007. (In Russ.)
- Istomin I.A.* Washington-Seul-Tokio v doctrine Bajdena [Washington-Seoul-Tokyo in the Biden Doctrine]. *Rossiya v global'noj politike*. 2023. T. 21. No. 3. Pp. 208–212. DOI: 10.31278/1810–6439–2023–21–3–208–212. (In Russ.)
- Kiku D.V.* Effektivnost' vozdejstviya sankcij Soveta Bezopasnosti OON na raketno-yadernuyu programmu KNDR [Effectiveness of the Impact of UN Security Council Sanctions on the DPRK's Missile and Nuclear Program]. *KNDR i RK — 70 let*. Moscow. IDV RAN. 2018. S. 128–136. (In Russ.)
- Kim N.N., Soloviev A.V.* Antikolonial'nye i postkolonial'nye narrativy v kontekste politicheskogo mifa v KNDR i Respublike Koreya [Anti-colonial and Postcolonial Narratives in the Context of the DPRK's Political Myth]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 2021. No. 12(2). S. 49–72. DOI: 10.46272/2587–8476–2023–14–2–49–72. (In Russ.)
- Kim Jong Un.* Novogodnyaya rech' 2018 g. [The New Year Address for the Year 2018]. Juche songun. URL: http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=2482: — 2018- (accessed: 07.07.2023). (In Russ.)
- Korgun I.A., Toloraya G.D.* K voprosu o produktivnosti sanktsii v otnoshenii KNDR [On the question of effectiveness of sanctions against DPRK]. *Polis. Political Studies*. T. 3. 2022. S. 80–95. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.07. (In Russ.)
- Lankov A.* Rynok podozhdet: v KNDR svorachivayut reformy [The market will wait: the DPRK is scaling back reforms]. *Rossiya v global'noj politike*. 12.01.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-kndr-svorachivayut-reformy/> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.)
- Lankov A.N.* Severokoreiskoe chudo: 30 let vyzhivaniya v usloviyah krizisa i izolyatsii [North Korean Miracle: 30 Years of Surviving Crisis and Isolation]. *Journal of International Analytics*. 2021. No. 12(2). S. 31–48. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–2–31–48. (In Russ.)
- Leshakov P.S., Solovyov A.V.* Serdechno, no muchitel'no [Heartfelt but Excruciating]. *Rossiya v global'noj politike*. 2023. T. 21. No. 2. S. 184–196. DOI: 10.31278/1810–6439–2023–21–2–184–196. (In Russ.)
- Lukin A.V., Pugacheva O.V.* Koreya v nachale XXI veka i interesy Rossii [Korea in the Early 21st Century and Russia's Interests]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2020. No. 18(4). S. 143–157. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.6. (In Russ.)
- Rezolyutsiya 1874 (2009), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 6141-m zasedanii 12 iyunya 2009 goda [Resolution 1874 (2009) adopted by the Security Council at its 6141st meeting, held on June 12, 2009]. *Official Documents System of the United Nations*. URL: <https://documents-dds->

- ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№ 09/368/51/PDF/№ 0936851.pdf?OpenElement (accessed: 07.07.2023). (In Russ.)
- Toloraya G. Ocherednoi tsikl koreiskogo krizisa (2008–2010). Rossiiskie interesy i perspektivy vyhoda iz koreiskogo tupika [Another cycle of the Korean crisis (2008–2010). Russian Interests and Prospects for Breaking the Korean Stalemate]. *PDV*. 2010. T. 5. S. 3–19. (In Russ.)
- Toloraya G.D. Sanktsii v otnoshenii KNDR i situatsiya vokrug Koreiskogo poluoostrova [Sanctions against the DPRK and the situation around the Korean Peninsula]. *Koreiskii poluoostrov: istoriya i sovremen-nost'*. Moskva. IDV RAN. 2020. S. 182–191. (In Russ.)
- Torkunov A.V. Zagadochnaya voyna: koreiskii konflikt 1950–1953 godov [Mystery war: the Korean conflict 1950–1953]. Moscow: ROSSPEN. 2000. 312 p.
- Vanin Yu.V. Koreiskaya voyna (1950–1953) i OON [Korean War (1950–1953) and the United Nations]. Moskva. Institut vostokovedeniya RAN. 2006. 286 s. (In Russ.)
- Vorontsov A.V. Yadernaya problema Korejskogo poluoostrova i politika SSsA [The nuclear problem of the Korean Peninsula and US policy]. *Koreya: vzglyad iz Rossii. Doklady, predstavlennye na XI nauchnoj konferencii koreevedov Rossii i stran SNG*. Moskva. IDV RAN. 2007. S. 34–41. (In Russ.)
- Zaharova L.V. VIII s"ezd Trudovoj partii Korei i ego ekonomicheskie zadachi [VIII Congress of the Workers' Party of Korea and its economic tasks]. *Vostochnaya Aziya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. 2022. Moskva. IKSA RAN URL: https://www.ifes-ras.ru/files/abook_file/2022_East_Asia_past_present_and_future.pdf (accessed 07.07.2023). (In Russ.)
- Zaklyuchitel'nyj doklad Gruppy ekspertov, predstavlenyj v sootvetstvii s rezolyuciej 2627 (2022) SB OON. [Final report of the Panel of Experts submitted pursuant to resolution 2627 (2022)]. S/2023/171. *Official Documents System of the United Nations*. 07.03.2023. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№ 23/037/98/PDF/№ 2303798.pdf?OpenElement> (accessed: 09.07.2023). (In Russ.)
- Biersteker Th., Hudáková Z. Are Sanctions on North Korea Working? *Global Asia*. September 2021. Vol. 16. No. 3. Pp. 42–49. URL: https://www.globalasia.org/v16no3/cover/are-sanctions-on-north-korea-working_thomas-biersteker-zuzana-hud%C3%A1kov%C3%A1 (accessed: 09.07.2023).
- Carrol Ch. Future of North Korea sanctions panel in limbo amid UN Security Council dispute. *NK News*. May 3, 2023. URL: <https://www.nknews.org/2023/05/future-of-north-korea-sanctions-panel-in-limbo-amid-un-security-council-dispute/> (accessed: 07.07.2023)
- Grady J. U.S. Forces Korea CO: North Korea Showing No Signs of Regime Instability. *USNI News*. September 11, 2020. URL: <https://news.usni.org/2020/09/11/u-s-forces-korea-co-north-korea-showing-no-signs-of-regime-instability?fbclid=IwAR05V73h43fa-JAaLniElAhuDPw179UXrxb0VCMKfQiwuQm1cKhFHVnM1I> (accessed: 07.07.2023).
- Hugh G., and Schroeder M. Covert Carriers: Evolving Methods and Techniques of North Korean Sanctions Evasion. *Small Arms Survey*. 2020. 20 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep26353> (accessed: 09.07.2023).
- Khang Vu. Why North Korea wants an arms control deal with the United States. *The Interpreter*. January 13, 2021. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/why-north-korea-wants-arms-control-deal-united-states> (accessed: 09.07.2023).
- Kim Sang-Hoon. An Analysis on the Conditions for Successful Economic Sanctions on North Korea: Focusing on the Maritime Aspects of Economic Sanctions. *Strategy 21*. 2020. Vol. 23. No. 1. Pp. 239–276.
- Korhonen P., & Mori T. North Korea as a Small Great Power. *Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2019. No. 17(5). URL: <https://apjif.org/2019/05/Korhonen.html> (accessed: 09.07.2023).
- Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 185–205. DOI: 10.1017/S0020818300018920
- Lake A. Confronting Backlash States. *Foreign Affairs*. March/April 1994. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-states> (accessed: 07.07.2023).
- Noland M. Avoiding the Apocalypse. The Future of the Two Koreas. PIIE, 2000. 431 p.
- SIPRI Yearbook 2023. Oxford University Press. 2023. *Stockholm International Peace Research Institute*. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/YB23%2007%20WNF.pdf> (accessed: 09.07.2023).
- Walt S.M. Alliance formation and the balance of world power. *International security*. 1985. Vol. 9. No. 4. Pp. 3–43.

- Ward P., Lankov A., & Kim J. Capitalism from Below with North Korean Characteristics: The State, Capitalist Class Formation, and Foreign Investment in Comparative Perspective. *Asian Perspective*. Vol. 43. No. 3. 2019. Pp. 535–555. DOI: 10.1353/apr.2019.0018
- 경애하는 김정은동지께서 최고인민회의 제14기 제7차회의에서 시정연설을 하시였다 [Dear Comrade Kim Jong-un delivered a political speech at the seventh session of the Fourteenth National People's Congress]. *MFA of the DPRK*. 09.09.2022. URL: <http://mfa.gov.kp/view/article/15793> (accessed: 07.07.2023). (In Kor.)
- 조선민주주의인민공화국 핵무력정책에 대한 법령 발포 [Publication of the Law on the DPRK Policy on Nuclear Armed Forces]. 조선중앙통신. 주체111.9.9 [09.09.2022]. URL: <http://kcna.kp/kp/article/q/5f0e629e6d35b7e3154b4226597df4b8.kcmsf>. (accessed: 07.07.2023). (In Kor.)
- 허재영, 정진문. 대북 경제제재의 실효성 분석: 식량지원 중단을 중심으로 [Hur Jaeyoung, Jeong Jin Mun. Analyzing the Effectiveness of Economic Sanctions against North Korea: Focus on Withholding of Food Aid]. *한국과 국제정치*. 2016. No. 32(3). (In Kor.)

Обострение борьбы за влияние в Океании и политика Японии в регионе

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027414-6

Гордеева Ирина Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (адрес: 119017, Москва, Малая Ордынка, 17). ORCID: 0000-0001-8503-9550. E-mail: igordeeva@hse.ru

Статья поступила в редакцию 05.08.2023.

Аннотация:

Статья посвящена политике Японии в отношении Океании в условиях нарастающего противоборства в регионе между возглавляемой Соединенными Штатами коалицией западных держав и все более набирающим силу Китаем. Тихоокеанский регион, обладающий важнейшим геостратегическим положением и огромными ресурсами, становится одним из фронтов развернутого Соединенными Штатами и их союзниками масштабного наступления по укреплению своих позиций на мировой арене. В то же время Китай продолжает планомерное продвижение в регионе, опираясь на растущую экономическую мощь, крупные финансовые активы и повышающийся технологический уровень. Исследуются политические, экономические и военные аспекты взаимодействия доминирующих в регионе стран с малыми островными государствами, а также их позиции в контексте усиливающегося соперничества между ними.

Особое внимание уделяется стремлению Японии укрепить отношения со странами Океании и поиску своего места в регионе при сохранении тесных связей с Соединенными Штатами и их союзниками. Япония и островные государства региона имеют давние исторические связи и успешно сотрудничают во многих областях. Немаловажную роль играют проблемы безопасности, экономические и логистические интересы Токио. Созданы разветвленные многосторонние и двусторонние механизмы взаимодействия Японии с тихоокеанскими островными странами, используя которые Токио обеспечивает свои интересы в регионе.

Большое значение имеет позиция тихоокеанских островных государств, все более активно заявляющих о своей заинтересованности развивать отношения со всеми сторонами, руководствуясь, прежде всего, собственными интересами, возможностями получения финансово-экономической помощи для решения накопившихся в регионе проблем.

Ключевые слова:

Океания, политика Японии, Встреча лидеров Тихоокеанских островов (PALM), усиление Китая, Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион (FOIP), Форум тихоокеанских островов (PIF), Partners in the Blue Pacific (PBP).

Для цитирования:

Гордеева И.В. Обострение борьбы за влияние в Океании и политика Японии в регионе // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 36–45. DOI: 10.31857/S013128120027414-6.

В разворачивающемся геополитическом противоборстве в Океании важнейшую роль играет Япония — одна из крупнейших тихоокеанских держав, обладающая значительным экономическим и военным потенциалом. На протяжении длительного исторического периода в результате колониальных захватов под ее контролем находились значительные территории на Тихом океане и в Восточной Азии, которых она лишилась вследствие поражения во Второй мировой войне.

Как подчеркивается в «Синей книге японской дипломатии 2022», Япония и островные государства региона «соединены Тихим океаном, имеют глубокие исторические связи и являются важными партнерами в таких областях, как сотрудничество на между-

народной арене и снабжение рыбными и минеральными ресурсами»¹. Немаловажную роль играют проблемы безопасности, экономические и логистические интересы Токио. Для Японии ключевое значение имеют протяженные морские пути в окружающем ее пространстве, по которым осуществляются торговые и иные контакты с внешним миром, снабжение страны необходимыми ресурсами. Установление контроля над этими путями со стороны враждебных сил, подчеркивается в аналитических документах Японии, поставило бы под угрозу само ее выживание². Учитывается также, что островные государства Океании представляют собой весомый блок при голосовании в ООН и в других международных организациях и форумах. Именно поэтому Токио осуществляет планомерные шаги по укреплению японских позиций в тихоокеанской зоне — в тесном взаимодействии с США и другими союзниками и партнерами.

К настоящему времени Япония учредила свои посольства и представительства практически во всех наиболее важных странах региона, таких как Вануату, Кирибати, Маршалловы острова, Микронезия, Папуа-Новая Гвинея и др.³ (всего — 15; в этом отношении Токио опережает другие крупные державы региона, включая США, которые в последнее время стали быстро наверстывать упущенное, и Китай, имеющий дипломатические представительства в 10 странах).

Созданы разветвленные многосторонние и двусторонние механизмы взаимодействия с тихоокеанскими островными странами, используя которые Токио обеспечивает свои интересы в регионе. С 1997 г. действуют регулярные встречи японской стороны с лидерами стран тихоокеанских островов — Pacific Island Leaders Meeting (PALM). Они проходят раз в три года, на данный момент состоялось 9 встреч, последняя из которых — в июле 2021 г.⁴ В промежутках между саммитами проводятся встречи на уровне министров, в задачу которых входит контроль за выполнением принятых на саммитах решений. В свою очередь, в задачи находящегося в Токио Центра тихоокеанских островов входит оказание помощи странам региона в экономическом развитии. Образован также Межведомственный комитет по развитию сотрудничества с тихоокеанскими островными государствами, в июне 2021 г. состоялось его седьмое заседание. К работе на тихоокеанском направлении привлечены многочисленные японские правительственные и неправительственные организации. В большинстве тихоокеанских островных государств открыты отделения японских торговых и промышленных компаний.

Япония принимает активное участие в проводимых в Океании Форумах тихоокеанских островов (PIF) и других крупнейших мероприятиях в регионе в качестве «партнера по диалогу». Ежегодно по линии МИД в Японию приглашается председатель Форума для «продолжения диалога» (Post-Forum Dialogues). Японский представитель участвует в проводимых встречах членов PIF с партнерами Форума на уровне заместителей министров иностранных дел. Япония является членом разного рода межгосударственных организаций по связям со странами Океании⁵. Об интенсивности обменов Токио с тихоокеан-

¹ Diplomatic Bluebook 2022. Pp. 85–86 // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*.

URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100334590.pdf> (дата обращения: 25.10.2022).

² Важным документом в этом отношении является «Базовый план по океанической политике», принятый кабинетом министров Японии в мае 2018 г. См.: Basic Plan on Ocean Policy, 2018 // *Cabinet Office*. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/plan/pdf/plan03_gaiyou_e.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

³ По данным МИД Японии на август 2023 г., см.: PACIFIC // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/about/emb_cons/over/oceania.html (дата обращения: 25.10.2022).

⁴ The Ninth Pacific Island Leaders Meeting (PALM 9) Leaders Declaration // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. July 2, 2021. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100207980.pdf> (дата обращения: 05.07.2021).

⁵ Japan and the Pacific Islands Forum Relations // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. March 2022. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/spf/index.html> (дата обращения: 11.10.2022).

скими островными государствами свидетельствует, например, перечень японских официальных визитеров на Палау в период 1994–2019 гг.⁶

Внимание Токио к Океании значительно усилилось в связи с нарастанием соперничества стран Запада, в течение длительного времени практически безраздельно контролировавших регион, с набирающим силу Китаем.

Пекин распространил на Океанию действие китайской инициативы «Один пояс, один путь», подписаны документы о сотрудничестве в рамках указанной инициативы с тихоокеанскими островными государствами, с которыми Китай установил дипломатические отношения. По сообщениям печати, китайские инвестиции в страны региона возросли с 900 млн долл. в 2013 г. до 4,5 млрд долл. в 2018 г.⁷ Особое внимание с китайской стороны уделяется объектам стратегической инфраструктуры, что позволило бы Пекину «расширить свое влияние» в тихоокеанском регионе. В частности, китайские компании в первую очередь интересуются проектами по строительству глубоководных портов и взлетно-посадочных полос, разработкой полезных ископаемых в Кирибати, Папуа-Новой Гвинее, Самоа, Соломоновых островах, Вануату и др.⁸ Большой интерес проявляет также китайская сторона к сотрудничеству в сфере рыболовства, сельского хозяйства и в других областях.

Активность Пекина в регионе объясняется стремлением к расширению рынков сбыта промышленной продукции и диверсификации источников природных ресурсов. Особый интерес для Китая в данном контексте представляет Папуа-Новая Гвинея, богатая природным газом и другими природными ресурсами. Страна является главным получателем китайской финансовой помощи в регионе: только в период 2006–2016 гг. она получила 632 млн долл. от Китая⁹. За это время китайские компании подписали договоры на закупку СПГ, разведку и добычу золота, меди, хромитов, магния и других полезных ископаемых в этой стране. В целом за прошедшие два десятилетия китайские инвестиции в добычу полезных ископаемых в регионе достигли 2 млрд долл.¹⁰

Пекином установлены регулярные контакты с Форумом тихоокеанских островов в качестве партнера по диалогу, ведется активная работа через Форум экономического развития и сотрудничества между Китаем и островными государствами Тихого океана (China-Pacific Island Countries Economic Development and Cooperation Forum). В состоявшихся в 2014 и 2017 гг. саммитах PIF принял участие председатель КНР Си Цзиньпин.

В своей политике Китай опирается на крупную китайскую диаспору в тихоокеанском регионе. При этом многие страны региона готовы воспользоваться возрастающими инвестиционными и технологическими возможностями КНР, а китайские общины на ряде островов — получить поддержку Пекина в случае посягательств на их права (погромы и захваты имущества во время беспорядков, что нередко приводило к оттоку этнических китайцев).

⁶ Japan-Palau Relations (Basic Data) // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. July 17, 2020.

URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/palau/data.html> (дата обращения: 10.05.2022).

⁷ Zongyuan Liu. CFR Expert. What the China-Solomon Islands Pact Means for the U.S. and South Pacific // *Council on Foreign Relations*. May 4, 2022. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/china-solomon-islands-security-pact-south-pacific> (дата обращения: 07.06.2022).

⁸ Charles Edel. A Fault Line in the Pacific // *Foreign Affairs*. June 3, 2022.

URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2022-06-03/fault-line-pacific?utm_medium=promo_e-mail&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=e-mail_1&utm_content=20220615 (дата обращения: 15.06.2022).

⁹ Виноградов И.С. Океания во внешней политике Китая // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. № 2. С. 34.

¹⁰ Zongyuan Liu. What the China-Solomon Islands Pact Means for the U.S. and South Pacific // *Council on Foreign Relations*. May 4, 2022. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/china-solomon-islands-security-pact-us-south-pacific> (дата обращения: 07.06.2023).

Особую обеспокоенность Запада вызвало заключение Китаем Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности с Соломоновыми островами (парафировано 31 марта 2022 г., 19 апреля соглашение было подписано в Пекине министрами иностранных дел).

Судя по появившимся фрагментам Соглашения (его официальный текст не был опубликован), предусматривается оказание Китаем помощи Соломоновым островам в поддержании общественного порядка, содействие в борьбе со стихийными бедствиями, климатическими изменениями, создание для этого необходимой инфраструктуры, предоставление гуманитарной помощи. В этих целях на острова будут направлены ограниченные китайские полицейские и военные контингенты. Кроме этого, будут разрешены, по согласованию с местными властями, заходы в порты страны китайских судов для пополнения запасов воды, топлива, продовольствия и т.д. По сообщениям печати, Пекином была обещана финансовая помощь Хониаре в размере 750 млн долл., 11,3 млн долл. предоставлено на развитие сельского хозяйства островов¹¹.

Достигнутые между Китаем и Соломоновыми островами договоренности были подвергнуты острой критике в оппозиционных кругах Австралии и Новой Зеландии и западной печати как шаги, которые в недалеком будущем могут привести к созданию китайских военных баз на тихоокеанских островах, блокированию Китаем морских коммуникаций западных стран в тихоокеанском регионе, что «создает серьезную угрозу их безопасности»¹².

В ответ и Пекин, и Хониара выступили с многократными заверениями, что указанные опасения не имеют под собой оснований и что создание китайских военных баз сторонами не планируется. В частности, правительство Соломоновых островов представило в день парафирования соглашения (31 марта 2022 г.) следующие разъяснения: цель данного документа заключается в том, чтобы дать ответ на стоящие перед Соломоновыми островами мягкие и жесткие угрозы. Суть внешней политики островов описывается следующим образом: «Друзья для всех и враги ни для кого <...> Соломоновы острова стремятся к большему сотрудничеству в сфере безопасности с другими партнерами и соседями и еще раз выражают благодарность Австралии, Папуа-Новой Гвинее, Новой Зеландии и Фиджи за присутствие их персонала в рамках задач по обеспечению безопасности на Соломоновых островах»¹³.

Невзирая на указанные разъяснения, со стороны Запада последовало сильнейшее давление на руководство Соломоновых островов с тем, чтобы побудить Хониару дезавуировать достигнутые договоренности с Пекином. В этих целях на островах побывал целый ряд высокопоставленных представителей Запада, в их числе заместитель министра иностранных дел Японии К. Уэсуги. При встрече 26 апреля 2022 г. с премьер-министром Соломоновых островов М. Соговаре Уэсуге заявил, что Япония «с озабоченностью» следит за ситуацией (в связи с подписанием соглашения – *Прим. авт.*), изложив «откровенное мнение» Японии по этому поводу¹⁴. «Озабоченность» японской стороны была

¹¹ Zongyuan Liu. What the China-Solomon Islands Pact Means for the U.S. and South Pacific // *Council on Foreign Relations*. May 4, 2022. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/china-solomon-islands-security-pact-us-south-pacific> (дата обращения: 07.06.2023).

¹² China-Solomon Islands Pact Leaves U.S. Worried About the Pacific // *Newsweek*. April 26, 2022. URL: <https://www.newsweek.com/china-solomon-islands-us-pacific-military-1700929> (дата обращения: 16.05.2022).

¹³ Solomon Islands Government, Office of the Prime Minister & Cabinet Government Communication Unit. Solomon Islands and China Initial Framework Agreement on Security Cooperation // *Solomon Islands Government*. March 31, 2022 URL: <https://solomons.gov.sb/solomon-islands-and-china-initial-framework-agreement-on-security-cooperation/> (дата обращения: 16.05.2022).

¹⁴ Courtesy Call on Prime Minister Sogavare by Parliamentary Vice-Minister Uesugi // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. April 26, 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/ocn/sb/page/e_000387.html (дата обращения: 28.04.2022).

высказана и в ходе экстренного визита на Фиджи и Палау 7–8 мая 2022 г. министра иностранных дел Японии Ё. Хаяси.

Развитие событий в регионе побудило США, их союзников и партнеров приступить к решительным шагам по укреплению своих позиций в Океании. Важные задачи в контексте этого курса возлагались на Японию.

В феврале 2022 г. была опубликована Индо-Тихоокеанская стратегия Соединенных Штатов, где Океании уделено большое внимание¹⁵.

24 июня 2022 г. основные финансовые доноры в южной части Тихого океана (США, Великобритания, Япония, Австралия и Новая Зеландия) создали неформальную группу Partners in the Blue Pacific (PBP) — по сути, как альтернативу китайской инициативе ОПОП¹⁶. Целью этого объединения является обеспечение интересов Запада непосредственно в регионе Тихого океана. Действия участников будут основываться на «принципах тихоокеанского регионализма, суверенитета, прозрачности и ответственности (accountability), под руководством и лидерством тихоокеанских островных государств». Отмечается также, что данный курс будет осуществляться в координации со странами Европейского Союза и другими партнерами Вашингтона¹⁷. Позже США официально сообщили о намерении присоединиться к PBP Канады и Германии и о возможном сотрудничестве с PBP Франции, Европейского союза, Южной Кореи и Индии.

«Историческим событием» администрация Байдена назвала состоявшийся в Вашингтоне 28–29 сентября 2022 г. первый саммит США — Тихоокеанские острова, призванный «продемонстрировать единство стран региона в обстановке нарастающих в мире угроз, решимость США оказать всемерную помощь островным тихоокеанским государствам»¹⁸. Помимо США, в данном мероприятии приняли участие 14 стран региона. Австралия и Новая Зеландия присутствовали в качестве наблюдателей, Кирибати не участвовала.

В своей речи на саммите 29 сентября президент Байден проинформировал о некоторых шагах, которые Соединенные Штаты намереваются осуществить в регионе, включая выделение 810 млн долл. на оказание помощи тихоокеанским островным государствам (в дополнение к 1,5 млрд долл., предоставленным ранее на 10-летний период). Из них 130 млн долл. пойдет в качестве инвестиций в борьбе с климатическими изменениями (в дополнение к 375 млн долл. к уже осуществляемым программам в сфере климата); будут продолжены переговоры по Договору о свободной ассоциации с Федеративными Штатами Микронезии, Маршалловыми островами и Палау. До этого было объявлено о намерении США открыть посольства на Соломоновых островах, островах Тонга и Кирибати, помимо шести уже существующих¹⁹.

¹⁵ Indo-Pacific Strategy of the United States // *The White House, Washington*. February 2022.

URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/u.s.-Indo-Pacific-strategy.pdf> (дата обращения: 14.02.2022).

¹⁶ Пале С.Е. Китай, Австралия и страны Океании: кто с кем против кого // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Том 2. № 2(55). С. 71–72

¹⁷ Statement by Australia, Japan, the United Kingdom and the United States on the establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // *The White House*. June 24, 2022.

URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (дата обращения: 25.06.2022).

¹⁸ White House Unveils Pacific Islands Strategy at Historic Summit // *Center for Strategic and International Studies*. September 30, 2022. URL: <https://www.csis.org/analysis/white-house-unveils-pacific-islands-strategy-historic-summit> (дата обращения: 10.11. 2022).

¹⁹ Remarks by President Biden at the U.S. Pacific Country Summit // *The White House*. September 29, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/29/remarks-by-president-biden-at-the-u-s-pacific-island-country-summit/> (дата обращения: 30.09.2022).

Нарастает и военное присутствие в регионе. По сообщению агентства Kyodo News, на острове Гуам открылась новая крупная военная база морской пехоты США Кэмп-Блаз. На этой базе планируется разместить около 4 000 военнослужащих, в настоящее время дислоцированных на Окинаве (Япония). Японское правительство вложило в строительство базы 3 млрд долл. Переброска морских пехотинцев на Гуам запланирована на 2024 г. и является частью плана реорганизации военных сил между Японией и США. На Окинаве размещена основная часть американских войск в Окинаве, и план направлен на облегчение бремени Японии по размещению баз на территории страны²⁰.

Япония также активизировала свои действия в Океании, делая особый упор на продвижении в странах региона концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (FOIP).²¹ При этом указанные страны априори включаются японской стороной в состав данного образования. Тема FOIP неизменно вносится японской стороной в повестку дня заседаний в рамках PALM, а также в ходе двусторонних встреч с представителями тихоокеанских островных государств.

Необходимо отметить, что далеко не все страны Океании поддерживают указанную идею, рассматривая ее, прежде всего, в контексте противоборства Запада с Китаем. В то время как Фиджи, Маршалловы острова, Микронезия, Палау, Папуа-Новая Гвинея и Самоа солидаризировались с концепцией FOIP, другие страны либо выражали согласие продолжить ее обсуждение, либо отмалчивались. В то же время практически все островные тихоокеанские государства не скрывали, что их основной интерес заключается в стремлении сосредоточиться на решении жизненно важных проблем региона. В 2013 г. правительство Фиджи выступило с предложением о создании Форума развития тихоокеанских островов (PIDF) в составе только островных государств региона²². Серьезную озабоченность стран Океании продолжают вызывать последствия аварии на АЭС «Фукусима» и сброс в Тихий океан подвергшейся радиоактивному заражению воды²³.

Представление о нынешней политике Токио в регионе дают продвигаемые японской стороной темы в рамках саммитов и других механизмов PALM.

Основным на заседании PALM на уровне министров в 2017 г. стал выдвинутый Японией вопрос о поддержании «свободного и открытого порядка на морях» с явным подтекстом — противодействие политике Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях²⁴.

²⁰ U.S. Marines Open New Guam Base, Troop Transfer To Start In '24 // *Kyodo News*. 2023.
URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/01/304c6e706f47-us-marines-open-new-guam-base-troop-transfer-to-start-in-24.html> (дата обращения: 05.06.2023).

²¹ 荒木千帆美. 中国の「一帯一路」と日米のインド太平洋への姿勢 [Араки Тихоми. «Один пояс, один путь» Китая и позиция Японии и США по отношению к Индо-Тихоокеанскому региону] // 立法と調査. 01.11.2022. 451 号. Р. 119.
URL: https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/20221101.html (дата обращения: 10.02.2023).

²² *Transform Aqorau and James Batley.* "The Pacific Islands Development Forum: A Shaky Future?" // *Department of Pacific Affairs*. 2019. URL: https://bellschool.anu.edu.au/sites/default/files/publications/attachments/2019-04/dpa_ib_20198_aorau_and_batley.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

²³ Dialogue with the Pacific Islands Forum Secretariat and its Experts on the Current Status of Advanced liquid Processing System (ALPS) Treated Water at TEPCO's Fukushima Daiichi Nuclear Power Station // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. June 7, 2023.
URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press5e_000010.html (дата обращения: 08.06.2023).

²⁴ MOFA, "Chairs' Summary of the PALM Third Ministerial Interim Meeting // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. January 17, 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000219451.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).

В повестку PALM 8 (2018 г.) была вынесена тема: «Мы островитяне — Партнерство, направленное на процветающий, свободный и открытый Тихий океан».

2 июля 2021 г. в виртуальном формате и при председательстве премьер-министров Японии и Тувалу прошла девятая встреча лидеров стран региона PALM 9 (участвовали руководители или представители практически всех островных государств данного региона, а также Австралии и Новой Зеландии). В принятой на форуме совместной декларации указано, что все страны региона «признают общие ценности, такие как свобода, демократия и верховенство закона»²⁵. Премьер-министр Суга провозгласил в ходе встречи «Политику тихоокеанских уз Японии» (Kizuna), направленную на дальнейшее укрепление сотрудничества Токио с тихоокеанскими островными государствами, реализацию стратегии FOIP. Утверждены «пять приоритетов» в развитии японских связей со странами Океании на следующие три года: преодоление последствий COVID-19; устойчивость в районе океанов, базирующаяся на верховенстве закона; противодействие климатическим изменениям и стихийным бедствиям; укрепление базы устойчивого экономического развития; обмена между народами и развитие человеческих ресурсов²⁶.

Учитывая огромные потребности стран региона в иностранных инвестициях, займах, технологическом содействии, борьбе со стихийными бедствиями, климатическими изменениями, одним из главных фронтов развернувшегося в Океании соперничества сторон является экономическая сфера. Если до недавнего времени в качестве основных партнеров островных государств Океании в этой сфере выступали США, Австралия, Япония и Новая Зеландия, то в последние годы и здесь все более прочные позиции занимает Китай. По подсчетам, основанным на данных Азиатского банка развития (АБР), в 2020 г. экспорт островных тихоокеанских государств в Китай составил 1,3 млрд долл., а в Японию — 1 млрд долл. Импорт указанных стран из Китая достиг 5,2 млрд долл., а из Японии — 300 млн долл.²⁷

В 2018 г. в Вашингтоне — в качестве альтернативы китайской стратегии «Один пояс, один путь» — США, Япония и Канада создали так называемое Трехстороннее инфраструктурное партнерство (TIP), в рамках которого осуществлены инфраструктурные проекты в ряде островных тихоокеанских государств.

Япония, наряду с Австралией и Новой Зеландией, является одним из главных доноров тихоокеанских островных государств. По данным печати, в 2020 г. на помощь этим странам с японской стороны было выделено 329 млн долл. Существенную часть помощи представляли гранты, а 46 % направлялось в область инфраструктуры (транспорт, коммуникации и энергетика)²⁸. Среди японских инфраструктурных проектов, реализованных в Океании, можно отметить модернизацию портов на Кирибати (The Project For Expansion of Betio Port, 2014 г.) и в Вануату (The Port Vila Lapetasi International Multi-Purpose Wharf Development Project, 2018 г.) и др.²⁹ Большое внимание со стороны Японии уделяется содействию странам региона в области борьбы со стихийными бедствиями,

²⁵ The Ninth Pacific Island Leaders Meeting (PALM 9) Leaders Declaration // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. July 2, 2021. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100207980.pdf> (дата обращения: 05.07.2021).

²⁶ Japan's Diplomatic Bluebook 2022. P. 86 // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100334590.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

²⁷ Kei Koga. Japan's Strategic Approach toward Island States // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. November-December 2022. Pp. 62–83. URL: <https://media.defense.gov/2022/Dec/06/2003126852/-1/-1/1/JIPA%20-%20KOGA.PDF> (дата обращения: 19.11.2022).

²⁸ Aid's quiet achiever? An update on Japan's development assistance // *Development Policy Center*. June 9, 2022. URL: <https://devpolicy.org/an-update-on-japans-development-assistance-20220609> (дата обращения: 06.01.2023).

²⁹ Гарин А.А. Фактор Японии в южной части Тихого Океана // *Международная жизнь*. 2020. С. 6.

науки и техники, образования, медицины, контактам между людьми, где важную роль (помимо программ по линии Официальной помощи на цели развития — ODA) играют такие организации, как Японское агентство по международному сотрудничеству (JICA), Японский фонд (JF), Организация внешней торговли Японии (JETRO), Японская корпорация зарубежного развития (JODC) и др.

О существенном повышении значимости для Запада региона Океании говорит тот факт, что задачи, направленные на укрепление взаимодействия с островными тихоокеанскими государствами, западные страны стали все чаще включать в число приоритетов своей внешней политики и национальной безопасности.

Обещание «поддерживать приоритеты и потребности» островных стран Океании зафиксировано и в принятом 20 мая 2023 г. коммюнике по итогам саммита G7 в Хиросиме (19–21 мая 2023 г.). В рамках подготовки саммита 2 февраля в Токио состоялась встреча премьер-министра Ф. Кисиды с президентом Федеративных Штатов Микронезии Д. Пануэло, а 9 февраля министр иностранных дел Японии Ё. Хаяси принял министра иностранных дел и торговли Маршалловых островов К. Кабуа. 6–7 февраля прошли встречи в Японии Ф. Кисиды и Ё. Хаяси с делегацией Форума тихоокеанских островов (PIF) в составе премьер-министра Островов Кука М. Брауна, являющегося председателем Форума, а также генерального секретаря Форума Г. Пуны. В марте на Соломоновы острова и Острова Кука выезжал министр Ё. Хаяси, передавший приглашение М. Брауну принять участие в так называемой дополнительной встрече (outreach meeting) в рамках саммита. В Хиросиме состоялся ряд контактов Брауна с японскими официальными лицами.

Сразу же после саммита в Папуа-Новую Гвинею отбыл американский госсекретарь А. Блинкен, который встретился там с лидерами 14 островных государств Океании (первоначально планировался визит президента Дж. Байдена, однако он был вынужден срочно отбыть из Японии в связи с угрозой дефолта в США). По результатам визита Блинкена между США и Папуа-Новой Гвинеей 22 мая было подписано соглашение по обеспечению безопасности и сотрудничеству на морях, предоставляющее США широкие возможности по использованию территории, аэродромов и портов Папуа-Новой Гвинеи в военных целях, американский военный персонал наделяется правом экстерриториальности, а также в рамках соглашения будет предоставлена помощь на сумму 45 млн долл. Однако, по словам премьер-министра Папуа-Новой Гвинеи Дж. Марапе, создание военной базы США не планируется³⁰.

Как отмечают в этой связи зарубежные наблюдатели, Папуа-Новая Гвинея становится одним из главных объектов в борьбе за влияние в Океании — как самое большое по территории (463 тыс. км²) и численности населения (9,6 млн человек) островное тихоокеанское государство, обладающее богатыми природными ресурсами. При этом учитывается активный курс в отношении Папуа-Новой Гвинеи, который проводит в последние годы Китай, существенно нарастивший объемы взаимной торговли, осуществляющий ряд инвестиционных проектов. При встрече с премьер-министром ПНГ Дж. Марапе 18 ноября 2022 г. в Бангкоке в ходе саммита АТЭС председатель КНР Си Цзиньпин выразил намерение совместно с ПНГ строить отношения всестороннего стратегического партнерства в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

* * *

Оценивая складывающуюся в тихоокеанском регионе обстановку, следует ожидать, что соперничество сторон будет только нарастать, поскольку ни одна из них не со-

³⁰ U.S. and Papua New Guinea sign security agreement despite setbacks // *The Washington Post*. May 22, 2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/05/22/blincken-biden-papua-new-guinea-pact/> (дата обращения: 25.05.2023).

бирается сдавать свои позиции. Взятый Японией курс, конкретные действия японской администрации свидетельствуют о намерении Токио существенно увеличить свое влияние в регионе. К тому, чтобы Япония «взяла на себя большую ношу» в экономическом и военном отношении не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в мировых делах, Токио всячески подталкивают Соединенные Штаты и другие западные партнеры.

Итак, вокруг тихоокеанских островных государств разворачивается острая борьба. Запад стремится укрепить там свои позиции, а Китай — расширить влияние, опираясь на растущую экономическую мощь, накопленные крупные финансовые активы и неуклонно повышающийся технологический уровень.

Что же касается самих тихоокеанских островных государств, то они, в свою очередь, стараясь не нанести ущерб сложившимся у них тесным отношениям с западными партнерами, тем не менее проявляют стремление к большей самостоятельности и защите собственных интересов, развитию отношений со всеми странами, готовыми оказать им поддержку в решении накопившихся в регионе проблем.

Литература

- Виноградов И.С. Океания во внешней политике Китая // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. № 2. С. 34–42.
- Гарин А.А. Фактор Японии в южной части Тихого Океана // *Международная жизнь*. 2020.
- Пале С.Е. Китай, Австралия и страны Океании: кто с кем против кого // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Том 2. № 2(55). С. 64–73.
- Charles Edel. A Fault Line in the Pacific // *Foreign Affairs*. June 3, 2022.
URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2022-06-03/fault-line-pacific?utm_medium=promo_e-mail&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=e-mail_1&utm_content=20220615 (дата обращения: 15.06.2022).
- Diplomatic Bluebook 2022 // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*.
URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100334590.pdf> (дата обращения: 25.10.2022).
- Koga K. Japan's Strategic Approach toward Island States // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. November–December 2022. Pp. 62–83. URL: <https://media.defense.gov/2022/Dec/06/2003126852/-1/-1/1/JIPA%20-%20KOGA.PDF> (дата обращения: 19.11.2022).
- Zongyuan Liu. What the China-Solomon Islands Pact Means for the U.S. and South Pacific // *Council on Foreign Relations*. May 4, 2022. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/china-solomon-islands-security-pact-us-south-pacific> (дата обращения: 07.06.2023).
- 荒木千帆美. 中国の「一带一路」と日米のインド太平洋への姿勢 [Араки Тихоми. Позиция по отношению к инициативе Китая «Один пояс, один путь» и Индо-Тихоокеанской стратегии Японии и США] // *立法と調査*. 01.11.2022. 451 号. Pp. 111–122.
URL: https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/20221101.html (дата обращения: 10.02.2023).

The Intensification of the Struggle for Influence in Oceania and the Policy of Japan in the Region

Irina V. Gordeeva

Ph.D. (History), Associate Professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics (address: 17, Malaya Ordynka, Moscow, 119017, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8503-9550. E-mail: igordeeva@hse.ru.

Received 05.08.2023.

Abstract:

The article is devoted to Japan's policy towards Oceania in the context of the growing confrontation in the region between the coalition of Western powers led by the United States, seeking to maintain and consolidate their dominant positions in Oceania, and China, which is increasingly gaining strength. The Pacific Region, with its important geostrategic position and huge resources, is becoming one of the fronts of the offensive launched by the United States and its allies to strengthen their dominant positions on the world stage. At the same time, China continues its sys-

tematic advance in the region, relying on its growing economic power, accumulated large financial assets and steadily increasing technological level. The political, economic, and military aspects of the interaction of the dominant countries in the region with small developing island states, as well as their positions in the context of increased competition and tension between the powers are studied.

Particular attention is paid to Japan's desire to strengthen relations with the countries of Oceania and search for its place while maintaining close ties with the United States and its allies. Japan and island States have deep historical ties and successfully cooperate in many areas. Security issues, economic and logistical interests of Tokyo play an important role in this cooperation. Extensive multilateral and bilateral mechanisms for interaction with Pacific island countries have been created, relying on which Tokyo secures its interests in the region.

An important role in this situation is played by the position of the Pacific island States, which are increasingly openly declaring their interest in developing relations with all parties, guided primarily by their own interests, the possibilities of obtaining financial and economic assistance to solve the serious problems that have accumulated in the region.

Key words:

Oceania, Japan's Policy, PALM, Strengthening of China, FOIP, Pacific Islands Forum (PIF), Partners in the Blue Pacific (PBP).

For citation:

Gordeeva I.V. The Intensification of the Struggle for Influence in Oceania and the Policy of Japan in the Region // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 4. Pp. 36–45.
DOI: 10.31857/S013128120027414-6.

References

- Charles Edel. A Fault Line in the Pacific. *Foreign Affairs*. June 3, 2022.
URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2022-06-03/fault-line-pacific?utm_medium=promo_e-mail&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=e-mail_1&utm_content=20220615 (accessed: 25.10.2022).
- Diplomatic Bluebook 2022. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*.
URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100334590.pdf> (accessed: 25.10.2022).
- Garin A.A. Faktor Yaponii v yuzhnoj chasti Tihogo Okeana [The Factor of Japan in the Southern Part of the Pacific Ocean]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2020.
URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28539>. (In Russ.)
- Koga K. Japan's Strategic Approach toward Island States. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. November–December 2022. Pp. 62–83. URL: <https://media.defense.gov/2022/Dec/06/2003126852/-1/-1/1/JIPA%20-%20KOGA.PDF> (accessed: 19.11.2022).
- Pale S.E. Kitaj, Avstraliya i strany Okeanii: kto s kem protiv kogo [China, Australia and Oceania: Who is for and Who is against Whom]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2022. T. 2. No. 2(55). S. 64–73. (In Russ.)
- Vinogradov I.S. Okeaniya vo vneshnej politike Kitaya [Oceania in China's Foreign Policy]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2022. No. 2. S. 34–42. (In Russ.)
- Zongyuan Liu. What the China-Solomon Islands Pact Means for the U.S. and South Pacific. May 4, 2022.
URL: <https://www.cfr.org/in-brief/china-solomon-islands-security-pact-us-south-pacific> (accessed: 07.06.2023).
- 荒木千帆美. 中国の「一带一路」と日米のインド太平洋への姿勢 [Araki Chihomi. The position towards China's "One Belt, One Road" Initiative and the Indo-Pacific Strategy of Japan and the United States]. 立法と調査. 01.11.2022. 451 号. Pp. 111–122.
URL: https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/20221101.html (accessed: 10.02.2023). (In Jap.)

Экономика / Economics

Перспективы российского газа в Китае

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027172-0

Кондратов Дмитрий Игоревич

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-7356-0047.

E-mail: dmikondratov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.07.2023.

Аннотация:

В статье представлены анализ текущего состояния и прогнозы долгосрочного развития китайского рынка природного газа, а также рассмотрены перспективы увеличения поставок в КНР российского ископаемого топлива.

Ожидается, что к концу 2030 г. КНР по потреблению газа может догнать и перегнать Европу. К 2030 г. совокупный объем спроса на газ в Поднебесной составит 390–560 млрд м³, что почти в 1,5 раза выше уровня 2022 г.

В период экономического замедления дисбаланс спроса и предложения на мировом углеводородном рынке ведет к его дестабилизации. Чтобы заранее спрогнозировать такие ситуации, специалисты международных и российских организаций (Международное энергетическое агентство, BP p.l.c., Институт энергетических исследований РАН, Институт экономики энергетики Японии) и консалтинговых компаний (IHS Markit и т.д.) осуществляют мониторинг событий на мировых энергетических рынках и публикуют информационно-аналитические обзоры. Большинство исследователей пока не готовы в обозримом будущем назвать пик спроса на газ в КНР, что дает основания назвать XXI в. веком китайской газовой трансформации.

Также автор дает оценку перспективам расширения российского присутствия на китайском газовом рынке и предлагает рекомендации по использованию потенциала развития энергетического сотрудничества КНР и России.

После запуска газопровода «Сила Сибири» северо-восточные и восточные провинции Китая, находящиеся вблизи российской границы, будут насыщены российским газом. В свою очередь, недостаточное развитие газовой инфраструктуры Китая (нехватка трубопроводных мощностей, газовых хранилищ, распределительных сетей) не позволит увеличить экспорт при строительстве Россией дополнительных мощностей. Еще в большей степени это касается проекта «Сила Сибири-2».

Наиболее перспективным направлением увеличения экспорта российского газа в КНР является организация поставок российского СПГ в приморские районы Китая, в которых прогнозируется устойчивый рост спроса на газ.

Ключевые слова:

Китай, газ, российско-китайское энергетическое сотрудничество, топливно-энергетический сектор КНР.

Для цитирования:

Кондратов Д.И. Перспективы российского газа в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 46–72. DOI: 10.31857/S013128120027172-0.

В настоящее время энергетика КНР находится в состоянии трансформации. Эти изменения связаны с последовательным переходом китайской экономики к постиндустриальной модели, для которой, в частности, характерны увеличение доли сферы услуг в ВВП при уменьшении удельного веса промышленности, рост потребности в экологически чистых технологиях и изменение потребительских предпочтений.

Международные эксперты также отмечают переход китайской энергетики к более экологичной, диверсифицированной и менее энергоемкой модели развития. Тем не менее скорость указанных изменений пока не определена.

В настоящий момент развитие энергетики Китая определяется следующими факторами:

- Китай — самая густонаселенная страна в мире¹. Экономика страны — как по номинальному ВВП, так и по паритету покупательной способности — одна из крупнейших. Быстро увеличивающееся потребление всех основных видов энергии сделало Китай одним из важнейших участников международной торговли невозобновляемыми источниками энергии, такими как нефть, газ и уголь;

- Китай — второй по величине мировой потребитель жидких углеводородов после США;

- действующие нефтяные месторождения в стране вступили в зрелую фазу своего развития, пик добычи на них практически пройден. Ведущие компании страны фокусируют свое внимание на геологоразведке внутренних областей Западного Китая и шельфа, а также на разработке сланцевых месторождений;

- несмотря на увеличение потребления газа, его доля в 2022 г. составила лишь 8,5 % от общего объема потребления первичной энергии;

- Китай обладает крупными ресурсами нетрадиционных углеводородов, освоение которых может повлиять на долгосрочные перспективы импорта нефти и газа;

- Китай — мировой лидер по добыче и потреблению угля. По оценкам Международного энергетического агентства, в 2022 г. на страну приходилось 50,9 % добычи и 53,0 % мирового потребления угля;

- для КНР характерна относительно невысокая доля традиционной биомассы и отходов в первичном потреблении энергии. По оценкам Государственного статистического управления КНР, на 2022 г. она составляла лишь 3,5 %, или 124,8 млн т н.э., что отличает энергобаланс КНР от многих стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности Мьянмы (доля биомассы и отходов в ее потреблении ПЭР — 71,4 %, по данным за 2020 г.), Вьетнама (25,4 %), Индии (18,5 %) и Индонезии (12,7 %);

- Китай — один из ключевых игроков в сфере развития возобновляемой энергетики и низкоуглеродных технологий, а также крупнейший экспортер оборудования для солнечной энергетики;

- Китай активно участвует в зарубежных энергетических проектах для получения новых технологий, повышения своей энергетической безопасности, создания производственных цепочек и т.д.;

- Китай лидирует по выбросам CO₂ от энергетических источников (31,8 % от мировой эмиссии), что негативно сказывается на окружающей среде, международном положении страны и отчасти на социально-политической обстановке. Власти Китая пытаются ограничить рост выбросов CO₂ за счет развития ВИЭ, газовой генерации и других видов низкоуглеродной энергетики.

Энергетика является одной из приоритетных сфер сотрудничества России и Китая. Укреплению и расширению российско-китайского энергетического партнерства способствует несколько факторов. Как крупнейший производитель энергоресурсов, Россия заинтересована в бесперебойных поставках и стабильных ценах, а Китай может выступать платформой для разработки единых принципов торгово-экономической политики. Воздействие на рынки энергоресурсов может осуществляться за счет скоординированной политики двух государств, имеющих в совокупности значимую долю на мировом энергетическом рынке.

Западные санкции в отношении российских нефтегазовых предприятий и проектов, а также давление властей США на Евросоюз и перспективы наращивания экспорта

¹ В 2022 г. самой населенной страной мира стала Индия — *Прим. ред.*

американского СПГ подтолкнули Россию к поиску альтернативных европейскому направлений поставок энергоресурсов. В этих условиях Китай, испытывающий дефицит энергоресурсов, является перспективным рынком для России.

Среди основных направлений сотрудничества — наращивание поставок газа в Китай, а также привлечение инвестиций в российский ТЭК.

Таблица 1 / Table 1

Основные макроэкономические и энергетические показатели Китая
Main Macroeconomic and Energy Indicators of China

Показатель	2010	2022
ВВП, по ППС в постоянных ценах 2015 г., трлн долл. США	13,81	30,67
Доля в мировом ВВП, %	14,0	21,4
Добыча ЖУВ, млн барр./сут.	4,08	4,2
Доля в мировой добыче ЖУВ, %	4,7	4,1
Потребление ЖУВ, млн барр./сут.	9,07	15,01
Доля в мировом потреблении ЖУВ, %	10,3	15,0
Импорт нефти, млн барр./сут.	4,08	10,19
Доля в мировом импорте нефти, %	9,8	22,8
Добыча газа, млрд м ³	91,5	212,5
Доля в мировой добыче газа, %	2,9	5,2
Потребление газа, млрд м ³	107,9	366,3
Доля в мировом потреблении газа, %	3,4	9,1
Импорт газа (включая трубопроводный), млрд м ³	16,48	147,80
Доля в мировом импорте газа, %	1,6	11,1
Импорт СПГ, млн т (млрд м ³)	9,6 (12,9)	63,4 (85,7)
Доля в мировом импорте СПГ, %	4,3	15,9
Добыча угля, млн т	3140	4237
Доля в мировой добыче угля, %	47,0	50,9
Потребление угля, млн т	3183	4250
Доля в мировом потреблении угля, %	45,0	53,0

Источники: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023); IEA (2022), Coal Market Report // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2022> (дата обращения: 13.07.2023); OPEC (2023). Annual Statistical Bulletin 2023 (ASB) // OPEC. URL: <https://asb.opec.org/> (дата обращения: 13.07.2023).

Газовая промышленность КНР

Рост интереса к природному газу — одна из общих черт в стратегиях перехода на низкоуглеродные технологии китайских нефтегазовых компаний. Все они объявили о планах по увеличению доли природного газа в своих портфелях как внутри страны, так и за рубежом.

Структура отрасли

Тремя основными добывающими компаниями Китая (CNPC, Sinopec и CNOOC) в 2022 г. было добыто 85,6 % сырья в стране. Крупнейшей нефтегазодобывающей компанией Китая является CNPC: 126,6 млрд м³ (59,6 % добычи газа в стране). К началу 2022 г. реализовывалось 29 совместных проектов CNPC с зарубежными компаниями по

добыче нефти и газа в КНР. В 2022 г. добыча газа Sinopec в Китае составила 35,4 млрд м³ (16,6 % добычи газа в стране), CNOOC — 20,1 млрд м³ (9,4 %).

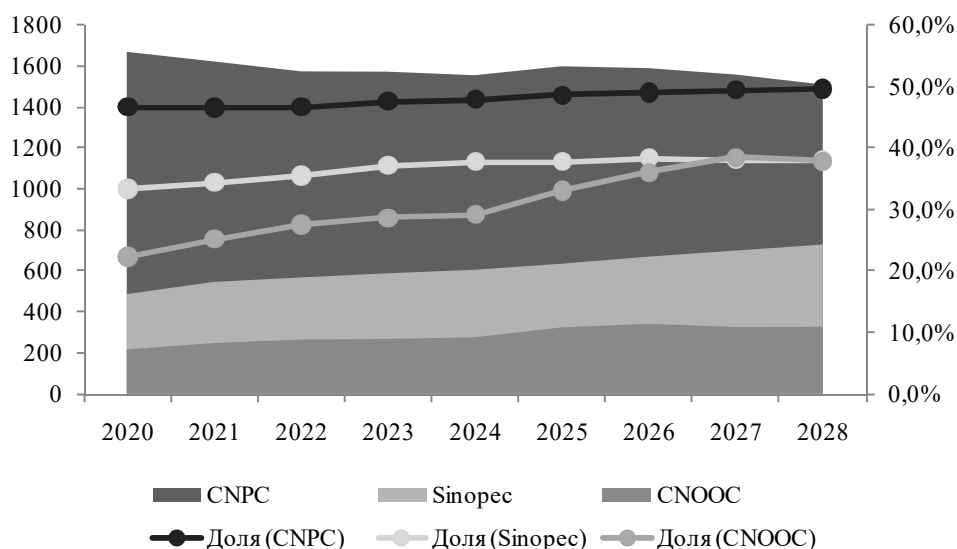

Рис. 1. Добыча газа по крупнейшим компаниям КНР (тыс. барр. н.э./сут.) и его доля в производственном балансе (%)

Figure 1. Gas Production by China's Largest Companies (Thousand Barrels of Oil Equivalent per Day) and Its Share in the Production Balance (%)

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022).

К 2025 г. CNPC планирует довести долю природного газа (в добыче ископаемого топлива) до 48,6 %, что на 1,9 п.п. выше уровня 2022 г. Sinopec наметила ежегодное наращивание добычи природного газа в среднем более чем на 10 % в течение следующих трех лет. CNOOC обязалась нарастить объемы природного газа до 33 % от общего объема добычи к 2025 г.

Переход от жидких углеводородов к природному газу видится как тенденция, которая проявилась в стратегиях нефтяных корпораций еще до того, как Китай поставил новые климатические цели. Как мы уже отмечали ранее², природный газ считается наиболее эффективным, практичным и доступным средством достижения поставленных целей; добыча его растет быстрее, чем добыча нефти. Кроме того, при текущих ценах на природный газ на газораспределительных станциях, устанавливаемых государством, традиционная добыча природного газа на внутреннем рынке является прибыльной. Сланцевый природный газ на китайском рынке также может оказаться на уровне безубыточности при продолжении выделения субсидий и налоговых льгот со стороны центрального правительства.

² См.: Кондратов Д. Будущее мирового рынка природного газа // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 1. С. 66–82. DOI: 10.24412/2072–8042–2022–1–66–82

Китайские ННК в настоящее время представляют собой высокоразвитые, мирового масштаба «гибридные» производственно-технологические комплексы, нечто среднее между привычными международными мейджорами (такими как BP, ExxonMobil, Shell и Chevron) и принадлежащими государству национальными нефтяными, нефтеперерабатывающими и нефтехимическими компаниями. Можно сказать, что такие международные национальные топливно-энергетические корпорации уже стали примером новой категории игроков на мировом рынке ТЭК.

За счет целенаправленной государственной политики Китая удалось за 20 с небольшим лет реализовать то, что задумывалось в СССР при организации межотраслевых научно-технических комплексов, таких как МНТК «Нефтеотдача», «Союзнефтепромхим», «Порошковая металлургия», «Микрохирургия глаза» и др., целью которых было «проведение всего цикла работ по созданию и освоению производства высокоэффективных видов техники, технологий и материалов новых поколений» (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 декабря 1985 г. № 1230).

Запасы

По данным Energy Institute³, на конец 2020 г. доказанные запасы газа в Китае составляли 8,4 трлн м³ (4,5 % мировых запасов), по оценкам ОПЕК⁴ — 3,1 трлн м³ (1,5 %). По запасам газа Китай занимает первое место в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Отметим, что за период с 1998 г. по настоящее время объем доказанных запасов газа в Китае увеличился в 6,1 раза (по оценкам ОПЕК — в 2,51 раза), что отражает интенсивность проводимых в стране геологоразведочных работ. В перспективе также следует ожидать дальнейшего прироста доказанных запасов.

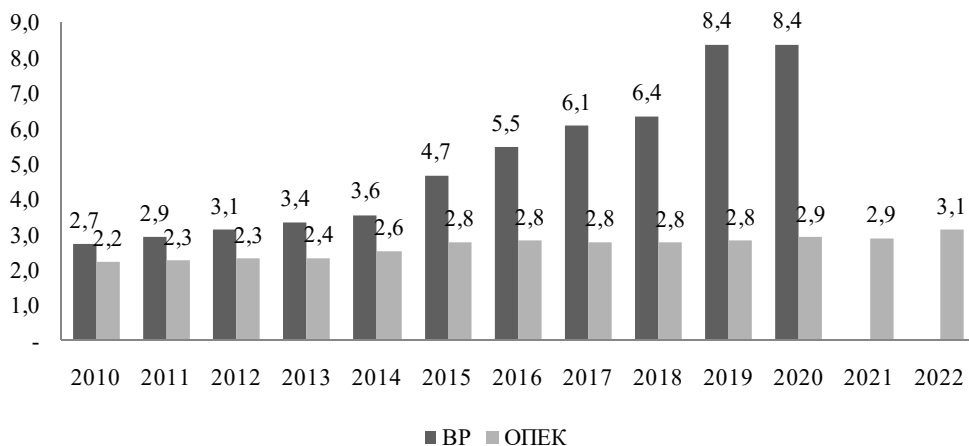

Рис. 2. Доказанные запасы газа в Китае, трлн м³
Figure 2. Proven Gas Reserves in China, trillion m³

Источники: ОПЕК (2023). *Annual Statistical Bulletin 2023 (ASB)* // OPEC. URL: <https://asb.opec.org/> (дата обращения: 13.07.2023); *Statistical Review of World Energy: Energy Institute. June 2023* // Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 13.07.2023).

³ Statistical Review of World Energy: Energy Institute // *Energy Institute*. June 2023. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 13.07.2023).

⁴ ОПЕК (2023). *Annual Statistical Bulletin 2023 (ASB)* // OPEC. URL: <https://asb.opec.org/> (дата обращения: 13.07.2023).

Запасы природного газа в КНР сосредоточены в следующих районах: провинция Сычуань — Сычуаньский бассейн, провинция Шэньси — бассейн Ордос, провинция Цинхай — бассейн Кайдам и Синьцзян-Уйгурский автономный район — Таримский и Джунгарский бассейны. Запасы на старейших газовых месторождениях в Сычуаньском бассейне составляют около 1–1,5 трлн м³. Освоение нефтегазовых запасов региона связано с техническими трудностями, поскольку газ частично залегает в плотных (труднопро-ницаемых) коллекторах.

Запасы природного газа в пределах Таримского бассейна оцениваются в 1 трлн м³ (крупные месторождения — Кела, Дина и Дабэй), что говорит о колоссальных перспективах еще практически не изученного с геологической точки зрения региона, степень геологической изученности которого в настоящее время не выше 12 %. Однако сложные геологические условия и удаленность бассейна от основных потребляющих регионов делают его освоение слишком дорогим.

Другими крупными газовыми месторождениями северо-запада Китая могут стать недавно открытые залежи в бассейне Юнгар (Junggar) в Синьцзян-Уйгурском АР и бассейне Кайдам (Qaidam) в провинции Цинхай.

Ключевые запасы бассейна Ордос сосредоточены в пределах месторождений Чанцин, крупнейшее — Сулидж, запасы которого достигают около 0,5 трлн м³.

Запасы природного газа в бассейне Кайдам превышают 0,2 трлн м³. Их основная часть приходится на крупнейшее месторождение региона — Сабей. Запасы попутного нефтяного газа в бассейне Сунляо, на северо-востоке Китая, составляют 0,4 трлн м³.

Запасы газа на шельфе Южно-Китайского моря (бассейн Йингхай, комплекс Панью) оцениваются в 1–2 трлн м³, на шельфе Восточно-Китайского моря (блоки Бокси и Бонан) — свыше 150 млрд м³. До настоящего времени остаются неурегулированными территориальные споры в акватории Южно-Китайского моря со Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Филиппинами и Брунеем, а также в акватории Восточно-Китайского моря с Японией.

Запасы метана угольных пластов бассейнов Циньшуй и Ордос (восточная часть), контролируемые CNPC, по итогам проведенных в 2012 г. геологоразведочных работ превысили 200 млрд м³. В этой области на территории страны работает ряд совместных предприятий с зарубежными нефтегазовыми компаниями. Кроме того, CNPC изучает запасы сланцевого газа в провинциях Сычуань (в т.ч. в рамках СРП с ВР по блокам Neijiang-Dazu и Rongchangbei) и Юннань, а Sinopec — в муниципалитете Чунцин. По оценкам Управления энергетической информации США, извлекаемые запасы сланцевого газа Китая составляют 31,2 трлн м³, что ставит страну на первое место по данному показателю в мире (доказанные запасы по состоянию на начало 2017 г. — 544 млрд м³).

Большая часть доказанных запасов сланцевого газа в Китае находится в Сычуани и Таримском бассейне в южных и западных регионах страны, а также в бассейнах на севере и северо-востоке КНР. По данным Министерства земельных ресурсов Китая, ресурсы сланцевого газа оцениваются на уровне 24,7 трлн м³, доказанные запасы сланцевого газа в стране по состоянию на конец апреля 2018 г. составляли более 1 трлн м³, в т.ч. более 600 млрд м³ — запасы крупнейшего месторождения сланцевого газа в стране Chongqing Fuling. Оператором месторождения является Sinopec.

Добыча природного газа

По данным Форума стран-экспортеров газа и JODI со ссылкой на Государственное статистическое управление КНР в 2022 г., несмотря на введение антиковидных мероприятий и замедление экономической активности, на территории КНР было добыто 212,5 млрд м³ природного газа, что на 3,7 % выше уровня 2021 г. С 2010 г. объемы газодобычи в стране увеличились в 2,35 раза, главным образом за счет освоения месторождений газа из плотных пород и сланцевого газа. Так, по оценкам Форума стран-экспортеров

газа, с 2010 по 2022 г. добыча на труднопроницаемых месторождениях составила 50,3 млрд м³, что в 3 раза выше уровня 2010 г.

В 2022 г. увеличилась добыча сланцевого газа на 15,8 % г/г до 26,4 млрд м³, или 12,4 % к суммарной добыче ископаемого ресурса. По данным компании Sinopet, в 2021 г. добыча газа на крупнейшем сланцевом месторождении Fuling составила 9,98 млрд м³, что на 1,53 млрд м³ выше уровня 2020 г.

Как мы уже отмечали ранее⁵, для извлечения газа из сланцевых пород путем гидроразрыва пласта необходимо большое количество воды, с чем КНР испытывает проблемы. Из-за загрязнения промышленными отходами более половины водных ресурсов страны стали непригодными для питья, а треть — и для промышленного использования. Поскольку при добыче сланцевого газа в используемую для гидроразрывов воду добавляют специальные химические растворы, которые приводят к загрязнению грунтовых вод, для КНР этот вариант не может являться оптимальным.

Еще одна проблема добычи газа из сланцев заключается в том, что такой способ извлечения может спровоцировать землетрясения. В КНР и так нередки сильные подземные толчки, которые приводят к многочисленным разрушениям и человеческим жертвам. Кроме того, себестоимость сланцевого газа гораздо выше, чем традиционного.

5 сентября 2018 г. Государственный совет КНР выпустил программный документ под названием «Дополнительные меры по координации и устойчивому развитию газового сектора» (Several Opinions of the State Council on Promoting Coordinated and Stable Development of Natural Gas), в котором говорится о необходимости активизировать внутренние усилия по разведке и разработке и углубить реформу системы управления разведкой и добычей нефти и газа. В соответствии с этим документом, все нефтегазовые предприятия обязаны всесторонне увеличивать инвестиции внутренних фондов разведки и разработки и соответствующие объемы работ, чтобы обеспечить рост собственной добычи природного газа в КНР до 230–250 млрд м³ в год уже в 2025 г. и до 280–330 млрд м³ в год — к 2030 г.

Отдельно необходимо отметить добычу газа из сланцевых пород и угольных пластов как фактор изменения китайского газового рынка. Китай располагает значительными запасами сланцевых углеводородов, а именно сланцевого газа. Заметны успехи китайской промышленности в разработке чрезвычайно сложных месторождений сланцевого газа, однако условия залегания газа, в частности в провинции Сычуань, делают добычу достаточно дорогой. Необходимость бурения большего, чем, например, в США, количества скважин на большую глубину для добычи сопоставимого количества газа заметно увеличивает себестоимость добычи газа в Китае, однако его стоимость на устье скважины остается существенно меньше стоимости импортного СПГ. Таким образом, после решения проблемы транспортной инфраструктуры и проблем, связанных с добычей, сланцевый газ может начать играть значительную роль на газовом рынке КНР.

В 2022 г. добыча метана из угольных пластов составила 11,2 млрд м³. Основные регионы — Цинхуа в Синьцзяне, Кэци в Датане, Хуэйнань и Синьтянь во Внутренней Монголии. Из-за высокой стоимости добычи и недостаточных инвестиций в производство рост добычи метана из угольных пластов происходит медленно. Учитывая масштабы добычи угля в КНР, сопутствующий метан является ценным ресурсом, который можно использовать в качестве топлива. Тем не менее, несмотря на активную политику правительства КНР по стимулированию установки оборудования для сбора и хранения метана на угольных шахтах, этот ресурс пока не используется должным образом.

⁵ См.: Кондратов Д. Будущее мирового рынка природного газа // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 1. С. 66–82. DOI: 10.24412/2072–8042–2022–1–66–82

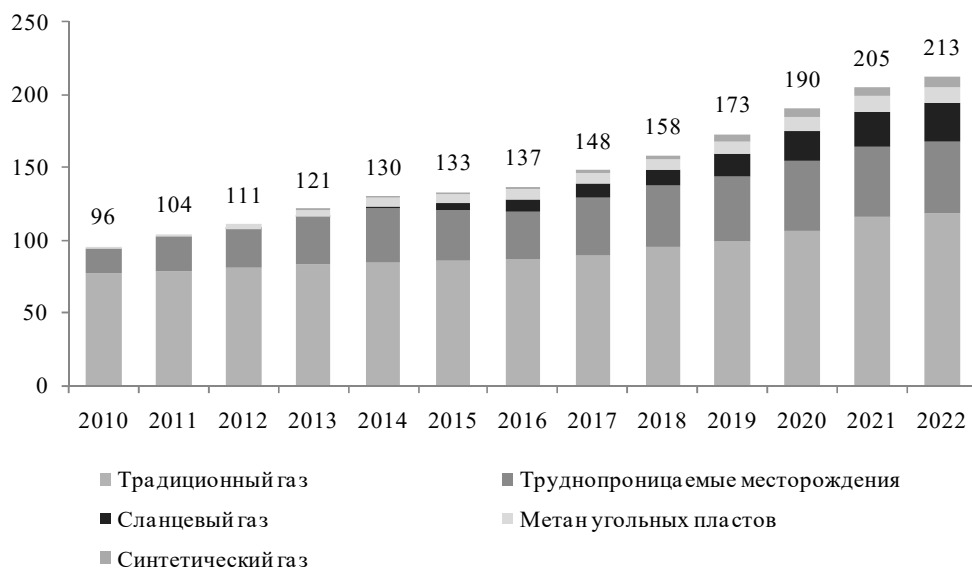

Рис. 3. Добыча газа в Китае, млрд м³
Figure 3. Gas Production in China, bcm

Источники: *Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables, January 2022 // Ihs Markit. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).*

Анализ спутниковых данных⁶, проведенный специалистами Национального управления океанических и атмосферных исследований США (NOAA, National Oceanic and Atmospheric Administration) и Института космических исследований Нидерландов (Netherlands Institute for Space Research), показывает, что в 2010 г. рост выбросов метана с территории КНР продолжал расти. В частности, это свидетельствует о том, что в угольной промышленности Китая метан продолжает в значительной мере выбрасываться в атмосферу, а не направляться в локальную газотранспортную систему.

Потребление газа

По оценкам Государственного статистического управления КНР и Форума стран-экспортеров газа, в 2022 г. потребление природного газа снизилось на 1,7 % (к уровню 2021 г., впервые с 2005 г.) — до 360,5 млрд м³. Однако, несмотря на уменьшение спроса на газ в предыдущем году, вызванное антиковидными ограничениями и замедлением экономической активности, его потребление растет достаточно быстрыми темпами, что связано с экологической повесткой дня. По данным Международного энергетического агентства, с 2005 г. по 2022 г. потребление газа в Китае возросло в 7,8 раза. Тем не ме-

⁶ Miller S., Michalak A., Detmers R., Hasekamp O., Bruhwiler L., Schwietzke S. China's Coal Mine Methane Regulations have not Curbed Growing Emissions // *Nature Communications*. 2019. Vol. 10: 303. Pp. 1–8. DOI: 10.1038/s41467-018-07891-7. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30696820/> (дата обращения: 03.11.2022).

нее, в структуре потребления первичной энергии доля газа остается достаточно низкой и составляет всего 8,5 %.

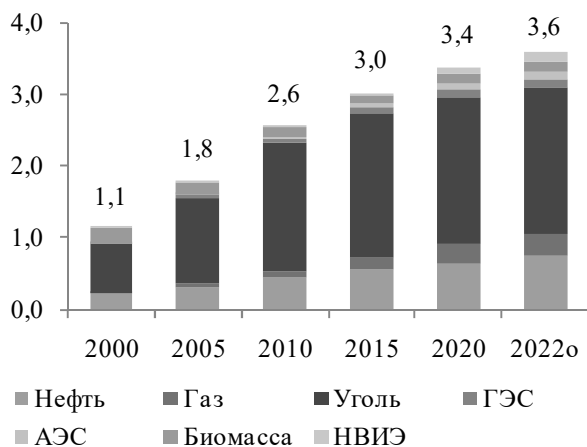

Рис. 4. Потребление первичной энергии в КНР, млн т н.э.

Figure 4. Total Primary Energy Consumption by Fuel in China, MMtoe

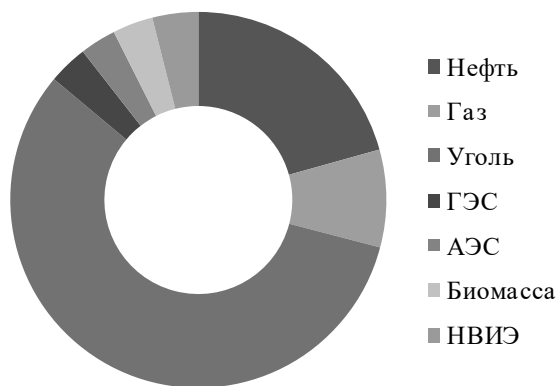

Рис. 5. Структура потребления ПЭР, 2022 год, %

Figure 5. Percent Share of Sector, 2022, %

Источники: составлено по: *Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).*

Основными потребителями природного газа в Китае являются: промышленность (включая нефтехимическую) — 40,8 %, общественный и коммерческий сектор — 17,8 %, электроэнергетика — 16,0 %, транспорт — 6,4 %. В будущем коммунальная, промышленная сфера и выработка электроэнергии станут сферами потребления газа с самым быстрым ростом.

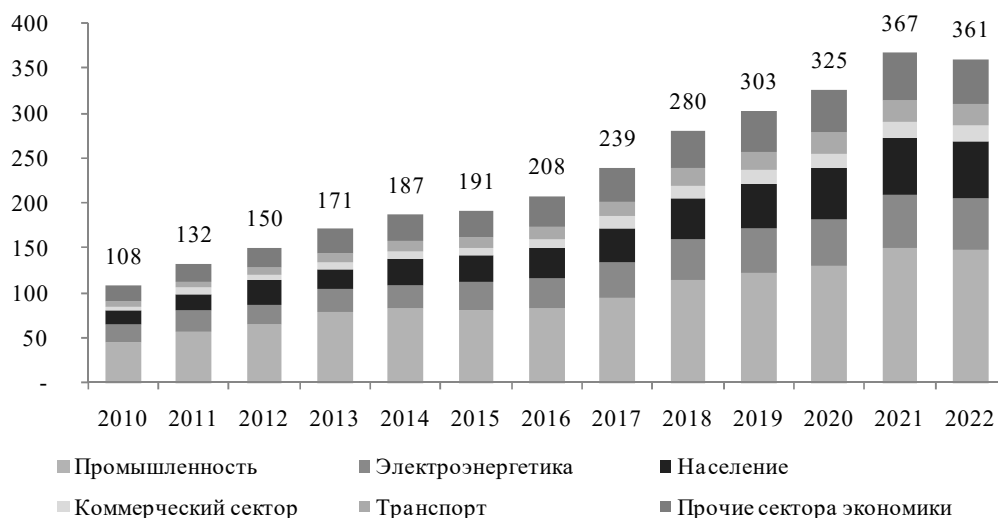

Рис. 6. Структура потребления газа в Китае, млрд м³

Figure 6. Natural Gas Demand by Sector in China, bcm

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

Заглядывая вперед, отметим, что китайская государственная политика в области климата и охраны окружающей среды будет оставаться главной движущей силой развития рынка природного газа в Китае. По оценке CNPC, ожидается, что спрос на рынке природного газа в Китае к 2030 г. достигнет 530 млрд м³ и 700 млрд м³ к 2050 г., а доля в потреблении первичной энергии увеличится до 15 % (к 2030 г.).

Импорт газа

До 2006 г. внутренние потребности Китая в газе полностью обеспечивались за счет собственного производства. Однако для удовлетворения быстрорастущего внутреннего спроса страна в 2006 г. начала импортировать сжиженный природный газ (СПГ), в конце 2009 г. — трубопроводный газ.

В 2022 г. объем импорта газа Китаем составил 147,8 млрд м³, в т.ч. 85,7 млрд м³ (58,0 %) составил импорт СПГ и 62,1 млрд м³ (52,0 %) — трубопроводный газ.

Зависимость от импорта газа продолжает расти, увеличившись до 40,8 % в 2022 г. Начиная с 2017 г. в Китае импорт СПГ впервые превысил импорт трубопроводного газа, а страна стала вторым по величине импортером природного газа и вторым по величине импортером СПГ в мире.

С 2018 г. по 2022 г. Китай, обогнав Японию, стал крупнейшим в мире импортером природного газа. В 2022 г., как отмечалось выше, в результате введения антиковидных ограничений и замедления экономической активности, импорт СПГ Японией (73,1 млн т) превысил китайские показатели (63,4 млн т).

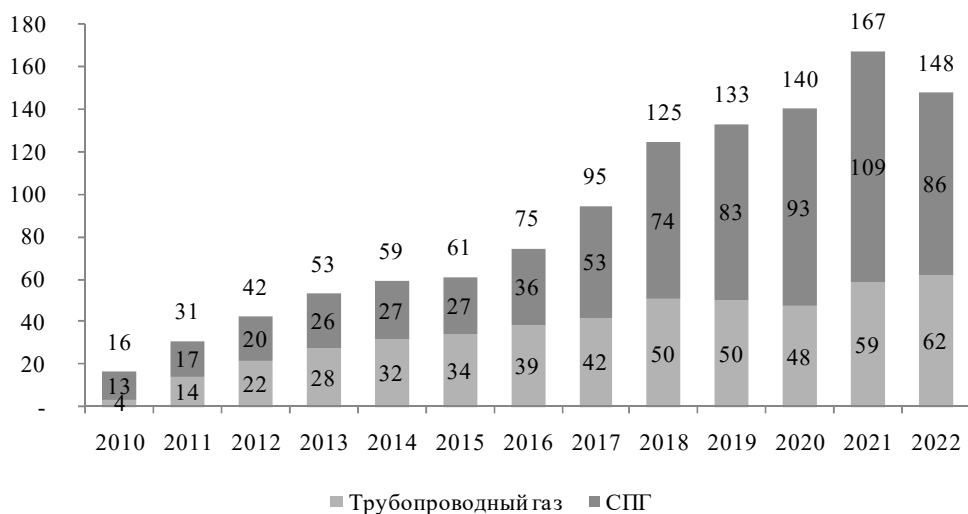

Рис. 7. Структура импорта газа Китаем, млрд м³
 Figure 7. China's Natural Gas Imports by Source, bcm

Источники: составлено по: *Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connect-Path=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).*

Структура импорта газа Китаем

Трубопроводный газ. Поставки трубопроводного газа в Китай производятся из Туркменистана, Узбекистана и Казахстана по сетевому газопроводу «Центральная Азия — Китай» — около 45,8 млрд м³ в 2022 г. С 2013 г. импорт также начал производиться из Мьянмы по газопроводу «Мьянма — Китай» пропускной способностью 13 млрд м³. Участниками проекта строительства газопровода являлись компании CNPC, MOGE, Daewoo International, KOGAS, Indian Oil и GAIL. В 2022 г. из Мьянмы в Китай было экспортировано 3,8 млрд м³, что на 9,5 % ниже уровня 2021 г.

С декабря 2019 г. начались поставки природного газа из России по магистральному газопроводу «Сила Сибири». В 2022 г., по данным Главного таможенного управления КНР, из России в КНР было поставлено 15,5 млрд м³, что на 49,1 % выше уровня 2021 г.

В 2022 г., по нашим расчетам на основании данных Reuters и IHS Markit (входит в структуру S&P), средняя импортная цена на газ из России составила 258,1 долл. США за тыс. м³, что на 14,5 % ниже уровня стоимости туркменского газа. Преимуществом российского газа является то, что, согласно долгосрочному контракту, цена на газ привязана к стоимости корзины нефтепродуктов с девятимесячным лагом. В 2023 г. ПАО «Газпром» планирует обеспечить реализацию в КНР 22,4 млрд м³.

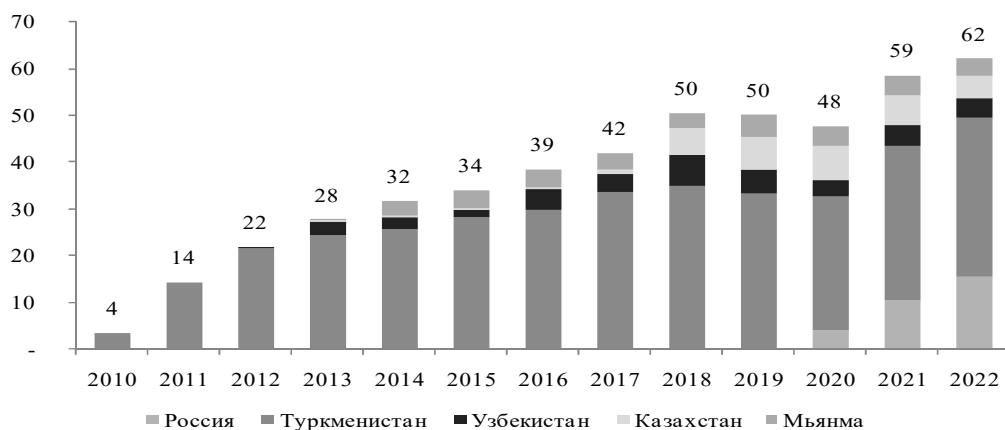

Рис. 8. Структура импорта трубопроводного газа Китаем, млрд м³
 Figure 8. Pipeline Gas Imports to China by Supplier, bcm

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

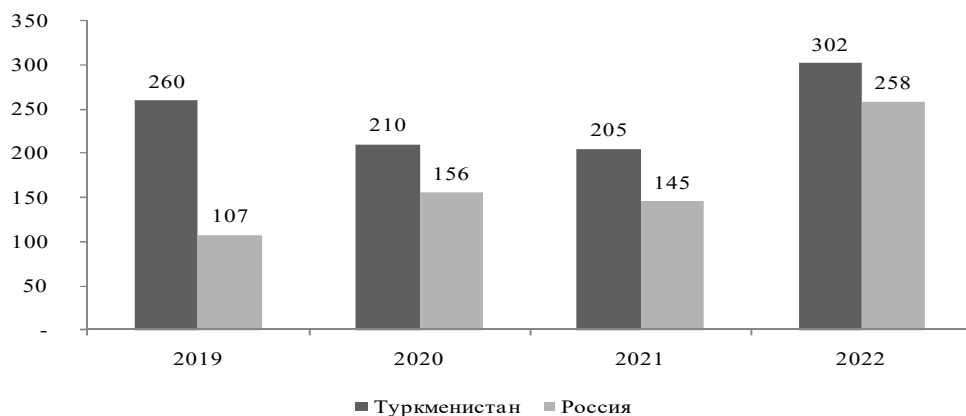

Рис. 9. Среднегодовая импортная цена на газ из России и Туркменистана, долл. США / тыс. м³

Figure 9. Average Annual Price of Natural Gas Imported from Russia and Turkmenistan, dollars per thousand m³

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

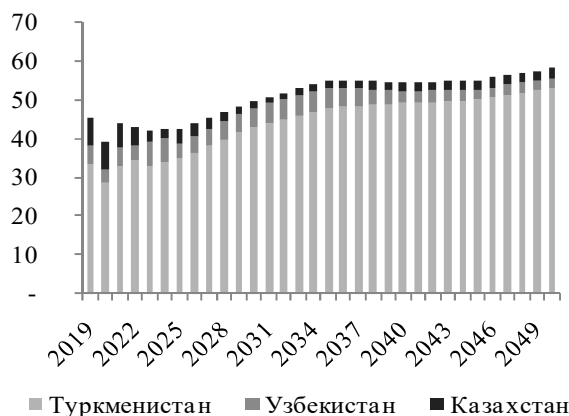

Рис. 10. Прогноз трубопроводных поставок газа по маршруту «Центральная Азия — Китай» (базовый сценарий), млрд м³

Figure 10. Central Asia-China Gas Pipeline Outlook (Base Scenario), bcm

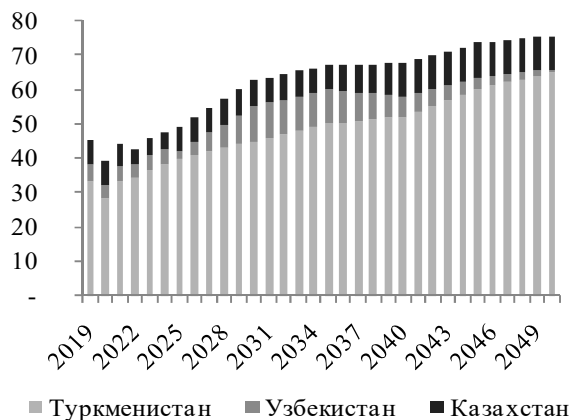

Рис. 11. Прогноз трубопроводных поставок газа по маршруту «Центральная Азия — Китай»

(оптимистический сценарий), млрд м³

Figure 11. Central Asia-China Gas Pipeline Outlook (High Scenario), bcm

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

Несмотря на достаточно привлекательные цены на российский газ, китайская сторона планирует завершить к 2028 г. четвертую линию (Line D) газопровода «Центральная Азия — Китай» (в отличие от газопровода «Сила Сибири-2», по которому переговоры находятся в начальной стадии) по экспорту природного газа с месторождения Галкыныш (Туркменистан) до г. Кашгар (Китай) с пропускной способностью газа 30 млрд м³ в год.

Напомним, что интенсивная разработка данного месторождения может обеспечить добычу газа в стране с нынешних 87,0 млрд м³ до 151 млрд м³ к 2050 г.

Отметим, что еще 8 мая 2015 г. Газпром и CNPC подписали соглашение об основных условиях поставок газа по этому маршруту, получившему тогда новое название «Сила Сибири-2». При этом по техническим параметрам проект не отличался от газопровода «Алтай» образца 2006–2010 гг. Соглашение 2015 г. на сегодняшний день — последний официальный двусторонний документ Газпрома и CNPC, обозначающий их намерение подписать контракт на поставку газа по западному маршруту и его основные параметры. При этом в июне 2016 г. CNPC официально заявила, что три ключевых параметра — объем, цена и сроки начала поставок газа — согласованы не были. Их обсуждение продолжилось в 2016–2018 гг. В сентябре 2018 г. Газпром заявил, что согласованы все параметры контракта на поставку газа, кроме цены.

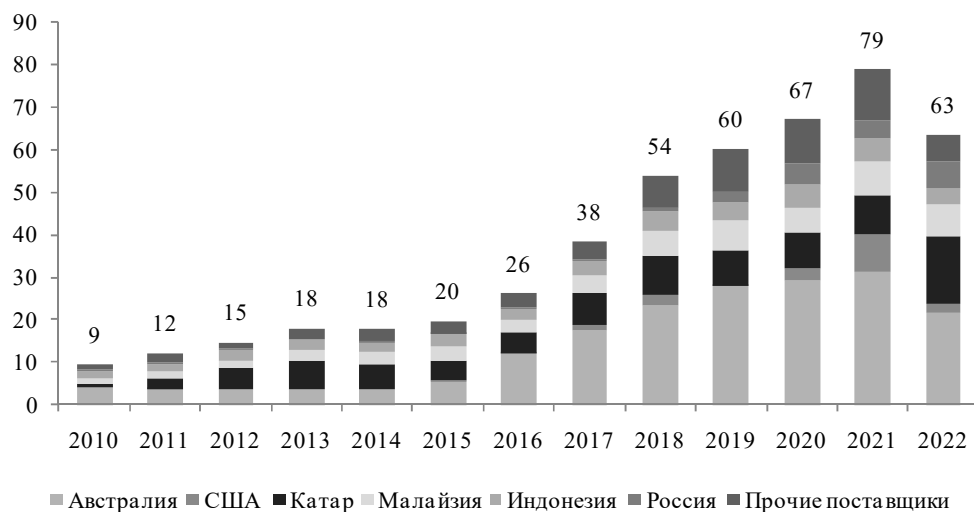

Рис. 12. Структура импорта СПГ Китаем, млн т
Figure 12. LNG Imports to China by Supplier, mln tons

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

Продвижение проекта «Сила Сибири-2» неоднократно приостанавливалось на протяжении 2018–2022 гг. в связи с противоречиями сторон в отношении цены, но, главное, из-за отсутствия интереса со стороны Китая к данному маршруту. Отсутствие интереса, в свою очередь, объясняется удаленностью конечной точки газопровода (почти на 4 тыс. км) от конечных потребителей, что потребует от CNPC строительства своими силами всей необходимой газотранспортной инфраструктуры на территории Китая.

Учитывая, что транспортные затраты китайской стороны при строительстве газопровода «Сила Сибири-2» составят приблизительно 270 долл. США за тыс. м³, а также при условии отсутствия скидок на российский газ прогнозы по данному проекту до 2030 г. остаются достаточно пессимистическими. При увеличении внутренней добычи и текущих внутренних цен для китайской стороны этот проект будет достаточно дорогим,

в отличие от газопровода «Центральная Азия — Китай». Если принять во внимание необходимость дальнейшего расширения магистральной трубопроводной инфраструктуры, стоимость проекта увеличивается еще больше.

Отличительной чертой «Силы Сибири-2» является отсутствие каких-либо технологических механизмов балансировки поставок (например, путем использования ПХГ), что также вызывает критические замечания российских экспертов.

Учитывая неразвитость системы ПХГ на территории Китая, пиковый отбор газа из трубопроводной системы будет, скорее всего, совпадать с зимним пиковым отбором газа из ЕСГ внутренними потребителями, что может привести к кратковременному дефициту предложения газа в Западной Сибири. Не совсем ясно, как Газпром в данном случае будет балансировать внутренний рынок газа с учетом своих экспортных обязательств.

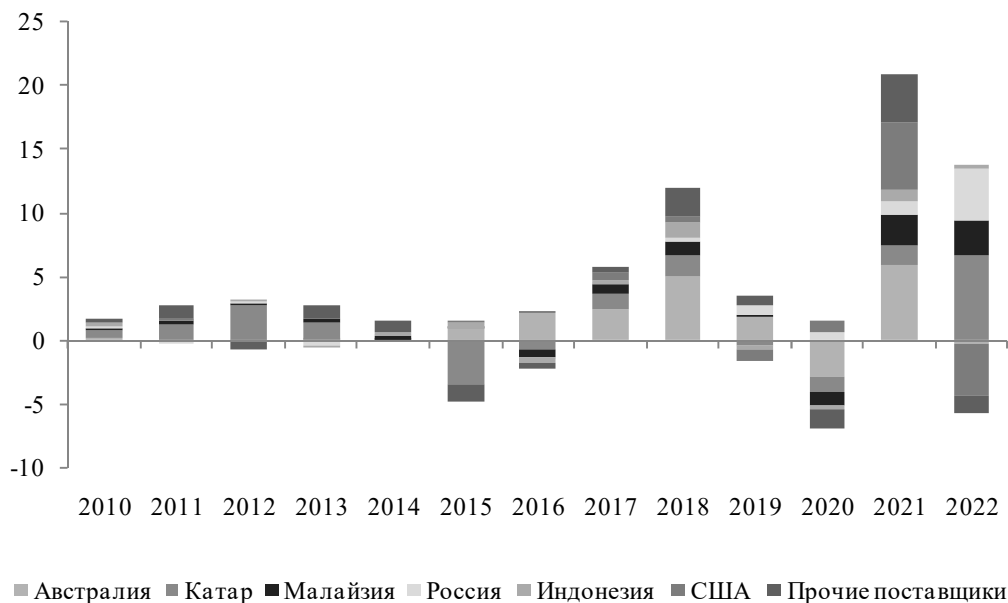

Рис. 13. Прирост поставок СПГ в КНР в стоимостном выражении, млрд долл. США

Figure 13. LNG Imports Growth, bln dollar

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

Поэтому, с учетом того что основной рост спроса на газ также сконцентрирован в приморских районах, более перспективным направлением увеличения поставок российского газа в КНР является СПГ. Напомним, что мощности СПГ-терминалов в Китае к 2050 г. составят около 340 млн т, что в три раза выше уровня 2020 г.

СПГ. В 2022 г. в результате замедления экономической активности и промышленного производства, а также достаточно высоких цен на СПГ, импорт ресурса Китая снизился на 19,7 % — до 63,4 млн т (85,7 млрд м³).

В 2022 г. основные поставки СПГ в Китай производились из 24 стран, при этом более 90 % импорта было обеспечено 7 странами: Австралией — 21,9 млн т (34,4 % от

общего импорта); Катаром — 15,7 млн т (24,7 %); Малайзией — 7,4 млн т (11,6 %); Россией — 6,5 млн т (10,3 %); Индонезией — 3,7 млн т (5,9 %); Папуа-Новой Гвинеей — 2,5 млн т (4,0 %) и США — 2,1 млн т (3,3 %).

Однако, несмотря на физическое сокращение поставок СПГ в Китай, стоимостные объемы импорта увеличились на 18,4 % — до 52,19 млрд долл. США. При этом основной прирост пришелся на закупку катарского и российского СПГ.

Перспективы импорта газа. Дополнительные объемы импорта природного газа, которые понадобятся стране до 2025 г., уже в значительной степени заcontractованы как дополнительными трубопроводными поставками, так и поставками СПГ. Важно отметить, что либерализация внутреннего рынка природного газа, которая последовательно происходит в КНР, приводит к тому, что импорт СПГ становится более конкурентоспособным по сравнению с трубопроводным газом, поскольку СПГ-контракты обладают большей гибкостью, а также присутствует возможность спотовых поставок СПГ.

По оценке Energy Intelligence, в 2023 г. поставки СПГ в Китай вырастут до 67,2 млн т. Оценка Международного энергетического агентства более оптимистична — 68–75 млн т СПГ в 2023 г. Ввоз СПГ по уже действующим контрактам составит, по данным Bloomberg и Форума стран-экспортеров газа, не менее 93,7 млн т в год к 2028 г. Крупнейшим экспортером СПГ в Китай останется Австралия, на втором месте — Катар. В дальнейшем, возможно, вырастет импорт СПГ из США, Малайзии и России.

К 2050 г. объем китайского импорта СПГ может вырасти, как минимум, до 120–140 млн т. Ожидается, что мощности регазификационных терминалов в КНР будут расти теми же темпами, что и рост поставок. При этом загрузка данных терминалов будет составлять около 60–65 %. Низкая текущая загрузка мощностей уже приводит к откладыванию проектов по строительству новых терминалов.

В условиях текущего и ожидаемого роста импорта СПГ Китай существенно диверсифицирует структуру поставок СПГ в страну. Например, в начале ноября 2017 г. Sinopec, China Investment Corp. (CIC) и Bank of China подписали предварительное соглашение с властями Аляски и компанией Alaska Gasline Development Corp. (AGDC) о реализации на территории этого американского штата проектов по сжижению природного газа на 43 млрд долл. США. Однако вплоть до настоящего времени этот проект так и не получил дальнейшего развития.

Американская Venture Global LNG и дочернее предприятие китайской CNOOC Gas & Power Group Co. в конце декабря 2021 г. подписали соглашение о купле-продаже СПГ сроком на 20 лет⁷.

По условиям сделки Venture Global LNG будет поставлять 2 млн т СПГ в год на условиях поставки FOB со своего экспортного терминала Plaquemines LNG в округе Плакеминес (штат Луизиана). Кроме того, CNOOC Gas & Power Group Co. закупит 1,5 млн т СПГ у завода Calcasieu Pass компании Venture Global на более короткий срок.

В ноябре 2022 г. и июне 2023 г. катарская компания Qatar Energy заключила соглашения о дополнительных поставках СПГ объемом 8 млн т в год сроком на 27 лет с китайской государственной корпорацией Sinopec. Катар будет экспортировать газ с месторождения Северное — проект North Field East.

Стоит отметить, что в 2022 г., несмотря на общее сокращение поставок СПГ в Китай, его экспорт из Катара вырос на 74,8 % — до 15,7 млн т. Таким образом, с учетом вышеупомянутого соглашения, импорт СПГ из ближневосточной страны к 2030 г. может превысить 22 млн т.

Китай также заинтересован и участвует в российских СПГ-проектах. Так, CNPC и Фонд Шелкового пути уже участвуют в проекте ПАО «НОВАТЭК» «Ямал СПГ» с до-

⁷ Зуев А. Китай — локомотив рынка СПГ // *ТЭК России*. 2023. № 1. С. 20–23.

лями 20 % и 9,9 % соответственно. ОАО «Ямал СПГ» реализует проект строительства завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения мощностью 17,4 млн т в год, включая три линии мощностью 5,5 млн т в год каждая и одну линию мощностью 900 тыс. т в год. Первая технологическая линия начала производство в декабре 2017 г., вторая и третья линии — в июле и ноябре 2018 г. соответственно.

Другим проектом ПАО «НОВАТЭК», в реализации которого планируют принять участие китайские компании, является «Арктик СПГ-2». Данный проект, реализуемый на базе Утреннего месторождения на полуострове Гыдан, предусматривает строительство трех линий сжижения общей мощностью 19,8 млн т в год. В конце апреля 2019 г. ПАО «НОВАТЭК» сообщил о том, что в проект «Арктик СПГ-2» вошли сразу две компании из КНР: Китайская национальная компания по разведке и разработке нефти и газа (CNODC) и дочернее общество CNPC — Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (CNOOC).

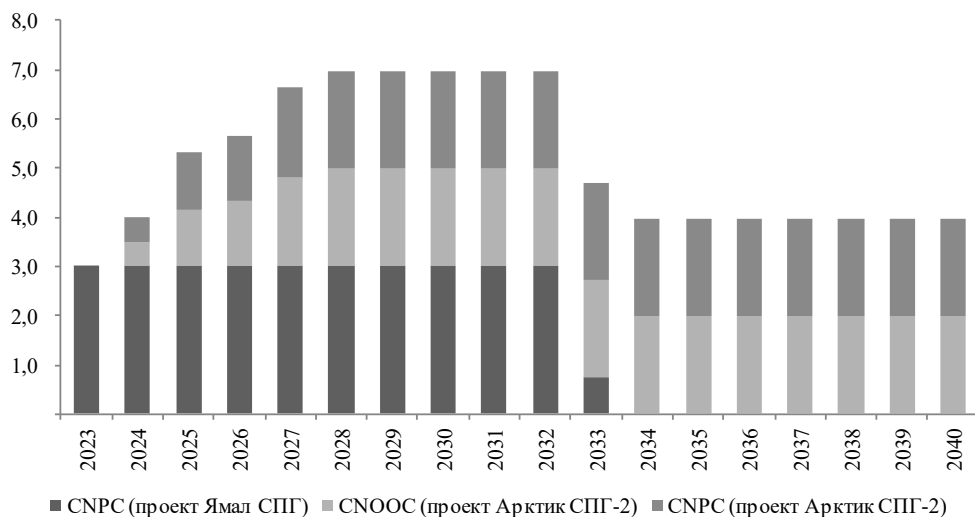

Рис. 14. Законтрактованные поставки СПГ с российских проектов, млн т
Figure 14. Russian Liquefaction Projects: Contracted Sales by Company, mln tons

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022).

В соответствии с обязывающими соглашениями, которые ПАО «НОВАТЭК» подписал с CNODC и CNOOC в ходе международного форума «Один пояс, один путь», каждая из китайских компаний получила в проекте «Арктик СПГ-2» по 10 %.

К 2030 г. с проекта «Арктик СПГ-2» в Китай будет поставляться до 4,0 млн т СПГ (законтрактованные резервы). Напомним, с другого проекта «Ямал СПГ» экспорт составит 3,0 млн т. Три контракта заключены на условиях DES, то есть доставлять груз на китайские регазификационные терминалы будет российская компания собственными танкерами.

В качестве фактора риска для роста импорта СПГ можно выделить развитие собственной добычи газа в КНР, что, в свою очередь, может привести к снижению потреб-

ности в импортном газе. По оценкам Форума стран-экспортеров газа и МЭА, развитие собственной добычи опережающими (по сравнению с потреблением) темпами делает вероятным прохождение пика импорта газа в Китае в период после 2040–2045 гг. Этот риск необходимо учитывать при анализе новых крупных СПГ-проектов.

Состояние газотранспортной инфраструктуры

Китай нацелен на формирование независимых операторов газотранспортной инфраструктуры и обеспечение доступа к ней третьих сторон, продолжая при этом политику, направленную на усиление государственного надзора за тарифами на транспортировку природного газа по трубопроводам. В феврале 2014 г. Государственное управление по делам энергетики КНР выпустило «Положение о справедливом и открытом надзоре за объектами сети нефтегазопроводов (пробный запуск)». Предприятия, эксплуатирующие объекты нефтегазопроводной сети в тех случаях, когда они имеют избыточные мощности, должны быть открыты для доступа третьих сторон.

В марте 2014 г. Государственный комитет по делам развития и реформ выпустил документ, поощряющий участие всех видов капитала в инвестициях в строительство инфраструктуры природного газа, а также требующий независимого учета функционирования инфраструктуры природного газа и справедливого доступа к ней для третьей стороны.

В сентябре 2016 г. Государственное управление по делам энергетики КНР опубликовало отчет о раскрытии информации, касающейся доступности (наличия свободных мощностей) объектов сети нефтегазопроводов.

В октябре 2016 г. Государственный комитет по делам развития и реформ выпустил циркуляр о четком определении ценовой политики для объектов хранения газа.

В июне 2017 г. в «Руководящих мнениях по усилению надзора за регулированием цен на газ» допускалась доходность на уровне не более 7 %.

В августе 2017 г. Государственный комитет по делам развития и реформ выпустил «Уведомление об утверждении цен на транспортировку газа по транспровинциальным газопроводам».

Что касается импортируемого трубопроводного газа, то после ввода в эксплуатацию «восточного» маршрута российско-китайского газопровода «Сила Сибири» и линии D (2026–2028 гг.) газопровода «Центральная Азия — Китай» совокупная пропускная мощность трубопроводной системы Китая для импорта газа составит 195,0 млрд м³ в год.

Что касается СПГ, то, учитывая объемы текущего строительства и публично заявленные планы по строительству приемных терминалов, уже к концу 2023 г. совокупная мощность приемных терминалов в Китае может превысить 110–120 млн т в год.

В конце 2018 г. появились сообщения о подготовке к масштабной реформе газовой отрасли, включая создание новых операторов по транспортировке газа, что может привести к значительному улучшению ситуации с трубопроводной инфраструктурой и решить часть проблем с доступом частных компаний к свободным трубопроводным мощностям.

Другой комплексной проблемой является механизм реализации газа конечным потребителям. Недавняя реформа ценообразования, с одной стороны, несколько улучшила ситуацию в отрасли, с другой — стоимость газа для промышленных потребителей выросла. Стоимость газа для населения регулируется местными органами самоуправления и де-факто субсидируется⁸, причем различными способами, вплоть до перенесения части стоимости газа, потребляемого населением, на стоимость газа для промышленных предприятий. Таким образом, в рамках дальнейших реформ сохраняется значительная доля

⁸ Zhang D., Paltsev S. The Future of Natural Gas in China: Effects of Pricing Reform and Climate Policy // *Climate Change Economics*. 2016. Vol. 7. No. 4. Pp. 1–32. (дата обращения: 03.11.2022).

неопределенности относительно динамики спроса, поскольку он в значительной степени зависит от субсидий. При этом уровень цен на газ в Китае, даже с учетом субсидий, остается достаточно высоким, что негативно сказывается на динамике спроса.

Таблица 2 / Table 2

Структура текущего и перспективного
импортного трубопроводного газа на границе с КНР
Pipeline Flows and Sources of Demand

Страна	Проект	Проектная мощность, млрд м ³ в год	Статус на конец 2022 г.
Туркменистан, Узбекистан, Казахстан (маршрут «Центральная Азия — Китай»)	Линия А	30,0	запущен в 2009 г.
	Линия В		запущен в 2010 г.
	Линия С	25,0	запущен в мае 2014 г.
	Линия D	30,0	Поставки планируются начать с 2026 г.
Мьянма	Мьянма-Китай	13,0 (фактическая мощность — 5,0 млрд м ³)	запущен в 2013 г.
Россия	«Сила Сибири-1» (восточный маршрут)	38,0	запущен в 2019 г.
	«Сила Сибири-2» (западный маршрут)	50,0	Планируется
	«Дальневосточный маршрут»	10,0	Договор на поставку газа заключен в начале 2022 г., однако сроки пока неизвестны

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF // Gas Exporting Countries Forum. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables // Ihs Markit. January 2022. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/ phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

Тем не менее, в случае если начатое движение в сторону дерегулирования рыночных цен продолжится, проблемы с инфраструктурой будут решены, а спрос на газ продолжит расти, в Китае возможно создание полноценного газового хаба, аналогичного американскому Henry Hub или европейскому TTF.

Если КНР получит собственный газовый хаб, это сделает цены на газ более гибкими, что будет способствовать повышению привлекательности газа как энергоносителя и ускорит переход к чистой энергетике. Дополнительным преимуществом, сопутствующим созданию такого хаба, будет получение регионального бенчмарка газовых цен, что позволит формулам контрактов частично отвязаться от американских котировок и от цен на нефтепродукты, что делает азиатский рынок более устойчивым к колебаниям цен на мировом или американском рынке. К примеру, в результате скачков цен на Henry Hub зимой 2017–2018 гг. произошло соразмерное увеличение цен на СПГ в Северо-Восточной Азии.

Прогноз потребления газа Китаем

Как было отмечено выше, природный газ часто рассматривают как переходный вид топлива — от ископаемых источников энергии к возобновляемым. При этом стоимость газа на внутреннем рынке Китая достаточно высока. Сказывается неразвитость самого китайского рынка, а также распространенная на газовом рынке Азиатско-Тихоокеанского региона в целом привязка газовых цен к котировкам нефти, что ставит китайских потребителей газа в зависимость от мирового нефтяного рынка.

Несмотря на повышение уровня жизни населения, китайские потребители в большинстве случаев пока не готовы переходить на более дорогое топливо. С одной стороны, широкая распространенность и небольшая цена все еще позволяют углю, продающемуся мелким оптом и используемому для отопления жилых домов, составлять серьезную конкуренцию (даже с учетом субсидий) газовому отоплению. С другой стороны, при росте покупательной способности населения и газификации этих регионов можно будет уменьшить потребление угля на 60 млн т н.э. в год, то есть примерно на 3 % от суммарного потребления угля Китаем.

Исследование, проведенное в 2016 г. учеными Массачусетского технологического университета⁹, также показывает, что при высоких ценах на газ переключение на него потребует значительных мер в виде повышенного налогообложения угольной генерации, поскольку текущих мер по торговле выбросами недостаточно. С точки зрения экономической рентабельности газовая электрогенерация станет конкурентоспособной относительно угольной на китайском рынке при средней цене на газ в распределительной сети (city gate price) на уровне 4,46–4,5 долл. США за млн БТЕ. В целом можно предположить, что Китай будет вытеснять уголь из национального энергобаланса: из электрогенерации — за счет увеличения мощностей ВИЭ, а из ЖКХ уголь будет вытеснять газ.

Потребление газа в КНР во многом зависит от государственной поддержки. К 2025 г. ожидается завершение большей части из действующих в КНР программ субсидирования по поэтапному переходу электрогенерации с угля на природный газ. Таким образом, перспективы газовой отрасли остаются в значительной степени неопределенными. При сохранении достаточно высоких цен на импортируемый газ существует высокая вероятность того, что после 2025 г. спрос на газ в КНР будет расти медленнее, чем ожидалось ранее.

Для КНР характерна существенная разница между регионами по уровню потребления газа. Так, более богатые прибрежные регионы имеют более высокую долю газа в энергобалансе. В перспективе дифференциация будет возрастать, поскольку ключевыми районами роста спроса на природный газ останутся центральные и восточные регионы страны.

Вместе с тем кризис зимы 2017–2018 гг. показал уязвимость газовых электростанций к резким сезонным увеличениям спроса на газ. В таких случаях жилищно-коммунальному хозяйству отдается приоритет, что приводит к простоям газовых электростанций из-за нехватки топлива для ТЭЦ. В этой связи газ более востребован в промышленности (в том числе для нужд ЖКХ) и при снабжении населенных пунктов бытовым газом, нежели в электроэнергетике, где приоритетными направлениями остаются ВИЭ и атомная энергия.

⁹ Miller S., Michalak A., Detmers R., Hasekamp O., Bruhwiler L., Schwietzke S. China's Coal Mine Methane Regulations have not Curbed Growing Emissions // *Nature Communications*. 2019. Vol. 10(303). Pp. 1–8. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30696820/> (дата обращения: 03.11.2022). DOI: 10.1038/s41467-018-07891-7

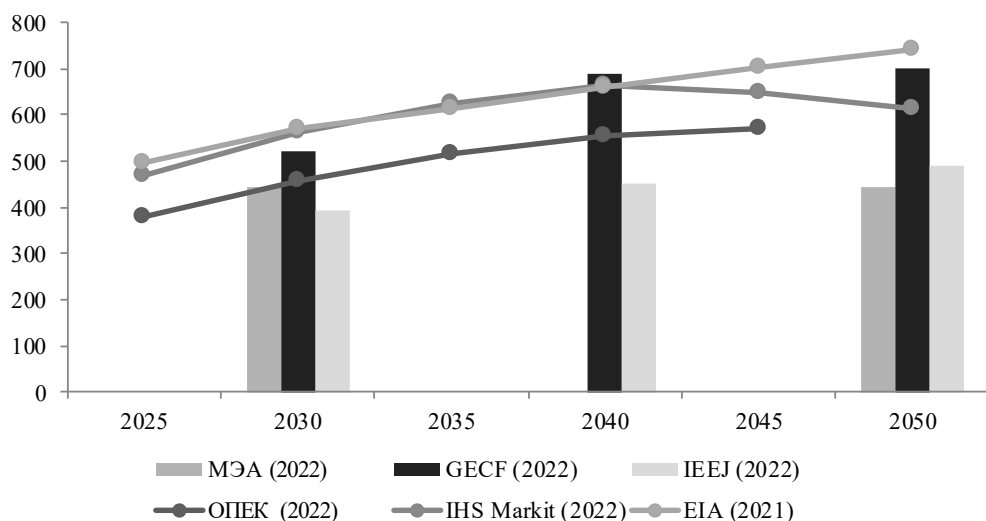

Рис. 15. Прогноз потребления газа в Китае, млрд м³
 Figure 15. China Natural Gas in Reference Case, bcm

Источники: EIA (2021), *International Energy Outlook 2021. October 2021* // International Energy Agency. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/ieo/> (дата обращения: 13.07.2023); Ermakov A. *The Future of Natural Gas in Asia Pacific: Large Potential for Demand Growth* // Gas Exporting Countries Forum. March 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/expert-commentary-the-future-of-natural-gas-in-asia-pacific/gecf-commentary—the-future-of-natural-gas-in-asia-pacific.pdf (дата обращения: 13.07.2023); IEEJ (2022), *IEEJ Outlook 2022. Challenges for Achieving Both Energy Security and Carbon Neutrality* // The Institute of Energy Economics. October 2022. URL: <https://eneken.ieej.or.jp/en/whatsnew/442.html> (дата обращения: 03.11.2022); IEEJ (2022), *IEEJ Outlook 2022. Challenges for Achieving Both Energy Security and Carbon Neutrality* // The Institute of Energy Economics. October 2022. URL: <https://eneken.ieej.or.jp/en/whatsnew/442.html> (дата обращения: 03.11.2022); IEA (2022), *World Energy Outlook 2022*. DOI: 10.1787/3a469970-en (дата обращения: 03.11.2022); OPEC (2022), *World Oil Outlook 2045 (WOO)* // OPEC. URL: <https://woo.opec.org/> (дата обращения: 03.11.2022).

Нехватка мощностей ПХГ (в отличие от нефтяного резерва) является сдерживающим фактором роста потребления газа в электроэнергетике и теплоснабжении КНР.

Несмотря на оптимистичные оценки многих агентств, природный газ в КНР по-прежнему один из самых дорогих энергоносителей и значительный рост спроса на него возможен только в условиях снижения цен. CNPC ETRI прогнозирует величину спроса к 2030 г. на уровне 530 млрд м³ в год (против 500 млрд м³ в год в предыдущем прогнозе), при этом уточняет, что потребление газа может оказаться ниже указанной величины и никаких оснований для более оптимистичных оценок пока нет.

Достижение уровня потребления более 600 млрд м³ в год к 2035 г. (как, например, в прогнозе IHS Markit) возможно только в случае активного роста добычи сланцевого газа в КНР и снижения цен на энергоносители на внутреннем рынке.

В ситуации падения цен спрос на газ в южных приморских провинциях может дополнительно увеличиться из-за развития систем теплоснабжения в южных и юго-восточных провинциях Китая, в которых центральное теплоснабжение традиционно отсутствует, но в связи с ростом благосостояния населения существует запрос потребителей на его развитие.

Перспективы газа на рынке газомоторного топлива также крайне ограничены из-за высокой цены и жесткой конкуренции с нефтепродуктами и электромобилями.

Вопрос уровня цен является ключевым для китайского газового рынка. Китайское правительство хорошо осознает данный факт и проводит планомерные реформы газовой отрасли. В первую очередь необходимо отметить начатую в 2015 г. ценовую реформу, благодаря которой удалось существенно снизить убыточность энергетических компаний, занимавшихся транспортировкой газа. Это было достигнуто за счет повышения цен на газ для промышленных потребителей и сохранения субсидий для бытового газа.

В начале 2019 г. правительство КНР начало демополизацию услуг по трубопроводной транспортировке газа, введя правило обязательного доступа третьих сторон к магистральной трубопроводной инфраструктуре. В ближайшей перспективе ожидается выделение газотранспортных активов, принадлежащих в настоящее время китайским государственным нефтегазовым компаниям, в отдельные государственные и частные компании — газотранспортные операторы (по аналогии с реформированием европейского газового рынка в рамках Третьего энергетического пакета).

Китай нацелен на развитие собственного ликвидного газового хаба (вероятнее всего, на базе существующей торговой площадки в Шанхае) и соответствующего ценового индикатора, номинированного в юанях, для укрепления своего влияния на мировом рынке энергоносителей.

Со стороны предложения на китайский рынок также влияет ряд факторов, которые способствуют сохранению высоких цен.

К 2025 г. Китай не сможет достичь официально запланированного уровня добычи сланцевого газа (40 млрд м³ в год). Его добыча составит, по оценке Международного энергетического агентства, около 35,5 млрд м³ в год (против 11 млрд м³ в 2018 г.).

Отсутствие роста собственного производства не позволит снизить уровень цен на газ в КНР, что негативно скажется на объеме спроса на газ.

В данном случае возникает возможность увеличения присутствия России на рынке СПГ южных приморских провинций Китая. Т.к. рынок газа северо-восточных провинций КНР перенасыщен, Китай не заинтересован в обозримой перспективе в дополнительных поставках туда российского трубопроводного газа — свыше законтрактованных 48 млрд м³ в год.

Таким образом, новый газопровод «Сила Сибири-2» не вызывает большого интереса со стороны Китая. Высокая стоимость транспортировки российского газа от границы РФ до юго-восточных провинций Китая, затраты на расширение инфраструктуры на территории КНР делают проект высокорискованным в кратко- и среднесрочной перспективе, поскольку капитальные вложения обеих сторон могут не окупиться в результате замедления динамики спроса на газ в Китае.

Подводя итоги, можно отметить, что с учетом перспектив развития топливно-энергетического комплекса КНР и особенностей трубопроводной инфраструктуры поставки газа из России целесообразнее осуществлять в виде СПГ. Данный вид поставок обладает рядом преимуществ:

- минимизация затрат на строительство трубопроводов на территории России;
- отсутствие необходимости в строительстве трубопроводов с китайской стороны. Одним из сдерживающих факторов при строительстве трубопровода «Сила Сибири-2» является высокая стоимость транспортировки газа по территории КНР. В случае СПГ необходимость в данной транспортировке существенно ниже по причине того, что спрос сконцентрирован на относительно небольшом удалении от портов, оборудованных регазификационными терминалами;
- дополнительная загрузка мощностей судостроительного кластера «Звезда» и создание собственного флота СПГ-танкеров для реализации имеющегося потенциала запасов Дальнего Востока. Учитывая возможность снятия ограничения на экспорт природ-

ного газа, перевод поставок газа на СПГ позволяет диверсифицировать направления поставок и в случае неблагоприятной ценовой конъюнктуры перенаправлять грузы в другие страны АТР.

Рис. 16. Прогноз экспорта трубопроводного газа из России в Китай (базовый сценарий), млрд м³

Figure 16. Piped Gas Exports to Mainland China from the Russian Federation (Base Case), bcm

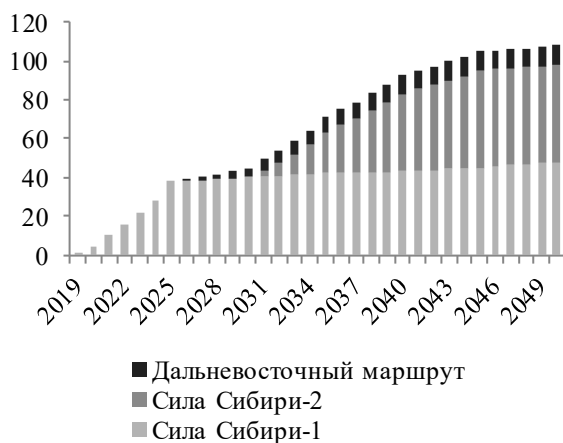

Рис. 17. Прогноз экспорта трубопроводного газа из России в Китай (оптимистический сценарий), млрд м³

Figure 17. Piped Gas Exports to Mainland China from the Russian Federation (High Case), bcm

Источники: составлено по: Annual Gas Market Report 2023: GECF. 2023 // Gas Exporting Countries Forum. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023); China Natural Gas Data Tables, January 2022 // Ihs Markit. URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022); JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // Joint Organization Data Initiative. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

*

*

*

Таблица 3 / Table 3

Заявленные СПГ—проекты в России до 2030 г. и их статус
Liquefaction Plants in Russia to 2030

Проект	Мощность	Год запуска	Оператор	Статус
«Сахалин-2»	9,6	2009	«Сахалинская Энергия»	Действующий
«Ямал СПГ» (три линии)	16,5	2017	НОВАТЭК	Действующий
«Криогаз-Высоцк»	0,7	2019	НОВАТЭК	Действующий
«Ямал СПГ» (четвертая линия)	0,9	2021	НОВАТЭК	Действующий
«Портовая СПГ»	1,5	2022	Газпром	Действующий
«Арктик СПГ»	19,8	2023/2025	НОВАТЭК	На стадии строительства
Комплекс по переработке этансодержащего газа и производству СПГ в Ленинградской области	13,0	2023/2024	Газпром	На стадии строительства
«Сахалин-2»	5,4	2024	«Сахалинская Энергия»	Ведутся проектируемые работы
<i>Всего</i>	<i>67,4</i>			

Источник: *Annual Statistical Bulletin 2022: GECF. 2022 // Gas Exporting Countries Forum*. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/6th-edition-of-annual-statistical-bulletin-makes-its-debut/gecf-asb-2022.pdf (дата обращения: 13.07.2023).

В то же время в условиях санкционных запретов на поставки СПГ-оборудования¹⁰ большинство заявленных проектов потеряли свою актуальность. В марте 2023 г. вице-премьер А. Новак заявил о необходимости дополнительно изыскать ресурсную базу для проектов еще на 34 млн т СПГ в год, чтобы выйти на планируемые (в оптимистичном сценарии) в утвержденной в 2021 г. программе «Долгосрочное развития производства СПГ» 100 млн т. Ресурсная база в 66 млн т будет обеспечена действующими заводами на 33 млн т и строящимися заводами в Усть-Луге и «Арктик СПГ-2».

Литература

- Зуев А. Китай — локомотив рынка СПГ // *ТЭК России*. 2023. № 1. С. 20–23.
- Кондратов Д. Будущее мирового рынка природного газа // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 1. С. 66–82. DOI: 10.24412/2072–8042–2022–1–66–82
- Annual Gas Market Report 2023: GECF // *Gas Exporting Countries Forum*. 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (дата обращения: 13.07.2023).
- Annual Statistical Bulletin 2022: GECF // *Gas Exporting Countries Forum*. 2022. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/6th-edition-of-annual-statistical-bulletin-makes-its-debut/gecf-asb-2022.pdf (дата обращения: 13.07.2023).

¹⁰ На март 2023 г. единственной отечественной технологией сжижения природного газа является «Арктический каскад» ПАО «НОВАТЭК» мощностью до 1 млн т, поэтому вопрос импортозамещения оборудования для СПГ является крайне актуальным. В августе 2022 г. была опубликована обновленная версия паспорта проекта «Прорыв на рынки СПГ», согласно которой общая стоимость программы до 2030 г. составит 89,3 млрд руб.

China Natural Gas Data Tables // *Ihs Markit*. January 2022.

URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ec24a5bdefd7> (дата обращения: 12.02.2022).

EIA (2021), International Energy Outlook 2021 // *International Energy Agency*. October 2021.

URL: <https://www.eia.gov/outlooks/ieo/> (дата обращения: 13.07.2023).

Ermakov A. The Future of Natural Gas in Asia Pacific: Large Potential for Demand Growth // *Gas Exporting Countries Forum*. March 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/expert-commentary—the-future-of-natural-gas-in-asia-pacific/gecf-commentary—the-future-of-natural-gas-in-asia-pacific.pdf (дата обращения: 13.07.2023).

JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI // *Joint Organization Data Initiative*.

URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (дата обращения: 13.07.2023).

IEEJ (2022), IEEJ Outlook 2022. Challenges for Achieving Both Energy Security and Carbon Neutrality // *The Institute of Energy Economics*. October 2022.

URL: <https://enen.iej.or.jp/en/whatsnew/442.html> (дата обращения: 03.11.2022).

IEA (2022), Coal Market Report // *International Energy Agency*. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2022> (дата обращения: 13.07.2023).

IEA (2022), World Energy Outlook 2022. DOI: 10.1787/3a469970-en

Miller S., Michalak A., Detmers R., Hasekamp O., Bruhwiler L., Schwietzke S. China's Coal Mine Methane Regulations have not Curbed Growing Emissions // *Nature Communications*. 2019. Vol. 10(303). Pp. 1–8. DOI: 10.1038/s41467-018-07891-7. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30696820/> (Дата обращения: 03.11.2022).

OPEC (2023). Annual Statistical Bulletin 2023 (ASB) // *OPEC*. URL: <https://asb.opec.org/> (дата обращения: 13.07.2023).

OPEC (2022). World Oil Outlook 2045 (WOO) // *OPEC*. URL: <https://woo.opec.org/> (дата обращения: 03.11.2022).

Paltsev S., Zhang D. Natural Gas Pricing Reform in China: Getting Closer to a Market System? // *Energy Policy*. 2015. Vol. 86. Pp. 43–56.

URL: https://globalchange.mit.edu/sites/default/files/MITJPSPGC_Rpt282.pdf (дата обращения: 03.11.2022).

Zhang D., Paltsev S. The Future of Natural Gas in China: Effects of Pricing Reform and Climate Policy // *Climate Change Economics*. 2016. Vol. 7. No. 4. Pp. 1–32. (дата обращения: 03.11.2022).

Statistical Review of World Energy: Energy Institute // *Energy Institute*. June 2023.

URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 13.07.2023).

The 2022 IHS Markit Energy and Climate Scenarios: Global gas summary // *Strategy Report. Energy and Climate Scenarios*. December 2022.

URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/3274463?connectPath=EnergyClimateScenariosLandingPage.Home.FeaturedResearch> (дата обращения: 29.12.2022).

Prospects for Russian Gas in China

Dmitry I. Kondratov

Ph.D. (Economics), Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7356-0047. E-mail: dmikondratov@yandex.ru

Received 20.07.2023.

Abstract:

The article presents an analysis of the current state and forecasts for the long-term development of the Chinese natural gas market, as well as the prospects for increasing Russian supplies of fossil fuels to this market.

It is expected that by the end of 2030 China can catch up and overtake Europe in terms of gas consumption. By 2030, the total demand for gas in China will be 390–560 billion cubic meters, which is almost 1.5 times higher than in 2022.

During the period of economic slowdown, the imbalance of supply and demand in the global hydrocarbon market leads to its destabilization. In order to predict such situations in advance, spe-

cialists from international and Russian organizations (International Energy Agency, BP plc, Energy Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Institute of Energy Economics of Japan) and consulting companies (IHS Markit) periodically prepare papers on the evolution of world energy markets and the consequences for major countries, gas consumers. Almost all studies are not yet ready to name the period of peak demand for gas in China in the foreseeable future, which gives grounds to name the XXI century of gas transformation.

In this article, a study was made of the Chinese gas market and an analysis of the factors of the long-term dynamics of demand for this energy resource.

The author also made an attempt to assess the expansion of our country's participation in the Chinese gas market, and prepared interim recommendations on using the potential for developing energy cooperation between China and Russia.

At the same time, the northeastern provinces of China, located near the Russian border, after the launch of the Power of Siberia gas pipeline, will be saturated with Russian gas. At the same time, the insufficient development of gas infrastructure — pipeline capacities, gas storage facilities, distribution networks — in China will not allow increasing exports when Russia builds additional capacities. To an even greater extent, this applies to the Power of Siberia-2 gas pipeline project.

The most promising way to increase Russian gas exports to China is the organization of Russian LNG supplies to the coastal regions of China, where a steady growth in gas demand is predicted.

Key words:

China, gas, Russian-Chinese energy cooperation, Chinese energy sector.

For citation:

Kondratov D.I. Prospects for Russian Gas in China // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 4. Pp. 1–28. DOI: 10.31857/S013128120027172-0.

References

- Annual Gas Market Report 2023: GECF. *Gas Exporting Countries Forum*. 2023.
URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-unveils-4th-annual-gas-market-report/gecf-agmr-2023.pdf (accessed: 13.07.2023).
- Annual Statistical Bulletin 2022: GECF. *Gas Exporting Countries Forum*. 2022.
URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/6th-edition-of-annual-statistical-bulletin-makes-its-debut/gecf-asb-2022.pdf (accessed: 13.07.2023).
- China Natural Gas Data Tables. *Ihs Markit*. January 2022.
URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phenix/392129?connectPath=Search&searchSessionId=ad171e3c-8f3a-484d-b1ab-ee24a5bdefd7> (accessed: 12.02.2022).
- EIA (2021), International Energy Outlook 2021. *International Energy Agency*. October 2021.
URL: <https://www.eia.gov/outlooks/ieo/> (accessed: 13.07.2023).
- Ermakov A. The Future of Natural Gas in Asia Pacific: Large Potential for Demand Growth. *Gas Exporting Countries Forum*. March 2023. URL: https://www.gecf.org/_resources/files/events/expert-commentary—the-future-of-natural-gas-in-asia-pacific/gecf-commentary—the-future-of-natural-gas-in-asia-pacific.pdf (accessed: 13.07.2023).
- IEA (2022), Coal Market Report. *International Energy Agency*. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2022> (accessed: 13.07.2023).
- IEA (2022), World Energy Outlook 2022. DOI: 10.1787/3a469970-en
- IEEJ (2022), IEEJ Outlook 2022. Challenges for Achieving Both Energy Security and Carbon Neutrality. *The Institute of Energy Economics*. October 2022.
URL: <https://enen.iej.or.jp/en/whatsnew/442.html> (accessed: 03.11.2022).
- JODI (n.d.). Online Database. Retrieved from JODI. *Joint Organization Data Initiative*.
URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=38673> (accessed: 13.07.2023).
- Kondratov D. Budushee mirovogo rynka prirodnogo gaza [The Future of Global Natural Gas Market]. *Rossiiskij vneshe' ekonomicheskij vestnik*. 2022. No. 1. S. 66–82. DOI: 10.24412/2072–8042–2022–1–66–82. (In Russ.)
- Miller S., Michalak A., Detmers R., Hasekamp O., Bruhwiler L., Schwietzke S. China's Coal Mine Methane Regulations have not Curbed Growing Emissions. *Nature Communications*. 2019. Vol. 10(303). Pp. 1–8. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30696820/> (accessed: 03.11.2022). DOI: 10.1038/s41467–018–07891–7

- OPEC (2022). World Oil Outlook 2045 (WOO). *OPEC*. URL: <https://woo.opec.org/> (accessed: 03.11.2022).
- OPEC (2023). Annual Statistical Bulletin 2023 (ASB). *OPEC*. URL: <https://asb.opec.org/> (accessed: 13.07.2023).
- Paltsev S., Zhang D. Natural Gas Pricing Reform in China: Getting Closer to a Market System? *Energy Policy*. 2015. Vol. 86. Pp. 43–56.
URL: https://globalchange.mit.edu/sites/default/files/MITJPSPGC_Rpt282.pdf (accessed: 03.11.2022).
- Statistical Review of World Energy: Energy Institute. *Energy Institute*. June 2023.
URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 13.07.2023).
- The 2022 IHS Markit Energy and Climate Scenarios: Global gas summary. *Strategy Report. Energy and Climate Scenarios*. December 2022.
URL: <https://connect.ihsmarkit.com/document/show/phoenix/3274463?connectPath=EnergyClimateScenariosLandingPage.Home.FeaturedResearch> (accessed: 29.12.2022).
- Zhang D., Paltsev S. The Future of Natural Gas in China: Effects of Pricing Reform and Climate Policy. *Climate Change Economics*. 2016. Vol. 7. No. 4. Pp. 1–32. (accessed: 03.11.2022).
- Zuev A. Kitaj — lokomotiv rynka SPG [China — the locomotive of the LNG market]. *TEK Rossii*. 2023. No. 1. S. 20–23. (In Russ.)

Энергетическая политика Японии: актуальные вызовы и проблемы

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120026885-4

Корнеев Константин Анатольевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2023.

Аннотация:

В октябре 2021 г. в Японии была опубликована шестая редакция Стратегического (базового) энергетического плана до 2030 г. Основная задача осталась прежней — добиться максимально возможных показателей энергетической независимости, для чего необходимо на порядок снизить закупки первичных энергоресурсов, а также вдвое (с 18 % до 36 %) увеличить долю ВИЭ в энергетическом балансе страны по сравнению с уровнем 2021 г. За минувшие 10 лет Япония провела большую работу в плане развития возобновляемой энергии: сегодня в стране насчитывается более 70 ГВт мощностей солнечных станций (СЭС) и порядка 7 ГВт ветроэнергетических станций (ВЭС); к 2030–2035 гг. суммарный объем возобновляемых мощностей предполагается довести до более чем 100 ГВт. Однако этих шагов недостаточно даже для того, чтобы в ближайшие годы сократить закупки нефти, угля и природного газа примерно на 20 %. Таким образом, на первое место вновь выходят вопросы перезапуска большинства имеющихся АЭС и строительства новых энергоблоков, поскольку они являются наиболее стабильным энергоисточником в условиях продолжающейся турбулентности на мировых энергетических рынках. Япония приложила немало усилий для пересмотра характера своей энергетической политики с целью найти приемлемый баланс между отказом от ядерной энергетики и поддержанием базовых показателей надежности энергоснабжения. Однако эти усилия отчасти завели страну в «энергетический тупик», когда текущие потребности так или иначе обеспечиваются, но под большим вопросом остается долгосрочное развитие отрасли. Это особенно заметно с учетом того, что Япония взяла на себя значительные обязательства по сокращению выбросов CO₂ и достижению углеродной нейтральности экономики к 2050 г., для чего необходим пересмотр многих ориентиров и переосмысление стратегических документов. Поиск ответов на этот вопрос и является основной целью настоящей статьи.

Ключевые слова:

Япония, энергетическая политика, внутренний рынок, стратегии и планы развития, сотрудничество со странами АТР.

Для цитирования:

Корнеев К.А. Энергетическая политика Японии: актуальные вызовы и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 73–84. DOI: 10.31857/S013128120026885-4.

Несмотря на заявления политиков и принятие стратегий по декарбонизации, значение первичных энергоресурсов для энергетики и экономики Японии остается высоким. Например, по состоянию на 2022 г. доля угля в структуре топливно-энергетического баланса составила 30 %, доля природного газа достигла 45 %, а доля нефти и нефтепродуктов осталась на уровне 6 %, почти не изменившись по сравнению с показателями допандемийного 2019 г. Доля ГЭС стабильна на протяжении многих лет (около 7 %), поскольку гидро-ресурсы в Японии весьма ограничены и потенциал их освоения практически исчерпан. Но активно развивается сектор возобновляемых источников энергии (ВИЭ) — его доля уверенно растет (около 12 % в 2022 г.)¹, что обусловлено четкой и последовательной государ-

¹ 2022 Share of Electricity from Renewable Energy Sources in Japan (Preliminary) // ISEP. April 26, 2023. URL: <https://www.isep.or.jp/en/1436/> (дата обращения: 10.05.2023).

ственной политикой в этом направлении. Она состоит из комплекса мер по поддержке бизнеса в области возобновляемой генерации, включая ряд налоговых льгот и введение так называемого «зеленого тарифа». Последний подразумевает, что региональные энергетические компании-монополисты обязаны приобретать дорогую электроэнергию, произведенную на основе ВИЭ, по равновесной цене, которая формируется с учетом анализа среднегодовых показателей спроса и потребления в каждой конкретной префектуре.

Однако проблема постепенного реформатирования энергетического баланса в пользу экологически чистых источников энергии только набирает актуальность. Сегодня в Японии работает порядка 140 угольных станций, большая часть которых неэффективна, поскольку их КПД и уровень выбросов CO₂ не соответствуют современным климатическим стандартам. По заявлениям японских официальных лиц, включая и премьер-министра страны Фумио Кисиды, Япония к 2050 г. добьется реализации стратегии «нулевых выбросов» или перехода экономики к такому состоянию, когда общий углеродный след, возникающий при работе электростанций, промышленных предприятий и транспортных средств, окажется минимальным. Если сейчас доля Японии в глобальной эмиссии парниковых газов (CO₂ и NO_x) составляет 3,2 %, то к 2050 г. она должна сократиться до 0,3–0,5 %². Эти заявления политиков вызывают недоумение у представителей научно-экспертного сообщества Японии, которые пытаются понять, за счет чего планируется достижение вышеперечисленных целей.

Также все большее значение в рамках расширения направлений энергетического сотрудничества для Японии приобретают страны Азиатско-Тихоокеанского региона, которые потенциально могут стать значимыми поставщиками первичных энергоресурсов и партнерами по разработке и внедрению перспективных энергетических технологий.

Текущая ситуация в японской энергетике

Структурные изменения японской энергетики, направленные на увеличение доли возобновляемых источников, пока не дают тех результатов, на которые рассчитывало правительство еще несколько лет назад. Учитывая имеющиеся тенденции, мы видим, что заявленные показатели для ВИЭ и АЭС выглядят откровенно завышенными. Существующих мощностей ТЭС и ГЭС достаточно для поддержания текущего уровня энергопотребления, который, по оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), к 2030–2035 гг. сократится не менее чем на 3 %³.

Ситуацию усложняет и туманное будущее атомной энергетики. В течение полутора лет после аварии на АЭС «Фукусима-1» все атомные станции были остановлены, долгосрочные перспективы атомной энергетики оказались под вопросом. Наиболее вероятным по-прежнему видится сценарий, при котором существующие мощности АЭС останутся в частичной эксплуатации, однако новые сооружаться не будут, за исключением тех, что находились в стадии строительства до марта 2011 г. Однако в августе 2022 г. было объявлено о том, что правительство все-таки планирует продлить срок эксплуатации действующих реакторов (сейчас работают 10 из 33 существующих) до 60 лет, а также предметно рассмотреть вопрос строительства новых энергоблоков⁴.

Несмотря на ряд проблем, следует отметить, что в настоящее время энергетическая отрасль Японии является одной из самых передовых в мире по показателям надеж-

² Japan's Energy. 10 Questions for Understanding the Current Energy Situation // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. February 2022. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/brochures/pdf/japan_energy_2021.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

³ Japan 2021 Energy Policy Review. Country Report // *International Energy Agency*. March, 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/japan-2021> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Prime Minister Kishida Calls for Accelerating Promoting of Nuclear Power // *The Institute of Energy Economics, Japan*. August 25, 2022. URL: <https://eneken.ieej.or.jp/data/10513.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).

ности и эффективности. Энергоемкость экономики страны составляет 0,09 кг н.э./долл. США; для сравнения: аналогичный показатель в России равняется по приблизительным оценкам 0,19 кг н.э./долл. США. Суммарное потребление энергии составляет порядка 430 млн т н.э.⁵, что довольно много для страны с населением в 124 млн чел., и указывает на высокоразвитую производственную и потребительскую активность.

Однако к 2030 г., согласно упомянутым выше оценкам МЭА, прогнозируется общее снижение уровня энергопотребления не только по причине старения населения и снижения его численности, но и в связи с сокращением промышленного потребления и увеличением доли сферы услуг, особенно в части поддержки достойного уровня жизни пожилых людей. Выбывающие мощности планируется заменять генерацией на основе возобновляемых источников энергии, включая водород и различные типы биотоплива⁶.

Суммарная установленная мощность всех электростанций Японии составляет 320 ГВт, включая возобновляемую и распределенную генерацию. В постоянной эксплуатации находится порядка 280 ГВт, которые вырабатывают 998 млрд кВт·ч в год (данные за 2021 г.), остальные мощности — резервные, в основном это нефтяные и угольные ТЭС, работающие только в периоды сезонного дефицита электроэнергии. Японская энергетика успешно преодолела последствия катастрофы на АЭС «Фукусима-1», что говорит о большом пределе живучести энергосистемы; например, норма резервных мощностей при строительстве электростанций может составлять в Японии 20–40 % от общей проектируемой мощности⁷.

Принятие решений по вопросам текущего и долгосрочного развития энергетики страны — зона ответственности Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП). Оперативные вопросы в основном контролирует структурное подразделение МЭТП — Агентство по природным ресурсам и энергетике. Однако немаловажную роль играют и крупные финансово-промышленные группы (ФПГ), состоящие из многопрофильных компаний, которые зачастую имеют специализированные подразделения, занимающиеся экспортно-импортными операциями в области торговли энергоресурсами, естественно, с ведома и одобрения правительства. Органы власти префектур, включая муниципалитеты, обладают довольно большими полномочиями на местах; без их согласия невозможно строительство крупных объектов, таких как электростанции.

Высоко значение и научно-экспертного сообщества: правительство постоянно консультируется с научными институтами и другими профильными организациями, занимающимися комплексными проблемами энергетики, особенно в период разработки документов стратегического планирования. Например, при разработке новой редакции Стратегического (базового) энергетического плана до 2030 г. МЭТП активно сотрудничало с Институтом экономики энергетики Японии (IEEJ), Институтом экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), Азиатско-Тихоокеанским центром энергетических исследований (APEREC) и т.д.⁸ Представители научно-экспертного сообщества входят практически во все рабочие группы, которые организуются правительством или крупными энергетическими компаниями для обсуждения широкого спектра вопросов.

⁵ Energy Intensity Level of Primary Energy — Japan // *World Bank*. 2022.
URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.EGY.PRIM.PP.KD?locations=JP> (дата обращения: 12.05.2023).

⁶ Japan 2021 Energy Policy Review. Country Report // *International Energy Agency*. March, 2021.
URL: <https://www.iea.org/reports/japan-2021> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ 2022 Share of Electricity from Renewable Energy Sources in Japan (Preliminary) // *IEEP*. April 26, 2023.
URL: <https://www.iseep.or.jp/en/1436/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ Japan 2021 Energy Policy Review. Country Report // *International Energy Agency*. March, 2021.
URL: <https://www.iea.org/reports/japan-2021> (дата обращения: 10.05.2023).

Координирующая деятельность правительства определяет успешное функционирование и развитие энергетической отрасли как единого механизма. Это касается и регулирования цен на импортируемые энергоресурсы на внутреннем рынке, и задач по обеспечению бесперебойного снабжения электроэнергией потребителей за счет контроля над деятельностью компаний-монополистов, и внедрения эффективных рыночных механизмов, создаваемых специально для поддержки независимых производителей электроэнергии с целью расширения их возможностей по ведению бизнеса в электроэнергетике⁹. Благодаря идущей с переменным успехом либерализации электроэнергетической и газовой отраслей, доля относительно независимых компаний, не входящих в состав больших энергетических холдингов, в торговле электроэнергией уже превысила 20 % от суммарного показателя по стране и ежегодно увеличивается¹⁰.

Для поддержания необходимого уровня энергетической безопасности и обеспечения бесперебойного энергоснабжения потребителей правительство Японии в настоящее время предпринимает меры по укреплению долгосрочных контрактных отношений со странами-поставщиками первичных энергоресурсов. Несмотря на планы по развитию возобновляемой и водородной энергетики, с большой долей вероятности к 2030–2035 гг. зависимость от импорта ископаемого топлива все еще будет составлять порядка 60 % от общего потребления энергии. Следовательно, для поддержания функционирования экономики в перспективе ближайших 10–15 лет стабильные и предсказуемые отношения с поставщиками очень важны.

Также на первый план выходят вопросы бережного отношения к окружающей среде. Предполагается максимально снизить нагрузку на окружающую среду: на первом этапе за счет строительства новых газовых ТЭС взамен угольных. Кроме того, вводится система наказаний (штрафы, отзывы лицензий и пр.) за нарушения экологических норм для промышленных предприятий, коммерческого сектора и сферы услуг. Однако эти и другие меры сами по себе носят фрагментированный характер, поэтому сегодня японское правительство, корпорации и научно-экспертное сообщество стремятся к выработке согласованной концепции проведения энергетической политики¹¹.

Направления и задачи внутренней энергетической политики

Из-за нехватки собственных первичных энергоресурсов тарифы на электроэнергию в Японии в значительной степени зависят от колебаний мировых цен на нефть и сжиженный природный газ, поскольку именно они определяют, по каким ценам топливо будут продавать потребителям на внутреннем рынке. Средневзвешенная стоимость электроэнергии (WACE) была относительно стабильной в течение нескольких лет, но выросла в 2021 и 2022 гг. по причине турбулентности на мировых энергетических рынках, достигнув отметки в 32 йены за кВт·ч (около 20 руб. за кВт·ч), что является одним из самых высоких показателей в мире. Отсюда вытекает задача по субсидированию цен для отдельных групп потребителей, например организаций социальной сферы, субъектов малого бизнеса и пр. В основном эта финансовая нагрузка ложится на префектуры, что способствует дополнительному росту их долга перед государственным бюджетом страны,

⁹ Energy Industry in Japan // *Advanced Energy Technologies*. July 14, 2022. URL: <https://aenert.com/countries/asia/energy-industry-in-japan/#c24622> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁰ Japan's Electricity Sector Reforms: Transition to Next Generation Power Networks // *Reglobal*. December 28, 2022. URL: <https://reglobal.co/japans-electricity-sector-reforms-transition-to-next-generation-power-networks> (дата обращения: 15.05.2023).

¹¹ Корнеев К.А., Попов С.П. Проблемы формирования энергетической политики Японии // *Энергетическая политика*. 2019. № 2. С. 43–53.

однако отсутствие субсидий приведет к снижению деловой активности, на что власти, борющиеся за положительную динамику ВВП, пойти не готовы.

Еще одним заметным фактором, влияющим на цены, является стоимость генерации от возобновляемых источников энергии. Благодаря внедрению схемы «зеленого тарифа» (FIT) в 2012 г. установленная мощность объектов возобновляемой генерации росла в среднем на 18 % в год до 2022 г. включительно. В то время как ВИЭ усиливают свои позиции в структуре выработки, постоянно увеличиваются и затраты бюджета страны, идущие на компенсацию ценовой разницы для производителей электроэнергии на основе ВИЭ, поскольку стоимость их 1 кВт·ч по-прежнему примерно в 2 раза больше угольной генерации. По итогам 2021 г. сумма компенсаций достигла 28 млрд долл., часть из которых оплатили потребители. Например, доплата для среднего домохозяйства в 2021 г. составляла около 6 долл. в месяц, что с учетом иных коммунальных платежей довольно дорого, особенно для жителей сельской местности. Правительству страны нужно обеспечивать экономически эффективное развитие генерации от ВИЭ при одновременном снижении нагрузок на потребителей¹².

Другая проблема лежит в области накопителей электроэнергии. Чтобы добиться ситуации, когда объемы возобновляемой генерации превысят текущие потребности (к чему и стремится правительство), следует запасти избыток электроэнергии и потом за счет нее покрыть пиковую нагрузку на энергосистему. Для этого нужны аккумуляторные батареи высокой емкости, а для их изготовления необходимы редкие металлы. Например, в литий-ионных батареях используются такие редкие металлы, как литий, кобальт и никель. Япония почти на 100 % зависит от импорта данных ископаемых ресурсов. Если рост спроса на электроэнергию от ВИЭ, а также электромобили и другие транспортные средства с аккумуляторным питанием продолжится даже в текущем темпе, то к 2030 г. придется увеличить закупку редкоземельных металлов в 1,5–2 раза, для чего уже сейчас нужно заключать долгосрочные контракты на поставку, при том, что дефицит лития на глобальном рынке только увеличивается¹³.

Немаловажный момент — продолжающаяся борьба с глобальным изменением климата. Японские чиновники не раз заявляли, что страна стремится к углеродной нейтральности или достижению «чистого нуля» выбросов CO₂ и других парниковых газов до 2050 г. Показатель эмиссии парниковых газов для Японии в 2021 г. составил около 1,2 млрд тонн, 85 % из которых приходилось на энергетику и транспорт. Выполнение таких планов точно потребует пересмотра базовых принципов проведения внутренней энергетической политики¹⁴.

Япония периодически сталкивается с последствиями стихийных бедствий, которые оказывают значительное негативное влияние на функционирование энергосистемы. Тайфуны и землетрясения часто повреждают объекты электроэнергетики и разрушают инженерные коммуникации. Это приводит к масштабным отключениям электроэнергии. Поскольку в будущем из-за глобального потепления прогнозируется еще больше стихийных бедствий, для Японии крайне важно обеспечить безопасность и устойчивость энергоснабжения.

¹² Understanding the Current Energy Situation in Japan // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. August 18, 2022. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/special/article/detail_171.html (дата обращения: 18.05.2023).

¹³ Understanding the Current Energy Situation in Japan // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. August 18, 2022. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/special/article/detail_171.html (дата обращения: 18.05.2023).

¹⁴ Japan's Roadmap to "Beyond-Zero" Carbon // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. 2021–2022. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/global_warming/roadmap/ (дата обращения: 14.05.2023).

В июне 2020 г. кабинетом министров было принято решение о введении в действие поправок, частично дополняющих Закон об электроэнергетике (принят в 1964 г., последняя ревизия закона проводилась в 2013 г.), и других актов, регулирующих работу отрасли. Суть поправок заключается в расширении сотрудничества между энергетическими компаниями и местными органами власти для борьбы с последствиями стихийных бедствий, строительстве еще более надежных сетей распределения электроэнергии и внедрении устойчивых к внешним воздействиям децентрализованных систем электроснабжения. В настоящее время разрабатываются планы по переходу к электросетям следующего поколения, которые хорошо подходят для передачи больших объемов электроэнергии от ВИЭ. Стартовал проект по дублированию межрегиональных линий электропередачи между о. Хоккайдо и регионом Тохоку. Несмотря на эти начинания, резервные системы электроснабжения все еще нуждаются в серьезной модернизации¹⁵.

Еще одна задача формулируется по причине перемены общественных настроений в отношении возобновляемой энергетики. До конца 2000-х гг. многие местные и региональные органы власти, а также население воспринимали энергию ветра и солнца как символ технического прогресса. Воспользовавшись благоприятным отношением общественности к возобновляемым источникам энергии как к экологически чистой альтернативе ископаемому топливу, правительства нескольких префектур в 2000-е гг. выдали лицензии целому ряду компаний-операторов ВЭС и СЭС без комплексной экспертизы с целью их возможного воздействия на состояние окружающей среды. Строительство ветряных и солнечных электростанций без учета позиции местного населения вызвало протесты, что в 2010-е гг. вынудило чиновников временно приостановить новые проекты в области ВИЭ, которые, как в итоге выяснилось, не принесли никакой пользы жителям муниципалитетов, но создали много неудобств.

По сути, это привело к замедлению темпов развития ВИЭ, которые могли составлять до 25 % ежегодно. Отдельные проекты по развитию геотермальной энергетики также были приостановлены. Более двух третей геотермальных источников тепла в Японии расположены в национальных парках, которые круглогодично посещают туристы. Для малых городов и деревень туризм является зачастую единственным источником стабильного дохода, кроме того, горячие источники представляют и значительную культурно-историческую ценность. На протяжении многих лет местные эколо-активисты и различные НКО использовали практику исков и продолжительных судебных разбирательств, чтобы замедлить или отсрочить строительство геотермальных электростанций¹⁶.

Перспективы дальнейшего увеличения парка возобновляемых мощностей в Японии потребуют увеличения как государственных расходов, так и инвестиций со стороны частного сектора, поскольку придется строить новые объекты ВИЭ в удаленных районах суши или на морских платформах за пределами береговой зоны, где японские рыбаки десятилетиями ведут свой традиционный промысел. Как уже упоминалось выше, введение строгих экологических стандартов и общественная оппозиция в некоторых префектурах препятствуют дальнейшему увеличению темпов строительства объектов генерации от ВИЭ. Новые проекты, в основном в области геотермальной и ветроэнергетики, требуют сертификации соответствия нормам жизнедеятельности местных сообществ, а также одобрения со стороны регулирующих органов и допусков по технике безопасности от различных министерств и ведомств. Это очень сложный и трудоемкий процесс, или, другими словами, задача, которая требует не только внимания центрального правительства, но и необходимости постоянно выстраивать диалог с префектурами и муниципалитетами.

¹⁵ Japan's Electricity Sector Reforms: Transition to Next Generation Power Networks // *Reglobal*. December 28, 2022. URL: <https://reglobal.co/japans-electricity-sector-reforms-transition-to-next-generation-power-networks> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁶ Abin Ben A. Japan's Energy Security: Opportunities and Challenges of Renewables in Post-Fukushima Energy Scenario // *Journal of Polity & Society*. 2021. No. 13. Pp. 23–47.

Шаги по обеспечению долгосрочного развития энергетики

Ранжирование партнеров Японии по импорту первичных энергоносителей показывает доминирование трех регионов: Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и России. Постепенно возрастает и вклад Африки, но пока это скорее альтернатива на самый крайний случай. Гарантии безопасной морской транспортировки энергоресурсов — ключевой вопрос для Японии, поэтому в Токио внимательно следят за внутренними перипетиями в странах-поставщиках, особенно из региона Персидского залива. Политические риски дополняются и высокой стоимостью транспортировки энергоресурсов, а также длительным сроком доставки: например, газовоз из Катара до Японии идет примерно месяц¹⁷.

Примером проблем, связанных с зависимостью Японии от регионов с высоким уровнем политической нестабильности, является инцидент в Оманском заливе, произошедший в июне 2019 г. В ходе инцидента два танкера, шедших под японским флагом, были атакованы неизвестными судами, в результате чего произошли взрывы и начался пожар. Никто в итоге не пострадал, однако эта ситуация вызвала широкий общественный резонанс в самой Японии. Тесные связи Японии с Соединенными Штатами, имеющими немало противников на Ближнем Востоке, делают японские танкеры, проходящие через Ормузский пролив, удобной мишенью для радикальных группировок. Около 88 % сырой нефти Япония закупает на Ближнем Востоке, поэтому риски потери судов и срыва поставок сохраняются.

Танкеры и газовозы, идущие через Малаккский пролив, находятся в относительной безопасности, однако в дальнейшем им необходимо пересечь Восточно-Китайское море, чтобы добраться до места назначения кратчайшим путем. Имеющая место напряженность в отношениях между Японией и Китаем из-за территориальных споров (необитаемые о-ва, именуемые Сенкаку по-японски или Дяоюйдао по-китайски) подвергает дополнительному риску надежность поставок сырой нефти и СПГ в японские порты. Закупка того же сланцевого газа из США пока заметно дороже по сравнению с другими маршрутами¹⁸, поэтому в плане обеспечения безопасности и расширения географии поставщиков Япония в большей степени рассматривает Африку (Алжир, Нигерия) и Юго-Восточную Азию.

Что касается африканских стран, то доставка энергоресурсов оттуда еще дальше и дороже, чем из региона Персидского залива, а в Юго-Восточной Азии нет несколько крупных экспортеров (особенно нефти), которые могли бы подвинуть страны Ближнего Востока с лидирующих позиций. Альтернативы продолжению энергетического сотрудничества с Россией у Японии сейчас нет, и шаги, которые предпринимает японское правительство, сигнализируют о правильном понимании ситуации и стремлении в первую очередь следовать национальным интересам, особенно в такой чувствительной для страны сфере. В данном контексте весьма показательно, что Япония, несмотря на давление со стороны США, сохранила полное участие в нефтегазовом проекте «Сахалин-2» на территории России, поскольку альтернативы российскому СПГ, который занимает порядка 10 % японского рынка, пока не просматривается.

Помимо базовых шагов, направленных на укрепление энергетической безопасности (благодаря диверсификации географии поставок ископаемого топлива) и выстраивание долгосрочных отношений со странами-экспортерами, а также реализацию целого комплек-

¹⁷ Gracheva A. Japan's Energy Policy: Economic Drivers and Political Challenges // *The Journal of Contemporary Asian Studies*. January 9, 2021. URL: <https://utsynergyjournal.org/2021/01/09/japans-energy-policy-economic-drivers-and-political-challenges/> (дата обращения: 18.05.2023).

¹⁸ Gracheva A. Japan's Energy Policy: Economic Drivers and Political Challenges // *The Journal of Contemporary Asian Studies*. January 9, 2021. URL: <https://utsynergyjournal.org/2021/01/09/japans-energy-policy-economic-drivers-and-political-challenges/> (дата обращения: 18.05.2023).

са мер, с помощью которых предполагается еще улучшить показатели энергосбережения и энергоэффективности (речь идет о современных интеллектуальных системах управления электроэнергетикой), выделяется два ключевых тренда на горизонте до 2030–2035 гг. Это меры по декарбонизации и по достижению максимально возможных показателей энергетической независимости за счет снижения доли импорта первичных энергоресурсов и увеличения показателей энергообеспеченности. Они осуществляются с помощью альтернативных источников, среди которых предсказуемо выделяются ВИЭ и водород.

Еще в 2020 г. японское правительство одобрило план по декарбонизации до 2050 г., который включает в себя следующие меры:

1. Увеличение доли возобновляемых источников энергии. План предусматривает рост выработки электроэнергии от ВИЭ до 50 % в общем объеме производства к 2030 г. Предполагается, что замена автомобилей с двигателями внутреннего сгорания (ДВС) на электромобили будет идти ускоренными темпами и к 2030 г.: электромобили составят 30 % от общего числа автомобилей в стране (всего их насчитывается более 82 млн единиц, включая коммерческий и пассажирский транспорт)¹⁹.

2. Широкое применение экологически чистого водородного топлива в энергетике и на транспорте²⁰. По состоянию на конец 2022 г. в Японии насчитывалось около 8 тыс. единиц транспорта на водородных топливных элементах (ВТЭ) и около 100 водородных заправочных станций по всей стране. К 2025 г. количество такого транспорта должно составить 200 тыс. единиц и 320 водородных заправочных станций, а к 2030 г. — уже 800 тыс. единиц и 900 водородных заправочных станций. Для того чтобы обеспечить этот автопарк водородным топливом, стране потребуется не менее 1 млн тонн низкоуглеродного водорода ежегодно, для чего необходимы инвестиции в создание соответствующей инфраструктуры производства, хранения и транспортировки водорода в размере 8–10 млрд долл. каждый год до 2030 г.²¹ Что касается энергетики, то совокупная мощность модульных электростанций, работающих на водородном топливе, должна достигнуть минимум 10 ГВт к 2030 г., однако по состоянию на 2022 г. установленная мощность таких станций не превышает 100 МВт²².

3. Использование технологий «чистого угля». Япония создает и внедряет технологии сжигания угля с минимальными выбросами парниковых газов (улавливание и хранение CO₂). Это существенно повышает экологическую эффективность угольных электростанций; предполагается, что к 2030 г. все существующие 45 ГВт угольной генерации (если часть мощностей до этого срока не выведут из эксплуатации) будут оснащены системами улавливания углекислого газа.

4. Продолжение научно-прикладных исследований в области хранения и переработки углекислого газа, а именно: создание и широкое внедрение таких технологий, которые позволяют «захватывать» углекислый газ, чтобы использовать его в промышленности или же утилизировать в глубоких подземных хранилищах.

5. Поддержка экологических инноваций и стартапов, направленных на разработку новых технологий, способствующих декарбонизации. Это включает в себя программы

¹⁹ Total Number of Motor Vehicles in Use in Japan from 2013 to 2022 // *Statista*. November 15, 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/674574/japan-motor-vehicle-in-use-numbers/> (дата обращения: 22.05.2023).

²⁰ Корнеев К.А. Политика Японии в области развития водородной энергетики // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 68–81.

²¹ Nakano Jane. Japan's Hydrogen Industrial Strategy // *CSIS*. October 21, 2021.

URL: <https://www.csis.org/analysis/japans-hydrogen-industrial-strategy> (дата обращения: 22.05.2023).

²² Roman Eric Sieler, Lisa Cames, Bianca Schuster, Sören Borghardt, Benjamin La Trobe. Hydrogen Factsheet — Japan // *Adelphi*. December, 2021. URL: <https://adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/H2%20Factsheet%20Japan.pdf> (дата обращения: 24.05.2023).

государственных субсидий, налоговые льготы и дополнительные финансовые вливания, необходимые для развития и коммерциализации экологически чистых технологий²³.

Развитие водородной энергетики замедлено ввиду необходимости обеспечения безопасности по всей цепочке производства, хранения и потребления водорода, высокой стоимости водорода как источника энергии по сравнению даже с ВИЭ (солнечная и ветряная генерация), особенно когда речь идет о его получении способом электролиза с нулевыми выбросами CO₂, а также потребности в существенных инвестициях на создание и масштабирование инфраструктуры перехода на водород.

Есть и более простой путь — перепрофилирование существующего оборудования для использования водорода. Компания Mitsubishi Power создает специальные турбины, способные работать на смеси природного газа и водорода, что позволяет эксплуатировать газовые электростанции после их частичной модернизации. Апробацию технологии 100 % сжигания водорода в газовых турбинах мощностью 40 МВт планируется завершить в 2023 г., с целью коммерциализации — к 2025 г. Успешно проведены испытания газовых турбин мощностью 400 МВт с использованием смеси водорода и природного газа в соотношении 50:50. Если масштабное внедрение таких турбин приведет к значительному повышению спроса на водород и снижению затрат на его производство, то генерация электроэнергии на водородном топливе может получить широкое распространение в Японии уже до конца 2020-х гг., даже раньше, чем ожидалось²⁴.

В настоящее время просматривается вполне устойчивая тенденция переориентации японской внешней энергетической политики на Азиатско-Тихоокеанский регион, постепенно усиливается сотрудничество с партнерами из АТР не только в плане поставок энергоресурсов, но и по целому ряду системообразующих высокотехнологичных направлений.

*

*

*

Для обеспечения надежного и бесперебойного развития энергетики правительство Японии предпринимает разумные и последовательные шаги, однако уделяет чрезмерное внимание сектору ВИЭ, притом, что природно-климатические и экономические условия явно не способствуют достижению всех заявленных целей по увеличению доли ВИЭ в структуре потребления энергии. Очевидно, что полностью отказаться от использования ископаемого топлива и эксплуатации АЭС не получится даже к 2050 г., поэтому необходим более взвешенный подход к формированию ориентиров долгосрочной энергетической политики с учетом того, что сам по себе энергетический переход не решает многих структурных проблем. Например, Япония должна обеспечить принципиально иной уровень безопасности на АЭС, то есть необходимо провести строгий аудит и модернизацию существующих станций, а также разработать более безопасные и устойчивые технологии ядерной энергетики будущего.

Принципиальное значение имеют практические результаты перехода Японии к безуглеродной экономике в средне- и долгосрочной перспективе. Если в рамках политики по декарбонизации акцент будет сделан на менее экономически эффективных инвестициях (то есть инвестициях только в снижение выбросов без учета коммерческих интересов компаний) в обмен на быстрые выгоды от сокращения эмиссии ПГ, это может привести к падению производительности в стране и стагнации ВВП, который в Японии и так находится в низкоскоростном сегменте по сравнению с соседними странами — Китаем и Республикой

²³ Kurachi Yoshiyuki, Morishima Hajime, Kawata Hiroshi, et al. Challenges for Japan's Economy in the Decarbonization Process. Tokyo: Bank of Japan Reports & Research Papers, 2022. 47 p.

²⁴ Hydrogen Power Generation for a Zero-Carbon World // KIZUNA, the Official Magazine of the Government of Japan. August 29, 2022. URL: https://www.japan.go.jp/kizuna/2022/08/hydrogen_power_generation.html (дата обращения: 30.05.2023).

Корея. Кроме того, искусственные барьеры для ведения бизнеса в углеродоемких отраслях экономики (химическая промышленность, металлургия, транспорт, электроэнергетика) могут оказать негативное влияние на макроэкономическую активность в целом.

Таким образом, доля ВИЭ в размере 34–36 % в рамках энергобаланса Японии к 2030 г. выглядит завышенной, особенно с учетом анализа рисков, проведенного выше. Заявленное в планах повышение внутренней энергетической самодостаточности до 24 % к 2030 г. также вряд ли достижимо, однако показатель в диапазоне 18–20 % вполне реален. Потребление газа и угля для общих энергетических нужд с большой долей вероятности вернется к уровням, существовавшим до аварии на АЭС «Фукусима-1», а ядерная энергетика частично восстановит свои позиции в силу того, что без нее продолжать процесс декарбонизации для исполнения взятых Японией на себя международных обязательств будет невозможно. То есть реальный (консервативный) предварительный прогноз выглядит следующим образом: до 30 % объема производства электроэнергии обеспечат возобновляемые источники (9 % — гидрогенерация, 10 % — солнечная энергетика, 4 % — биомасса, 6 % — ветряная энергетика и 1 % — геотермальные источники), до 14 % обеспечит ядерная энергетика, а порядка 56 % — ископаемое топливо (24 % угля, 30 % СПГ и 2 % нефти).

Японии также требуется последовательное внедрение энергосберегающих технологий с целью сокращения энергопотребления и повышения энергетической эффективности в различных секторах экономики — а это влечет за собой увеличение инвестиций в научные исследования и разработки в области устойчивой энергетике. Несмотря на то что страна входит в число мировых лидеров по тратам на НИОКР, в том числе и в сфере прорывных энергетических технологий, в Японии отсутствует единая научно-технологическая политика, направленная на многоуровневую поддержку перспективных исследований. В данном контексте необходима разработка национальной программы развития технологий устойчивой энергетике, которая имела бы приоритетные позиции в плане финансирования и апробации таких технологий. Это означает, что правительственным учреждениям, крупным корпорациям и различным НИИ следует рассмотреть возможность создания соответствующих консорциумов.

Литература

- Корнеев К.А. Политика Японии в области развития водородной энергетики // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 68–81.
- Корнеев К.А., Попов С.П. Проблемы формирования энергетической политики Японии // *Энергетическая политика*. 2019. № 2. С. 43–53.
- Abin Ben A. Japan's Energy Security: Opportunities and Challenges of Renewables in Post-Fukushima Energy Scenario // *Journal of Polity & Society*. 2021. No. 13. Pp. 23–47.
- Energy Industry in Japan // *Advanced Energy Technologies*. July 14, 2022. URL: <https://aenert.com/countries/asia/energy-industry-in-japan/#c24622> (дата обращения: 15.05.2023).
- Energy Intensity Level of Primary Energy — Japan // *World Bank*. 2022. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.EGY.PRIM.PP.KD?locations=JP> (дата обращения: 12.05.2023).
- Gracheva A. Japan's Energy Policy: Economic Drivers and Political Challenges // *The Journal of Contemporary Asian Studies*. January 9, 2021. URL: <https://utsynergyjournal.org/2021/01/09/japans-energy-policy-economic-drivers-and-political-challenges/> (дата обращения: 18.05.2023).
- Hydrogen Power Generation for a Zero-Carbon World // *KIZUNA, the Official Magazine of the Government of Japan*. August 29, 2022. URL: https://www.japan.go.jp/kizuna/2022/08/hydrogen_power_generation.html (дата обращения: 30.05.2023).
- Japan's Electricity Sector Reforms: Transition to Next Generation Power Networks // *Reglobal*. December 28, 2022. URL: <https://reglobal.co/japans-electricity-sector-reforms-transition-to-next-generation-power-networks> (дата обращения: 15.05.2023).
- Japan's Energy. 10 Questions for Understanding the Current Energy Situation // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. February, 2022. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/brochures/pdf/japan_energy_2021.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

- Japan's Roadmap to "Beyond-Zero" Carbon // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. 2021–2022. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/global_warming/roadmap/ (дата обращения: 14.05.2023).
- Japan 2021 Energy Policy Review. Country Report // *International Energy Agency*. March, 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/japan-2021> (дата обращения: 10.05.2023).
- Kurachi Yoshiyuki, Morishima Hajime, Kawata Hiroshi, et al.* Challenges for Japan's Economy in the Decarbonization Process. Tokyo: Bank of Japan Reports & Research Papers, 2022. 47 p.
- Nakano Jane*. Japan's Hydrogen Industrial Strategy // *CSIS*. October 21, 2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/japans-hydrogen-industrial-strategy> (дата обращения: 22.05.2023).
- Prime Minister Kishida Calls for Accelerating Promoting of Nuclear Power // *The Institute of Energy Economics, Japan*. August 25, 2022. URL: <https://eneken.ieej.or.jp/data/10513.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).
- Roman Eric Sieler, Lisa Cames, Bianca Schuster, Sören Borghardt, Benjamin La Trobe*. Hydrogen Factsheet — Japan // *Adelphi*. December, 2021. URL: <https://adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/H2%20Factsheet%20Japan.pdf> (дата обращения: 24.05.2023).
- Total Number of Motor Vehicles in Use in Japan from 2013 to 2022 // *Statista*. November 15, 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/674574/japan-motor-vehicle-in-use-numbers/> (дата обращения: 22.05.2023).
- Understanding the Current Energy Situation in Japan // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. August 18, 2022. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/special/article/detail_171.html (дата обращения: 18.05.2023).
- 2022 Share of Electricity from Renewable Energy Sources in Japan (Preliminary) // *ISEP*. April 26, 2023. URL: <https://www.isep.or.jp/en/1436/> (дата обращения: 10.05.2023).

Japan's Energy Policy: Current Challenges and Problems

Konstantin A. Korneev

Ph.D. (History), Senior Researcher, Centre for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–3930–6309. E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Received 05.07.2023.

Abstract:

The sixth edition of the Strategic (Basic) Energy Plan until 2030 was published in Japan in October 2021. The primary goal remained the same — to maximize energy independence by reducing purchases of primary energy resources and to increasing the share of renewable energy in the country's energy balance from 18 % to 36 % relative to 2021 levels. However, these steps are not enough even to reduce purchases of oil, coal and natural gas by about 20% in the coming years. Thus, the issue of restarting the majority of existing nuclear power plants and the construction of new power units come to the fore again, since they are providing most stable energy amidst ongoing market turbulence. Japan has made a lot of efforts to revise the nature of its energy policy in order to find an acceptable balance between abandoning nuclear energy and maintaining basic indicators of energy supply reliability, but these efforts have partly led the country into an "energy impasse" when current demands are partially addressed, but the long-term development of the industry remains a big question. This is especially noticeable given the fact that Japan has made significant commitments to reduce CO2 emissions and achieve economy-wide carbon neutrality by 2050, which requires a revision of many benchmarks and a rethinking of strategic documents. The search for answers to this question is the main purpose of this article.

Key words:

Japan, energy policy, domestic market, development strategies and plans, cooperation with Asia-Pacific countries.

For citation:

Korneev K.A. Japan's Energy Policy: Current Challenges and Problems // Far Eastern Studies. 2023. No. 4. Pp. 73–84. DOI: 10.31857/S013128120026885-4.

References

- 2022 Share of Electricity from Renewable Energy Sources in Japan (Preliminary). *ISEP*. April 26, 2023. URL: <https://www.isep.or.jp/en/1436/> (accessed: 10.05.2023).
- Abin Ben A. Japan's Energy Security: Opportunities and Challenges of Renewables in Post-Fukushima Energy Scenario. *Journal of Polity & Society*. 2021. No. 13. Pp. 23–47.
- Energy Industry in Japan. *Advanced Energy Technologies*. July 14, 2022. URL: <https://aenert.com/countries/asia/energy-industry-in-japan/#c24622> (accessed: 15.05.2023).
- Energy Intensity Level of Primary Energy — Japan. *World Bank*. 2022. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.EGY.PRIM.PP.KD?locations=JP> (accessed: 12.05.2023).
- Gracheva A. Japan's Energy Policy: Economic Drivers and Political Challenges. *The Journal of Contemporary Asian Studies*. January 9, 2021. URL: <https://utsynergyjournal.org/2021/01/09/japans-energy-policy-economic-drivers-and-political-challenges/> (accessed: 18.05.2023).
- Hydrogen Power Generation for a Zero-Carbon World. *KIZUNA, the Official Magazine of the Government of Japan*. August 29, 2022. URL: https://www.japan.go.jp/kizuna/2022/08/hydrogen_power_generation.html (accessed: 30.05.2023).
- Japan 2021 Energy Policy Review. Country Report. *International Energy Agency*. March, 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/japan-2021> (accessed: 10.05.2023).
- Japan's Electricity Sector Reforms: Transition to Next Generation Power Networks. *Reglobal*. December 28, 2022. URL: <https://reglobal.co/japans-electricity-sector-reforms-transition-to-next-generation-power-networks> (accessed: 15.05.2023).
- Japan's Energy. 10 Questions for Understanding the Current Energy Situation. *Ministry of Economy, Trade and Industry*. February, 2022. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/brochures/pdf/japan_energy_2021.pdf (accessed: 10.05.2023).
- Japan's Roadmap to "Beyond-Zero" Carbon. *Ministry of Economy, Trade and Industry*. 2021–2022. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/global_warming/roadmap/ (accessed: 14.05.2023).
- Korneev K.A. Politika Yaponii v oblasti razvitiya vodorodnoy energetiki [Japan's Policy in the Field of Hydrogen Energetics Development]. *Yaponskie issledovaniya*. 2020. No. 4. S. 68–81. (In Russ.)
- Korneev K.A., Popov S.P. Problemy formirovaniya energeticheskoy politiki Yaponii [Problems of Japan's Energy Policy Formation]. *Energeticheskaya politika*. 2019. No. 2. S. 43–53 (In Russ.)
- Kurachi Yoshiyuki, Morishima Hajime, Kawata Hiroshi, et al. Challenges for Japan's Economy in the Decarbonization Process. Tokyo: Bank of Japan Reports & Research Papers, 2022. 47 p.
- Nakano Jane. Japan's Hydrogen Industrial Strategy. *CSIS*. October 21, 2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/japans-hydrogen-industrial-strategy> (accessed: 22.05.2023).
- Prime Minister Kishida Calls for Accelerating Promoting of Nuclear Power. *The Institute of Energy Economics, Japan*. August 25, 2022. URL: <https://enen.iecej.or.jp/data/10513.pdf> (accessed: 12.05.2023).
- Roman Eric Sieler, Lisa Cames, Bianca Schuster, Sören Borghardt, Benjamin La Trobe. Hydrogen Factsheet — Japan. *Adelphi*. December, 2021. URL: <https://adelphi.de/en/system/files/media-thek/bilder/H2%20Factsheet%20Japan.pdf> (accessed: 24.05.2023).
- Total Number of Motor Vehicles in Use in Japan from 2013 to 2022. *Statista*. November 15, 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/674574/japan-motor-vehicle-in-use-numbers/> (accessed: 22.05.2023).
- Understanding the Current Energy Situation in Japan. *Ministry of Economy, Trade and Industry*. August 18, 2022. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/special/article/detail_171.html (accessed: 18.05.2023).

Экономическая стратегия Японии в Индии: проблемы и перспективы

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027130-4

Добринская Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН
(адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0002-5967-366X.
E-mail: doa_78@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.07.2023.

Аннотация:

Статья посвящена особенностям японской экономической стратегии в Индии. Трансформация геополитического и геоэкономического ландшафта определяет растущий интерес Японии к сотрудничеству с Индией. Значимость сотрудничества с Индией определяется ее потенциалом как противовеса влиянию Китая, ростом емкости индийского внутреннего рынка, условиями производства и географическим положением, открывающим для Японии перспективы создания новых цепочек добавленной стоимости в регионе Южной и Юго-Восточной Азии, а также задач выхода на рынки Африки и Ближнего Востока. Индия привлекает Японию и как источник людских ресурсов, прежде всего специалистов в сфере информационных технологий. В то же время экономическое продвижение в Индию сталкивается с рядом проблем, среди которых слабо развитая транспортная и энергетическая инфраструктура страны, непрозрачность применения индийского законодательства, запутанная система налогообложения и др. Слабым звеном являются торговые отношения, а некоторые из заявленных проектов сталкиваются с трудностями из-за ряда экономических и политических факторов.

Стратегия Токио опирается на подход, сочетающий государственное финансирование и частные капиталовложения. Значение Индии в контексте реализации стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона определяет высокий уровень вовлечения государства в реализацию экономических проектов. Япония является ведущим донором официальной помощи развитию (ОПР) для Индии, а также одним из главных инвесторов в индийскую экономику. Средства направляются на повышение инфраструктурной оснащенности и технического развития Индии до уровня, соответствующего стандартам японского бизнеса. Особенностью японской стратегии является акцент на подготовке местных специалистов и управленцев, что позволит обеспечить необходимые условия для передачи технологий и принятия японской модели менеджмента.

Ключевые слова:

Япония, Индия, ИТР, инфраструктура, экономика, инвестиции, партнерство.

Для цитирования:

Добринская О.А. Экономическая стратегия Японии в Индии: проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 85–98. DOI: 10.31857/S013128120027130-4.

Отношения Японии и Индии в XXI в. вышли на беспрецедентно высокий уровень развития. Стратегическое сближение сопровождается интенсивным экономическим взаимодействием, охватывающим широкий спектр отраслей.

Статья посвящена анализу экономической стратегии Японии в отношении Индии, выявлению вызовов, с которыми сталкивается Япония в Индии. Произведен краткий обзор процесса политического и экономического сближения, определены основные характеристики японской экономической стратегии в Индии и состояния двусторонних торговых отношений.

Япония и Индия: эволюция политических отношений

В годы холодной войны Индия не входила в число приоритетных внешнеполитических и экономических партнеров Японии, однако между ними сохранялись теплые отношения. Поддержка Индии была особенно ценна для Японии, стремившейся реинтегрироваться в систему международных отношений после поражения в войне на Тихом океане.

В 1958 г. Япония в рамках официальной помощи развитию (ОПР) выдала Индии первый льготный кредит. Долгое время экономическое присутствие Японии в Индии сводилось к ОПР и появлению нескольких японских автомобильных компаний (например, Suzuki) на индийском рынке¹. Индия не стала крупным получателем японской помощи, в основном сосредоточенной на странах Юго-Восточной Азии (ЮВА). Страна не рассматривалась ни как важный источник природных ресурсов, ни как перспективный рынок для дорогостоящих японских товаров, а экономическая политика Дели, ориентировавшаяся на дружбу с СССР, сужала возможности для инвестиций и торговли².

В 1990-е гг. Индия провозгласила курс на развитие отношений с АСЕАН (Look East Policy), Японией и Южной Кореей на Востоке, призванный привлечь в индийскую экономику инвестиции и технологии «азиатских тигров» и других мощных азиатских экономик³. Япония после окончания холодной войны взяла курс на повышение роли в мире и расширение круга политических партнеров.

Новую страницу в отношениях открыл визит Ё. Мори в 2000 г., итогом которого стало провозглашение глобального партнерства. Совпадение взглядов двух стран на реформу СБ ООН, а также потепление индийско-американских отношений способствовали созданию условий для дальнейшего углубления партнерства, которое в 2006 г. приобрело характер стратегического. Особое внимание Индии уделял премьер-министр С. Абэ, который в 2007 г. впервые заговорил об Индо-Тихоокеанском регионе⁴. В 2014 г. стороны заявили об установлении «особого стратегического и глобального партнерства», а в 2017 г. подтвердили близость региональных концепций — политики Индии «Действуй на Востоке» и японской стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (СОИТР).

«Разворот в сторону Индии» обусловлен тем, что в Токио ее рассматривают как мощную региональную державу, способную уравновесить влияние Китая. Дели беспокоит наращивание китайского присутствия в зоне своих национальных интересов, экономическое сближение Китая с Пакистаном и активизация в районе Бенгальского залива. Индия стремится стабилизировать свое пространство непосредственного соседства в границах Южной Азии и региона Индийского океана, гарантировав лояльность малых и средних стран; а также ищет могущественных союзников в мире для противостояния Китаю⁵. В 2000-е гг. Индия начала развивать морской флот, что также отразилось на ее подходе к международным отношениям. С точки зрения Токио, наращивание военного

¹ Shamshad Ahmad Khan. India-Japan Economic Partnership: Potentials, Promises and Prospects. Policy Research Institute. 2019. P. 8. // *Ministry of Finance of Japan*. URL: https://www.mof.go.jp/pri/international_exchange/visiting_scholar_program/Shamshad2.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

² Lalima Varma. Japan's Official Development Assistance to India: A Critical Appraisal // *India Quarterly*. 2009. Vol. 65. No. 3. P. 239.

³ Куприянов А.В., Макаревич Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // *Международная аналитика*. 2021. № 12. С. 78. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92

⁴ Кистанов О.В. Индо-Тихоокеанская Япония как средство сдерживания Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 2. С. 34.

⁵ Куприянов А.В., Макаревич Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // *Международная аналитика*. 2021. № 12. С. 78. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92

присутствия Индии в Индийском океане позволит США и Японии сосредоточить силы в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях⁶.

Экономический «разворот в сторону Индии» — преимущества и вызовы

Геополитическое сближение с начала 2000-х гг. стало драйвером экономического взаимодействия. Индикатором «разворота» стала ОПР — в 2003 г. Индия возглавила список реципиентов японской помощи. В 2004 г. была учреждена совместная группа для комплексного исследования направлений развития экономических отношений, через несколько лет началась подготовка соглашения о свободной торговле. В 2006 г. было объявлено о реализации совместной Инициативы особого экономического партнерства, в рамках которой началась разработка крупных проектов, таких как выделенный грузовой коридор (Dedicated freight corridor) и промышленный коридор Дели — Мумбаи (Deli-Mumbai Industrial Corridor). Одновременно началась проработка конкретных областей сотрудничества, таких как охрана окружающей среды и обеспечение энергетической безопасности, информационные и коммуникационные технологии и др. Работа на правительственном треке сопровождалась привлечением частного сектора: в августе 2007 г. состоялся первый форум бизнес-лидеров двух стран.

Второй срок пребывания С. Абэ у власти характеризовался еще большим акцентом на развитии связей с Индией. В сентябре 2014 г. было провозглашено инвестиционное партнерство, включающее вложение 3,5 трлн иен (около 3 млрд долл.) в индийскую экономику в течение пяти лет и увеличение числа японских компаний в Индии. Нынешний премьер-министр Ф. Кисида в 2022 г. заявил о намерении инвестировать в экономику Индии еще 5 трлн иен (42 млрд долл.) в течение 5 лет.

По расчетам японских экспертов, уже в 2029 г. Индия потеснит Японию на третьем месте по объемам ВВП. Ожидается, что население Индии, которое, по данным переписи, на 2021 г. составляло 1,4 млрд чел., и к 2025 г. достигнет 1,7 млрд чел.⁷, а период «демографического дивиденда» продлится до 2040 г. Китай, являющийся основным импортером японской продукции, через 20–30 лет перейдет в фазу старения общества, что приведет к снижению уровня потребления японских товаров.

Согласно опросу Японского банка международного сотрудничества (ЯБМС), проведенному в 2021 г., большинство бизнесменов назвали Индию вторым после Китая направлением по привлекательности в среднесрочной перспективе (три года), а в долгосрочной перспективе (10 лет) Индия вышла на первое место⁸. Японских предпринимателей привлекает как нынешнее состояние рынка, так и перспективы его роста, дешевая рабочая сила и сырье, а также преимущества Индии как производственного и экспортного хаба. Правительство держит курс на развитие высоких технологий, наблюдается рост инвестиций в НИОКР, страна богата высококлассными специалистами в сфере информационных технологий (ИТ), появляются кластеры развития стартапов в сфере высоких технологий, например местная «силиконовая долина» Бангалор. Политическая обстанов-

⁶ Добринская О.А. Индия во внешней политике С. Абэ // *Ежегодник Японии*. 2019. С. 38.

⁷ インド進出のメリット・デメリット | 日本企業の進出動向.
海外ビジネス支援プラットフォーム [Преимущества и недостатки расширения бизнеса в Индии. Тенденции продвижения японских предприятий] // *Digima*. 28.09.2022.
URL: <https://www.digima-japan.com/knowhow/india/merit> (дата обращения: 10.06.2023).

⁸ インド投資の優位性と留意点 [Преимущества и проблемы инвестирования в Индию]. Р. 153. // *Japan Bank of International Cooperation*. URL: https://www.jbic.go.jp/ja/information/investment/images/inv_india21.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

ка в стране стабильная, и даже кризисные явления, такие как нарушение цепочек поставок в связи с COVID-19 и ситуация вокруг Украины, не сильно отразились на Индии⁹.

В то же время экономическое продвижение в Индию сопряжено с рядом проблем: высокая конкуренция, слабо развитая транспортная и энергетическая инфраструктура, непрозрачность применения индийского законодательства, запутанная система налогообложения, а также социальные условия, культурные особенности, в том числе кастовая система, и т.д.¹⁰ Несмотря на дешевую рабочую силу, в Индии развито профсоюзное движение, и японские производители (Maruti Suzuki и Toyota Kirloskar) уже сталкивались с неприятными последствиями игнорирования требований рабочих о повышении заработной платы и получении бонусов¹¹.

Инвестиционное партнерство: новые тенденции

На сегодняшний день Япония является пятым по величине инвестором в экономику Индии. С 2000 по 2023 г. валовый объем прямых инвестиций (ПИ) составил 38,7 млрд долл.¹², что соответствует примерно 4,2 % от общего объема инвестиций за этот период (по данным индийской стороны, они составили 919 млрд долл.)¹³. Пикового показателя в 5,8 млрд долл. США японские ПИ достигли в 2016 г., в среднем находясь на уровне 2 млрд долл. в год.¹⁴ В основном они направлены в электрооборудование, общее машиностроение, химию и фармацевтику, финансы и страхование, строительство, транспорт, оптовую и розничную торговлю и услуги. Несмотря на увеличение японских капиталовложений в Индию, они остаются небольшими по сравнению с общим объемом ПИ Японии за рубежом.

За период с 2000 по 2020 г. почти втрое возросло число японских компаний, в 2022 г. их насчитывалось 1 439. Почти 50 % японских компаний заняты в обрабатывающей промышленности, в том числе в таких сферах, как производство автомобилей и иного транспортного оборудования, химическая промышленность, металлообработка. Компании Daikin, Suzuki, Toyota, Honda занимают ведущие позиции на индийском рынке. В последнее время появляется все больше компаний, производящих продукты питания, канцелярские товары, косметику, фармацевтические препараты, предметы гигиены и туалетные принадлежности. В секторе розничной торговли в августе 2016 г. Muji открыла

⁹ 在インド日系企業7割以上が事業拡大、輸出拠点化の動きも | 現地発! アジア・オセアニア進出日系企業の現状と今後 — 特集 — 地域・分析レポート — 海外ビジネス情報 — ジェトロ [Состояние и перспективы японских предприятий в Азии и Океании] // *Jetro*. 20.03.2023. URL: <https://www.jetro.go.jp/biz/areareports/special/2023/0301/9aa0cf60263ccadb.html> (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁰ インド投資の優位性と留意点 [Преимущества и проблемы инвестирования в Индию]. Р. 154. // *Japan Bank of International Cooperation*. URL: https://www.jbic.go.jp/ja/information/investment/images/inv_india21.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

¹¹ Nikhil Gulati And Santanu Choudhury: Riot Hits Big India Auto Maker // *The Wall Street Journal*. July 19, 2012. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10000872396390444464304577535851555867244> (дата обращения: 10.06.2023).

¹² Japanese investments in India // *Invest India*. URL: <https://www.investindia.gov.in/country/japan-plus> (дата обращения: 10.06.2023).

¹³ Investment climate in India has improved considerably since the opening up of the economy in 1991 // *Invest India*. URL: <https://www.investindia.gov.in/foreign-direct-investment> (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁴ Nisha Taneja, Sanjana Joshi, Sanya Dua India. Japan Trade & FDI // *Ministry of Finance of Japan*. URL: https://www.mof.go.jp/pri/international_exchange/kouryu/fy2022/icrier220322_02_02.pdf (дата обращения: 17.07.2023).

свой первый магазин в Мумбаи, а в октябре 2019 г. в Нью-Дели был открыт первый магазин Uniqlo¹⁵.

Японский бизнес изначально был представлен крупными предприятиями, которые работали не с японскими, а с местными субподрядчиками и поставщиками, что позволяло сократить издержки. Однако это привело к тому, что японские компании малого и среднего бизнеса (МСБ) не решались самостоятельно выходить на индийский рынок в отсутствие поддержки со стороны материнских корпораций¹⁶.

Ключевым решением, призванным содействовать продвижению японского МСБ в Индии, стало создание промышленных городов. Программа была запущена в апреле 2015 г., выбрано 12 точек в 9 штатах вблизи от промышленных коридоров. В этих городах создаются благоприятные условия для привлечения японского МСБ при активном содействии Японской организации содействия внешней торговле (ДЖЕТРО) и крупных компаний, действующих на местном рынке, а также с привлечением средств фонда поддержки программы «Сделай в Индии». Всего в 12 промышленных городах действует 114 компаний. По состоянию на декабрь 2021 г. рекордсменом по привлечению японских компаний стал промышленный город Нимрана в штате Раджастан — в нем обосновалось 55 фирм. Немало проектов реализуется в штате Гуджарат. В декабре 2019 г. провозглашено Партнерство в сфере промышленной конкурентоспособности, которое должно вывести Индию на новый уровень развития за счет сочетания передовых японских технологий и индийских людских ресурсов. В то же время налаживание местного производства на основе японских технологий не лишено проблем, среди которых — контроль качества на местах, разница в рабочей культуре, отсутствие специалистов, работающих с этими технологиями.

Помимо традиционных сфер деятельности японских компаний фокус внимания смещается на новые сферы сотрудничества, например поддержку стартапов и развитие цифрового партнерства. В 2018 г. при поддержке правительства создан совместный хаб стартапов — онлайн-платформа для оптимизации взаимодействия стартапов, бизнес-инкубаторов, инвесторов и предпринимателей из двух стран. В качестве примера реализации этой инициативы можно привести учрежденный ДЖЕТРО в мае 2018 г. в Бангалоре «Хаб стартапов», деятельность которого направлена на помощь местным молодым компаниям, желающим работать с Японией, а также японским фирмам, действующим на индийском рынке¹⁷.

Во время визита премьер-министра Н. Модии в Токио в октябре 2018 г. было подписано соглашение о сотрудничестве (цифровом партнерстве) в области технологий 5G, искусственного интеллекта, финтеха, интернета вещей. Достигнутые договоренности позволяют повысить конкурентоспособность обеих стран в условиях технологического роста Китая.

Проблемы торгово-экономических связей

На фоне увеличения двусторонней экономической активности торговля находится на довольно низком уровне. В августе 2011 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве, предусматривавшее устранение тарифов на 94 вида товаров. В первый год после заключения соглашения наблюдался скачок торго-

¹⁵ Kojima Makoto. Japan-India Economic Ties: Current Trends and Future Prospects // *Nippon.com*. May 20, 2020. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a06702/> (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁶ Celine Pajon, Isabelle Saint Mezzard. The Japan-India Economic Partnership: an economically driven process // *Asie Visions*. 2018. No. 100. IFRI. P. 15.

¹⁷ ジェトロ世界貿易投資報告 2018年版 [Доклад ДЖЕТРО о состоянии мировой торговли и инвестиций. 2018] // *Jetro*. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/world/gtir/2018/15.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

вого оборота (в 2010–2011 гг. он составлял 13,7 млрд долл., в 2011–2012 гг. поднялся до 18,3 млрд долл.), однако в дальнейшем существенного роста не наблюдалось. В то время как японский экспорт ощутимо возрос, индийский экспорт не особенно изменился, что усилило торговый дисбаланс в пользу Японии. По словам председателя Всемирного торгового центра в Мумбаи Виджая Калантри, Япония предоставила Индии беспопылинный доступ к рынку для 2 218 продуктов, но из них Индия не могла экспортировать 1 142 товара из-за нетарифных барьеров, жесткой конкуренции со стороны стран АСЕАН и Китая¹⁸.

Двусторонняя торговля Японии с Индией в 2022–2023 гг. достигла 21,96 млрд долл., из них экспорт из Японии в Индию составил 16,49 млрд долл., а импорт — 5,46 млрд долл. Индия экспортирует в Японию продукцию органической химии, минеральное топливо и масла, рыбу и морепродукты, ядерные реакторы, котлы, машины и механические устройства, жемчуг и драгоценные камни. Основные продукты индийского импорта из Японии — ядерные реакторы, котлы, машины, продукция неорганической химии, машины и оборудование, железо и сталь, редкоземельные металлы, медь и др.

В 2022–2023 гг. импорт из Японии составлял всего лишь 2,35 % от общего объема импорта Индии, а экспорт в Японию — 1,46 % от общего объема экспорта Индии¹⁹. Япония и Индия не являются приоритетными направлениями друг для друга, даже несмотря на существование соглашения о свободной торговле. Отказ Индии от участия в ВРЭП также не способствует увеличению объема двусторонней торговли. Двусторонние показатели в несколько раз уступают аналогичным характеристикам торговли обеих стран с Китаем (у Японии эта цифра в 2021 г. достигла 321 млрд долл., а у Индии — 117, 2 млрд долл.)²⁰.

Индийская сторона неоднократно выражала озабоченность растущим торговым дисбалансом. По сравнению с периодом, предшествующим заключению соглашения о свободной торговле, он вырос почти втрое. Указывается на необходимость устранить нетарифные барьеры, препятствующие расширению экспорта индийской фармацевтической и сельскохозяйственной продукции (в частности, несоответствие нормам фитосанитарного контроля или стандартам упаковки)²¹, поступают жалобы от местных производителей стали в связи с ростом импорта из Японии. Индийские эксперты отмечают неиспользованный экспортный потенциал их страны в таких областях, как текстильный и швейный секторы, химическая и фармацевтическая промышленность, энергетический сектор; видят возможности увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции, а также рассматривают на широкие возможности для сотрудничества в сфере высоких технологий — в производстве полупроводников, электронного оборудования, военной техники, налаживания цифровой общественной инфраструктуры и применения новых технологий устойчивого развития²².

¹⁸ *Abhishek Sharma*. Despite Economic Agreement, India Fails To Utilise Japanese Market // *Business-world*. June 4, 2023. URL: <https://www.businessworld.in/article/Despite-Economic-Agreement-India-Fails-To-Utilise-Japanese-Market-/04-06-2023-479088/> (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁹ India — Japan Commercial Relations // *Embassy of India in Japan*. URL: https://www.indembassy-tokyo.gov.in/eoityo_pages/NjA (дата обращения: 10.06.2023).

²⁰ India China Trade // *The Observatory of Economic Complexity*. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/ind/partner/chn> (дата обращения: 10.06.2023).

²¹ *Shamshad Ahmad Khan*. India-Japan Economic Partnership: Potentials, Promises and Prospects. Policy Research Institute. P. 23. // *Ministry of Finance of Japan*. URL: https://www.mof.go.jp/pri/international_exchange/visiting_scholar_program/Shamshad2.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

²² *Abhishek Sharma*. Despite Economic Agreement, India Fails To Utilise Japanese Market // *Business-world*. June 4, 2023. URL: <https://www.businessworld.in/article/Despite-Economic-Agreement-India-Fails-To-Utilise-Japanese-Market-/04-06-2023-479088/> (дата обращения: 17.07.2023).

Проблема выравнивания торгового баланса и расширения индийского экспорта касается не только отношений с Японией, но требует комплексных мер по стимулированию экспорта в целом. Статистические данные показывают, что индийский экспорт в страны, с которыми существуют соглашения о свободной торговле, не особенно отличается от показателей поставок в страны, с которыми такие соглашения отсутствуют. В то же время на повестке дня японо-индийских отношений остается открытым вопрос о поиске путей наращивания объемов торговли товарами и услугами и выравнивания торгового баланса.

Налаживание инфраструктуры — приоритет японской экономической стратегии

Транспортная инфраструктура является основным направлением японского содействия развитию Индии, осуществляемого как через Японское агентство международного сотрудничества (ЯАМС), так и по линии Азиатского Банка Развития, где Япония обладает решающим голосом. В период 2011–2020 гг. 66,2 % японской ОПР было направлено на создание инфраструктуры, связывающей между собой промышленные парки, финансовые центры и порты, обеспечивающей выход к морю и бесперебойное сообщение. Эта деятельность позволит сформировать более комфортную среду для ведения бизнеса и обеспечить контрактами японские компании. Соединение транспортных артерий Индии с дорогами в соседних странах позволит ей наладить широкую сеть коммерческих маршрутов как альтернативу китайской инициативе «Один пояс, один путь».

В 2009 г. Япония выделила первый льготный кредит на строительство промышленного коридора Дели — Мумбаи (DMIC) — совместного проекта по интенсивному развитию промышленных парков и другой инфраструктуры по обеим сторонам выделенного грузового коридора (DFC), который охватывает расстояние в 1 483 км, шесть штатов и проходит между Дели и Мумбаи. Япония приобрела 26 % акций Delhi Mumbai Industrial Corridor Development Corp., в правление которой входят два сотрудника, командированные из ЯБМС, по линии ОПР финансируется строительство Западного Выделенного грузового коридора. В 2009 г. достигнута договоренность о сотрудничестве в прокладке промышленного коридора Ченнай — Бангалор. В штатах вдоль промышленных коридоров ДЖЕТРО создает центры поддержки бизнеса, проводит мероприятия, посвященные продвижению инвестиций.

Ключевым инфраструктурным проектом на настоящий момент японцы называют строительство сверхскоростных железных дорог (*синкансэн*²³). Проект прокладки линии длиной 506 км по маршруту Ахмедабад — Мумбаи стоимостью 17 млрд долл. на 80 % будет профинансирован за счет низкопроцентных кредитов японского правительства. Решение о внедрении технологий *синкансэна* было принято на саммите в декабре 2015 г., и в сентябре 2017 г. состоялась торжественная церемония начала строительства.

Одобрение проекта *синкансэна* стало безусловной победой для Японии в конкурентной борьбе с Китаем. Японские технологии сверхскоростных поездов до недавнего времени почти не получили распространение за рубежом, а единственный проект *синкансэна* на Тайване не окупается. Китай в последние годы предлагает странам ЮВА более доступные по цене технологии создания супербыстрых поездов, в 2015 г. он опередил Японию в борьбе за контракт на строительство высокоскоростной дороги в Индонезии (по техническим причинам строительство было заморожено).

²³ «Синкансэн» (新幹線) — высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны.

Прокладку линии планировалось завершить к 2022 г., однако сроки пришлось переносить на 2026 г. Это было связано с противодействием со стороны властей штата Махараштра (проект удалось продвинуть только после того, как в штате поменялась власть) и сложностями с покупкой земель под строительство железнодорожной линии. В ситуации с *синкансэн* были и другие нюансы: проект продвигался в контексте реализации программы «Сделай в Индии», что предполагало налаживание местного производства и передачу технологий, однако главная роль в нем была отведена японским компаниям, что было воспринято аналитиками как удар по амбициозным планам Н. Модии²⁴. В настоящее время Япония готовится к передаче Индии технологий строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей, для чего начинает интенсивную программу обучения индийских специалистов.

Помимо указанных мегапроектов следует упомянуть участие Японии с конца 1990-х гг. в создании метро в шести индийских городах (Дели, Мумбаи, Ахмедабад, Ченнай, Калькутта, Бангалор), в 2002 г. метро в Дели приняло первых пассажиров.

Энергетика также присутствует в двусторонней повестке дня: в 2006 г. запущен механизм ежегодного Энергетического диалога, в 2007 г. состоялся первый двусторонний Энергетический форум. Участие Японии в решении энергетических проблем Индии в основном сосредоточено на содействии снижению зависимости от ископаемых источников энергии, решению экологических проблем, повышению уровня самообеспеченности за счет развития атомной энергетики и внедрения возобновляемых источников энергии (ВИЭ). ЯАМС оказывает помощь в установке новых энергетических мощностей, модернизации линий электропередач и т.д. С 2016 г. при поддержке Министерства окружающей среды Японии функционирует совместная платформа для содействия распространению японских низкоуглеродных технологий.

Япония замыкает пятерку основных инвесторов в индийскую «зеленую» энергетику, почти втрое уступая ее лидерам — Германии и США²⁵. Можно ожидать роста капиталовложений в развитие ВИЭ в Индии после провозглашения Ф. Кисидой в марте 2022 г. партнерства в сфере чистой энергетики и заявления о включении Индии в программу поддержки перехода на «зеленую» энергетику, изначально направленную на страны ЮВА. Следствием реализации этой программы должно стать снижение зависимости Индии от ископаемых источников энергии, в том числе от поставок нефти из России.

Еще одним направлением энергетической кооперации является сотрудничество в области мирного использования атомной энергии, ставшее возможным после заключения соответствующего соглашения в ноябре 2016 г. Нью-Дели планирует увеличить объемы энергии, производимой на АЭС, более чем в 10 раз к 2032 г., а снятие ограничений на экспорт продукции, связанной с атомной промышленностью, дает Японии возможность продвинуть продукцию отечественных компаний, репутация которых пострадала в результате аварии на АЭС «Фукусима-1». Соглашение выгодно и планирующим продвижение в Индии западным компаниям, использующим компоненты японских фирм Japan Steel Works, IHI Corporation и др. — мировых лидеров по производству компонентов для АЭС.

²⁴ Make in India setback: 70 per cent of bullet train's parts to be made in Japan // *Business Today*. January 18, 2018. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/economy-politics/story/bullet-train-project-make-in-india-japan-contracts-shinzo-abe-99111-2018-01-18> (дата обращения: 10.06.2023).

²⁵ *Koshy Cherail*. Closing gap in international green financing important for India's transition to clean energy // *Down to Earth*. September 21, 2022. URL: <https://www.downtoearth.org.in/blog/renewable-energy/closing-gap-in-international-green-financing-important-for-india-s-transition-to-clean-energy-85037> (дата обращения: 10.06.2023).

География сотрудничества: внимание к приграничным районам

Японское экономическое присутствие сосредоточено вокруг основных финансовых и торговых центров, однако с конца 2010-х гг. Япония уделяет больше внимания Северо-Востоку Индии. В 2017 г. был учрежден японо-индийский форум «Действуй на Востоке», а в 2022 г. начата реализация Японско-индийской инициативы устойчивого развития Северо-Восточного региона. Общий объем ОПР из Японии в развитие этих территорий по состоянию на январь 2021 г. составлял более 231 млрд иен (примерно 2 млрд долл.)²⁶.

Интерес Японии к развитию северо-восточных штатов Индии определяется перспективами наращивания их связей со странами Бенгальского залива и ЮВА и создания региональных цепочек добавленной стоимости. Япония вкладывает средства в инфраструктуру на границе с Мьянмой и Бангладеш: финансируется улучшение сети дорог в штатах Ассам и Мегхалая, а в штате Мизорам проводится модернизация национальной автомагистрали, выходящей на многосторонний транзитный коридор Каладан. Параллельно реализуются проекты по улучшению условий жизни населения этих районов: налаживание водоснабжения, сохранение биоразнообразия, обеспечение устойчивого сельского хозяйства и ирригации и др.²⁷

При всей стратегической значимости Северо-Востока Индии Япония сталкивается с дилеммой выбора между политическим видением и социально-экономическими реалиями региона, а именно рисками, связанными с активностью местных вооруженных группировок, вероятностью проникновения джихадистов из Бангладеш, с возможным давлением со стороны КНР, претендующей на Аруначал-Прадеш (Южный Тибет)²⁸.

Еще одной стратегически чувствительной территорией, куда недавно распространилось японское экономическое присутствие, стали Адаманские и Никобарские острова (АНО), выходящие в Бенгальский залив, к северо-западу от Малаккского пролива. Япония стала первым иностранным государством, допущенным к финансированию проектов на этих территориях, что свидетельствует о повороте в политике Индии, которая до сих пор отклоняла зарубежные предложения инвестировать в острова, а также об особом уровне доверия между странами.

В 2020 г. японская компания NEC завершила проект по созданию подводной оптоволоконной кабельной системы протяженностью 2 300 км, соединяющей Ченнай с АНО и обеспечивающей интернет-связь 5G. Еще одним проектом, финансируемым ЯАМС (4 млрд иен (31 млн долл.) по соглашению от 2022 г.), является налаживание системы энергоснабжения за счет ВИЭ в рамках перехода с дизельных генераторов к февралю 2024 г. Пока сложно говорить о перспективах японского присутствия на этих территориях, однако некоторые эксперты отмечают их непривлекательность с точки зрения экономической выгоды и возможность ухудшения японо-китайских отношений²⁹.

²⁶ *Rupakjyoti Borah*. Japan's Infrastructure Investment in Northeast India // *The Diplomat*. February 8, 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/02/japans-infrastructure-investment-in-northeast-india/> (дата обращения: 10.06.2023).

²⁷ Japan to invest Rs 13,000 cr in Northeast // *Press Information Bureau Government of India Ministry for Development of North-East Region*. 12.06.2019. URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=190376> (дата обращения: 10.06.2023).

²⁸ *Celine Pajon, Isabelle Saint Mezzard*. The Japan-India Economic Partnership: an economically driven process // *Asie Visions*. 2018. IFRI. No. 100. P. 29.

²⁹ *Celine Pajon, Isabelle Saint Mezzard*. The Japan-India Economic Partnership: an economically driven process // *Asie Visions*. 2018. IFRI. No. 100. P. 30.

Сотрудничество в третьих странах: нереализованный потенциал

Инфраструктурные проекты в Индии напрямую связаны с сотрудничеством в соседних странах, где Япония является крупным поставщиком инфраструктуры. Так, в Мьянме Япония финансировала строительство экономического коридора Восток-Запад, глубоководного порта — особой экономической зоны в Давэе и др., в Бангладеш она занимается модернизацией глубоководного порта Матарбари. Япония предлагает создать в Бангладеш промышленный хаб, соединенный с северо-восточными штатами Индии, что позволит наладить региональные цепочки добавленной стоимости в течение следующих пяти лет. Здесь Япония сталкивается с растущим влиянием Китая, а также с политическими рисками смены курса властями стран — реципиентов ОПР, как это произошло на Шри-Ланке, которой она долгие годы предоставляет низкопроцентные кредиты и безвозмездную помощь. В 2019 г. правительство Н. Раджапакса заявило о приостановке согласованных с предыдущей властью крупных проектов, включая прокладку японцами легкого метро в Коломбо, а также об отказе от договоренности с Японией и Индией по оснащению Восточного терминала порта Коломбо в пользу китайских подрядчиков³⁰.

Существуют договоренности о налаживании многостороннего сотрудничества в третьих странах. В сентябре 2017 г. на встрече представителей МИД Японии, США и Индии было решено начать сотрудничество в Непале, Бангладеш и Мьянме. Индия должна была заняться развитием портовой инфраструктуры, Япония — созданием промышленных парков, а США — строительством электростанций, однако реализация проектов не началась³¹. В 2022 г. Ф. Кисида сообщил о намерении Quad инвестировать в инфраструктурные проекты в ИТР порядка 50 млрд долл., но говорить о конкретном наполнении многосторонних инициатив преждевременно.

Еще одним направлением японо-индийского сотрудничества в третьих странах является Африка. Географическое положение, культурные и исторические связи, трехмиллионная индийская диаспора в Африке обеспечивают благоприятные условия для использования Индии как плацдарма для проникновения на континент. Африканское и ближневосточное направление уже осваивается японскими компаниями в Индии: Daikin (производство кондиционеров), Maruti Suzuki (внедорожники) экспортируют в Африку и на Ближний Восток продукцию, произведенную в Индии, однако потенциал сотрудничества еще в полной мере не реализован.

Африканское направление сотрудничества было впервые обозначено на высшем уровне в совместном заявлении от ноября 2016 г. и официально представлено Н. Модии на встрече Африканского банка развития в мае 2017 г. в виде концепции «Азиатско-африканский коридор роста» (ААКР). Цель масштабной программы, на реализацию которой стороны пообещали выделить 40 млрд долл., заключается в содействии росту и взаимосвязанности стран Азии и Африки за счет реализации проектов в сфере развития, качественной инфраструктуры, институционального сотрудничества, обучения и содействия в наращивании потенциала. Концепция делает акцент на транспарентность, ответственность в финансировании долга, привлечение местных трудовых ресурсов и их обучение, формирование долгосрочного устойчивого экономического роста. В 2018 г. в ходе ежегодного двустороннего саммита было решено создать Платформу японо-индийского делового сотрудничества в регионе Азии и Африки с целью привлечения частного сектора.

³⁰ Ryosuke Hanada. Sri Lanka awards port project to China after dropping Japan, India // *Nikkei Asian Review*. November 25, 2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Sri-Lanka-awards-port-project-to-China-after-dropping-Japan-India> (дата обращения: 10.06.2023).

³¹ Saki Hayashi. Japan, US and India team to fund Indo-Pacific infrastructure // *Nikkei Asian review*. April 10, 2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-US-and-India-team-to-fund-Indo-Pacific-Infrastructure> (дата обращения: 17.07.2023).

За несколько лет существования ААКР не принес видимых результатов, что связывают с расплывчатостью и малой экономической привлекательностью концепции «коридора»³². Название ААКР не фигурирует в официальных двусторонних документах, ограничивающихся упоминанием общих направлений сотрудничества в развитии Африки.

Подготовка кадров как фактор экономического роста

Отличительной чертой японского экономического присутствия за рубежом является акцент на людские ресурсы. Существуют различные программы обучения как на национальном, так и на местном уровне, направленные на формирование категории работников и управленцев, умеющих работать с японскими технологиями и в перспективе способствующих укоренению японских традиций организации рабочего процесса и контроля за качеством.

В 2016 г. подписано соглашение о Программе содействия передаче производственных навыков. Оно рассчитана на 10 лет и предусматривает обучение 30 тыс. человек в аккредитованных японо-индийских производственных институтах, действующих на базе крупных компаний, например Suzuki, Toyota, Daikin, Yamaha (на настоящий момент аккредитовано 22 института), и на специализированных японских курсах в индийских колледжах.

В 2017 г. подписано соглашение о стажировках по техническим специальностям, позволяющее индийской молодежи обучаться в Японии в сфере производства, здравоохранения, строительства, текстильной промышленности и сельского хозяйства³³. Отдельно существует программа приглашения молодежи из Северо-Восточного региона Индии в Японию, а также обмены в сфере информационных технологий.

Япония стремится привлечь индийских граждан, прежде всего специалистов в сфере информационных технологий. Опрос, проведенный Министерством экономики, торговли и промышленности в апреле 2019 г., показал, что спрос на ИТ-работников в Японии превысит предложение на 300 тыс. чел. в 2020 г., а к 2030 г. увеличится до 450 тыс. чел.³⁴ Еще в 2001 г. Япония смягчила визовые требования к индийским ИТ-специалистам, однако в конкурентной борьбе с США и странами Западной Европы за их привлечение Япония оказывается в невыгодном положении вследствие таких факторов, как необходимость знать японский язык для комфортного проживания в стране, закрытость японского общества, высокая стоимость жизни.

Япония также ослабляет иммиграционные ограничения лицам, которые могут компенсировать нехватку рабочей силы в стране. В январе 2021 г. подписан меморандум о сотрудничестве с целью содействия перемещению квалифицированных специалистов из Индии в Японию. Меморандум охватывает 14 областей, в т.ч. уход за больными, промышленное машиностроение, судостроение, авиацию, сельское хозяйство, пищевую промышленность и др.

* * *

³² Takuya Taniguchi. Should We Forget about the Asia-Africa Growth Corridor? // *Ettre du Centre Asie*. 2020. No. 87. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/editoriaux-de-lifri/lettre-centre-asie/should-we-forget-about-asia-africa-growth> (дата обращения: 17.07.2023).

³³ India, Japan sign agreement to give skilled Indian workers access to Japanese job market // *The Hindustan Times*. January 18, 2021. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news> (дата обращения: 10.06.2023).

³⁴ Interview: highly skilled Indian IT talents in leading Japanese businesses // *Ministry of economy, trade and industry*. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2021/03/20220301001/20220301001-2.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).

Интенсификация экономического взаимодействия между Японией и Индией во многом стала результатом их политического сближения и до сих пор характеризуется высокой степенью вовлеченности государства. Индия привлекает Японию как крупная экономическая держава, а также как страна-единомышленник, разделяющая озабоченность ростом Китая и способная балансировать его влияние. Участие Индии в Quad, курс на многовекторность во внешней политике, внутривластная стабильность, влияние в Южной Азии и в ИТР, тесные связи с Африкой также являются факторами, способствующими активизации японского бизнеса.

За годы существования политического партнерства Индия стала крупнейшим получателем японской ОПР, существенно вырос общий объем инвестиций, увеличилось количество японских компаний в Индии. Провозглашенные Ф. Кисидой инициативы позволяют предположить, что в обозримой перспективе экономический «разворот в сторону Индии» приобретет еще больший масштаб, что подкрепляется оптимизмом японских компаний, привлеченных состоянием и перспективами растущего индийского рынка и намеренных расширять бизнес. Япония рассматривает на превращение Индии в региональный экспортный хаб, выстраивание новых цепочек добавленной стоимости, налаживание местного производства с целью экспорта продукции в третьи страны. ОПР нацелена на повышение инфраструктурной оснащенности и технического развития Индии до уровня, соответствующего стандартам японского бизнеса. Особенностью японской стратегии является акцент на подготовке местных специалистов и управленцев, что создаст необходимые условия для передачи технологий и принятия японской модели менеджмента, что обеспечит долгосрочный характер экономического присутствия.

В то же время нельзя не отметить, что зачастую инициативы не получают развития, проекты оказываются экономически невыгодными, сопряженными с дипломатическими издержками, уязвимыми с точки зрения безопасности, возникают непредвиденные препятствия, как в случае с высокоскоростной железнодорожной линией. Торговые отношения находятся на сравнительно низком уровне, обе страны гораздо больше ориентированы на Китай, чем друг на друга, а соглашение о свободной торговле усугубило проблему торгового дисбаланса. Приходится констатировать, что одной только политической воли лидеров двух стран недостаточно для устранения проблем в экономических отношениях, и их решение потребует взвешенного комплексного подхода.

Литература

- Добринская О.А. Индия во внешней политике С. Абэ // *Ежегодник Японии*. 2019. С. 25–55. DOI: 10.24422/0235–8182–2019–10002
- Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 1. С. 32–44.
- Куприянов А.В., Макаревич Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // *Международная аналитика*. 2021. № 12. С. 74–92. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–2–74–92
- Celine Pajon, Isabelle Saint Mezzard. The Japan-India Economic Partnership: an economically driven process // *Asie Visions*. IFRI. September, 2018. No. 100.
- Interview: highly skilled Indian IT talents in leading Japanese businesses // *Ministry of economy, trade and industry*. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2021/03/20220301001/20220301001-2.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).
- Lalima Varma. Japan's Official Development Assistance to India: A Critical Appraisal // *India Quarterly*. 2009. Vol. 65. No. 3. Pp. 237–250.
- Shamshad Ahmad Khan. India-Japan Economic Partnership: Potentials, Promises and Prospects. Policy Research Institute // *Ministry of Finance of Japan*. 2019. URL: https://www.mof.go.jp/pri/international_exchange/visiting_scholar_program/Shamshad2 (дата обращения: 10.06.2023).
- インド進出のメリット・デメリット|日本企業の進出動向. 海外ビジネス支援プラットフォーム [Преимущества и недостатки расширения бизнеса в Индии. Тенденции продвижения японских

- предприятий] // *Digima*. URL: <https://www.digima-japan.com/knowhow/india/merit> (дата обращения: 10.06.2023).
- インド投資の優位性と留意点. [Преимущества и проблемы инвестирования в Индию] // *Japan Bank of International Cooperation*. URL: https://www.jbic.go.jp/ja/information/investment/image/inv_india21.pdf (дата обращения: 10.06.2023).
- 在インド日系企業7割以上が事業拡大、輸出拠点化の動きも | 現地発! アジア・オセアニア進出日系企業の現状と今後 — 特集 — 地域・分析レポート — 海外ビジネス情報 — ジェトロ [Состояние и перспективы японских предприятий в Азии и Океании. Доклад ДЖЕТРО] // *Jetro*. 20.03.2023. URL: <https://www.jetro.go.jp/biz/areareports/special/2023/0301/9aa0cf60263ccadb.html> (дата обращения: 10.06.2023).
- ジェトロ世界貿易投資報告 2018年版 [Доклад ДЖЕТРО о состоянии мировой торговли и инвестиций. 2018] // *Jetro*. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/world/gtir/2018/15.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

Japan's Economic Strategy in India: Issues and Prospects

Olga A. Dobrinskaya

Ph.D. (History), Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka street, Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5967-366X. E-mail: doa_78@mail.ru

Received 19.07.2023.

Abstract:

The article is devoted to the characteristic features of Japan's economic strategy in India. The transformation of the geopolitical and geoeconomic landscape has led to Japan's increasing interest towards India which is now being the most desirable long-term destination for Japanese business. The significance of cooperation with India is determined by its potential of balancing the influence of China, the capacity of the domestic market, production conditions and geographical position, which opens up prospects for creating new value chains in the region of South and Southeast Asia, as well as accessing the markets of Africa and the Middle East. India is also an attractive in terms of human resources, primarily IT specialists. At the same time, economic advancement in India faces a number of problems, including underdeveloped transport and energy infrastructure, lack of transparency in the application of legislation, a confusing taxation system, etc. There are numerous issues that hinder economic cooperation, with trade relations being the "weak link", and some of the announced projects facing difficulties due to a number of economic and political factors.

Tokyo's strategy is based on an "All Japan" approach that combines public funding and private investment. The strategic importance of India in the context of the implementation of the strategy of a Free and Open Indo-Pacific (FOIP) determines the high level of state involvement in the implementation of economic projects. Japan is a leading ODA donor for India and also one of the main investors in the Indian economy. It is investing to bring India up to the level of infrastructural equipment and technical development that meets the standards of Japanese business. One of the characteristic features of the Japanese strategy is the emphasis on the training of local specialists and managers, which will create the necessary conditions for the transfer of technology and the adoption of the Japanese management model.

Key words:

Japan, India, Indo-Pacific region, infrastructure, economy, investment, partnership.

For citation:

Dobrinskaya O.A. Japan's Economic Strategy in India: Issues and Prospects // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 4. Pp. 85–98. DOI: 10.31857/S013128120027130-4.

References

- Celine Pajon, Isabelle Saint Mezzard*. The Japan-India Economic Partnership: an economically driven process. *Asie Visions*. 2018. No. 100. IFRI.
- Dobrinskaya O.A.* Indiya vo vneshnej politike S.Abe [India in the foreign policy of S. Abe]. *Ezhegodnik Yaponiya*. 2019. S. 25–55. DOI: 10.24422/0235-8182-2019-10002. (In Russ.)

- Interview: highly skilled Indian IT talents in leading Japanese businesses. *Ministry of economy, trade and industry*. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2021/03/20220301001/20220301001-2.pdf> (accessed: 10.06.2023).
- Kistanov V.O. Indo-tihookeanskaya strategiya Yaponii kak sredstvo sderzhivaniya Kitaya [Japan's Indo-Pacific strategy as a means of containing China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 1. 2018. S. 32–44. (In Russ.)
- Kupriyanov A.V., Makarevich G.G. Indiya v postbipolyarnuyu epohu: tridcatiletie poiska mesta v mire [India in the post-bipolar era: the thirtieth anniversary of the search for a place in the world]. *Mezhdunarodnaya analitika*. No. 12. 2021. S. 74–92. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–2–74–92. (In Russ.)
- Kojima Makoto. Japan-India Economic Ties: Current Trends and Future Prospects. *Nippon.com*. May 20, 2020. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a06702/> (accessed: 10.06.2023).
- Koshy Cherail. Closing gap in international green financing important for India's transition to clean energy. *Down to Earth*. September 21, 2022. URL: <https://www.downtoearth.org.in/blog/renewable-energy/closing-gap-in-international-green-financing-important-for-india-s-transition-to-clean-energy-85037> (accessed: 10.06.2023).
- Lalima Varma. Japan's Official Development Assistance to India: A Critical Appraisal. *India Quarterly*. 2009. Vol. 65. No. 3. Pp. 237–250.
- Shamshad Ahmad Khan. India-Japan Economic Partnership: Potentials, Promises and Prospects. Policy Research Institute. *Ministry of Finance of Japan*. 2019. URL: https://www.mof.go.jp/pri/international_exchange/visiting_scholar_program/Shamshad2.pdf (accessed: 10.06.2023).
- インド進出のメリット・デメリット|日本企業の進出動向 [Merits and demerits of business expansion in India. Trends in activity of Japanese companies]. *Digima*. URL: <https://www.digima-japan.com/knowhow/india/merit> (accessed: 10.06.2023). (In Japan.)
- インド投資の優位性と留意点 [Merits and challenges of India investment]. *Japan Bank of International Cooperation*. Pp. 153–160. URL: https://www.jbic.go.jp/ja/information/investment/image/inv_india21.pdf. (accessed: 10.06.2023). (In Japan.)
- 在インド日系企業7割以上が事業拡大、輸出拠点化の動きも | 現地発! アジア・オセアニア進出日系企業の現状と今後 — 特集 — 地域・分析レポート — 海外ビジネス情報 — ジェトロ [Current state and perspectives of Japanese enterprises in Asia and Oceania]. *Jetro*. 20.03.2023. URL: <https://www.jetro.go.jp/biz/areareports/special/2023/0301/9aa0cf60263ccadb.html> (accessed: 10.06.2023). (In Japan.)
- ジェトロ世界貿易投資報告 2018年版 [Jetro world trade and investment report. 2018]. *Jetro*. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/world/gtir/2018/15.pdf (accessed: 10.08.2023). (In Japan.)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО / STATE AND SOCIETY

Архитектура концепции киберсуверенитета КНР (по материалам докладов Всемирной интернет-конференции «Киберсуверенитет: теория и практика»)

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120026886-5

Янькова Александра Дмитриевна

Аспирант НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ (адрес: 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17).
ORCID: 0000-0002-7209-9818. E-mail: ayankova@hse.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2023.

Аннотация:

Современный Китай исходит из установки, что без сетевой безопасности невозможна безопасность национальная. Государство выстраивает свою кибердиплотию с опорой на традиционные доминанты внешней политики — неизблемость границ, невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета. Распространение национального суверенитета на цифровую среду естественным образом повлекло за собой создание концепции киберсуверенитета, ставшей неотъемлемой частью китайской «дискурсивной силы» и краеугольным камнем подхода КНР к глобальному управлению Интернетом. Пекин, недовольный нынешним несправедливым, по его мнению, цифровым миропорядком и обеспокоенный необходимостью обеспечения всеобъемлющего контроля над внутренними сетями, выступает за институциональную реформу сложившейся системы глобального управления киберпространством. За последние два десятилетия государство превратилось из реципиента в создателя и пропагандиста кибернорм. Кейсы китайского нормативного предпринимательства привлекают все большее количество сторонников, в первую очередь среди развивающихся стран. Олицетворением конкурентной стратегии КНР на этом направлении стал ряд крупных инициатив, включая Всемирную интернет-конференцию, идею создания «сообщества единой судьбы человечества в киберпространстве» и «Цифровой шелковый путь». Целью этих инициатив является не просто информирование международной аудитории о намерении Китая придерживаться киберсуверенитета во всех внешнеполитических делах, но также они содержат призыв официально закрепить данный принцип в качестве подтверждения права государственных субъектов управлять Интернетом по своему усмотрению. В статье на основе первичных источников предпринята попытка проследить истоки концепции киберсуверенитета КНР, проанализировать ее эволюцию, институциональное оформление, целеполагание, наполнение и ограничения, а также с помощью объектно-ориентированной архитектуры представить ее в виде трехуровневой системы.

Ключевые слова:

Киберсуверенитет, кибербезопасность, кибернормы, управление Интернетом, глобальное управление, Китай.

Благодарности:

Автор выражает благодарность своему научному руководителю Василию Борисовичу Кашину, директору Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕ-МИ) НИУ ВШЭ, к.полит.н., за содействие в написании статьи.

Для цитирования:

Янькова А.Д. Архитектура концепции киберсуверенитета КНР (по материалам докладов Всемирной интернет-конференции «Киберсуверенитет: теория и практика») // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 99–112. DOI: 10.31857/S013128120026886-5.

Незыблемость границ, уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела — столпы текущей внешней политики Китая — наилучшим образом отвечают его собственным национальным интересам, таким как безопасность, территориальная целостность, экономическое развитие и благоприятная международная обстановка. Кибердипломатия КНР также унаследовала эти принципы. С того момента, как положение о неприкосновенности государственных границ естественным образом распространилось на цифровое пространство, киберсуверенитет стал частью дискурсивной силы Китая.

Исходя из того, что сетевая безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности, КНР считает сохранение киберсуверенитета залогом собственного выживания и независимости внутренней политики. Значение этого вопроса заставляет Китай искать конкурирующую стратегию в подходах к глобальному управлению киберпространством. Китай недоволен нынешним киберпорядком и стремится изменить статус-кво в цифровом пространстве в свою пользу с помощью международной институциональной реформы¹.

Пекин осознает, что нынешнюю мировую «войну ценностей» выиграет тот, кто предложит наиболее привлекательную модель жизни. Страны мирового большинства, чувствительные к идеям неокOLONиализма и желающие быть услышанными, неохотно принимают цифровую гегемонию США и открыты к альтернативам. Выступающий за равенство в киберпространстве и вариативность моделей государственного управления Интернетом Китай готов ее предоставить.

Целью данной статьи является комплексный анализ китайского понимания киберсуверенитета. Предпринята попытка найти истоки концепции, проследить ее эволюцию, выявить целевую аудиторию, институциональное оформление и ограничения, а также при помощи объектно-ориентированной архитектуры визуализировать концепцию в виде трехуровневой системы (рис. 1). Среди первичных источников стержневыми представляются три версии доклада Всемирной интернет-конференции 2019, 2020 и 2021 гг. «Киберсуверенитет: теория и практика», еще не подвергавшиеся сравнительному анализу в научной литературе.

Нормативное регулирование киберсуверенитета КНР

Впервые понятие «киберсуверенитет», или «сетевой суверенитет» (网络主权), появляется в пятой части Белой книги «Состояние Интернета в Китае», опубликованной пресс-канцелярией Государственного совета в 2010 г.² Согласно документу, Китай признает Интернет частью национальной инфраструктуры и подчеркивает свое суверенное право осуществлять над ним юрисдикцию. Вероятно, тогда это было отражением новой политики активной фильтрации негативной информации в Интернете и продолжением кампании против Google³. Новая концепция явилась развитием уже существовавшей на тот момент идеи «информационного суверенитета» (信息主权), предполагающей способ-

¹ 韩瑞霞, 徐剑. 网络主权视域下当前互联网治理的主要问题, 成因及监管对策 [Хань Жуйся, Сюй Цзянь. Основные проблемы, причины и регулятивные контрмеры текущего управления Интернетом с точки зрения киберсуверенитета] // 南京邮电大学学报 (社会科学版). 2020年. 第22期. 第42页.

² 中国互联网状况 (白皮书) [Состояние Интернета в Китае (Белая книга)] // 中国政府网. 08.06.2010. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2010-06/08/content_2615774.htm (дата обращения: 07.06.2023).

³ 浅析Google退出中國市場事件 [Краткий анализ ухода Google с китайского рынка] // 國家政策研究基金會. 07.04.2010. URL: <https://www.npf.org.tw/3/7253> (дата обращения: 10.08.2023).

ность страны защищать и контролировать любую информацию на своей территории⁴. Потребность в юридическом закреплении новой концепции на уровне международных институтов была обусловлена растущей гегемонией США и необходимостью поддерживать безопасность внутреннего режима в КНР.

Иллюстрацией конкурирующей стратегии, которую Китай использует в сфере глобального управления киберпространством, и отправной точкой для выхода идеи киберсуверенитета на новый уровень стала Всемирная интернет-конференция. Мероприятие было призвано стать площадкой для продвижения повестки дня Пекина по широкому кругу вопросов, касающихся управления Интернетом, — от кибербезопасности до новых технологий — с упором на сотрудничество и международные обмены⁵.

Конференция была организована Государственной канцелярией интернет-информации КНР, находящейся под прямой юрисдикцией Руководящей группы ЦК КПК по информатизации и безопасности в Интернете. Основным спонсором мероприятия стало государство в лице КПК, хотя финансовую поддержку оказал также ряд международных институтов — Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам, Международный союз электросвязи (МСЭ), Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Всемирная Ассоциация GSM⁶.

На первой Всемирной интернет-конференции 19 ноября 2014 г. Генеральный секретарь ЦК Си Цзиньпин впервые официально объявил миру о китайском видении концепции киберсуверенитета. Он подчеркнул, что тенденции развития информационной эпохи создают новые вызовы для суверенитета и национальной безопасности, которая невозможна без безопасности сетевой⁷.

Мероприятие было рассчитано на международную аудиторию. Среди иностранных участников конференции присутствовали делегаты от Интернет-корпорации по присвоению имен и номеров (ICANN), ведущих хайтек-компаний, включая Microsoft, Facebook⁸, Apple, Intel, Amazon, Samsung и др., правительств иностранных государств, включая Россию⁹. Высокий уровень мероприятия способствовал расширению отраслевой дискуссии с национального уровня до области международного совместного управления, что, вероятно, и было целью Китая с 2010 г.

Однако формальная попытка склонить на свою сторону участников из стран Запада не увенчалась успехом. Проект «Декларации Учжэнь» столкнулся с серьезной критикой и в результате не был ни подписан, ни опубликован. По сообщениям СМИ, в последний день мероприятия о декларации речи не шло. Участники получили текст до-

⁴ 杨泽伟. 国际法析论: 第3版 [Ян Цзэвэй. Анализ международного права: 3-е издание]. 北京: 中国人民大学出版社, 2012年. 第247页.

郭玉军. 网络社会的国际法律问题研究 [Го Юйцзюнь. Исследование международно-правовых проблем в онлайн-сообществе] // 武汉: 武汉大学出版社, 2010年. 第 433 页.

⁵ 郑振宇. 改革开放以来我国互联网治理的演变历程与基本经验 [Чжэн Чжэнью. Эволюция и базовый опыт управления Интернетом в Китае со времен реформ и открытости] // 马克思主义研究, 2019年. 第1期. 第59页.

⁶ Михалевич Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 2(23). С. 254–264. DOI: 10.22363/2313–1438–2021–23–2–254–264

⁷ 习近平. 让互联网发展成果惠及13亿中国人民 [Си Цзиньпин. Пусть достижения развитого Интернета принесут пользу 1,3 миллиардам китайцев] // 2014世界互联网大会新闻官网. 19.11.2014. URL: http://www.cac.gov.cn/2014–11/19/c_1113314465.htm (дата обращения: 07.06.2023).

⁸ Компания Meta Platforms Inc., реализующая свои продукты – социальные сети Facebook и Instagram, признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ 2014世界互联网大会新闻官网 [Официальный сайт новостей Всемирной интернет-конференции]. 19.11.2014. URL: <http://www.wicnews.cn/index.shtml> (дата обращения: 07.06.2023).

кумента в распечатанном виде на английском языке только ночью. Многие из делегатов на тот момент уже покинули место проведения конференции. Остальные должны были успеть ознакомиться с текстом и внести изменения до утра. Согласно скриншотам электронной версии документа и китайским источникам, он состоял из девяти пунктов, повторяющих ключевые тезисы позиции КНР¹⁰. Неудача этого эксперимента с нормативным творчеством указывает на то, что Китай на тот момент еще испытывал трудности с использованием многосторонних форматов для продвижения выгодных для себя нормативных изменений.

Вторая по счету конференция прошла под лозунгом важности кибербезопасности на фоне возросшей после терактов в Париже в 2015 г. угрозы экстремизма и связанной с этим всеобщей обеспокоенностью, а также волны обвинений КНР со стороны США в диверсиях и кибершпионаже. Ошибки прошлого года были приняты во внимание — фокус конференции отныне был сосредоточен на проблемах не столько всего международного сообщества, сколько развивающихся стран. Регулярно звучали призывы к борьбе с растущим цифровым неравенством и кибергегемонией, что, вероятно, было замаскированной критикой западноцентричного подхода¹¹.

Си Цзиньпин предоставил более обстоятельную характеристику киберсуверенитета, определив его как принцип суверенного равенства, применяемый к киберпространству и подразумевающий право наций на независимое управление Интернетом. Председатель призвал страны уважать вариативность моделей управления цифровым пространством, включая модель с использованием государственного контроля. Идея киберсуверенитета вновь была тесно привязана к национальной безопасности: с китайской точки зрения киберпространство превратилось в пятую «границу» (新疆域) государства в дополнение к границам сухопутным, морским, воздушным и космическим¹². Тем самым оно расширило сферу государственного управления.

Си Цзиньпин выдвинул «четыре принципа» и «пять предложений» для развития и управления глобальным Интернетом. Киберсуверенитет был поставлен во главу списка как фундаментальный принцип, без которого остальные не будут иметь значения¹³. Данная позиция была подтверждена Международным симпозиумом по кибербезопасности, организованным в 2016 г. совместно Китаем и ООН¹⁴, и рядом документов, включая «Международную стратегию взаимодействия в киберпространстве» (2017), Белые книги «Совместная работа по созданию сообщества единой судьбы в киберпространстве» (2022) и «Киберуправление Китая в новую эпоху на основе верховенства закона» (2023).

¹⁰ China Delivers Midnight Internet Declaration — Offline // *The Wall Street Journal*. November 21, 2014. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-CJB-24963> (дата обращения: 07.06.2023).

¹¹ 乌镇倡议 [Декларация Учжэнь] // 新华网. 18.12.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-12/18/c_1117512543.htm (дата обращения: 08.06.2023).

¹² 刘晗, 叶开儒. 网络主权的分层法律形态 [Лю Хань, Е Кайжу: Иерархическая правовая форма киберсуверенитета] // 华东政法大学学报. 2020年. 第4期. 第80页.

¹³ 习近平在第二届世界互联网大会开幕式上的讲话 (全文) [Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Второй Всемирной интернет-конференции (полный текст)] // 中国共产党新闻网. 16.12.2015. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2015/1216/c64094-27937316.html> (дата обращения: 08.06.2023).

¹⁴ 联合国网络安全国际研讨会在北京举行 [Международный симпозиум ООН по кибербезопасности состоялся в Пекине] // 外交部. 11.07.2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjtb_673085/zjjg_673183/jks_674633/jksxwlb_674635/201607/t20160711_7666933.shtml (дата обращения: 08.06.2023).

Системный взгляд на концепцию киберсуверенитета КНР

Важными вехами стали шестая, седьмая и восьмая Всемирные интернет-конференции 2019, 2020 и 2021 гг., организованные Государственной канцелярией интернет-информации КНР. Мероприятия были посвящены построению «сообщества единой судьбы человечества» в цифровом пространстве и завершили публикацией докладов «Киберсуверенитет: теория и практика» (网络主权: 理论与实践)¹⁵, «Киберсуверенитет: теория и практика (версия 2.0)» (网络主权: 理论与实践 (2.0版))¹⁶, «Киберсуверенитет: теория и практика (версия 3.0)» (网络主权: 理论与实践 (3.0版))¹⁷.

Три версии документа, содержащие исчерпывающую характеристику понятия киберсуверенитета, стали олицетворением попыток КНР впервые его концептуализировать. В данном разделе представлен сравнительный анализ документов, позволивший сформировать максимально полную картину китайского видения концепции киберсуверенитета, представить ее в виде трехуровневой системы и визуализировать с помощью метода построения объектно-ориентированной архитектуры.

Над всеми докладами работали эксперты из Уханьского университета, Китайского института современных международных отношений и Шанхайской академии общественных наук. Во второй и третьей версиях документа список участвующих в его создании организаций расширился за счет Академии общественных наук КНР, Университета Цинхуа, Университета Фудань, Нанкинского университета и Университета международного бизнеса и экономики. В редактировании второй версии доклада приняли участие также представители Ассоциации кибербезопасности Китая, представляющей собой совокупность академических институтов, частных лиц и крупнейших хайтек-компаний страны. В третьей версии доклада представлен список авторов. Примечательно, что среди них присутствует Николас Цагуриас, профессор Шеффилдского университета (Великобритания).

Основной тезис документов состоит в том, что киберсуверенитет — это естественное распространение национального суверенитета на киберпространство. В качестве юридического обоснования приводится Устав ООН, закрепляющий принцип суверенного равенства и являющийся базовой нормой, регулирующей все аспекты современных международных отношений, включая цифровой. Киберсуверенитет распространяется на инфраструктуру информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), модели управления, общество, организации, отдельных лиц, а также на все данные и информацию. Границы распространения киберсуверенитета определяются как сухопутными, морскими и воздушными границами государства, так и границами Сети — национального сегмента глобального киберпространства (рис. 1). Несмотря на то, что киберсреда является нематериальным (невещным) пространством, оно функционирует благодаря физической инфраструктуре — сетевому оборудованию, расположенному на территории страны, включая территорию посольств и консульств, и попадающему под ее юрисдикцию¹⁸.

Основополагающие права стран в цифровом пространстве во всех версиях доклада совпадают (рис. 1). Они соответствуют ключевым полномочиям, накладываемым

¹⁵ 网络主权: 理论与实践 [Киберсуверенитет: теория и практика] // 世界互联网大会. 21.10.2019. URL: https://cn.wicinternet.org/2019-10/21/content_36224822.htm (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁶ 网络主权: 理论与实践 (2.0 版) [Киберсуверенитет: теория и практика (версия 2.0)] // 世界互联网大会. 15.10.2020. URL: https://cn.wicinternet.org/2020-10/15/content_36225577.htm (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁷ 网络主权: 理论与实践 (3.0 版) [Киберсуверенитет: теория и практика (версия 3.0)] // 世界互联网大会. 28.09.2020. URL: https://cn.wicinternet.org/2021-09/28/content_36222995.htm (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁸ Ковригин Д.Э. Границы государственного суверенитета национального сегмента киберпространства // *Власть*. 2023. № 1. С. 125. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9473

национальным суверенитетом: независимость, равенство, юрисдикция, самооборона. Расширяясь на киберпространство, они приобретают новое значение. Независимость в сети предполагает право государства функционировать и решать все внутренние вопросы, связанные с Интернетом, без вмешательства внешних сил. Например, формулировать соответствующую политику и законы, создавать организационные структуры и определять операционные модели в соответствии с собственными пожеланиями. Под равенством понимается право стран на равноценное участие в формулировании глобальных норм и стандартов, а также на справедливое распределение цифровых ресурсов, что подразумевает отказ от кибергегемонии. Право осуществлять юрисдикцию подразумевает в данном случае возможность государственного контроля над поступающей и исходящей информацией, включая управление контентом и общественным мнением на сайтах, форумах, блогах, в социальных сетях, а также регулирования поведения пользователей и привлечения их к ответственности.

Право на самооборону в Сети предполагает, что суверенное государство вправе проводить наращивание своего киберпотенциала и принимать законные меры для защиты границ, прав и интересов в киберпространстве от посягательств извне, в частности от распространения вредоносной информации, использования Интернета для осуществления подрывной деятельности, краж и кибертерроризма. Из прав вытекают обязанности, предполагающие невмешательство во внутренние дела и недопущение содействия подобному вмешательству со стороны прочих сил, включая экстремистские и сепаратистские группировки.

Третья версия документа существенно шире предыдущих. В ней впервые появляется пометка о том, что государства могут самостоятельно и по-разному «определять свой суверенитет и представления о пороге его нарушения». Также добавляется новое определение киберсуверенитета как «атрибута международного права» и «юридически обязывающего принципа и правила». Вводится характеристика проявлений суверенитета на разных уровнях киберпространства: физическом, логическом, информационном и социальном. Классификация уровней, вероятно, взята из труда Дэвида Кларка «Характеристика киберпространства: прошлое, настоящее, будущее» (*Characterizing Cyberspace: Past, Present and Future*, 2010)¹⁹.

На физическом уровне суверенитет предполагает право стран на государственное регулирование и защиту своей физической цифровой инфраструктуры, например технологических центров, точек передачи данных, хранилищ данных. На логическом уровне — право принимать и вводить в действие необходимые технические регламенты или стандарты, использовать соответствующее ПО и алгоритмы. На информационном уровне (или уровне контента) — право регулировать распространение контента, хранящегося на территории государства, ограничивать распространение информации, наносящей ущерб безопасности или общественным интересам, запрещать зарубежным организациям фабриковать и искажать факты. На социальном уровне — право осуществлять юрисдикцию над интернет-пользователями и платформами, создавать подходящую социальную среду, поддерживать свою модель управления Интернетом и участвовать в совершенствовании глобальной системы управления киберпространством.

Все документы завершаются разделом «Киберсуверенитет на практике», содержащим эталонные примеры работы КНР над популяризацией идеи киберсуверенитета. В первой версии документа эксперты рассматривают исключительно вклад ООН в обеспечение киберсуверенитета, ссылаясь на отчеты Группы правительственных экспертов от 2013 и 2015 гг. Во второй версии расширяются временные рамки, появляются упоминания Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества 2003 г., саммита G-20 2015 г. и саммита БРИКС 2016 г. Впервые для подтверждения ки-

¹⁹ Clark D. *Characterizing Cyberspace: Past, Present and Future*. MIT/CSAIL: Political Science Department Press, 2010. P. 15.

тайской позиции используется опыт отдельных стран — ЕС, Вьетнама и России. В качестве подтверждения успешного применения концепции киберсуверенитета на практике Китай приводит вьетнамский закон о кибербезопасности 2018 г., вступивший в силу в этом же году в ЕС Общий регламент по защите данных (принят в 2016 г.) и российский закон о «суверенном Интернете» 2019 г.

Красной нитью через все тексты проходит идея о возможности создания системы обеспечения гарантий киберсуверенитета как на государственном, так и на глобальном уровне. Китай не предлагает конкретных механизмов, но, анализируя международный опыт, рассуждает о том, какие пути могут оказаться эффективными (рис. 1). Помимо технических средств обеспечения информационной безопасности (физических, аппаратных, программных, аппаратно-программных, криптографических) Китай призывает к созданию законодательной базы, институциональных механизмов и воспитанию соответствующих кадров. На внутригосударственном уровне большое значение для КНР имеет реализация Закона о кибербезопасности и связанная с ним нормотворческая деятельность, на глобальном — разработка международного законодательства, касающегося претензий стран на киберсуверенитет, и создание развитой системы диалоговых площадок.

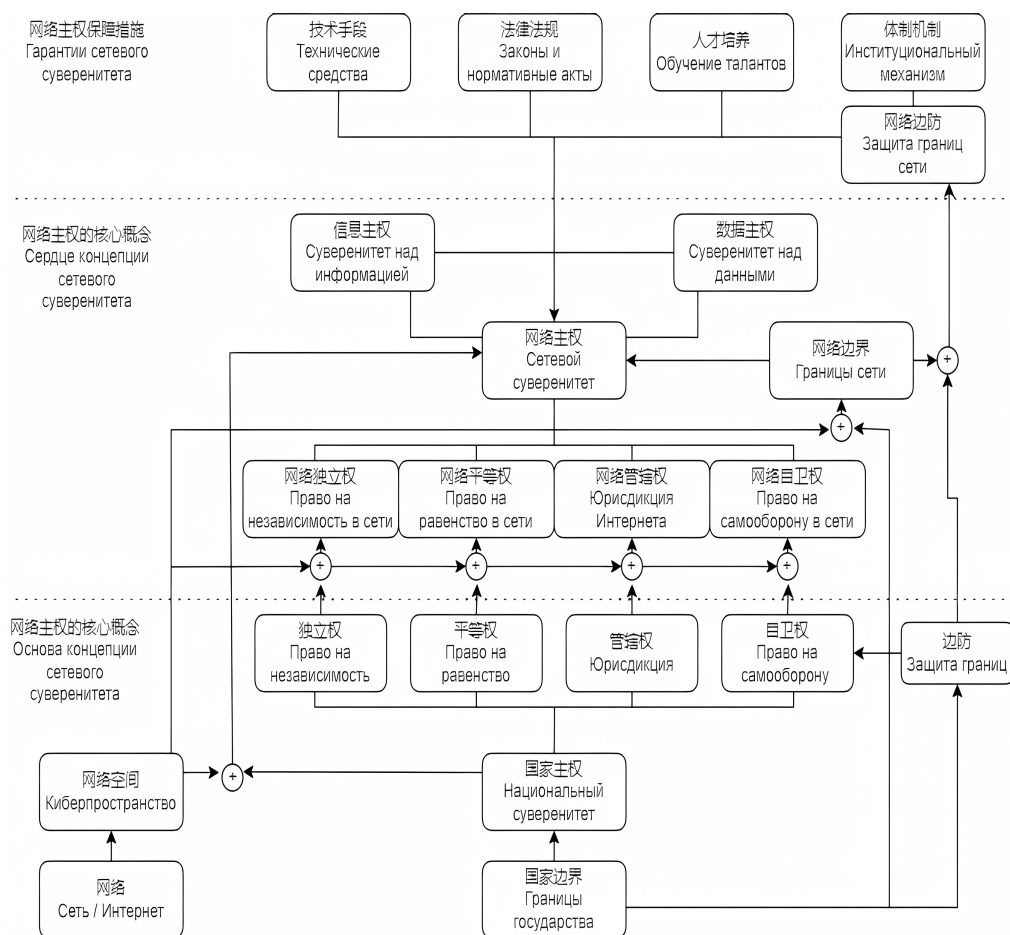

Рис. 1. Архитектура концепции киберсуверенитета КНР
Figure 1. Architecture of the PRC's Cyber-Sovereignty Concept

Источник: составлено автором.

Киберсуверенитет как альтернатива для развивающихся стран

Согласно официальной позиции, Китай утверждает, что нынешняя система управления важными интернет-ресурсами построена несбалансированно²⁰. Государство выступает за справедливое распределение цифровых дивидендов, продвигает позицию о том, что существующий миропорядок ставит средних и мелких игроков в уязвимое и невыгодное положение. Потребность в нормотворчестве Китай объясняет фрагментацией цифрового пространства и дефицитом доверия.

В 2017 г. МИД КНР опубликовал «Международную стратегию взаимодействия в киберпространстве», подчеркивающую уже ставшие традиционными для этой страны доминанты²¹. Примечательно, что документ содержит призыв не только к продвижению идеи киберсуверенитета через существующие международные диалоговые площадки (Форум по вопросам управления Интернетом, Всемирный экономический форум, Всемирная конференция по международной электросвязи, ICANN 50 и др.), но и к их осторожной реформе.

Концепция киберсуверенитета, заложенная в Стратегии, резко контрастирует с западноцентричным подходом США, ЕС и других развитых стран, построенном на основе мультистейкхолдеризма и идее свободы потоков информации²². Из-за подобного противоречия поиск Китаем международной поддержки изначально сталкивался с серьезным сопротивлением. Так, в 2011 г. западный блок стран отверг «Международный кодекс поведения в области информационной безопасности», ориентированный на киберсуверенитет, предложенный Китаем совместно с Россией и рядом государств — членов ШОС и Совет Безопасности ООН. В 2012 г. на Всемирной конференции по международной электросвязи против резолюции КНР о применимости международных правил телекоммуникаций к Интернету решительно выступили США и большинство западных стран. Документы были восприняты как потенциальный инструмент влияния авторитарных режимов и попытка навязать государствам централизованный подход к управлению киберпространством²³. В 2014 г. по той же причине на первой Всемирной интернет-конференции была отклонена упомянутая выше «Декларация Учжэнь».

Неудачи заставили Китай изменить приоритетные направления своей внешней политики. Фокус сместился на страны мирового большинства, в том числе Россию. Целеполагание при этом не поменялось: задачей все так же являлось вовлечение в свою орбиту как можно большего количества игроков. Китайский подход привлекателен для многих развивающихся кибердержав и стремящихся к этому статусу развивающихся стран, не входящих в западный блок и не желающих признавать лидерство США в вопросах управления киберпространством²⁴. Среди них — Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Пакистан, Бразилия, Камбоджа, Иран, Бангладеш, Аф-

²⁰ 中国关于网络空间国际规则的立场 [Позиция Китая в отношении международных правил в киберпространстве] // 外交部. 04.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjlb_673085/zjzg_673183/jks_674633/zclc_674645/qt_674659/202110/t20211012_9552671.shtml (дата обращения: 17.06.2023).

²¹ 网络空间国际合作战略 [Международная стратегия взаимодействия в киберпространстве] // 新华社. 01.03.2017. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-03/01/content_5172262.htm (дата обращения: 17.06.2023).

²² Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // *Вестник международных организаций*. 2021. № 3(16). С. 7–33. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-01

²³ Hitchens T., Goren N. International Cybersecurity Information Sharing Agreements. Maryland: Center for International & Security Studies, 2017. P. 44.

²⁴ Stephen M. China's New Multilateral Institutions: A Framework and Research Agenda // *International Studies Review*. 2020. Vol. 23. No. 4. Pp. 827–829.

ганистан, Саудовская Аравия, Египет, Южная Африка, Зимбабве, Джибути, Уганда, отчасти Индия, страны АСЕАН и др. Наиболее активными игроками выступают Россия, Бразилия и государства — члены ШОС. Существует также группа «неопределившихся» развивающихся стран, которые еще не касались в своих высказываниях темы киберсуверенитета из-за отсутствия у них адекватного технологического потенциала.

Китай ведет работу с обеими группами государств, в первую очередь с помощью международных организаций. Например, активно развивается деятельность по линии БРИКС, где Китай выступает лидером и инициатором дискуссий. Принципы равенства и невмешательства во внутренние дела соответствуют общему курсу БРИКС на инклюзивность и вариативность, что позволяет Китаю без осуждения продвигать свои модели управления на международную аудиторию. В 2016 г. после саммита БРИКС при поддержке КНР вышла «Декларация Гоа», подчеркивающая, что развитие ИКТ должно происходить на основе принципов международного права, включая невмешательство во внутренние дела²⁵. Известно, что в ходе своего второго председательства в организации в 2017 г. Китай разрабатывал межгосударственное соглашение по киберсуверенитету и собирал Рабочую группу БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ для обсуждения вопросов управления Интернетом²⁶. В том же году КНР выступила с инициативой принятия Плана действий БРИКС по инновационному сотрудничеству на 2017–2020 гг. и предложила партнерам создать Институт БРИКС по изучению «сетей будущего». Приверженность Плану была закреплена в Сямьньской декларации руководителей стран БРИКС, Институт продолжает действовать по сей день.

В продвижении своей позиции Китай делает упор на трансрегиональные сетевые площадки и структуры управления. В 2014 г. в Афро-азиатской консультативно-правовой организации по инициативе КНР была создана рабочая группа для обсуждения суверенитета и сотрудничества в киберпространстве. В 2020 г. была запущена «Инициатива Китая и АСЕАН по созданию партнерства в области цифровой экономики», содержащая пункт об «уважении суверенитета в киберпространстве»²⁷. В 2021 г. Китайско-африканский форум по развитию и сотрудничеству в Интернете завершается «Инициативой по совместному созданию китайско-африканского сообщества единой судьбы в киберпространстве» — ее предполагалось строить «на основе уважения суверенитета и политики отдельных стран в Интернете»²⁸. В том же году Китай и Лига арабских государств обнародовали «Китайско-арабскую инициативу по сотрудничеству в области безопасности данных», подчеркивающую приверженность киберсуверенитету и отказ от заключения соглашений, ущемляющих киберсуверенитет третьих стран²⁹. В 2022 г. была принята схожая инициатива сотрудничества в области безопасности данных «Китай + пять стран

²⁵ 网络主权: 理论与实践 (3.0 版) [Киберсуверенитет: теория и практика (версия 3.0)] // 世界互联网大会. 28.09.2020. URL: https://cn.wicinternet.org/2021-09/28/content_36222995.htm (дата обращения: 10.06.2023).

²⁶ China to push 'sovereign' Internet vision at BRICS Summit // *India Today*. March 2, 2017. URL: <https://www.indiatoday.in/world/story/china-internet-vision-facebook-twitter-brics-summit-963464-2017-03-02> (дата обращения: 13.07.2023).

²⁷ 中国—东盟关于建立数字经济合作伙伴关系的倡议 [Инициатива Китая и АСЕАН по созданию партнерства в области цифровой экономики] // 外交部. 12.11.2020. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202011/t20201112_9869261.shtml (дата обращения: 17.06.2023).

²⁸ 中非互联网发展与合作论坛综述 [Резюме Китайско-африканского форума по развитию и сотрудничеству в Интернете] // 世界互联网大会. 03.09.2021. URL: https://cn.wicinternet.org/2021-09/03/content_36314600.htm (дата обращения: 17.06.2023).

²⁹ 中阿数据安全合作倡议 [Китайско-арабская инициатива по сотрудничеству в области безопасности данных] // 外交部. 29.03.2021. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202103/t20210329_9180823.shtml (дата обращения: 17.06.2023).

Центральной Азии» с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном³⁰. В конце года была опубликована Белая книга «Совместная работа по созданию сообщества единой судьбы в киберпространстве», фиксирующая важность популяризации китайского подхода к международному праву в Интернете³¹.

С 2015 г. инструментарий Китая расширился за счет создания новой геополитической инициативы «Цифровой шелковый путь» (数字丝绸之路), нацеленной на реформирование глобального цифрового порядка. В случае участия в инициативе Китай предлагает развивающимся странам цифровые продукты и услуги по конкурентным ценам, инвестиции в их ИКТ-инфраструктуру, совместные технологические проекты и исследовательские программы³². Взамен государство получает уменьшение технологической зависимости от Запада, новые рынки для своих хайтек-компаний и распространение китайских правовых стандартов, в том числе киберсуверенитета, уважение к которому вынесено в список пятнадцати общих принципов «Цифрового шелкового пути»³³. К инициативе официально присоединилось 16 стран. Более 40 государств, отдельные компании и организации, например АСЕАН, участвуют в ней без подписания меморандума. Спрос на доступные китайские технологии и инвестиции способствует популяризации концепции киберсуверенитета, стратегически важной для КНР.

* * *

Китай, как лидер молодых кибердержав, превращается в серьезного конкурента, способного бросить вызов устоявшейся гегемонии США в цифровом пространстве. Помимо того, что у КНР самое большое количество интернет-пользователей в мире, высокий уровень проникновения Интернета и развитый рынок товаров ИКТ, государство ведет активную деятельность по реформированию цифрового миропорядка. Среди инструментов правового регулирования Китая — международные организации, двухсторонние договоренности и национальные инициативы, в первую очередь Всемирная интернет-конференция и «Цифровой шелковый путь». Усиление влияния на глобальный Интернет помогает Пекину сохранять безопасность внутреннего режима от деструктивного влияния извне и продвигать интересы экономической политики.

Занимаясь правовым регулированием, Китай не просто заявляет международному сообществу о своем решительном намерении придерживаться киберсуверенитета во всех внешнеполитических делах, но призывает институционально закрепить данный принцип как подтверждение права государственных субъектов управлять Интернетом по своему усмотрению. Такая позиция оказывается привлекательной для ряда развивающихся стран, видящих в ней возможность бросить вызов кибергегемонии США или нуждающихся в китайских цифровых инвестициях.

Деятельность Китая в качестве создателя и пропагандиста кибернорм, начатая в 2010-х гг., стала более целостной, но элемент диссонанса в ряде вопросов сохраняется. К примеру, серьезная политическая поддержка Всемирной интернет-конференции и фор-

³⁰ «中国 + 中亚五国» 数据安全合作倡议 [Инициатива сотрудничества в области безопасности данных «Китай + пять стран Центральной Азии»] // 中国政府网. 09.06.2022.

URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/09/content_5694775.htm (дата обращения: 17.06.2023).

³¹ 携手构建网络空间命运共同体 (白皮书) [Совместная работа по созданию сообщества единой судьбы в киберпространстве (Белая книга)] // 中国政府网. 07.11.2022. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-11/07/content_5725117.htm (дата обращения: 17.06.2023).

³² Jing Cheng, Jinghan Zeng. “Digital Silk Road” as a Slogan Instead of a Grand Strategy // *Journal of Contemporary China*. 2023. Vol. 32. No. 142. P. 2.

³³ “数字丝路”建设将成全球发展新引擎 [Строительство «Цифрового шелкового пути» станет новым двигателем глобального развития] // 中国政府网. 09.09.2019. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-09/09/content_5428411.htm (дата обращения: 18.06.2023).

мат управления его повесткой «сверху вниз» противоречит традиционному пониманию многосторонности. Призывы к «открытости и свободе киберпространства» в докладе «Киберсуверенитет: теория и практика (версия 3.0)» отчетливо контрастируют с заявлениями о необходимости строгого контроля за потоками информации. Потребность в защите государственного суверенитета в «Международной стратегии взаимодействия в киберпространстве» плохо стыкуется с призывом к созданию единых кибернорм на глобальном уровне. Также во всех документах присутствует конструктивная неопределенность отношений границ территории и виртуального пространства.

Этот диссонанс вкупе с фундаментальными расхождениями в подходах к киберсуверенитету стран мирового большинства во главе с КНР и Россией и стран коллективного Запада во главе с США может привести к дипломатическому тупику. Камнем преткновения в спорах чаще всего становится вопрос киберсуверенитета. Вероятно, положительную динамику может придать поэтапное дипломатическое согласование его определения и реальных, а не популистских различий в позициях. Китайский подход обусловлен соображениями национальной безопасности и внутрисударственной стабильности, в то время как страны Запада, особенно ЕС, обеспокоены скорее свободным развитием своей цифровой экономики и правами человека, такими как конфиденциальность³⁴. Позиции противоречат друг другу не так кардинально, как принято считать. Осознание этого может послужить толчком к преодолению противоречий.

Литература

- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // *Вестник международных организаций*. 2021. № 3(16). С. 7–33. DOI: 10.17323/1996–7845–2021–03–01
- Ковригин Д.Э. Границы государственного суверенитета национального сегмента киберпространства // *Власть*. 2023. № 1. С. 124–129. DOI: 10.31171/vlast.v3i1i.9473
- Михалевич Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. № 2(23). С. 254–264. DOI: 10.22363/2313–1438–2021–23–2–254–264
- Clark D. *Characterizing Cyberspace: Past, Present and Future*. MIT/CSAIL: Political Science Department Press, 2010. 18 p.
- Hitchens T., Goren N. *International Cybersecurity Information Sharing Agreements*. Maryland: Center for International & Security Studies, 2017. 140 p.
- Jing Cheng, Jinghan Zeng. “Digital Silk Road” as a Slogan Instead of a Grand Strategy // *Journal of Contemporary China*. 2023. Vol. 32. No. 142. Pp. 1–16. DOI: 10.1080/10670564.2023.2222269
- Stephen M. China's New Multilateral Institutions: A Framework and Research Agenda // *International Studies Review*. 2020. Vol. 23. No. 4. Pp. 807–834. DOI: 10.1093/isr/viaa076
- 习近平在第二届世界互联网大会开幕式上的讲话 (全文) [Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Второй Всемирной интернет-конференции (полный текст)] // *中国共产党新闻网*. 16.12.2015. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2015/1216/c64094-27937316.html> (дата обращения: 08.06.2023).
- 郭玉军. 网络社会的国际法律问题研究 [Го Юйцзюнь. Исследование международно-правовых проблем в онлайн-сообществе] // 武汉: 武汉大学出版社, 2010年. 725页.
- 乌镇倡议 [Декларация Учжэнь] // *新华网*. 18.12.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-12/18/c_1117512543.htm (дата обращения: 08.06.2023).
- 中国—东盟关于建立数字经济合作伙伴关系的倡议 [Инициатива Китая и АСЕАН по созданию партнерства в области цифровой экономики] // *外交部*. 12.11.2020. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202011/t20201112_9869261.shtml (дата обращения: 17.06.2023).

³⁴ Stephen M. China's New Multilateral Institutions: A Framework and Research Agenda // *International Studies Review*. 2020. Vol. 23. No. 4. Pp. 830–834.

- “中国 + 中亚五国” 数据安全合作倡议 [Инициатива сотрудничества в области безопасности данных «Китай + пять стран Центральной Азии»] // 中国政府网. 09.06.2022.
URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/09/content_5694775.htm (дата обращения: 17.06.2023).
- 网络主权: 理论与实践 [Киберсуверенитет: теория и практика] // 世界互联网大会. 21.10.2019.
URL: https://cn.wicinternet.org/2019-10/21/content_36224822.htm (дата обращения: 10.06.2023).
- 网络主权: 理论与实践 (2.0 版) [Киберсуверенитет: теория и практика (версия 2.0)] // 世界互联网大会. 15.10.2020. URL: https://cn.wicinternet.org/2020-10/15/content_36225577.htm (дата обращения: 10.06.2023).
- 网络主权: 理论与实践 (3.0 版) [Киберсуверенитет: теория и практика (версия 3.0)] // 世界互联网大会. 28.09.2020. URL: https://cn.wicinternet.org/2021-09/28/content_36222995.htm (дата обращения: 10.06.2023).
- 中阿数据安全合作倡议 [Китайско-арабская инициатива по сотрудничеству в области безопасности данных] // 外交部. 29.03.2021.
URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202103/t20210329_9180823.shtml (дата обращения: 17.06.2023).
- 刘晗, 叶开儒. 网络主权的分层法律形态 [Лю Хань, Е Кайжу. Иерархическая правовая форма киберсуверенитета] // 华东政法大学学报. 2020年. 第4期. 第67–82页.
- 网络空间国际合作战略 [Международная стратегия взаимодействия в киберпространстве] // 新华社. 01.03.2017. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-03/01/content_5172262.htm (дата обращения: 17.06.2023).
- 中国关于网络空间国际规则的立场 [Позиция Китая в отношении международных правил в киберпространстве] // 外交部. 01.04.2023.
URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zjzg_673183/jks_674633/zclc_674645/qt_674659/202110/t20211012_9552671.shtml (дата обращения: 17.06.2023).
- 中非互联网发展与合作论坛综述 [Резюме Китайско-африканского форума по развитию и сотрудничеству в Интернете] // 世界互联网大会. 03.09.2021. URL: https://cn.wicinternet.org/2021-09/03/content_36314600.htm (дата обращения: 17.06.2023).
- 习近平. 让互联网发展成果惠及13亿中国人民 [Си Цзиньпин. Пусть достижения развитого Интернета принесут пользу 1,3 миллиардам китайцев] // 2014世界互联网大会新闻官网. 19.11.2014.
URL: http://www.cac.gov.cn/2014-11/19/c_1113314465.htm (дата обращения: 07.06.2023).
- 携手构建网络空间命运共同体 (白皮书) [Совместная работа по созданию сообщества единой судьбы в киберпространстве (Белая книга)] // 中国政府网. 07.11.2022.
URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-11/07/content_5725117.htm (дата обращения: 17.06.2023).
- 中国互联网状况 (白皮书) [Состояние Интернета в Китае (Белая книга)] // 中国政府网. 08.06.2010.
URL: https://www.gov.cn/zhengce/2010-06/08/content_2615774.htm (дата обращения: 07.06.2023).
- 郑振宇. 改革开放以来我国互联网治理的演变历程与基本经验 [Чжэнь Чжэнью. Эволюция и базовый опыт управления Интернетом в Китае со времен реформ и открытости] // 马克思主义研究, 2019年. 第1期. 第58–67页.
- 韩瑞霞, 徐剑. 网络主权视域下当前互联网治理的主要问题, 成因及监管对策 [Хань Жуйся, Сюй Цзянь. Основные проблемы, причины и регулятивные контрмеры текущего управления Интернетом с точки зрения киберсуверенитета] // 南京邮电大学学报 (社会科学版). 2020年. 第22期. 第41–52页.
- 杨泽伟. 国际法析论: 第3版 [Ян Цзевэй. Анализ международного права: 3-е издание]. 北京: 中国人民大学出版社, 2012年. 247页.

Architecture of China's Cyber Sovereignty Concept (Based on the Reports World Internet Conference "Sovereignty in Cyberspace: Theory and Practice")

Alexandra D. Yankova

Ph.D. student at the HSE University, Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics (address: 17/1, Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7209-9818.
E-mail: ayankova@hse.ru

Received 22.06.2023.

Abstract:

Modern China shares the position that national security is impossible without network security. The state builds cyber diplomacy based on the traditional dominants of its foreign policy — inviolability of borders, non-interference, respect for sovereignty. Naturally expanding into the digital space, the last of them has acquired a new form of cyber-sovereignty, become an integral part of the Chinese discursive force and the cornerstone of the PRC's approach to global Internet governance. Beijing, not satisfied with the current unfair digital world order and concerned about the need to ensure constant control over internal networks for the regime security, advocates institutional reform of the existing system of global cyberspace governance. Over the past two decades, the state has turned from a recipient into a creator and propagandist of cyber norms. The cases of Chinese regulatory entrepreneurship attract an increasing number of supporters, primarily among developing countries. Several major initiatives, including the World Internet Conference, the Community with a Shared Future in Cyberspace, the Digital Silk Road, have become the personification of China's competitive strategy in this direction. All of them aim to convey to an international audience a concrete message about China's intention to adhere to cyber sovereignty in all foreign policy affairs and a call to formalize this principle as a confirmation of the state's right to manage the Internet at their discretion. Based on primary sources, the article attempts to trace the origins of the PRC's cyber sovereignty concept, analyze its evolution, institutional design, goal setting, content, limitations, and using the construction of an object-oriented architecture to present it as a three levels system, visualized for a better understanding of the links between levels.

Key words:

Cyber sovereignty, cybersecurity, cyber-norms, Internet governance, global governance, China.

Acknowledgements:

The author expresses gratitude to her supervisor, Vasily B. Kashin, Ph.D. (Political Sciences), Director of the Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS) at the HSE University, for his assistance.

For citation:

Yankova A.D. Architecture of China's Cyber Sovereignty Concept: Based on the Reports World Internet Conference "Sovereignty in Cyberspace: Theory and Practice" // Far Eastern Studies. 2023. No. 4. Pp. 99–112. DOI: 10.31857/S013128120026886-5.

References

- Clark D. Characterizing Cyberspace: Past, Present and Future. MIT/CSAIL: Political Science Department Press, 2010. 18 p.
- Degtarev D.A., Ramich M.S., Piskunov D.A. Podhody SSHA i KNR k global'nomu upravleniyu kiberprostranstvom: "novaya bipolyarnost'" v "setevom obshchestve" [U.S. & China Approaches to Global Internet Governance: "New Bipolarity" in Terms of "The Network Society"]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. 2021. Vol. 16. No. 3. Pp. 7–33. DOI: 10.17323/1996–7845–2021–03–01. (In Russ.)
- Hitchens T., Goren N. International Cybersecurity Information Sharing Agreements. Maryland: Center for International & Security Studies, 2017. 140 p.
- Jing Cheng, Jinghan Zeng. "Digital Silk Road" as a Slogan Instead of a Grand Strategy. *Journal of Contemporary China*. 2023. Vol. 32. No. 142. Pp. 1–16. DOI: 10.1080/10670564.2023.2222269
- Kovrigin D.E. Granicy gosudarstvennogo suvereniteta nacional'nogo segmenta kiberprostranstva [The boundaries of state sovereignty of the national segment of cyberspace]. *Vlast'*. 2023. No. 1. S. 124–129. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9473. (In Russ.)
- Mihalevich E.A. Konceptiya kibersuvereniteta Kitajskoj Narodnoj Respubliki: istoriya razvitiya i sushchnost' [The concept of cyber sovereignty of the PRC: the history of development and essence]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. 2021. Vol. 23. No. 2. Pp. 254–264. DOI: 10.22363/2313–1438–2021–23–2–254–264. (In Russ.)
- Stephen M. China's New Multilateral Institutions: A Framework and Research Agenda. *International Studies Review*. 2020. Vol. 23. No. 4. Pp. 807–834.
- 习近平在第二届世界互联网大会开幕式上的讲话 (全文) [Xi Jinping's speech at the opening ceremony of the Second World Internet Conference (full text)]. 中国共产党新闻网. 16.12.2015. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2015/1216/c64094–27937316.html> (accessed: 08.06.2023). (In Chin.)

- 郭玉军. 网络社会的国际法律问题研究 [Guo Yujun. Research on International Legal Issues in the Online Society]. 武汉: 武汉大学出版社, 2010年. 725页. (In Chin.)
- 乌镇倡议 [The Wuzhen Initiative]. 新华网. 18.12.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-12/18/c_1117512543.htm (accessed: 08.06.2023). (In Chin.)
- 中国—东盟关于建立数字经济合作伙伴关系的倡议 [China-ASEAN Initiative on Establishing a Digital Economy Partnership]. 外交部. 12.11.2020. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202011/t20201112_9869261.shtml (accessed: 17.06.2023). (In Chin.)
- “中国 + 中亚五国” 数据安全合作倡议 [“China + Five Central Asian Countries” Data Security Cooperation Initiative]. 中国政府网. 09.06.2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/09/content_5694775.htm (accessed: 17.06.2023). (In Chin.)
- 网络主权: 理论与实践 [Sovereignty in Cyberspace: Theory and Practice]. 世界互联网大会. 21.10.2019. URL: https://cn.wicinternet.org/2019-10/21/content_36224822.htm (accessed: 10.06.2023). (In Chin.)
- 网络主权: 理论与实践 (2.0 版) [Sovereignty in Cyberspace: Theory and Practice (Version 2.0)]. 世界互联网大会. 15.10.2020. URL: https://cn.wicinternet.org/2020-10/15/content_36225577.htm (accessed: 10.06.2023). (In Chin.)
- 网络主权: 理论与实践 (3.0 版) [Sovereignty in Cyberspace: Theory and Practice (Version 3.0)]. 世界互联网大会. 28.09.2020. URL: https://cn.wicinternet.org/2021-09/28/content_36222995.htm (accessed: 10.06.2023). (In Chin.)
- 中阿数据安全合作倡议 [China-LAS Cooperation Initiative on Data Security]. 外交部. 29.03.2021. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202103/t20210329_9180823.shtml (accessed: 17.06.2023). (In Chin.)
- 刘晗, 叶开儒. 网络主权的分层法律形态 [Liu Han, Ye Kairu. Hierarchical legal form of Network Sovereignty]. 华东政法大学学报. 2020年. 第4期. 第67–82页. (In Chin.)
- 网络空间国际合作战略 [International Strategy of Cooperation on Cyberspace]. 新华社. 01.03.2017. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-03/01/content_5172262.htm (accessed: 17.06.2023). (In Chin.)
- 中国关于网络空间国际规则的立场 [China's Positions on International Rules-making in Cyberspace]. 外交部. 01.04.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjwb_673085/zjzg_673183/jks_674633/zclc_674645/qt_674659/202110/t20211012_9552671.shtml (accessed: 17.06.2023). (In Chin.)
- 中非互联网发展与合作论坛综述 [Summary of the China-Africa Internet Development and Cooperation Forum]. 世界互联网大会. 03.09.2021. URL: https://cn.wicinternet.org/2021-09/03/content_36314600.htm (accessed: 17.06.2023). (In Chin.)
- 习近平: 让互联网发展成果惠及13亿中国人民 [Xi Jinping: Let the achievements of Internet development benefit 1.3 billion Chinese people]. 2014世界互联网大会新闻官网. 19.11.2014. URL: http://www.cac.gov.cn/2014-11/19/c_1113314465.htm (accessed: 07.06.2023). (In Chin.)
- 携手构建网络空间命运共同体 (白皮书) [Jointly Build a Community with a Shared Future in Cyberspace (White paper)]. 中国政府网. 07.11.2022. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-11/07/content_5725117.htm (accessed: 17.06.2023). (In Chin.)
- 中国互联网状况 (白皮书) [The Internet in China (White paper)]. 中国政府网. 08.06.2010. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2010-06/08/content_2615774.htm (accessed: 07.06.2023). (In Chin.)
- 郑振宇. 改革开放以来我国互联网治理的演变历程与基本经验 [Zheng Zhenyu. The evolution and basic experience of Internet governance in my country since China's reform and opening-up]. 马克思主义研究, 2019年. 第1期. 第58–67页. (In Chin.)
- 韩瑞霞, 徐剑. 网络主权视域下当前互联网治理的主要问题, 成因及监管对策 [Han Ruixia, Xu Jian. The main problems, causes and regulatory countermeasures of current Internet governance under the perspective of network sovereignty]. 南京邮电大学学报 (社会科学版). 2020年. 第22期. 第41–52页. (In Chin.)
- 杨泽伟. 国际法析论: 第3版 [Yang Zewei. Analysis of International Law: 3rd Edition]. 北京: 中国人民大学出版社, 2012年. 247页. (In Chin.)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ / THEORY AND METHODOLOGY

Исторический опыт развития китайской цивилизации

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027128-1

Буров Владилен Георгиевич

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.). ORCID: 0000-0002-1412-7032.
E-mail: burovvg2@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.01.2023.

Аннотация:

Китайская цивилизация принадлежит к числу древних. В течение многих столетий ее развитие осуществлялось исключительно на собственной основе. Знакомство с западной цивилизацией вызвало в XX в. дискуссии о традиционных китайских ценностях, в ходе которых высказывались различные точки зрения — от полного отрицания до тотального восхваления. В последние десятилетия постепенно приходит осознание того, что учение Конфуция и его последователей представляет огромное духовное богатство. Происходит переоценка учений китайских мыслителей прошлого. Исторический опыт цивилизационного развития Китая содержит ценные уроки для России.

Ключевые слова:

Дискуссии о традиционных ценностях, взгляды представителей консервативного, либерального и марксистского лагерей, современное понимание традиционных ценностей, историческая роль конфуцианства, ценные уроки для России.

Для цитирования:

Буров В.Г. Исторический опыт развития китайской цивилизации // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 113–130. DOI: 10.31857/S013128120027128-1.

Россию и Китай связывает многое, это страны-соседи, граница между которыми составляет несколько тысяч километров, что естественно предполагает общность исторических судеб. И действительно, в течение нескольких столетий, начиная с XVI в., возникли вначале торговые, а затем и политические, культурные отношения, бывали периоды добрососедства, но случались и времена конфликтов. Советский Союз сыграл немалую роль в развитии революционного движения в этой стране. Благодаря его помощи была создана Коммунистическая партия Китая (КПК), которая в 1920–1950 гг. была союзником советской. В настоящее время отношения между двумя странами носят характер стратегического партнерства. Усиливающееся в последние годы давление «коллективного Запада» на обе страны вынуждает их укреплять сотрудничество в военно-политической области. Именно поэтому история Китая и ее цивилизационное развитие представляют большой интерес для российских исследователей, в них содержатся полезные и ценные уроки, которые могут быть интересны для современной России¹.

¹ Внимание в России к изучению китайской цивилизации в сравнительной перспективе в последние годы усиливается. См., например: *Хорос В.Г.* Цивилизации в современном мире. Книги 1 и 2. М.: Ленанд, 2022. Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. Кн. 1. 304 с.; Европейская цивилизация. Российская цивилизация. Кн. 2. 240 с.; *Виноградов А.В.* История человечества по вертикали и горизонтали (рец. на кн.: *Хорос В.Г.* Цивилизации в современном мире. Книги 1 и 2. М.: Ленанд, 2022. Ин-

Китайская цивилизация насчитывает не менее пяти тысяч лет, при этом ее влияние не ограничивается только ее исторической территорией, расположенной между бассейнами рек Хуанхэ и Янцзы — исконном ареале обитания китайской (ханьской) нации, а простирается далеко за ее пределы. Достаточно сказать, что влияние китайской культуры заметно не только в соседних с ней странах — Вьетнаме, Мьянме, Корее, но и в Японии, Таиланде, Индонезии, на Филиппинах и других регионах.

У китайской цивилизации есть и черты, которые сближают ее с другими, и собственные, только ей присущие особенности. Прежде всего, это мононациональная цивилизация, т.е. в своем подавляющем большинстве она состоит из представителей ханьской нации, которую, собственно говоря, принято называть китайцами (до недавнего времени ханьцы составляли 95 % населения страны). Употребляемый в Китае термин «китайская нация» включает в себя не только ханьцев, но и представителей всех других 55 наций, живущих в Китае, которых в официальной терминологии называют национальными меньшинствами (少数民族). Во-вторых, ханьцы обладают большой способностью к ассимиляции других национальностей. Например, маньчжуры, которые в период последней в истории Китая династии Цин были господствующей нацией, в настоящее время представляют небольшое по численности национальное меньшинство (10 млн человек). В-третьих, для Китая характерно наличие большого количества диалектов, обусловленное тем, что формирование централизованного государства проходило на основе соединения самостоятельных царств. В течение многих столетий фактором, сплавившим различные регионы страны, была иероглифическая письменность².

Дискуссии о традиционных китайских ценностях в первой половине XX в.

Китайская цивилизация богата в культурном отношении. Первые письменные памятники появились уже во II тыс. до н.э. На протяжении ее истории были созданы величайшие художественные произведения, которые входят в сокровищницу мировой культуры. Китайская элита заботливо оберегала свое культурное наследие, заимствуя лишь те элементы инонациональной культуры, которые не нарушали ее автохтонность. В значительной степени это объяснялось представлениями о превосходстве китайской культуры над иноземными. Китай объявлялся центром Поднебесной, представителей других наций называли «варварами», причем вплоть до середины XIX в. вершиной китайской культуры считалось конфуцианство, которое в течение многих столетий являлось официальной идеологией феодального Китая.

Но произошедшее в середине XIX в. столкновение Китая с европейской цивилизацией до основания потрясло казавшееся незыблемым здание традиционной китайской деспотии. Из независимой могущественной державы Китай, по образному выражению Мао Цзедуна, превратился в полуколониальную, полуфеодальную страну.

Естественно, что начались поиски причин унижительных поражений в прямом столкновении с «варварами». При этом нельзя было обойтись без обращения к культурному, философскому наследию, которое всегда занимало в китайском обществе особо важное место.

дийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. Кн. 1. 304 с.; Европейская цивилизация. Российская цивилизация. Кн. 2. 240 с.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 1. С. 178–180.

² Подробнее о современном языковой ситуации в Китае см.: Завьялова О.И. Языковое разнообразие Китая и безопасность страны // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 4. С. 168–176; Завьялова О.И. О языковых предпочтениях руководителей Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 176–183.

Настоящая переоценка традиционных ценностей началась значительно позднее, во время движения «за новую культуру», возникшего в годы Первой мировой войны. Оно объединило в своих рядах передовую, образованную часть китайской интеллигенции. Ее лозунгом были идеи «науки и демократии». В этом движении участвовали представители различных идеологий. Наиболее ярким представителем либерального крыла движения был профессор Пекинского университета Ху Ши (1891–1962). Он снискал популярность резкой критикой различных сторон традиционной культуры, призывом к заимствованию культурных научных и технических достижений Запада.

Критика Ху Ши наиболее консервативных сторон общественной жизни Китая велась с либерально-реформаторских позиций. Запад в его понимании представлял собой цивилизацию прогресса, а Восток — цивилизацию отсталости. Рассказывая в одной из статей о своей поездке в Харбин, где в иностранном селтльменте использовались машины и трамваи, а в китайской части города — только рикши, Ху Ши в заключение писал: «Мое великое открытие заключается лишь в том, что *граница между восточной и западной цивилизациями заключается лишь в границе между цивилизацией рикши и цивилизацией автомобилей*» (курсив наш — Прим. авт.).³

Причины превращения восточной цивилизации в цивилизацию отсталости Ху Ши усматривал в специфике восточного склада мышления: «Самая великая особенность восточной цивилизации — это удовлетворенность своей судьбой. Самая великая особенность современной цивилизации Запада — это неудовлетворенность своей судьбой. Удовлетворенные восточные люди... довольны своей судьбой... и в результате материальная среда связывает и контролирует их, они не могут выйти за ее пределы, не в состоянии применить свой разум и умственные способности для преобразования среды и улучшения современной цивилизации. *Это цивилизация ленивой отсталой нации*. Западные люди совсем не такие. Для них священна неудовлетворенность, которая в материальной области породила сегодня цивилизацию стали, цивилизацию машин, цивилизацию электричества, а в умственной области — мир науки... Подобное всестороннее использование ума и мудрости человека для поисков истины в целях освобождения его души... подчинения элементов природы и применения их... для того, чтобы тем самым добиться величайшего счастья для подавляющего большинства человечества... это настоящая *рационалистическая цивилизация*»⁴ (курсив наш — Прим. авт.).

В концепции общественно-исторического процесса Ху Ши нет места социальным противоречиям; борьба, которую мы наблюдаем в обществе, утверждал он, — это либо борьба людей с природой, либо борьба за преодоление человеческих качеств, которые оказывают отрицательное воздействие на взаимоотношения людей с природой. Социальный прогресс Ху Ши истолковывал как духовное или интеллектуальное развитие на основе совершенствования личности. В китайском обществе, писал он, человек находится в плену традиционных норм и представлений, что тормозит прогресс общества в целом. Поэтому Ху Ши пропагандировал свободу личности, интерпретируя ее в плане идеи универсального гуманизма и абсолютной свободы духа норвежского писателя Г. Ибсена. Ху Ши понимал ее как призыв к отказу от духовных ценностей феодального общества, конфуцианских культурных стандартов и моральных запретов, подавляющих личность, препятствующих свободному развитию способностей человека, что, несомненно, имело большое положительное значение в условиях тогдашнего Китая; пробуждение личности включало в себя раскрытие и совершенствование имманентно присущих человеку лучших свойств натуры и творческих способностей.

³ Цит. по: 郭湛波. 近五十年中国思想史 [Го Чжаньбо. История китайской идеологии за последние пятьдесят лет]. 北平: 人文书店, 1936年. 第30–31页.

⁴ 胡适文存 [Ху Ши. Собрание сочинений]. 第一集. 台北: 远东图书, 1983年. 第20–21页.

Взгляд на духовное и интеллектуальное развитие как на главное условие ликвидации отсталости китайского общества был связан у Ху Ши с рассмотрением сущности социальной структуры современного ему Китая, характера взаимоотношений последнего с западными державами. Абстрактно трактуемые бедность, болезни, невежество, коррупция, беспорядки отрываются от породившей их социальной почвы и выводятся непосредственно из свойств национального характера. Для Ху Ши главные враги китайского народа — это не феодализм (которого уже давно нет), не капитализм (который не получил развития) и не империализм (который не оказывает серьезного влияния на китайское общество), а сами китайцы, поскольку они «довольны своей судьбой». Он умалчивает о существовании острых социальных конфликтов в китайском обществе, о том, что большинство китайцев никогда не было «довольно своей судьбой», о чем свидетельствовали сотни крестьянских восстаний в истории Китая, а в XX в. Синьхайская революция, «движение 4 мая» и т.п.

Ху Ши обосновывал необходимость развития страны по капиталистическому пути при широком использовании научно-технической и культурно-идеологической помощи западных стран. Поэтому он выступал против социально-политической программы КПК и одновременно подвергал критике платформу Сунь Ятсена, изложенную в учении о «трех народных принципах». Отстаивая необходимость социально-экономических преобразований в Китае, Ху Ши в то же время полагал, что их нельзя осуществить посредством революции, поскольку революции являются источником нравственного упадка и политической нестабильности общества⁵.

Однако многие представители китайской интеллигенции решительно выступали против озападнивания китайского общества, настаивая на сохранении конфуцианства в качестве нравственного ориентира. Противоположные взглядам Ху Ши идейно-политические позиции занимал видный представитель нового конфуцианства Лян Шумин (1893–1989). Его мировоззрение формировалось под влиянием буддизма, конфуцианской школы Лу Сяншаня (1139–1193) — Ван Янмина (1472–1529)⁶ и бергсонизма.

Для Лян Шумина была характерна апология традиционных ценностей китайской культуры, которая сочеталась у него с восхвалением восточной цивилизации вообще. Выделяя три типа культуры — западноевропейский, китайский и индийский, он связывал их с «тремя образами жизни людей» и «тремя тенденциями в их желаниях». Западная культура в трактовке Лян Шумина основывается на «стремлении связывать “свои желания с будущим”»; дух китайской культуры состоит в стремлении “примирить свои желания с современной деятельностью”, а для индийской культуры характерно стремление “обратить свои желания к прошлому”». Лян Шумин неоднократно подчеркивал превосходство китайской культуры над западной, усматривая таковое в том, что в китайской цивилизации истинный смысл человеческого бытия всегда заключался в духовном совершенстве индивида, нравственном облагораживании разума, развитии национального духа. В Китае, писал Лян Шумин, высшая сфера деятельности человека (культура) господствует над низшей (экономикой), в то время как на Западе имеет место обратное. Идеализм, присущий, по его мнению, восточным народам, он противопоставлял грубому утилитаризму, характерному якобы для западной цивилизации, и на этом основании заявлял, что между Китаем и Европой (в том числе и Россией) нет ничего общего.

Выражение китайского национального духа Лян Шумин видел в конфуцианстве, которое считал воплощением лучших традиций духовной культуры китайского народа.

⁵ 胡适. 论学近著 [Ху Ши. Научные статьи, написанные за последнее время]. 上海: 商务印书馆, 1936. 第452页.

⁶ Философии Ван Янмина посвящена монография Артема Игоревича Кобзева, см.: Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и китайская классическая философия. М.: Наука, 1983.

Имея учение Конфуция, писал Лян Шумин, китайцы не нуждаются в религии, ибо зачем, «находясь под солнцем, иметь еще лампу»?⁷. Содержащиеся в конфуцианстве великие истины о смысле человеческой жизни, оказывая в течение многих столетий огромное воздействие на сознание миллионов китайцев, способствовали формированию их национального самосознания. Поэтому возрождение Китая как великой державы, по мнению Лян Шумина, немыслимо без восстановления в правах конфуцианской идеологии.

Лян Шумин утверждал, что в средневековом Китае не было классов, между всеми членами общества существовали отношения тесного сотрудничества. Он объяснял это социальной ориентацией системы политических отношений, существовавших в китайском государстве. Конфуцианство, являвшееся его официальной доктриной, всегда рассматривало семью (в рамках которой, согласно этому учению, в наибольшей степени проявляется связь интересов отдельных индивидов с интересами общества в целом) как основу общественной структуры. Поэтому в средневековом Китае, писал Лян Шумин, семья всегда была главным объектом государственной политики. В результате, заключал он, прогресс общества и развитие личности представляли собой взаимосвязанный процесс.

Востокоцентристская ориентация мировоззрения Лян Шумина неизбежно предопределяла не только его резко критическое отношение к обоим «западным» социально-экономическим системам — капиталистической и социалистической. У него можно встретить ряд верных, точных суждений о капитализме. Подметив одну из его характерных особенностей — противоречие между высоким уровнем развития производительных сил и низким уровнем жизни трудящихся масс, Лян Шумин усматривал причины этого противоречия в сфере политических оснований — сосредоточении власти в руках узкой группы лиц и в господствующей на Западе системе моральных ценностей, прежде всего в индивидуализме, ориентирующем общество на удовлетворение своекорыстных интересов. Но критика Лян Шумином западного общества в значительной степени велась с позиций господствовавшей в императорском Китае идеологии, под лозунгом защиты традиционных общественных ценностей.

В 1930–1940 гг. Лян Шумин объявлял неприемлемыми для китайского общества программы социального развития, предлагавшиеся и буржуазными идеологами, и марксистами. Настаивая на том, что капитализм и социализм противоречат природе человека, Лян Шумин отрицал необходимость радикальных структурных преобразований в китайском обществе. Он считал неприемлемым для Китая «путь промышленной революции».

Проблема культурного наследия, отношение к традиционным учениям живо интересовали и китайских марксистов. Участники «движения за новую культуру» профессора Пекинского университета Чэнь Дусю и Ли Дачжао отвергали конфуцианство на том основании, что оно, по их мнению, не отвечало требованиям современной действительности Китая. «В сегодняшней жизни, — писал, например, Чэнь Дусю, — основой жизни является экономика, а независимость личности — великий принцип, порожденный ею. И это отражается на этическом учении... Что же касается китайских ученых-конфуцианцев, то они пропагандируют “три отношения и пять принципов”, подавляющие свободу личности, препятствующие ее духовному и социальному развитию»⁸.

Аналогичным образом рассуждал и Ли Дачжао: «Конфуцианские идеи отнюдь не представляют собой вечной, неизменной истины. Конфуций и его последователи — мыслители определенной эпохи и ни в коем случае не могут быть учителями для всех времен. Учение Конфуция больше 2 000 лет удерживалось в Китае потому, что за этот период в ки-

⁷ Цит. по: 蔡尚思. 中国传统思想总批判 [Цай Шансы. Всеобщая критика китайской традиционной идеологии]. 上海: 棠棣, 1950年. 第8页.

⁸ 中国近代思想史参考资料简编 [Хрестоматия справочных материалов по истории китайской идеологии в новое время]. 北京: 三联书店, 1957. 第1091页.

тайской аграрной экономике, которой оно соответствовало, не было значительных изменений. Сейчас в ней произошли заметные сдвиги, они в корне подорвали конфуцианство, поскольку оно перестало соответствовать современной китайской жизни, современному китайскому обществу»⁹. Как и Чэнь Дусю, Ли Дачжао обвинял конфуцианство в подавлении личности, в превращении человека в раба ничемных традиционных условностей.

По словам Чэнь Дусю, существует три принципиальных различия между Западом и Востоком, которые оказывают свое воздействие на бытующие там стереотипы мышления. Во-первых, на Западе питают пристрастие к войне, а на Востоке — к покою. Войну, использование оружия, убийства не одобряли ни конфуцианство, ни даосизм, ни буддизм. Вся история западной цивилизации представляет собой «книгу, где нет ни одного слова, не написанного кровью». Во-вторых, на Западе упор делается на личность, свободу и счастье отдельного человека, на Востоке же основой всех социальных отношений является семья, что делает восточное общество патриархальным. В результате там процветают подавление индивидуальной свободы, чувства собственного достоинства, воспитание людей в духе приниженности и зависимости, не утвердилось юридическое равноправие граждан. В-третьих, для Запада характерны уважение к закону, практицизм, для Востока — акцентирование внимания на чувствах, эмоциях, пустые фразы¹⁰.

По мнению Ли Дачжао, восточная цивилизация характеризуется склонностью к покою, а западная — к движению, причем подобное различие он объяснял влиянием природных условий: «цивилизация южного пути» (восточная) «получает много благоденствий от Солнца, щедрые подарки от природы, поэтому она является цивилизацией, которая сотрудничает с природой и себе подобными. На Севере получают мало благоденствий от Солнца, немного щедрот от природы, поэтому его цивилизация является такой, которая борется с природой, себе подобными. Одна цивилизация является естественной, другая создана людьми, для одной характерен покой, для другой борьба, для одной — пассивность, для другой — активность, для одной — зависимость, для другой — самостоятельность... в одной природа управляет людьми, в другой — люди управляют природой»¹¹. Различие в природных условиях, заключал Ли Дачжао, формирует не только неодинаковый тип экономической деятельности (упор на сельское хозяйство на Востоке, на промышленность и торговлю — на Западе), но и несходство ценностных установок в сфере общественных отношений, в области семьи.

В более поздний период (1930–1940 гг.) марксистские принципы подхода к философскому и культурному наследию отстаивал Люй Чжэньюй. Он критически оценивал деятельность китайских идеологов второй половины XIX в. и начала XX в. Их усилия, по его мнению, не могли привести к национальному возрождению, поскольку они либо выступали с позиций защитников феодальных устоев, либо находились под определенным влиянием феодальной идеологии.

Высоко оценивая историческое значение «движения 4 мая», Люй Чжэньюй писал, что в его ходе выявились и «неверные тенденции». Одну из них он видел в огульном отрицании всей предшествующей культуры; Люй Чжэньюй указывал, что подобный подход страдает антиисторизмом, игнорирует достижения китайцев. Говоря о прекрасных нравственных нормах китайского народа, замечательных человеческих качествах китайцев, Люй Чжэньюй упоминал миролюбие, упорство и терпеливость, умение «не сгибаться перед трудностями», «не теряться при опасности», «смотреть на смерть как на возвращение». Другая неверная тенденция состояла, по его мнению, в некритическом отноше-

⁹ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М.: Наука, 1965. С. 155.

¹⁰ См.: 郭湛波. 近五十年中国思想史 [Го Чжаньбо. История китайской идеологии за последние пятьдесят лет]. 北平: 人文书店, 1936年. 第105–107页.

¹¹ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М.: Наука, 1965. С. 157.

нии к культуре Запада. Положительно оценивая развернувшееся в 1920-е гг. в Китае под лозунгами развития «демократии» и «науки» усвоение достижений науки и революционно-демократического опыта Запада, Люй Чжэньюй указывал одновременно на стремление «либералов», которых он называл «компрадорами на ниве культуры», импортировать реакционные социальные идеи и теории. Создание новой национальной культуры, указывал он, должно базироваться на наследовании исторических культурных ценностей Китая и усвоении всего позитивного, что есть в зарубежной культуре.

Другой известный китайский марксист Ху Шэн (1918–2000) подчеркивал возможность использования элементов понятийного аппарата конфуцианской этики после их «оплодотворения» (досл. «очищения», «промывки») идеями современного гуманизма. Только благодаря этому станет возможным отграничить сегодняшний смысл понятий традиционной культуры от их содержания во времена Конфуция. Он видел в конфуцианских категориях не только отражение морали господствующих слоев общества, но и проявление общечеловеческих норм нравственности.

Критика понимания национальных культурных традиций учеными, находившимися под влиянием западной философской мысли, сочеталась в работах марксистов с научным анализом идей и положений, выдвигавшихся различными направлениями и мыслителями прошлого. Прежде всего, они возражали против сведения проблематики китайской философии к исследованию «надопытных сфер бытия».

По мнению Ху Шэна, в истории китайской философии можно видеть двоякого рода мыслителей: «Один — так называемые утописты, они знают лишь одно — гоняться за идеалом, и никак не хотят признавать реальной жизни. Но поскольку они пренебрегают ею и гонятся за идеалом, они не способны по-настоящему преобразовать действительность и на практике могут лишь капитулировать перед реальной жизнью. Другие в состоянии признавать лишь реальную жизнь и не стремятся к идеалу. Поскольку у них нет идеала, все существующие элементы реальной жизни они рассматривают как неизбежные и выступают как прямые охранители действительности»¹². К первым он относил даосов, ко вторым — конфуцианцев. Именно благодаря тому, что конфуцианство создало нравственные законы и принципы, защищавшие в жизни социальные градации, оно могло стать духовным оплотом китайского феодализма, говорил Ху Шэн. Он осуждал квиетизм даосов, заявляя, что их философия — «презренная философия маклеров», поскольку она призывает приспосабливаться к любым жизненным ситуациям, проповедует «капитуляцию перед постыдной реальностью»¹³. Нельзя не заметить, что и Люй Чжэньюй и Ху Шэн были против огульного отрицания традиционной китайской культуры.

В сущности, дискуссия о ценностях китайской цивилизации напоминала собой противостояние западников и славянофилов, только в китайском варианте¹⁴.

Понимание традиционных китайских ценностей в современном Китае

В истории Китайской Народной Республики были разные периоды отношения и к традиционной культуре, философскому наследию прошлого. Постепенно приходит

¹² 资产阶级学术思想批判参考资料. 第二集 [Критика буржуазной идеологии. Справочные материалы 2-й выпуск]. 北京: 商务印书馆, 1958年. 第79页.

¹³ 资产阶级学术思想批判参考资料. 第二集 [Критика буржуазной идеологии. Справочные материалы 2-й выпуск]. 北京: 商务印书馆, 1958年. 第79页.

¹⁴ Роль традиционной идеологии в китайском обществе обсуждается также в 2-х публикациях автора данной статьи, см.: Буров В.Г. Современная китайская философия. М.: Наука, 1980; Буров В.Г. Философское наследие и идейная борьба в Китае в первой половине XX в. // *Философское наследие народов Востока и современность*. М.: Наука, 1983. С. 213-245.

осознание того, что учение Конфуция и его последователей представляет собой огромное духовное богатство, которым не только можно гордиться: что более важно, его можно использовать для управления государством и воспитания членов общества. В этой связи следует заметить, что после прихода к власти Си Цзиньпина происходит формирование современной этико-политической доктрины КПК: появляется концепция основных ценностей социализма. Эти ценности методично, с помощью средств массовой информации и всевозможных пропагандистских приемов, вплоть до рекламных щитов на улицах города, внедряются в сознание членов общества.

Они разделены на три группы. Первую составляют ценностные цели развития современного китайского государства. Они включают в себя процветание, демократию, цивилизацию и гармонию. Вторая группа — это ценностные идеалы современного китайского общества, состоит она из свободы, равенства, справедливости и управления по закону. Третья группа ценностей определяет «ценностные нормы современного китайского гражданина» — патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбие. Все эти двенадцать ценностей, по мнению китайских ученых, уходят своими корнями в древность; подчеркивается неразрывная связь между историей и современностью.

Современная этико-политическая доктрина КПК не исчерпывается двенадцатью «основными ценностями социализма». Она включает в себя и традиционные конфуцианские ценности. Подобное обстоятельство, несомненно, связано с позицией руководителя Компартии. Си Цзиньпин в течение многих лет проявляет глубокий интерес к китайскому философскому наследию. Еще в нулевые годы XXI в., будучи секретарем парткома провинции Чжэцзян, он по собственной инициативе прослушал специальный курс по истории китайской философии. В выступлениях он часто обращается к традиционной китайской культуре, используя высказывания китайских мыслителей прошлого. В числе его любимых философов — мыслитель позднего средневековья, один из создателей оригинального учения о сердце Ван Янмин.

Создаваемый им современный китайский марксизм или марксизм XXI в. состоит из трех элементов: во-первых, из ряда принципов классиков марксизма; прежде всего, материалистического понимания истории, — отсюда постоянное обращение в последние годы в Китае к «Манифесту Коммунистической партии»; во-вторых, из положений китайизированного марксизма, воплощенных в теории китайского социализма или «социализма с китайской спецификой»; наконец, из «прекрасных традиций китайской культуры, китайской философии».

За последние сорок лет китайские ученые создали многочисленные труды, посвященные конфуцианству, создана Международная конфуцианская ассоциация с центром в Пекине, которую в настоящее время возглавляет член Политбюро ЦК КПК.

Каковы же особенности китайских традиционных ценностей, в чем их отличие от ценностей, существующих в западных, европейских странах? Почему именно они пропагандируются в настоящее время в Китае?

Ответы на эти вопросы содержатся в статье, пожалуй, самого авторитетного китайского ученого в этой сфере научных исследований, директора Института китаеведения Университета Цинхуа, проф. Чэнь Лай¹⁵.

Его статья построена на противопоставлении китайской и западной системы ценностей. При этом в ней отсутствует критический пафос по отношению к ценностям, пропагандируемым в западной культуре. Чэнь Лай просто излагает их так, как они ему представляются. Естественно, что в его изложении китайские ценности выглядят более предпочтительными.

¹⁵ 陈来. 充分认识中华独特价值观——从中西比较看 [Чэнь Лай. Всесторонне познавать самобытные ценности Китая — под углом зрения сравнения Китая и Запада] // 人民日报. 04.03.2015.

Чэнь Лай указывает на четыре присущие китайской нации особенности, позволившие ей сохранить свою национальную идентичность на протяжении многих столетий.

По его словам, на Западе господствующей тенденцией в ценностных представлениях является приоритет нравственных и политических требований индивида по отношению к государству и правительству, т.е. в основном речь идет об ответственности и долге правительства и в то же время защите личностью своих прав перед другими людьми, обществом вообще; невозможно определить, в чем же заключается ответственность и долг самого человека, индивида по отношению к семье, другим людям и обществу. Такой подход, являющийся «продуктом городского общества и политического развития на Западе» стал, по мнению китайского ученого, «центральной идеей западного либерализма». Порок этой идеи заключается в том, что упор делается на требованиях индивида, а его ответственность перед обществом игнорируется, не принимается во внимание тот факт, что индивид несет ответственность перед другими людьми и должен уважать их права.

Чэнь Лай указывает, что в китайской традиции, напротив, отдается приоритет ответственности перед свободой. Именно в этом заключается *первая особенность китайских ценностных представлений*.

Система конфуцианских нравственных ценностей сложилась в совершенную систему уже во времена периода Весен и Осеней (VIII — V вв. до н.э.) и Сражающихся царств (IV — III вв. до н.э.), речь идет о верности, человеколюбии, долге, сыновней почтительности, доброте и т.д. Все они в той или иной степени означают, что любой человек несет ответственность перед другими людьми и обществом. Например, принцип сыновней почтительности говорит об ответственности детей перед родителями; принцип верности — об осознании ответственности перед другими людьми, принцип преданности — об ответственности перед друзьями. Согласно взглядам конфуцианцев, каждый человек находится в неразрывной связи с другими людьми и коллективом, и в его ответственности по отношению к партнерам и заключается добродетель.

В китайской традиции упор делается на отношениях между людьми, пишет Чэнь Лай, а не на индивиде, в ней подчеркивается, что в отношениях между людьми нет места эгоцентризму, ты выступаешь в качестве отправной точки, но главным является другая сторона, твой партнер, поэтому твои интересы должны подчиняться требованиям ответственности. Вследствие такой установки индивид забывает о себе, и ответственность становится движущей силой социальной практики. Одновременно из-за того, что человек находится в сложной сети социальных связей, «он вступает в различные отношения с многочисленными объектами, следовательно, у него много ответственностей и он должен все их выполнять», считает Чэнь Лай.

Это хорошо осознавали китайские мыслители. Еще Мэн-цзы говорил, что для благородного мужа ответственность за Поднебесную является главной. В период династии Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.) приоритет отдавался ответственности отдельного человека, индивида перед государством и Поднебесной, а не его свободе.

В подтверждение своей точки зрения Чэнь Лай приводит также соответствующее высказывание мыслителя эпохи Сун (X — XIII вв. н.э.) Фань Чжунъяня: «Когда Поднебесная вначале испытывает печаль, я тоже испытываю ее, когда же в Поднебесной затем наступает радость, я тоже радуюсь», а также слова мыслителя XVII в. Гу Яньбу: «За процветание и гибель Поднебесной отвечает каждый».

В ценностных представлениях на Западе в Новое и Новейшее время приоритет отдается правам человека, в то время как в китайской традиции подчеркивается приоритет долга. Именно в этом заключается *вторая особенность, присущая китайской традиции*, пишет Чэнь Лай.

В этой связи он, как это ни парадоксально, обращается к наследию одного из представителей современного конфуцианства — Лян Шумина, о котором мы говорили выше. Рассматривая взгляды этого представителя консервативной ориентации, мы под-

церкивали, что он стоял на противоположных КПК позициях. Поэтому, хотя Лян Шумин после 1949 г. остался в Китае, его взгляды в научной печати резко критиковали, хотя политическим репрессиям он не подвергался. Дело в том, что он был идеологическим оппонентом коммунистов, но не их политическим противником, после прихода КПК к власти в его взглядах произошла определенная революция¹⁶. Теперь же идеи, развивавшиеся Лян Шумином, объявляются «истинными», происходит своего рода реабилитация его взглядов. Прежде всего, Чэнь Лай приводит слова Лян Шумина о том, что китайская культура в межличностных отношениях на первое место ставит долг, взаимное выполнение долга является принципиальной особенностью китайской этики. По мнению Лян Шумина, широкое распространение на Западе индивидуализма привело к появлению общества, где в центре всегда были интересы личности, все было подчинено ее интересам; в Китае же в противоположность этому в центре находится мораль.

Чувство долга, о котором говорит Лян Шумин, носит «открытый характер», пишет Чэнь Лай, то есть касается не только отдельной личности, его можно понимать и в более широком смысле как чувство долга по отношению к своему роду, своей деревне, своей области, Поднебесной и, в целом, даже к космосу.

С точки зрения Лян Шумина на Западе приоритет принадлежит отдельной личности, подчеркивается, что главное — это индивид. В Китае же главная ценность — это долг человека по отношению к другому человеку.

Излагая свою точку зрения, Чэнь Лай указывает, что в современном обществе право человека на существование и развитие зафиксировано в конституции и подтверждено законами. Тем не менее принято считать, продолжает он, что права человека являются самой важной ценностью, и очень часто они становятся одной из причин возникновения проблем в современном обществе. Это объясняется тем, что права отдельного человека ставятся на первое место, они «приоритетнее коллективных целей и общего блага». Придерживаясь такой позиции, трудно прийти к правильному пониманию долга, ответственности; того, в чем же, в конце концов, заключается добродетель отдельного человека, личности.

Пропаганда приоритета прав человека делает чрезмерный упор на обеспечение свободы личности. Тем самым игнорируя необходимость учета общих интересов общества, она не видит конфликта, существующего между общим благом и интересами отдельного человека. Поэтому, если говорить о здоровом, нормальном функционировании современного общества, вред от такой пропаганды намного больше, чем польза от нее.

И здесь главную роль играют семья, семейные отношения, семейные ценности, которые очень много значат для китайского социума. Согласно китайским представлениям, человек не может существовать вне коллектива, а таким основным, базовым коллективом является семья: ценности индивида не могут стоять выше ценностей коллектива, прежде всего семьи. Выражение приоритетности коллектива и общества достигалось посредством противопоставления понятий «общественное — частное»; индивид — это частное, семья — это общественное; семья — частное, государство — общественное. Отсюда пошло выражение «Поднебесная принадлежит всем» (天下为公), которое любил повторять Сунь Ятсен.

Существует сложная структура морального единства коллективов, связанных между собой: семья — государство — мир — природа; ответственность и долг по отношению к неодинаковым коллективам у индивида различны. В конфуцианском каноне

¹⁶ Я убедился в этом лично, во время своей встречи с ним в конце 1986 г. в Пекине, о чем я написал в своей книге, см.: Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: Институт философии РАН, 1998.

«Лунь юй» говорится, что все люди братья; в «Ли цзи» («Книге ритуалов») было выдвинуто положение «Поднебесная — одна семья».

В то же время центральным принципом этической доктрины либерализма на современном Западе, пишет Чэнь Лай, является приоритет прав человека. Пропагандируется идея о том, что люди имеют право действовать на основе собственных ценностей, поэтому требовать от всех граждан руководствоваться общими представлениями о добре означает нарушать свободу личности. В противоположность подобному пониманию в китайской культуре и китайских ценностях подчеркивается, что общее добро, общая социальная ответственность способствуют реализации «добродетели общего блага».

В современном обществе мы должны придерживаться принципов китайской культуры и китайских ценностей, в центре которых находятся коллектив и ответственность. Признавая свободу и права человека, мы одновременно четко заявляем, что не одобряем позицию приоритетности индивида, отдельного человека. *Третья особенность китайской традиции состоит в том, что коллектив стоит выше отдельной личности, индивида*, пишет Чэнь Лай.

Наконец, *четвертая особенность китайской культуры и китайских ценностей представлений заключается в отстаивании идеи о том, что самым драгоценным является согласие между людьми, гармония в обществе*.

В древнем Китае постоянно обсуждали проблему гармонии между природными вещами и явлениями, пишет Чэнь Лай. Интересно, что моделью для решения отношений между людьми, между человеком и обществом, человеком и природой считалась музыкальная гармония. Стремление к «согласию» окрасило способ мышления и ценностные устремления, присущие китайской цивилизации, указывает Чэнь Лай. Эти идеи повлияли на конфуцианцев. В главе «Ли цзи», посвященной музыке («Юэ цзи»), говорится: «Музыка обеспечивает согласие на земле, ритуал обеспечивает порядок на земле. Согласие позволяет всем вещам развиваться, порядок позволяет массе вещей сохранять различие».

Чэнь Лай отмечает, что в традиционной китайской философии гармония в отношениях между людьми уходит своими истоками в природную гармонию. Гармония — это принцип зарождения всех вещей и явлений. После эпохи Хань формула «единство природы и человека» (天人合一) становится ценностным идеалом китайской культуры. В ней делается упор на гармоничном единстве человека и природы, присутствует идея единства пути человека (人道), законов человеческого общества и пути природы (天道), или всеобщих законов вселенной. Подобная формула, пишет Чэнь Лай, была направлена против подчинения человеком природы, против ее преобразования, призывала к сотрудничеству между ними. В соответствии с этой идеей человек не должен наносить природе ущерб, а должен следовать за ее законами и координировать с ними свои действия.

Стремление к гармонии между человеком и природой имеет важное реальное значение для преодоления концепции неограниченной власти человека над природой, при которой не принимается во внимание баланс между окружающей средой и экономическими факторами. Ориентация на гармонию с природой способствует всестороннему устойчивому социально-экономическому развитию страны, подчеркивает Чэнь Лай. Неудивительно, что при выдвигании в Китае понятия строительства экологической цивилизации обычно ссылаются на формулу «天人合一».

В противоположность китайским ценностям, в западной культуре пропагандируется идея конфликтности, «стремление к господству одних стран над другими и их завоеванию», пишет Чэнь Лай. Именно поэтому в истории Запада были ожесточенные религиозные войны, чего в Китае никогда не было. Можно сказать, что культурные причины двух мировых войн XX в. находятся не на Востоке. Вообще говоря, в китайской культуре гармонию ставят выше конфликтов.

Статья Чэнь Лая была опубликована в центральном печатном органе КПК — газете «Жэньминь жибао» 3 марта 2015 г., в ее основе лежит текст его выступления на коллективной учебе членов Политбюро ЦК КПК¹⁷.

В этой статье обращает на себя внимание фактически полная реабилитация конфуцианства: ушли в прошлое обвинения в реакционном характере учения Конфуция, квалификация его как феодальной идеологии. Наконец возобладал объективный, научный взгляд на конфуцианство вообще, покончено с идеологизированным подходом к нему. Действительно, его положения использовались правящей элитой Китая для утверждения своего господства, но это не исключает того, что они содержали во многом рациональный, гуманистический смысл.

Известный советский востоковед, академик Н.И. Конрад еще в 1957 г. писал о том, что именно в VIII — IX вв. н.э. начинается китайский ренессанс, эпоха возрождения, появляются идеи гуманизма, которые получили развитие в XI — XII вв. в эпоху династии Сун.

В статье проф. Чэнь Лая присутствует упрощенный взгляд на западные ценностные представления, содержание западной культуры, но следует учитывать обстоятельства ее написания. В то же время положения китайских этико-политических традиций изложены в ней в основном точно.

Нынешнее китайское руководство, беря на вооружение идеи конфуцианства, руководствуется, на наш взгляд, соображениями безопасности государства. Китай — одно из самых больших по территории государство, самое многочисленное по населению, в нем проживает 1 млрд 400 млн человек. Хотя в национальном отношении Китай намного более однороден, чем, скажем, Россия, и подавляющее большинство его населения принадлежит к ханьской, т.е. собственно китайской нации, в стране существует ряд проблем, связанных с национальным фактором. Здесь следует упомянуть о ситуации в двух национальных автономных районах — Синьцзян-Уйгурском, где до недавнего времени большинство составляли уйгуры, исповедующие ислам, и Тибетском, где живет население, религией которого является буддизм. В силу исторических причин утверждение власти центрального правительства в этих районах сталкивается с определенными трудностями.

Следует также учитывать и социально-экономические факторы, появившиеся в последние сорок с лишним лет, и связаны они в значительной степени с осуществлением политики реформ и открытости: во-первых, разрыв в уровне развития города и деревни, во-вторых, значительные различия в уровне модернизации западных и восточных районов страны, в-третьих, имущественное расслоение — за последние десятилетия в стране появились сотни очень богатых людей, миллионеров. Упомянутые выше проблемы находятся в центре внимания руководства страны, но их решение требует значительного времени.

В этих условиях вопросы социальной и политической стабильности приобретают принципиальное значение. И здесь классический марксизм, т.е. учение Маркса, Энгельса, Ленина, не может помочь, ибо его острое направлено против капитализма, крупного капитала, частного капитала вообще, эксплуатации человека человеком. Неудивительно поэтому, что в Китае продвигается проект китаизированного марксизма, практическим выражением которого является социализм с китайской спецификой, и основные ценности социализма, последние, естественно, в китайском выражении.

¹⁷ Под коллективной учебой членов Политбюро ЦК имеется в виду регулярный семинар с участием членов Политбюро ЦК КПК. На этих семинарах приглашенные руководители ведомств, ученые и специалисты читают тематические лекции по наиболее актуальным вопросам экономики, политики, истории и культуры, общества, науки и техники, военного дела, внешней политики и т.д. Председательствует на этих семинарах Генеральный секретарь ЦК КПК.

Цель китайского руководства — во второй половине XXI в. (первая временная отметка – 2049 г.) построить в стране процветающее, демократическое, гармоничное, цивилизованное, прекрасное, социалистическое модернизированное государство, что позволит осуществить в стране великую мечту о великом возрождении китайской нации.

Именно поэтому, на наш взгляд, потребовалось обращение к национальному наследию, т.е. к конфуцианству. Изложенные в статье Чэнь Лая идеи о приоритете ответственности перед свободой, долга перед правами человека, интересов коллектива перед интересами отдельного человека, гармонии перед конфликтом как нельзя лучше показывают причины обращения к традиционным духовным и социальным традициям. Сегодня приветствуются идеи, которые защищал Лян Шумин и против которых выступали Чэнь-Дусю и Ли Дачжао. И в этом нет ничего удивительного. Метаморфозы во взглядах китайских коммунистов объясняются просто. Сто лет назад шла борьба против устоев полупофеодального, полукOLONиального общества, и поэтому критика конфуцианства, в силу исторических обстоятельств, связанного с ним, была вполне естественной и необходимой. Сегодня речь идет о будущем китайского социалистического проекта, и принципы конфуцианства, освобожденные от феодальной оболочки и интерпретируемые по-новому, могут быть поставлены на службу этому проекту. Учение Конфуция теперь подается как учение о социальной стабильности. Ответственность перед жителями страны, перед государством, перед властью важнее, чем свобода отдельного человека, ибо решается задача построения такого общественного строя, в котором, как утверждают в Китае, будут созданы условия для всестороннего, свободного развития всех людей, в том числе и отдельного человека. Долг важнее прав отдельного человека, ибо только в случае выполнения каждым человеком долга перед обществом могут быть обеспечены права всех его членов, в том числе его самого, утверждает китайская пропаганда. Коллектив важнее, чем отдельный человек, поскольку его мысли и решения — это мнения и решения совокупности многих отдельных людей, которые они вырабатывают сообща. Наконец, очевидно, что согласие, гармония в обществе предпочтительнее любого конфликта. События последнего времени является убедительным свидетельством того, что упомянутые выше конфуцианские принципы работают в Китае: пандемия в Китае успешно купируется не только в результате применимых строгих административных мер, но и благодаря сознательному поведению граждан, что связано с пропагандируемыми вновь традициями конфуцианства.

Уроки для России

История цивилизационного развития Китая в современную эпоху содержит ценные уроки для России. *Первый урок* заключается в том, что основа развития государства — это экономика, именно от нее зависят все прочие составляющие модернизационного развития, в частности военная мощь страны. Хотя это банальная истина, руководство Китая не сразу пришло к ее пониманию. Достаточно длительное время оно занималось экономическими и политическими прожектами — «большого скачка», «коммунизации», «культурной революции».

Теперь же экономическое развитие является приоритетным делом. Процветание страны стоит первым в списке двенадцати «основных ценностей социализма». Слово «фу цян» (процветание) состоит из двух иероглифов: 富 «фу» (богатство) и 强 «цян» (мощь, могущество). Поэтому в центре внимания китайского руководства — развитие экономики, ориентирование на повышение жизненного уровня населения страны. Дэн Сяопин любил говорить, что «бедность — это не социализм», это его высказывание и сейчас часто повторяется китайской пропагандой. Именно Дэн Сяопин выдвинул лозунг построения общества 小康 (сяокан), т.е. общества средней зажиточности. Эта задача в течение сорока лет была в центре внимания китайского руководства. Она должна была

быть выполнена к 2021 г. — году основания Компартии Китая. И она была успешно реализована к концу 2020 г., когда Си Цзиньпин торжественно объявил о ликвидации в стране бедности. Повышение жизненного уровня коснулось всех слоев населения, в том числе интеллигенции.

Следует заметить, что для китайской науки и идеологической практики слово «цивилизация» не абстрактное понятие, еще в восьмидесятые годы прошлого столетия появились понятие «материальная цивилизация» и «духовная цивилизация». Китайские ученые вместо наукообразных рассуждений часто предпочитают говорить языком, доступным среднестатистическому читателю. По их словам, «прогресс» материальной цивилизации позволяет обществу жить зажиточно, «когда нет заботы о еде и одежде, присутствует материальный достаток, люди всегда поднимают голову и надеются на идеальное общество»¹⁸.

В настоящее время Китай стал второй после США державой мира по своему экономическому потенциалу. На наш взгляд, вторая половина XXI в. будет временем утверждения Китая в качестве первой державы мира, если не произойдет ничего экстраординарного. Предполагается, что это может произойти уже в 2035 г., а возможно и раньше.

Второй урок, который предоставляет опыт цивилизационного развития Китая, связан с демократией. В декабре 2021 г. в Пекине состоялся Международный форум, посвященный обсуждению идей, выдвинутых Си Цзиньпином в 2015 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Тогда в своей речи он сказал, что мир, развитие, справедливость, равноправие, демократия и свобода являются всеобщими ценностями всего человечества. В сущности, это третий проект, предложенный китайским руководством¹⁹. В Китае различают ценности «универсальные» (普世价值) и ценности «всеобщие» (普遍价值). Универсальные ценности отвергаются на том основании, что в них вкладывается содержание идей демократии, свободы и прав человека, пропагандируемых западными идеологами. Всеобщие же ценности включают в себя те же самые по названию идеи, но отличаются от них по содержанию и разделяются всеми людьми. К примеру, в Китае под правами человека, понимаются, прежде всего, социально-экономические права, обеспечение зажиточной жизни.

Как известно, в странах Запада существуют сомнения относительно демократического характера политической системы китайского государства. В свою очередь, в китайском экспертном сообществе существуют сомнения относительно демократичности политического строя, существующего в странах Запада, отвергается система разделения властей, подвергается критике западная демократия вообще.

Выступая в декабре 2021 г. на международном форуме в Пекине, посвященном демократии, руководитель Отдела пропаганды ЦК КПК, член Политбюро Хуан Куньмин говорил, что суть демократии заключается в том, действительно ли люди являются хозяевами в своей стране. А это зависит от четырех факторов: во-первых, от того, имеют ли люди право голосовать и право на широкое участие в выборах; во-вторых, от того, какие устные обещания люди получили в ходе избирательного процесса и насколько эти обещания были выполнены после выборов; в-третьих, от того, какие политические правила и политические процедуры предусмотрены системой и законами и действительно ли система и законы выполняются; в-четвертых, от того, соблюдаются ли правила и процедуры, ибо функционирование власти демократично или нет зависит от того, действительно ли власть контролируется и ограничивается народом. В выступлении Хуан Куньмина явно

¹⁸ Чжан Вэйвэнь, Хань Чжэнь. Система китайских ценностей. М.: Весь мир, 2020. С. 256.

¹⁹ См.: Си Цзиньпин. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы // Си Цзиньпин о государственном управлении. Ч. 2. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2017. С. 745–753.

содержался намек на то, что западная демократия носит чисто формальный характер; имелось в виду невыполнение обещаний, даваемых в ходе избирательных кампаний²⁰.

В КНР, продолжал Хуан Куньмин, существует *народная демократия*, которая предусматривает широкое участие народа в управлении странами. В Китае обращают серьезное внимание на социально-экономические права граждан: в том же выступлении было подчеркнуто, что в стране решена продовольственная проблема, за 8 лет 100 миллионов бедных жителей деревень выведены из состояния нищеты.

Общую точку зрения китайского руководства на проблему демократии Хуан Куньмин выразил в следующих словах: «Не существует универсальной модели демократии. Все страны должны искать точки соприкосновения, сохраняя при этом различия, обмениваться опытом и учиться друг у друга. Демократия — это право всех людей, а не патент нескольких стран... В мире насчитывается более 200 стран и регионов, более 2 500 этнических групп и более 7 миллиардов человек. Путь к достижению демократии не может быть одним и тем же. Национальные условия разных стран различны, а демократическая политика каждой страны уникальна. Все они являются результатом долгосрочного развития, постепенного совершенствования и эндогенной эволюции на основе исторического наследия страны, культурных традиций, экономического и социального развития. Является ли страна демократической или нет, должны судить жители этой страны, а не несколько посторонних людей... Мы всегда считаем, что все страны имеют право выбирать собственную модель политической системы и могут в полной мере следовать собственным путем демократического развития. Все страны должны уважать друг друга, искать точки соприкосновения, сохраняя при этом различия, обмениваться опытом и учиться друг у друга. Каждая из них прекрасна, и мы можем совместно обогащать и развивать политическую цивилизацию человечества»²¹.

Я вспоминаю в этой связи дискуссию, проходившую в Китае в середине 1980-х гг. о том, сохранить ли при приеме пищи традиционные китайские палочки или же перейти на европейские столовые приборы. В этой дискуссии принял участие даже один из тогдашних руководителей Китая Ху Яобан. Победа осталась за китайской традицией, до сих пор подавляющее большинство китайцев при приеме пищи используют палочки.

Еще один урок, который не может не привлекать внимания, связан с внешней политикой китайского государства. КНР не только является членом ООН и многих международных организаций глобального и регионального масштаба. В последние годы Китай стал своего рода законодателем моды в плане теоретического осмысления современного мироустройства. За последние 8 лет руководство Китая выдвинуло *три проекта глобального масштаба, чего не сделала ни одна другая страна мира. Фактически мы имеем дело с предложением построения новой архитектуры человеческой цивилизации*.

Прежде всего, следует напомнить об инициативе «Один пояс, один путь». Поскольку она общеизвестна, скажем лишь несколько слов о ее цели. Во-первых, она преследует цель реализовать экспортные возможности Китая, во-вторых, получить необходимое сырье для развития своей промышленности и сельского хозяйства. Эта инициатива успешно осуществляется, причем не только в странах Африки, Азии и Латинской Америки, но и в Европе.

²⁰ 黄坤明在“民主是在全人类共同价值”国际论坛论坛上发言 [Выступление Хуан Куньмина на Международном форуме «Демократия — совместная ценность всего человечества»] // 光明日报. 06.12.2021.

²¹ 黄坤明在“民主是在全人类共同价值”国际论坛论坛上发言 [Выступление Хуан Куньмина на Международном форуме «Демократия — совместная ценность всего человечества»] // 光明日报. 06.12.2021. На XX съезде КПК Хуан Куньмин вновь был избран в состав Политбюро ЦК КПК.

Другой глобальный проект, имеющий более важное значение, — это *построение сообщества единой судьбы человечества*. Он, на наш взгляд, не получил всесторонней оценки в российском экспортном сообществе. Между тем, выдвигая его, Китай руководствуется следующим соображением. В условиях глобализации не только сократилось расстояние между различными странами в географическом смысле, они стали более взаимосвязаны в экономическом, политическом и культурном плане. Несмотря на существующие между ними противоречия, приводящие иногда к вооруженным конфликтам, необходимость сосуществовать на одном, в сущности, небольшом земном шаре, требует установления нового типа международных отношений, осознания того, что у всех стран единая судьба — жить в мире и развитии.

Это означает, что необходимо: 1) установить партнерские отношения, при которых страны будут относиться друг к другу как к равным, а также проводить взаимные консультации; 2) создать систему безопасности, в основе которой будут лежать справедливость, законность, совместный вклад и коллективная выгода; 3) стремиться к открытому, инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию; 4) наращивать всеобъемлющие межцивилизационные обмены, ведущие к интеграции и открывающие возможности для прогресса; 5) построить такую экосистему, которая превыше всего ставит мать-природу и экологически чистое развитие²².

Китайское руководство подчеркивает, что построение единой судьбы человечества приведет к тому, что в ходе межцивилизационного обмена произойдет взаимное обогащение разных цивилизаций.

Руководство Китая делает особый упор на таких ценностях, как «мир» и «развитие». «Развитие» из формулы Дэн Сяопина «Развитие — непреложная истина» стало по существу философской категорией. Слово «развитие» применяется ко всем отраслям народного хозяйства, науке, образованию, философии и т.д. Оно стало двигателем социального прогресса в стране, ибо без «развития» нет движения общества вперед, подчеркивают в Китае руководители любого ранга. Слово «развитие», как и слово «мир», магически действует на руководителей развивающихся стран. За первые два десятилетия нынешнего века члены китайского руководства, включая Председателя КНР, посетили десятки государств Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, где были заключены выгодные для Китая торгово-экономические соглашения. И есть еще один, пожалуй, главный урок, безусловно связанный с тем богатым историческим опытом, который накоплен китайской цивилизацией в течение всей ее истории. Речь идет о том, что руководители Китая всегда руководствуются сугубо национальными интересами.

После образования Китайской Народной Республики ее руководство успешно использовало опыт модернизации Советского Союза, с помощью последнего была создана основа китайской экономики. Во времена советско-китайского конфликта развитие Китая во многом проходило с опорой на экономическую, технологическую, научную, финансовую помощь стран Запада, в основном США. В этот период, осознавая небольшую государственную мощь своей страны, китайское руководство следовало принципу «скрывать свои возможности, оставаться в тени». Как говорил Дэн Сяопин, «не надо высовываться, нужно заниматься своими делами». Только в конце нулевых годов XXI в. Китай, добившись серьезных экономических достижений, стал руководствоваться принципом активной дипломатии.

В этой связи нельзя не обратить внимания на одно важное обстоятельство. Когда США оказывали экономическую помощь Китаю, они надеялись превратить его в своего

²² См.: *Си Цзиньпин. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы // Си Цзиньпин о государственном управлении*. Ч. 2. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2017. С. 745-753.

союзника, точнее говоря, младшего партнера. Однако руководство Китая сумело переиграть своих заокеанских партнеров. Оно использовало иностранную помощь в своих национальных интересах, превратив Китай в самостоятельного игрока на международной арене. Таков был результат продуманной стратегии. Но и сейчас, когда Китай стал ведущей державой мира, китайское руководство не заинтересовано в конфронтации с другими странами, например, оно из всех сил старается поддерживать нормальные отношения с Европейским Союзом, его конфликт с США обусловлен недружественной политикой американского руководства, а не позицией Китая. Ибо согласно традиционным китайским ценностям «гармония выше конфликта».

Литература

- Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: ИФ РАН, 1998.
- Буров В.Г. Современная китайская философия. М.: Наука, 1980.
- Буров В.Г. Философское наследие и идейная борьба в Китае в первой половине XX в. // *Философское наследие народов Востока и современность*. М.: Наука, 1983. С. 213-245.
- Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и китайская классическая философия. М.: Наука, 1983.
- Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М.: Наука, 1965.
- Си Цзиньпин. Совместное формирование новых партнёрских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы // *Си Цзиньпин о государственном управлении*. 2017. Ч. 2. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2017. С. 745–753.
- Чжан Вэйвэнь, Хань Чжэнь. Система китайских ценностей. М.: Весь мир, 2020.
- 蔡尚思. 中国传统思想总批判 [Цай Шансы. Всеобщая критика китайской традиционной идеологии]. 上海: 棠棣, 1950年.
- 陈来. 充分认识中华独特价值观——从中西比较看 [Чэнь Лай. Всесторонне познавать самобытные ценности Китая — под углом зрения сравнения Китая и Запада] // *人民日报*. 04.03.2015.
- 郭湛波. 近五十年中国思想史 [Го Чжаньбо. История китайской идеологии за последние пятьдесят лет]. 北平: 人文书店, 1936年.
- 胡适文存 [Ху Ши. Собрание сочинений]. 第一集. 台北: 远东图书, 1983年.
- 胡适. 论学近著 [Ху Ши. Научные статьи, написанные за последнее время]. 上海: 商务印书馆, 1936年.
- 黄坤明在“民主是在全人类共同价值”国际论坛论坛上发言 [Выступление Хуан Куньмина на Международном форуме «Демократия — совместная ценность всего человечества»] // *光明日报*. 06.12.2021.
- 中国近代思想史参考资料简编 [Хрестоматия справочных материалов по истории китайской идеологии в новое время]. 北京: 三联书店, 1957年.
- 资产阶级学术思想批判参考资料. 第二集 [Критика буржуазной идеологии. Справочные материалы 2-й выпуск]. 北京: 商务印书馆, 1958年.

Historical Experience of the Development of Chinese Civilization

Vladilen G Burov

Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (address: 12, Gonchamnaya Ulitsa, Moscow, 109240, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1412-7032. E-mail: burovvg2@yandex.ru

Received 29.01.2023.

Abstract:

Chinese civilization is one of the oldest. For many centuries, it developed exclusively on its own basis. In the twentieth century, acquaintance with Western civilization led to debates about traditional Chinese values, in which various points of view were expressed, ranging from complete denial to total praise. In recent decades, there has been a gradual realization that the teachings of Confucius and his followers represent a great spiritual wealth. There is a re-evaluation of the teachings of Chinese thinkers of the past. The historical experience of China's civilizational development contains valuable lessons for Russia.

Key words:

Discussions about traditional values, the views of representatives of the conservative, liberal and Marxist camps, the modern understanding of traditional values, the historical role of Confucianism, valuable lessons for Russia.

For citation:

Burov V.G. Historical Experience of the Development of Chinese Civilization // Far Eastern Studies. 2023. No. 4. Pp. 113–130. DOI: 10.31857/S013128120027128-1.

References

- Burov V.G. Filosofskoe nasledie i idejnaya bor'ba v Kitae v pervoj polovine XX v. [Philosophical heritage and ideological struggle in China in the first half of the 20th century]. *Filosofskoe nasledie narodov Vostoka i sovremennost'*. M.: Nauka, 1983. S. 213–245. (In Russ.)
- Burov V.G. Kitaj i kitajcy glazami rossijskogo uchyonogo [China and the Chinese through the Eyes of a Russian Scholar]. M: IF RAN, 1998. (In Russ.)
- Burov V.G. Sovremennaya kitajskaya filosofiya [Modern Chinese Philosophy]. M.: Nauka, 1980. (In Russ.)
- Kobzev A.I. Uchenie Wang Yangmina i kitajskaya klassicheskaya filosofiya [Wang Yangming's Teachings and Chinese Classical Philosophy]. M.: Nauka, 1983. (In Russ.)
- Li Dazhao. Izbrannye stat'i i rechi [Selected Articles and Speeches]. M.: Nauka. 1965. (In Russ.)
- Xi Jinping. Sovmestnoe formirovanie novyh partnyorskih otnoshenij sotrudnichestva i vzaimnogo vyigrysha, sozdanie soobshchestva edinoj sud'by [Working Together to Forge a New Partnership of Win-win Cooperation and Create a Community of Shared Future for Mankind]. *Xi Jinping o gosudarstvennom upravlenii*. Ch. 2. Beijing: Waiwen chubanshe, 2017. S. 745–753. (In Russ.)
- Zhang Weiwen, Han Zhen. Sistema kitajskih cennostej [The System of Chinese Values]. M.: Ves' mir, 2020. (In Russ.)
- 蔡尚思. 中国传统思想总批判 [Cai Shangsi. General Criticism of Traditional Chinese Thought]. 上海: 棠棣, 1950年. (In Chin.)
- 陈来. 充分认识中华独特价值观——从中西比较看 [Chen Lai. Comprehensively Learn about the Original Values of China — from the Point of View of Comparing China and the West]. 人民日报. 04.03.2015. (In Chin.)
- 郭湛波. 近五十年中国思想史 [Guo Zhanbo. The History of Chinese Ideology over the Past Fifty Years]. 北平: 人文书店, 1936年. (In Chin.)
- 胡适文存 [Hu Shi. Collected Works]. 第一集. 台北: 远东图书, 1983年. (In Chin.)
- 胡适. 论学近著 [Hu Shi. Recent Scholarly Writings]. 上海: 商务印书馆, 1936年. (In Chin.)
- 黄坤明在“民主是在全人类共同价值”国际论坛论坛上发言 [Huang Kunming's speech at the International Forum “Democracy — the Common Value of All Mankind”]. 光明日报. 06.12.2021. (In Chin.)
- 中国近代思想史参考资料简编 [Anthology of Reference Materials on the History of Chinese Ideology in Modern Times]. 北京: 三联书店, 1957年. (In Chin.)
- 资产阶级学术思想批判参考资料. 第二集 [Criticism of Bourgeois Ideology. Reference Materials. Pt 2]. 北京: 商务印书馆, 1958年. (In Chin.)

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК / RUSSIAN FAR EAST

Исследование качества экономического роста в регионах Востока России и Северо-Востока Китая

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027151-7

Забелина Ирина Александровна

Кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (адрес: 672014, Чита, Недорезова, 16а). ORCID: 0000-0003-4464-2593. E-mail: i_zabelina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.07.2023.

Аннотация:

В статье представлены результаты оценки качества экономического роста в регионах Востока России и Северо-Востока Китая, выполненной с использованием методики применения экологических индикаторов для определения качества роста региональной экономики (показатели эко-интенсивности и концепция «цвета» экономического роста). Показано, что за период с 2011 по 2021 г. в обеих странах снизился уровень некоторых видов негативного воздействия на окружающую среду. Сравнительный анализ показателей эко-интенсивности свидетельствует о том, что в 2021 г. Россия превосходила Китай по объему выбросов диоксида серы и окислов азота, приходящемуся на единицу созданного экономического результата. По этим загрязняющим веществам в Китае и его регионах отмечались позитивные тенденции: за рассматриваемый период эко-интенсивность существенно снизилась. Исследование трендов эколого-экономического развития с использованием концепции «цвета» экономического роста показало, что вся траектория развития Китая и его регионов по выбросам диоксида серы и окислов азота находилась в наиболее благополучной зоне — зоне «зеленого» роста. При этом многие дальневосточные территории России демонстрировали негативную динамику: в отдельные годы был выявлен «черный» рост и/или спад. Расчеты показали, что практически во всех регионах Востока РФ за рассматриваемый период эко-интенсивность образования отходов производства и потребления увеличилась, а траектории развития по данному виду негативного воздействия на окружающую среду находились преимущественно в зонах «черного» роста и/или спада. Полученные в настоящем исследовании результаты позволяют проанализировать эколого-экономические тенденции развития региональных и национальных экономик и могут использоваться в процессе разработки стратегических документов, в т.ч. в контексте расширения масштабов трансграничного сотрудничества.

Ключевые слова:

Экологическая безопасность, качество экономического роста, эко-интенсивность, концепция «цвета» экономического роста, Дальний Восток РФ, Северо-Восток КНР, трансграничное взаимодействие.

Источники финансирования:

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН по теме «Механизмы обеспечения экономической устойчивости и экологической безопасности в новой модели развития регионов Востока РФ в условиях трансграничных отношений и глобальных вызовов 21 в.» (№ госрегистрации 121032200126–6).

Для цитирования:

Забелина И.А. Исследование качества экономического роста в регионах Востока России и Северо-Востока Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 131–150.
DOI: 10.31857/S013128120027151-7.

В настоящее время вопросам опережающего развития дальневосточного макро-региона РФ уделяется особое внимание. Наличие такого соседа как Китай, экономика которого развивается быстрыми темпами, может стать импульсом для развития приграничных регионов Дальнего Востока¹. В последние годы Россией и Китаем были подписаны государственные документы, охватывающие различные сферы их взаимоотношений. Реализация запланированных в программах² совместных инвестиционных проектов должна способствовать повышению уровня и качества жизни населения приграничных территорий. Тем не менее многие исследователи отмечают смещение акцента в сторону сырьевого развития восточных регионов России³, за которыми «все жестче закрепляется ресурсно-транзитная специализация»⁴. Такой тип развития не всегда приводит к повышению благосостояния, а в некоторых случаях наоборот снижает его за счет возникновения таких последствий экстенсивного экономического роста, как деградация окружающей природной среды и истощение природного капитала. В той связи особого внимания требует оценка качества экономического роста с учетом экологических последствий в регионах трансграничного взаимодействия.

В статье предпринята попытка проведения такой оценки с использованием показателя эко-интенсивности и концепции «цвета» экономического роста. Будут рассмотрены регионы, упомянутые в программе российско-китайского сотрудничества⁵: в РФ — Республика Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Иркутская, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область (Еврейская АО), Чукотский автономный округ (Чукотский АО); в Китае — провинции Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин и автономный район Внутренняя Монголия. Исследование динамики развития этих территорий с учетом экологической со-

¹ Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Том 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3; Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176. DOI: 10.14530/se.2014.2.149–176; Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под ред. И.П. Глазыриной, Л.М. Фалейчик. Чита: ЗабГУ, 2014. 527 с.

² Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы // *Министерство коммерции КНР*. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (дата обращения: 11.07.2023); Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики // *Торгпредство РФ в КНР*. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

³ Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Том 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3; Забелина И.А., Фалейчик Л.М. Структурные изменения в экономике восточных регионов РФ в контексте реализации новой модели развития Дальнего Востока // *ЭКО*. 2021. № 11(569). С. 93–118. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–11–93–118; Минакир П.А. Исследования проблем международных экономических взаимодействий: глобальные, национальные, региональные аспекты. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2022. 720 с.

⁴ Ломакина Н.В. Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // *ЭКО*. 2014. № 6(480). С. 25–39.

⁵ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики // *Торгпредство РФ в КНР*. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

ставляющей представляет особый интерес в условиях укрепления связей между странами и планируемым расширением масштабов приграничного сотрудничества.

Подходы к оценке качества экономического роста

Одним из ключевых показателей, используемых для оценки качества экономического роста, является эко-интенсивность⁶. Данный индикатор определяет степень негативного воздействия на окружающую среду в расчете на единицу экономического результата и может быть рассчитан по формуле:

$$E_i^j = \frac{P_j}{Y_i}, (1)$$

где E_i^j — эко-интенсивность определенного вида негативного воздействия в i -м регионе,

P_j — соответствующая экологическая нагрузка в i -м регионе,

Y_i — экономический результат, созданный в i -м регионе.

Эко-интенсивность (E) может быть рассчитана для различных видов антропогенного воздействия на окружающую среду (P): выбросов, загрязняющих атмосферу веществ (в т.ч. для наиболее распространенных токсических соединений), сбросов сточных вод и образования промышленных отходов. Показателями, характеризующими результат экономической деятельности в стране и/или регионе (Y), могут выступать объем созданной добавленной стоимости, отчисления в бюджетную систему, фонд заработной платы и др.

Показатели эко-интенсивности «позволяют сопоставить результаты хозяйственной деятельности с той ценой, которую общество платит за эти результаты»⁷. Они широко применяются для оценки качества экономического роста на национальном⁸, региональном⁹ и отраслевом¹⁰ уровнях.

⁶ Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / под ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. М.: НИА-Природа, 2005. 306 с.

⁷ Глазырина И.П., Фаттахов Р.В., Делюга А.В., Строев П.В., Григоров А.А. Байкальский регион: «экологическая цена» экономического роста // *Регион: Экономика и Социология*. 2018. № 1(97). С. 231–249. DOI: 10.15372/REG20180111

⁸ Wang H., Ang B.W., Su B. A Multi-region Structural Decomposition Analysis of Global CO₂ Emission Intensity // *Ecological Economics*. 2017. V. 142. Pp. 163–176. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2017.06.023; Fan Y., Liu L.-C., Wu G., Tsai H.-T., Wei Y.-M. Changes in Carbon Intensity in China: Empirical findings from 1980–2003 // *Ecological Economics*. 2007. V. 62. Pp. 683–691. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2006.08.016

⁹ Дьяков М.Ю. Эко-интенсивность экономики Камчатского края как индикатор перехода к эколого-экономической сбалансированности // *ЭКО*. 2015. № 12(498). С. 154–164; Глазырина И.П., Фаттахов Р.В., Делюга А.В., Строев П.В., Григоров А.А. Байкальский регион: «экологическая цена» экономического роста // *Регион: Экономика и Социология*. 2018. № 1(97). С. 231–249. DOI: 10.15372/REG20180111; Завелина И.А. Социально-экологическое неравенство в регионах России: подходы и методы. Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2021. 320 с.; Панов А.А. Макроэкономическая оценка экологического качества экономического роста на уровне региона // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4(22). С. 568–578. DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-4-568-578; Садыкова Э.Ц. Анализ уровня воздействия хозяйственной деятельности на экологическое состояние Республики Бурятия // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. № S4. С. 204–208.

В данной работе будут рассмотрены следующие виды экологической нагрузки: выбросы диоксида серы, окислов азота и углекислого газа¹¹, сбросы сточных вод и образование отходов. Характеристикой уровня экономического развития выступает валовой внутренний продукт (ВВП), основанный на паритете покупательной способности (в ценах 2017 г.), и валовой региональный продукт (ВРП), приведенный к сопоставимым ценам 2017 г. Таким образом будут рассчитаны следующие показатели качества экономического роста: эко-интенсивность выбросов диоксида серы (E_{SO_2}), окислов азота (E_{NOx}), углекислого газа (E_{CO_2}), сброса сточных вод (E_{ww}) и образования отходов (E_{WG}).

Индикатор «эко-интенсивность» лег в основу некоторых подходов, используемых для оценки и анализа тенденций эколого-экономического развития. Например, он является ключевым показателем в концепции «цвета» экономического роста, предложенной канадским экономистом-экологом Питером Виктором (Peter A. Victor)¹². Данная концепция используется в зарубежной и отечественной литературе для оценки траекторий развития национальных и региональных экономик¹³.

Модель Питера Виктора, представленная на рис. 1, позволяет охарактеризовать динамику эколого-экономического развития как «зеленый», «коричневый» или «черный» рост (или спад) по отношению к возникающим в процессе хозяйственной деятельности последствиям. На горизонтальной оси отложена эко-интенсивность, а по вертикальной оси — экономический результат¹⁴. Точкой I_0 на представленном графике обозначено соотношение удельного показателя экологической нагрузки и экономического результата в начальный момент времени (далее базовый год). Кривая Г — это геометрическое место точек, характеризующих постоянное негативное воздействие на окружающую среду (такое же, как в базовом году). Точки, расположенные ниже кривой Г, определяют такие соотношения между эко-интенсивностью и экономическим результатом, при которых общее негативное воздействие на окружающую среду меньше, чем в точке I_0 ; выше кривой Г — негативное воздействие, соответственно, больше.

Кривая Г, вертикальная и горизонтальная линии делят плоскость на шесть эколого-экономических зон, характеристика которых представлена в таблице 1.

Используя данный подход, проанализируем тенденции развития национальных и региональных экономик по упомянутым выше видам негативного воздействия на окру-

¹⁰ Забелина И.А. Делюга А.В. Геоэкологические индикаторы устойчивого развития: пространственный анализ // *Устойчивое развитие горных территорий*. 2019. Т. 11. № 1(39). С. 15–25. DOI: 10.21177/1998–4502–2019–11–1–15–25; Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / под ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. М.: НИА-Природа, 2005. 306 с.

¹¹ Данные по выбросам углекислого газа доступны только для национальных экономик. Оценка эко-интенсивности и траекторий развития по данному загрязняющему веществу для региональных экономик не выполнялась.

¹² Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey // *Ecological Economics*. 2015. V. 109. Pp. 93–100. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.11.009

¹³ Глазырина И.П., Забелина И.А. Перспективы «зеленого» роста на востоке России и Новый Шелковый путь // *ЭКО*. 2016. № 7(505). С. 5–20; Тихонова Т.В. Экологическая оценка экономического роста северного региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11, № 3. С. 162–178. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.11; Третьякова Е.А. Экологическая интенсивность экономического развития регионов Северо-Запада // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11. № 1. С. 14–28. DOI: 10.5922/2079–8555–2019–1–2; Shang Y., Si Y., Zeng G. Black or green? Economic growth patterns in China under Low Carbon Economy Targets // *Journal of Resources and Ecology*. 2015. Vol. 6. No. 5. Pp. 310–317. DOI: 10.5814/j.issn.1674–764x.2015.05.004; Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey // *Ecological Economics*. 2015. V. 109. Pp. 93–100. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.11.009

¹⁴ В нашем случае в качестве показателя, характеризующего экономический результат, используется ВВП или ВРП в сопоставимых ценах 2017 г.

жающую среду. В качестве базового периода в модели «цвета» экономического роста выбран 2011 г.

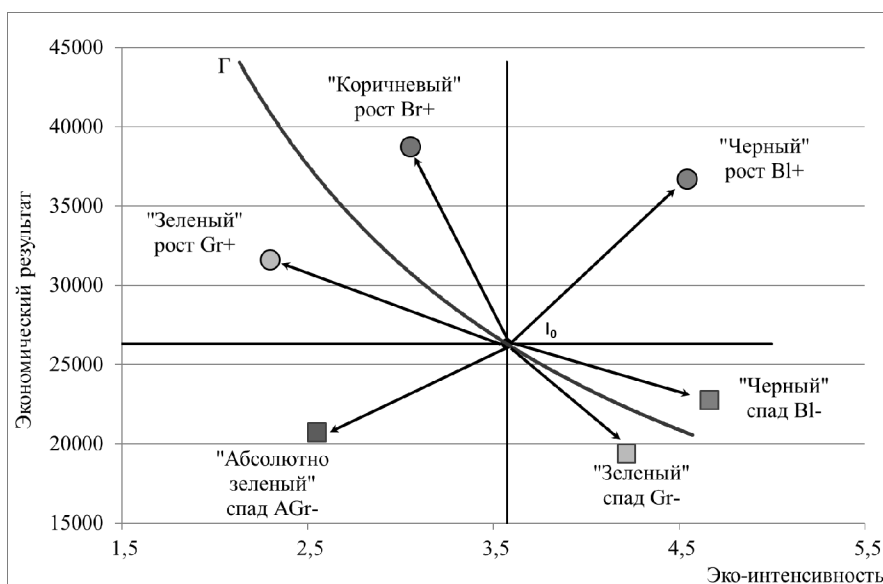

Рис. 1. Концепция оценки «цвета» экономического роста

Figure 1. The Colors of Growth Framework

Источники: построено автором на основе: Глазырина И.П., Забелина И.А. Перспективы «зеленого» роста на востоке России и Новый Шелковый путь [Prospects for Green Growth in Eastern Russia and the New Silk Road] // ЭКО. 2016. № 7(505). С. 5–20; Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey // Ecological Economics. 2015. V. 109. Pp. 93–100. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.11.009

Таблица 1 / Table 1

Характеристика эколого-экономических зон в концепции оценки «цвета»
экономического роста

Characteristic of Ecological and Economic Zones in the Colors of Growth Framework

Наименование эколого-экономической зоны ¹⁵	Изменение по отношению к базовому году		
	экономический результат	общая экологическая нагрузка	удельная экологическая нагрузка (эко-интенсивность)
«Зеленого» роста (Gr+)	Растет	Снижается	Снижается
«Коричневого» роста (Br+)	Растет	Растет	Снижается
«Черного» роста (Bl+)	Растет	Растет	Растет
«Черного» спада (Bl-)	Снижается	Растет	Растет
«Зеленого» спада (Gr-)	Снижается	Снижается	Растет
«Абсолютно зеленого» спада (Agr-)	Снижается	Снижается	Снижается

Источник: составлено автором.

¹⁵ Символами «+» и «-» отмечены зоны, в которых макроэкономические показатели соответственно выше и ниже, чем в базовом году.

В исследовании использованы официальные данные Всемирного Банка¹⁶, статистических служб России¹⁷ и Китая¹⁸, характеризующие уровень экономического развития и негативного воздействия на окружающую среду: ВВП, ВРП, индекс физического объема ВРП, объемы выбросов диоксида серы, окислов азота и углекислого газа, сбросов сточных вод и образования отходов. Данные по негативному воздействию на окружающую среду, публикуемые Национальным бюро статистики Китая, имеют некоторые отличия от предоставляемых Федеральной службой государственной статистики (Росстат), но тем не менее они позволяют получить представление об изучаемых процессах. Наличие и полнота исходных данных позволили нам проанализировать тенденции эколого-экономического развития стран и выбранных регионов за период с 2011 по 2021 г.¹⁹

Оценка эко-интенсивности: сравнительный анализ для регионов Востока РФ и Северо-Востока КНР

Анализ тенденций эколого-экономического развития анализируемых стран показал, что в 2011 г. Китай в значительной степени превосходил Россию по уровню негативного воздействия на атмосферу: по объему выбросов диоксида серы — в 5,1 раза, а окислов азота — в 12,8 раза. Однако в последние годы ситуация кардинально изменилась. Сегодня Китай уделяет особое внимание вопросам охраны окружающей среды, активно продвигая проект создания экологической цивилизации²⁰. В стране существенно выросли объемы финансирования работ по ликвидации и предотвращению загрязнения атмосферы, водных объектов и почв²¹. На прошедшей в июле 2023 г. в Пекине Всекитайской конференции по защите экологии и окружающей среды председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что социально-экономическое развитие страны уже вступило в фазу высококачественного развития, характеризующуюся ускоренным внедрением «зеленой» и низкоуглеродной модели²².

Результаты сравнительного анализа показателей экологической нагрузки свидетельствуют о том, что в 2021 г. разрыв между странами по эмиссиям окислов азота существенно сократился (до 5 раз), а по выбросам диоксида серы уже Россия превзошла Китай в 1,2 раза. За период с 2011 по 2021 г. в КНР отмечалась позитивная динамика по рассматриваемым загрязняющим веществам: объем эмиссий диоксида серы снизился на 87 %, а окислов азота — на 60 % (рис. 2а), что обусловлено действием строгого законода-

¹⁶ Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 26.06.2023).

¹⁷ Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 22.06.2023).

¹⁸ National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/> (дата обращения: 22.06.2023).

¹⁹ Национального бюро статистики Китая не публикует данные по выбросам диоксида серы, окислов азота, образованию промышленных отходов за 2018 и 2019 гг.; по общему сбросу сточных вод — за 2018–2020 гг. По выбросам углекислого газа Всемирный Банк предоставляет информацию за 2011–2019 гг.

²⁰ Глазырина И.П., Симонов Е.А. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // ЭКО. 2015. № 7(493). С. 52–72.

²¹ Кранина Е.И. Стратегия «зеленого» развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 138–151. DOI: 10.31857/S013128120009857–3

²² Си Цзиньпин призвал к модернизации с гармоничным сосуществованием человека и природы // Eco Portal. URL: https://ecoportal.su/news/view/121175.html?utm_source=subscribe (дата обращения: 27.07.2023).

тельного регулирования количества выбросов, а также введением системы штрафов для предприятий, чьи выбросы не соответствуют установленным нормам²³.

В России также отмечались позитивные тенденции по некоторым видам негативного воздействия на окружающую среду: объемы выбросов диоксида серы и сброса загрязненных сточных вод уменьшились на 26 % и 27 % соответственно (рис. 26). Однако негативная динамика выявлена по выбросам окислов азота (их объем увеличился на 4 % по отношению к 2011 г.) и образованию отходов производства и потребления (за рассматриваемый период их количество увеличилось почти вдвое).

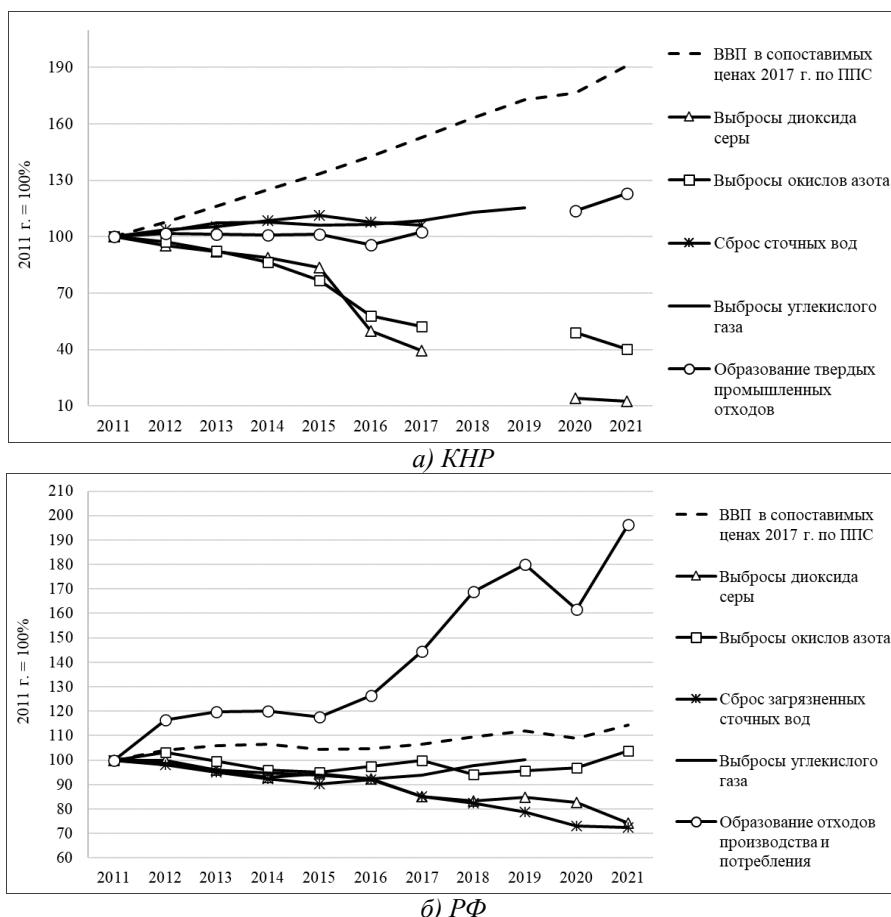

Рис. 2. Динамика индексов показателей экономического развития и экологической нагрузки в 2011–2021 гг. (2011 г.=100 %)

Figure 2. Dynamics Indices of Economic Development Indicators and Environmental Pressure in 2011–2021 (2011=100 %)

Источник: рассчитано и построено автором с использованием данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Кумая [National Bureau of Statistics of China] и Всемирного Банка [The World Bank].

²³ За 10 лет Китай сократил выбросы SO₂ на 75 %, а Индия увеличила на 50 % // *Econet*.

URL: <https://econet.ru/articles/175883-za-10-let-kitay-sokratil-vybrosy-so2-na-75-a-indiya-uvelichila-na-50> (дата обращения: 26.06.2023).

Результаты расчетов эко-интенсивности показали, что в 2021 г. в России и большинстве ее восточных регионов на каждую единицу созданного экономического результата в атмосферу было выброшено большее количество диоксида серы, чем на территориях сопредельного государства (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Эко-интенсивность выбросов окислов азота и диоксида серы и ее изменение в регионах трансграничного взаимодействия, РФ и КНР (кг/тыс. долл., %)
Eco-Intensity of Nitrogen Oxides and Sulfur Dioxide Emissions and Its Change in the Regions of Cross-Border Interaction, the Russian Federation and China (kg/thousand dollars, %)

Регион/страна	Эко-интенсивность выбросов в атмосферу					
	диоксида серы (E_{SO_2})			окислов азота (E_{NO_x})		
	2011	2021	Изменение к уровню 2011 г.	2011	2021	Изменение к уровню 2011 г.
КНР	1,70	0,11	-93,51	1,85	0,39	-78,81
Внутренняя Монголия	5,76	0,50	-91,40	5,81	0,95	-83,57
Ляонин	2,65	0,25	-90,73	2,50	1,21	-51,52
Цилинь	1,79	0,15	-91,70	2,62	0,48	-81,52
Хэйлунцзян	2,06	0,25	-87,98	3,09	0,62	-79,80
РФ	1,22	0,79	-34,98	0,53	0,48	-9,22
Амурская обл.	1,49	1,43	-3,75	0,76	1,31	72,81
Еврейская АО	1,00	1,14	13,57	0,81	0,63	-21,88
Забайкальский край	2,87	2,13	-25,58	1,20	1,39	16,32
Иркутская обл.	4,77	3,35	-29,90	2,55	1,32	-48,36
Камчатский край	0,97	0,80	-17,78	0,43	0,69	60,62
Магаданская обл.	0,83	0,63	-24,09	0,51	0,88	71,27
Приморский край	1,86	1,16	-37,75	0,61	0,44	-27,56
Республика Бурятия	2,41	3,41	41,75	1,30	1,30	0,22
Республика Саха (Якутия)	0,36	0,44	22,09	0,76	1,19	56,36
Сахалинская обл.	0,38	0,15	-61,74	0,45	0,37	-17,95
Хабаровский край	0,81	0,65	-20,07	0,74	0,84	12,82
Чукотский АО	1,40	0,74	-47,00	0,92	0,71	-22,54

Источники табл. 2–5: расчеты автора с использованием данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Китая [National Bureau of Statistics of China] и Всемирного Банка [The World Bank].

Наиболее высокие показатели эко-интенсивности выбросов диоксида серы имеют субъекты Байкальского региона (в 2021 г. их значения превысили общероссийский уровень в 2,7–4,3 раза). Анализ эко-интенсивности выбросов окислов азота показал, что в России значение анализируемого показателя несколько выше, чем в Китае — 0,48 против 0,39 кг/тыс. долл. ВВП. В некоторых российских регионах хозяйственные системы производят повышенные удельные выбросы окислов азота (Республики Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский край, Иркутская и Амурская области). К тому же в большинстве из них за рассматриваемый период показатели качества экономического роста ухудшились. Наиболее существенно за рассматриваемый период эко-интенсивность выросла в Амурской и Магаданской областях, Камчатском крае и Республике Саха (Якутия).

Динамика рассматриваемых показателей эко-интенсивности загрязнения атмосферы в Китае и его регионах лучше, чем в России. Так, в целом по стране удельные загрязнения диоксидом серы и окислами азота сократились на 94 % и 79 % соответствен-

но. В китайских провинциях снижение эко-интенсивности также было весьма существенно, что свидетельствует о позитивных изменениях в эколого-экономическом развитии региональных хозяйственных систем.

В 2017 г. в провинциях Хэйлуцзян и Ляонин эко-интенсивность сброса сточных вод оказалась несколько выше общенационального показателя — 3,52 т/тыс. долл. ВВП (рис. 3). Половина дальневосточных регионов РФ характеризовалась более высокими (относительно общероссийского уровня) удельными показателями сброса загрязненных сточных вод. В 2021 г. в Еврейской АО, Приморском, Хабаровском и Забайкальском краях, а также Иркутской и Амурской областях объем сбросов в расчете на единицу ВРП превышал общероссийское значение в 1,5–2,7 раза. В последние годы хозяйственные системы обеих стран (как и большинства анализируемых регионов) стали производить меньшее количество сточных вод в расчете на единицу созданного экономического результата. В китайских регионах снижение удельных показателей за период с 2011 по 2017 г. было существенным: в автономном районе Внутренняя Монголия — 34 %, провинции Ляонин — 22 %, провинциях Цзилинь и Хэйлуцзян — 32 % и 39 % соответственно. Позитивная динамика обусловлена существенным ростом созданного объема добавленной стоимости, а не снижением экологической нагрузки. Так, с 2011 по 2017 г. ВВП Китая в сопоставимых ценах увеличился на 53 %, а ВРП китайских регионов — на 32–58 %. При этом сокращение объема сточных вод наблюдалось лишь в провинции Хэйлуцзян (на 8 %).

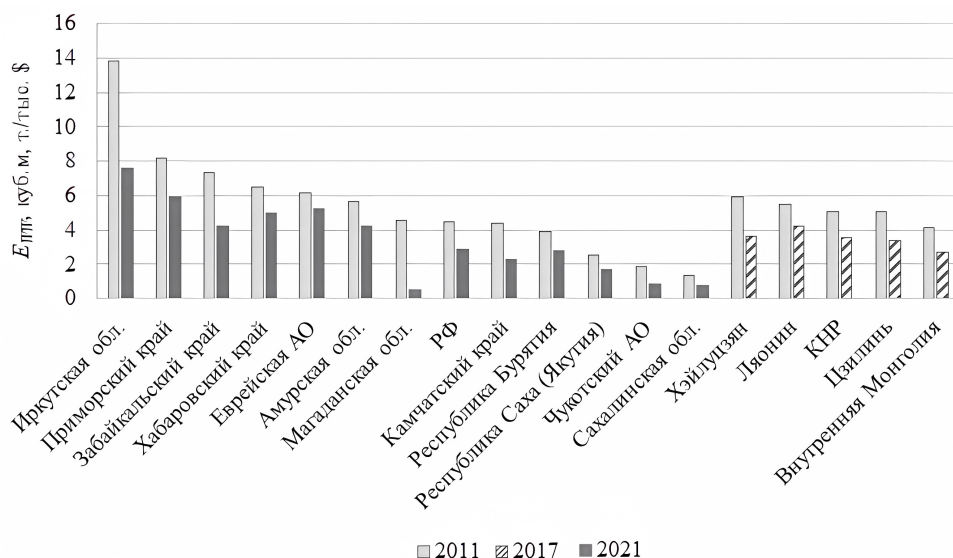

Рис. 3. Эко-интенсивность сброса сточных вод в регионах Востока РФ и Северо-Востока КНР²⁴

Figure 3. Eco-Intensity of Wastewater Discharge in the Eastern Regions of the Russian Federation and the Northeastern Regions of China

Источники: расчеты автора с использованием данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Китая [National Bureau of Statistics of China] и Всемирного Банка [The World Bank].

²⁴ Для РФ и ее регионов в расчетах использованы данные по сбросу загрязненных сточных вод, а для КНР и ее регионов — по общему сбросу сточных вод. Национальное статистическое бюро Китая предоставляет данные по сбросам сточных вод только до 2017 г.

С 2011 по 2021 г. российские территории характеризовались в основном позитивной динамикой по данному виду негативного воздействия. Наиболее заметное снижение количества неочищенных стоков в расчете на единицу ВРП наблюдалось в Магаданской области (на 88 %), Чукотском АО (55 %), Иркутской области (45 %), что обусловлено как сокращением объемов сбросов сточных вод, так и увеличением объема добавленной стоимости за рассматриваемый период.

Расширение производства неизбежно ведет к увеличению объемов образования отходов. В России растет как ежегодный объем образования отходов производства и потребления, так и объем накопленных отходов, которые нарушают естественные биогеохимические процессы, загрязняют вредными веществами окружающую природную среду²⁵.

В 2021 г. большинство восточных регионов РФ характеризовались высокой экоинтенсивностью образования отходов производства и потребления (рис. 4). Лидером по количеству отходов, образованных в расчете на единицу экономического результата, стал Забайкальский край, превзойдя общероссийский показатель в 12 раз. В последние годы количество отходов (преимущественно 5 класса опасности) в данном регионе существенно увеличилось, что связано с ростом объемов добычи полезных ископаемых²⁶.

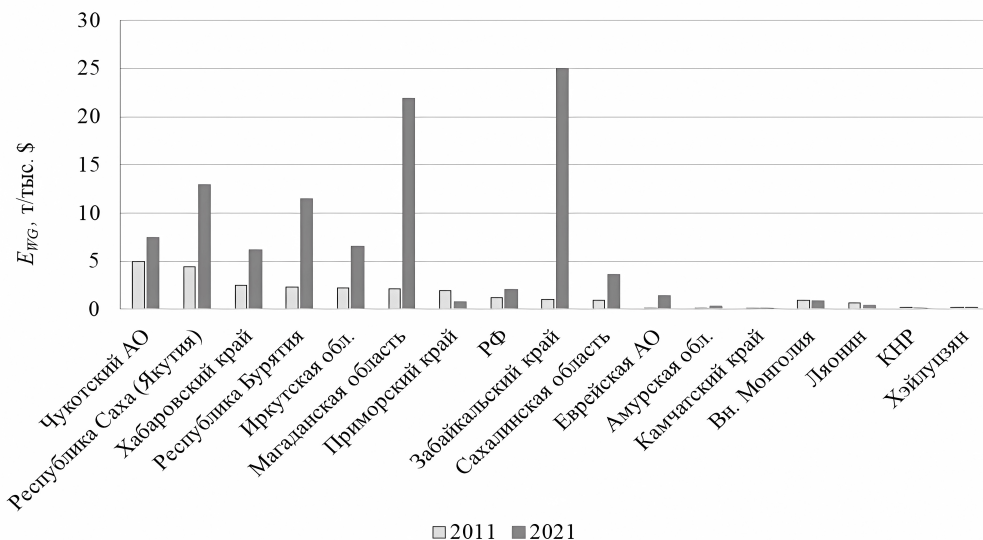

Рис. 4. Эко-интенсивность образования отходов в регионах Востока РФ и Северо-Востока КНР²⁷

Figure 4. Eco-Intensity of Waste Generation in the Eastern Regions of the Russian Federation and the Northeastern Regions of China

Источник: расчеты автора с использованием данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Китая [National Bureau of Statistics of China] и Всемирного Банка [The World Bank].

²⁵ Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М., Казанцева Л.К. Проблема накопления отходов в отраслях добывающей промышленности РФ // ЭКО. 2019. № 9(543). С. 117–131. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2019–9–117–131

²⁶ За рассматриваемый период в Забайкальском крае вклад вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в ВРП увеличился на 22,1 процентных пункта (с 8 % в 2011 г. до 30,1 % в 2021 г.).

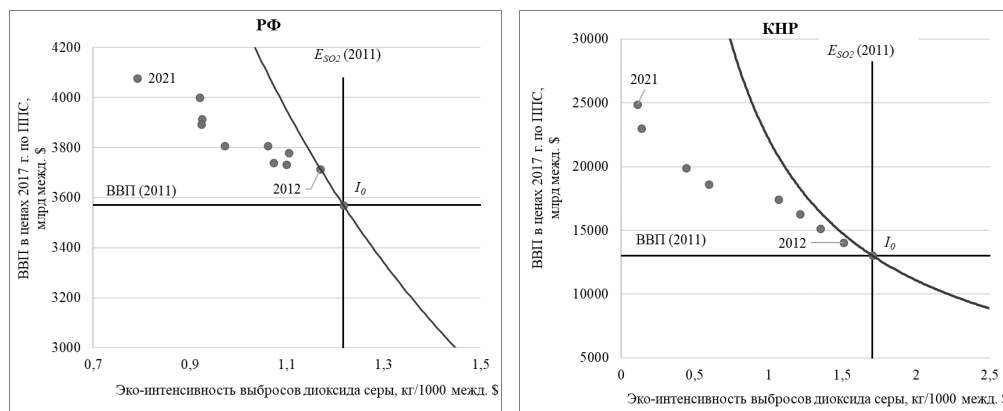
²⁷ При рассмотрении индикаторов эко-интенсивности данного вида негативного воздействия следует отметить, что в Китае учитываются только отходы производства, в то время как в РФ — отходы производства и потребления.

В Магаданской области, Республике Бурятия, Чукотском АО и Хабаровском крае анализируемые показатели эко-интенсивности также высоки. В период расширения масштабов трансграничного сотрудничества с КНР наблюдается тревожная тенденция — во всех регионах, за исключением Приморского края, отмечается ухудшение качества экономического роста. Более всего удельная экологическая нагрузка увеличилась в Забайкальском крае (в 24 раза по отношению к 2011 г.) и Еврейской АО (в 20 раз).

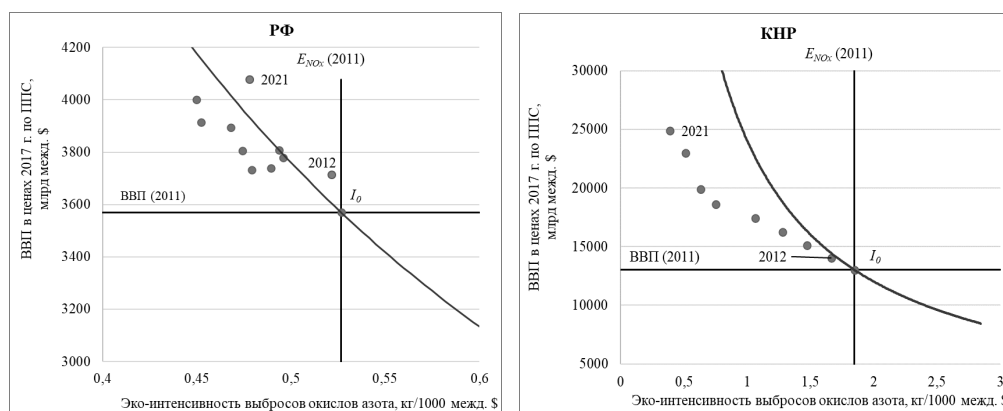
В Китае и его рассматриваемых регионах отмечаются более позитивные тенденции. Относительно невысокая эко-интенсивность образования промышленных отходов (менее 1 т/тыс. долл.) снизилась за рассматриваемый период: общенациональный показатель — на 36 %, региональные — на 6–49 % по отношению к 2011 г.

Исследование тенденций эколого-экономического развития в контексте концепции «зеленого» роста

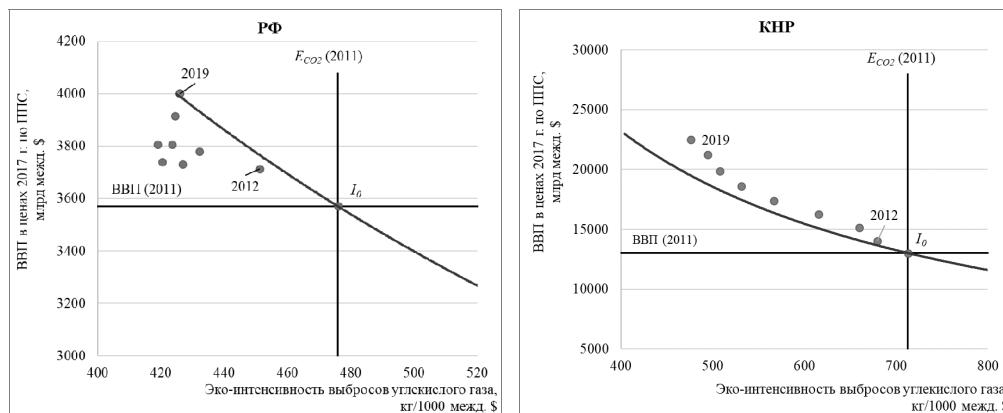
Результаты расчетов с использованием модели «цвета» экономического роста показали, что по выбросам диоксида серы развитие обеих стран соответствовало вектору «зеленого» роста (рис. 5 а). Аналогичные позитивные тенденции наблюдались в Китае по эмиссиям окислов азота. По этому загрязняющему веществу и выбросам углекислого газа наряду с «зеленым» в РФ был выявлен «коричневый» рост (рис. 5 б, в). Для КНР вся траектория по эмиссиям углекислого газа находится в «коричневой» зоне.

а) Эко-интенсивность выбросов диоксида серы (E_{SO_2})

б) Эко-интенсивность выбросов окислов азота (E_{NO_x})

в) Эко-интенсивность выбросов углекислого газа (E_{CO_2})

Рис. 5. «Цвет» экономического роста в РФ и КНР: выбросы загрязняющих веществ
Figure 5. The "Color" of Economic Growth in Russia and China: Air Pollutant Emissions

Источник: расчеты автора с использованием данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Китая [National Bureau of Statistics of China] и Всемирного Банка [The World Bank].

Результаты расчетов, выполненных для региональных экономик, представлены в таблицах 3–5. Они позволили выявить высокую дифференциацию по анализируемым видам негативного воздействия. Наиболее благополучная ситуация по выбросам окислов азота и диоксида серы наблюдается в Иркутской и Сахалинской областях, Камчатском крае (большая часть точек в этих регионах сосредоточена в зонах «зеленого» и «коричневого» роста). Наименее — в Амурской области, Республике Бурятия и Магаданской области, в которых выявлено большое число точек «черного» роста и/или спада. При этом во всех регионах Северо-Востока КНР выявлен только «зеленый» рост, что соответствует общенациональной тенденции (табл. 4).

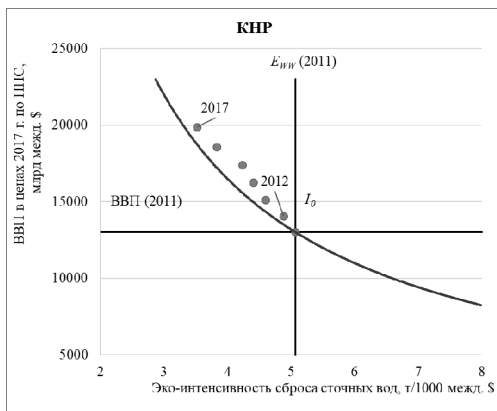
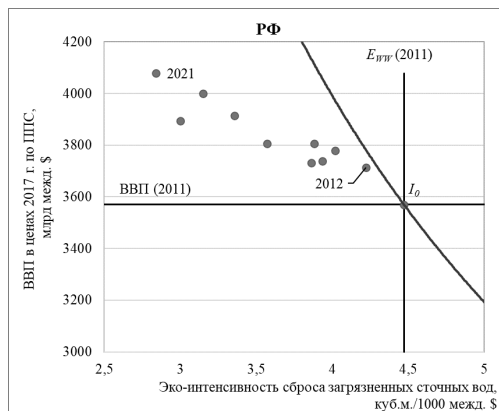
В отличие от Китая и его регионов, в которых по сбросам сточных вод проявлялся преимущественно «коричневый» рост, развитие российской экономики соответствовало вектору «зеленого» роста (рис. 6). В российских регионах отмечался преимущественно «зеленый» рост, «зеленый» и абсолютно-зеленый спады (табл. 5). «Черный» спад был зафиксирован лишь однажды в 2012 г. в Чукотском АО.

Наиболее неблагоприятная ситуация в России отмечается в области обращения с отходами производства и потребления. В соответствии с полученными результатами в 2011–2021 гг. по данному виду экологической нагрузки в РФ имел место «черный» рост: на фоне увеличения экономических показателей росло и общее, и удельное загрязнение. В отдельных восточных регионах некоторые годы попали в зону «черного» спада, т.е. в эти периоды все три анализируемых эколого-экономических показателя были хуже, чем в базовом году. Более позитивные тенденции наблюдаются в КНР: практически все точки оказались в зоне «коричневого» роста (за исключением 2016 г., который оказался в зоне «зеленого» роста).

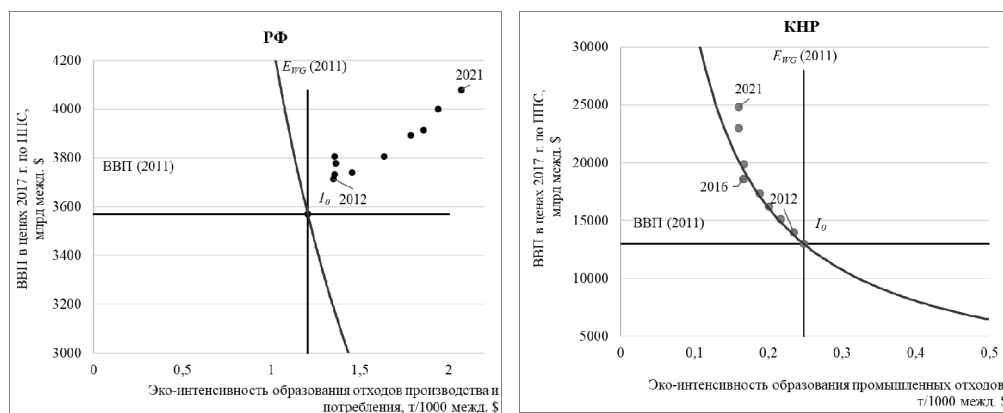
Таблица 4 / Table 4

«Цвет» экономического роста в регионах Северо-Востока КНР: выбросы загрязняющих веществ, сбросы сточных вод и образование промышленных отходов
 The "Color" of Economic Growth in the Northeastern Regions of China:
 Air Pollutant Emissions, Waste Water Discharge, Industrial Solid Waste Generation

Регион / Показатель эко-интенсивности		Зеленый рост (Gr+)	Коричневый рост (Br+)
Внутренняя Монголия	E_{SO_2}	2012–2017, 2020, 2021	—
	E_{NO_x}	2012–2017, 2020, 2021	—
	E_{WW}	—	2012–2017
	E_{WG}	2013, 2014	2012, 2015–2017, 2020, 2021
Ляонин	E_{SO_2}	2012–2017, 2020, 2021	—
	E_{NO_x}	2012–2017, 2020, 2021	—
	E_{WW}	2016	2012–2015, 2017
	E_{WG}	2012, 2013, 2016, 2017, 2020, 2021	2014, 2015
Цзилинь	E_{SO_2}	2012–2017, 2020, 2021	—
	E_{NO_x}	2012–2017, 2020, 2021	—
	E_{WW}	2016	2012–2015, 2017
	E_{WG}	2012–2014, 2016, 2017, 2020, 2021	2015
Хэйлуцзян	E_{SO_2}	2012–2017, 2020, 2021	—
	E_{NO_x}	2012–2017, 2020, 2021	—
	E_{WW}	2014–2017	2012, 2013
	E_{WG}	—	2012–2017, 2020, 2021

а) Эко-интенсивность сброса сточных вод (E_{WW})

б) Эко-интенсивность образования отходов (E_{WG})

Рис. 6. «Цвет» экономического роста в РФ и КНР:
сбросы сточных вод и образование отходов

Figure 6. The "Color" of Economic Growth in Russia and China:
Wastewater Discharges and Waste Generation

Источник: расчеты автора с использованием данных Росстата [Federal State Statistics Service], Национального бюро статистики Китая [National Bureau of Statistics of China] и Всемирного Банка [The World Bank].

* * *

В настоящей работе предпринята попытка оценки качества экономического роста в регионах Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР с использованием показателя эко-интенсивности и концепции «цвета» экономического роста. Основываясь на полученных результатах, можно отметить следующее: в последние годы как в России, так и в Китае снизился уровень некоторых видов негативного воздействия на окружающую среду. Сравнительный анализ показателей эко-интенсивности свидетельствует о том, что в 2021 г. Россия превосходила Китай по объему выбросов диоксида серы и окислов азота, приходящемуся на единицу созданного экономического результата. По этим загрязняющим веществам в Китае и его северо-восточных регионах отмечались позитивные тенденции: за рассматриваемый период эко-интенсивность существенно снизилась. Исследование трендов эколого-экономического развития с использованием концепции «цвета» экономического роста показало, что вся траектория развития Китая и его регионов по выбросам диоксида серы и окислов азота находится в наиболее благополучной зоне — зоне «зеленого» роста. При этом многие дальневосточные территории России демонстрируют негативную динамику: в отдельные годы был выявлен «черный» рост и/или спад. Расчеты показали, что практически во всех регионах Востока РФ за рассматриваемый период эко-интенсивность образования отходов производства и потребления выросла, а траектории развития по этому виду негативного воздействия находились преимущественно в зонах «черного» роста и/или спада. Полученные в настоящем исследовании результаты позволяют проанализировать эколого-экономические тенденции развития региональных и национальных экономик и могут использоваться в процессе разработки стратегических документов, в т.ч. в контексте расширения масштабов трансграничного сотрудничества.

Таблица 5 / Table 5

«Цвет» экономического роста в регионах Востока РФ: сброс загрязненных сточных вод
и образование отходов производства и потребления
The "color" of economic growth in the Russian eastern regions:
discharge of polluted wastewater and generation of production and consumption waste

Регион / Показатель эко-интенсивности	Зеленый рост (Gr+)	Коричневый рост (Br+)	Черный рост (Bl+)	Черный спад (Bl-)	Зеленый спад (Gr-)	Абсолютно зеленый спад (Agr-)
Амурская обл.	Еиув 2019–2021	—	—	—	2012, 2013, 2016	2014, 2015, 2017, 2018
	Еиг —	—	2019–2021	2012–2018	—	—
Еврейская АО	Еиув 2012	—	—	—	2013, 2015, 2016	2014, 2017–2021
	Еиг —	—	2012	2014, 2019–2021	2013, 2015	2016–2018
Забайкальский край	Еиув 2012, 2013, 2019–2021	—	—	—	—	2014–2018
	Еиг —	—	2012, 2013, 2019–2021	2014–2018	—	—
Иркутская обл.	Еиув 2013–2021	2012	—	—	—	—
	Еиг —	2013	2012, 2014–2021	—	—	—
Камчатский край	Еиув 2012–2021	—	—	—	—	—
	Еиг —	—	2012–2021	—	—	—
Магаданская обл.	Еиув 2012–2021	—	—	—	—	—
	Еиг 2013, 2014	—	2012, 2015–2021	—	—	—
Приморский край	Еиув 2021	—	—	—	2012	2013–2020
	Еиг 2021	—	—	—	—	2012–2020
Республика Бу- рятия	Еиув 2012, 2013, 2021	—	—	—	2016	2014, 2015, 2017–2020
	Еиг —	—	2012, 2013, 2021	2014–2020	—	—
Республика Саха (Якутия)	Еиув 2012–2021	—	—	—	—	—
	Еиг —	—	—	—	—	—
Сахалинская обл.	Еиув 2015, 2016, 2018–2020	—	—	—	—	2012–2014, 2017, 2021
	Еиг 2015	—	2016, 2018–2020	2012, 2021	—	2013, 2014, 2017
Хабаровский край	Еиув 2012–2014, 2019–2021	2018	—	—	—	2015–2017
	Еиг —	—	2012–2014, 2018–2021	2015–2017	—	—
Чукотский АО	Еиув 2013–2021	—	—	2012	—	—
	Еиг 2013–2016	—	2017–2021	—	—	2012

Литература

- Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Том 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3
- Глазырина И.П., Забелина И.А. Перспективы «зеленого» роста на востоке России и Новый Шелковый путь // *ЭКО*. 2016. № 7(505). С. 5–20.
- Глазырина И.П., Симонов Е.А. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // *ЭКО*. 2015. № 7(493). С. 52–72.
- Глазырина И.П., Фаттахов Р.В., Делюга А.В., Строев П.В., Григоров А.А. Байкальский регион: «экологическая цена» экономического роста // *Регион: Экономика и Социология*. 2018. № 1(97). С. 231–249. DOI: 10.15372/REG20180111
- Дьяков М.Ю. Эко-интенсивность экономики Камчатского края как индикатор перехода к эколого-экономической сбалансированности // *ЭКО*. 2015. № 12(498). С. 154–164.
- Забелина И.А., Делюга А.В. Геоэкологические индикаторы устойчивого развития: пространственный анализ // *Устойчивое развитие горных территорий*. 2019. Т. 11. № 1(39). С. 15–25. DOI: 10.21177/1998-4502-2019-11-1-15-25
- Забелина И.А. Социально-экологическое неравенство в регионах России: подходы и методы. Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2021. 320 с.
- Забелина И.А., Фалейчик Л.М. Структурные изменения в экономике восточных регионов РФ в контексте реализации новой модели развития Дальнего Востока // *ЭКО*. 2021. № 11(569). С. 93–118. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-11-93-118
- Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176. DOI: 10.14530/se.2014.2.149-176
- Кранина Е.И. Стратегия «зеленого» развития Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 2. С. 138–151. DOI 10.31857/S013128120009857-3
- Ломакина Н.В. Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // *ЭКО*. 2014. № 6(480). С. 25–39.
- Минакир П.А. Исследования проблем международных экономических взаимодействий: глобальные, национальные, региональные аспекты. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2022. 720 с.
- Панов А.А. Макроэкономическая оценка экологического качества экономического роста на уровне региона // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4(22). С. 568–578. DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-4-568-578
- Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под ред. И.П. Глазыриной, Л. М. Фалейчик. Чита: ЗабГУ, 2014. 527 с.
- Садыкова Э.Ц. Анализ уровня воздействия хозяйственной деятельности на экологическое состояние Республики Бурятия // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. № S4. С. 204–208.
- Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М., Казанцева Л.К. Проблема накопления отходов в отраслях добывающей промышленности РФ // *ЭКО*. 2019. № 9(543). С. 117–131. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-9-117-131
- Тихонова Т.В. Экологическая оценка экономического роста северного региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11, № 3. С. 162–178. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.11
- Третьякова Е.А. Экологическая интенсивность экономического развития регионов Северо-Запада // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11. № 1. С. 14–28. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-1-2
- Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / под ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. М.: НИА-Природа, 2005. 306 с.
- Fan Y., Liu L.-C., Wu G., Tsai H.-T., Wei Y.-M. Changes in Carbon Intensity in China: Empirical findings from 1980–2003 // *Ecological Economics*. 2007. V. 62. Pp. 683–691. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2006.08.016

- Shang Y., Si Y., Zeng G. Black or green? Economic growth patterns in China under Low Carbon Economy Targets // *Journal of Resources and Ecology*. 2015. Vol 6. No. 5. Pp. 310–317. DOI: 10.5814/j.issn.1674–764x.2015.05.004
- Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey // *Ecological Economics*. 2015. V. 109. Pp. 93–100. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.11.009
- Wang H., Ang B.W., Su B. A Multi-region Structural Decomposition Analysis of Global CO2 Emission Intensity // *Ecological Economics*. 2017. V. 142. Pp. 163–176. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2017.06.023

A Study of the Economic Growth Quality in the Eastern Regions of Russia and the Northeastern Regions of China

Irina A. Zabelina

Ph.D. (Economics), Senior Researcher, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 16a, Nedoresov St., Chita, 672014, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–4464–2593. E-mail: i_zabelina@mail.ru

Received 17.07.2023.

Abstract:

The article presents an assessment result of the economic growth quality in Eastern regions of Russia and the Northeastern regions of China, performed using the eco-intensity indicator and the colors of growth framework. It is shown that during the period from 2011 to 2021, the level of some types of negative environmental impact decreased in both countries. A comparative analysis of eco-intensity indicates that in 2021, Russia surpassed China in terms of emissions of sulfur dioxide and nitrogen oxides per unit of economic result. Positive trends were noted for these pollutants in China and its Northeastern regions: eco-intensity decreased significantly during the analyzed period. The study of trends in environmental and economic development using the colors of growth system showed that the entire trajectory of development of China and its regions in terms of emissions of sulfur dioxide and nitrogen oxides is in the most prosperous zone (the "green" growth zone). At the same time, some Eastern regions of Russia demonstrate negative dynamics: in some years, "black" growth and/or degrowth were revealed. Calculations have shown that in almost all regions of the East of the Russian Federation from 2011 to 2021, the eco-intensity of waste generation increased; the development trajectories for this type of ecological pressure were mainly in the "black" zones. The results obtained in this study allow us to analyze the ecological and economic trends in the development of regional and national economies and can be used in the process of developing strategic documents, including in the context of cross-border cooperation.

Key words:

Environmental safety, economic growth quality, eco-intensity, the colors of growth framework, Far East of Russia, Northeast of China, cross-border cooperation.

Funding sources:

The article was carried out within the framework of the state task of the INREC SB RAS on the topic "Mechanisms for ensuring economic stability and environmental security in the new model of development of the regions of the east of the Russian Federation in the context of cross-border relations and global challenges of the 21st century" (project No. 121032200126–6).

For citation:

Zabelina I.A. A Study of the Economic Growth Quality in the Eastern Regions of Russia and the Northeastern Regions of China // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 4. Pp. 131–150. DOI: 10.31857/S013128120027151-7.

References

- Antonova N.E., Lomakina N.V. Prirodno-resursnye otrasli Dal'nego Vostoka: novye faktory razvitiya [Natural resource-based industries of the Far East: new drivers of development]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2018. T. 11. No. 1. S. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3. (In Russ.)
- Dyakov M.Yu. Eko-intensivnost' ekonomiki Kamchatskogo kraja kak indikator perekhoda k ekologo-ekonomicheskoy sbalansirovannosti [Kamchatka's economy eco-intensity as an indicator of the transition to environmental and economic balance]. *ECO*. 2015. No. 12(498). S. 154–164. (In Russ.)

- Ekologicheskie indikatory kachestva rosta regional'noj ekonomiki [Quality of growth indicators for regional economies] / red. I.P. Glazyrina, I.M. Potravnyi. M: NIA-Priroda, 2005. 306 s. (In Russ.)
- Fan Y., Liu L.-C., Wu G., Tsai H.-T., Wei Y.-M. Changes in carbon intensity in China: Empirical findings from 1980–2003 *Ecological Economics*. 2007. V. 62. Pp. 683–691.
DOI: 10.1016/j.ecolecon.2006.08.016
- Glazyrina I.P., Fattakhov R.V., Delyuga A.V., Stroeve P.V., Grigorov A.A. Bajkal'skij region: "ekologicheskaya cena" ekonomicheskogo rosta [The Baikal Region: "environmental cost" of economic growth]. *Region: Ekonomika i Sociologiya*. 2018. No. 1(97). S. 231–249.
DOI: 10.15372/REG20180111. (In Russ.)
- Glazyrina I.P., Simonov E.A. «Ekologicheskaya civilizaciya» Kitaya: novye vyzovy ili novye perspektivy dlya Rossii? [Ecological Civilization of China: new challenges or new opportunities for Russia?]. *ECO*. 2015. No. 7(493). S. 52–72. (In Russ.)
- Glazyrina I.P., Zabelina I.A. Perspektivy «zelenogo» rosta na vostokey Rossii i Novyj Shelkovyj put' [The prospects of green growth in eastern Russia and the new Silk Road]. *ECO*. 2016. No. 7(505). S. 5–20. (In Russ.)
- Izotov D.A. Programma regional'nogo sotrudnichestva mezhdru Vostokom Rossii i Severo-Vostokom Kitaya: nastoyashchee i budushchee [Program of regional collaboration between eastern part of Russia and northeast China: present and future]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 2014. No. 2. S. 149–176.
DOI: 10.14530/se.2014.2.149–176. (In Russ.)
- Kranina E.I. Strategiya «zelenogo» razvitiya Kitaya [The strategy of "green" development in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2020. No. 2. S. 138–151.
DOI: 10.31857/S013128120009857–3. (In Russ.)
- Lomakina N.V. Promyshlennoe razvitiye Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostoka Kitaya: celi, rezul'taty i vozmozhnosti dlya sotrudnichestva [Industrial development of the far east Russia and northeast of China: the purposes, results and opportunities for cooperation]. *ECO*. 2014. No. 6(480). S. 25–39. (In Russ.)
- Minakir P.A. Issledovaniya problem mezhdunarodnykh ekonomicheskikh vzaimodeystvij: global'nye, nacional'nye, regional'nye aspekty [Studies of the Problems of International Economic Interactions: Global, National, Regional Aspects]. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2022. 720 s. (In Russ.)
- Panov A.A. Makroekonomicheskaya ocenka ekologicheskogo kachestva ekonomicheskogo rosta na urovne regiona [Macroeconomic assessment of the environmental quality of economic growth at the regional level]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*. 2021. T. 6. No. 4(22). (In Russ.)
- Prirodnyj kapital regiona i rossijsko-kitajskie transgranichnye otnosheniya: perspektivy i riski [Natural capital of the region and Russian-Chinese cross-border relations: prospects and risks] / red. I.P. Glazyrina, L.M. Faleyshik. CHita: ZabGU, 2014. 527 s. (In Russ.)
- Sadykova E.Ts. Analiz urovnya vozdejstviya hozyajstvennoj deyatel'nosti na ekologicheskoe sostoyaniye Respubliki Buryatiya [The analysis of economic activity exposure on ecological state of the republic of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. S4. S. 204–208. (In Russ.)
- Shang Y., Si Y., Zeng G. Black or green? Economic growth patterns in China under Low Carbon Economy Targets *Journal of Resources and Ecology*. 2015. Vol 6. No. 5. Pp. 310–317.
DOI: 10.5814/j.issn.1674–764x.2015.05.004
- Tagaeva T.O., Gilmundinov V.M., Kazantseva L.K. Problema nakopleniya othodov v otraslyah dobyvayushchej promyshlennosti RF [The problem of accumulating industrial mining waste in the Russian Federation]. *ECO*. 2019. No. 9(543). S. 117–131. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2019–9–117–131. (In Russ.)
- Tikhonova T.V. Ekologicheskaya ocenka ekonomicheskogo rosta severnogo regiona [Environmental assessment of economic growth in the northern region]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* 2018. T. 11. No. 3. S. 162–178. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.11. (In Russ.)
- Tretyakova E.A. Ekologicheskaya intensivnost' ekonomicheskogo razvitiya regionov Severo-Zapada [Environmental intensity of economic growth in the Baltic Sea region]. *Baltiyskij region*. 2019. T. 11. No. 1. S. 14–28. DOI 10.5922/2079–8555–2019–1–2. (In Russ.)
- Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey *Ecological Economics*. 2015. V. 109. Pp. 93–100. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.11.009

- Wang H., Ang B.W., Su B.* A Multi-region Structural Decomposition Analysis of Global CO2 Emission Intensity *Ecological Economics*. 2017. V. 142. Pp. 163–176. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2017.06.023
- Zabelina I.A., Deluga A.V.* Geoekologicheskie indikatory ustojchivogo razvitiya: prostranstvennyj analiz [Geoecological indicators of sustainable development: spatial analysis]. *Ustojchivoe razvitie gornyh territorij*. 2019. Vol. 11. No. 1(39). S. 15–25. DOI: 10.21177/1998–4502–2019–11–1–15–25. (In Russ.)
- Zabelina I.A.* Social'no-ekologicheskoe neravenstvo v regionah Rossii: podhody i metody [Socio-ecological inequality in Russian regions: approaches and methods]. CHita: Izd-vo Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2021. 320 s. (In Russ.)
- Zabelina I.A., Faleychik L.M.* Strukturnye izmeneniya v ekonomike vostochnyh regionov RF v kontekste realizacii novoj modeli razvitiya Dal'nego Vostoka [Structural changes in the economy of the Russian eastern regions in the context of implementing a new development model of the Russian Far East]. *ECO*. 2021. No. 11(569). S. 93–118. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–11–93–118. (In Russ.)

ИСТОРИЯ / HISTORY

«Россия приблизилась к нам более чем вдвое»: Московский договор 1896 г. в оценках китайских исследователей

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027111-3

Головачев Валентин Цунлиевич

Кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12).

ORCID: 0000-0002-4529-8459. E-mail: v.golovachev@ivran.ru

Статья поступила в редакцию 21.07.2023.

Аннотация:

Был ли неравноправным Московский договор («Китайско-русский тайный договор») 1896 года? Российские оценки этого договора, подписанного 22 мая / 03 июня 1896 г. А.Б. Лобановым-Ростовским, С.Ю. Витте и Ли Хунчжаном, — особая тема, уже освещавшаяся нами в специальных публикациях. Эти оценки различны — от негативных до в целом позитивных и смешанных (не был неравноправным, имел плюсы и минусы для обеих сторон). Позитивные и смешанные оценки, безусловно, доминируют в отечественных исследованиях, что не означает полного исчерпания этой дискуссионной темы в российской историографии. В китайской историографии, в свою очередь, существует неточное представление, что едва ли не все китайские эксперты воспринимают и оценивают договор сугубо негативно, как неравноправный. В действительности выводы и оценки китайских экспертов сегодня, как и 120 лет назад, вовсе не едины и не тотально отрицательны, а, подобно российской историографии, содержат весь спектр оценок — от негативных до позитивных и смешанных. Само наличие этого спектра, наряду с обновлением и расширением конкретной аргументации, свидетельствует о том, что в исторической науке Китая дискуссии о сути «тайного» Московского договора 1896 г. и оценке действий Ли Хунчжана еще далеки от завершения. Поводом для данной статьи послужил библиографический обзор китайских исследований по теме КВЖД, опубликованный харбинскими историками Ма Вэйюнем и Цуй Цзяньпин в «Дискуссионной трибуне» журнала «Проблемы Дальнего Востока» (2021, № 6).

Ключевые слова:

Китай, КВЖД, Ли Хунчжан, Московский договор, Россия, Тайный договор, Цин, 1896 г.

Источники финансирования:

Институт востоковедения РАН.

Для цитирования:

Головачев В.Ц. «Россия приблизилась к нам более чем вдвое»: Московский договор 1896 г. в оценках китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 151–163. DOI: 10.31857/S013128120027111-3.

Статья китайских историков в журнале «Проблемы Дальнего Востока» и проблемы изучения КВЖД

Поводом для подготовки данной публикации стал выход в 2021 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (№ 6) статьи «Характеристика исследований китайскими

учеными КВЖД»¹. Авторы последней, русисты Ма Вэйюнь и Цуй Цзяньпин, работают в Хэйлунцзянском университете в Харбине. Профессор Ма — известный специалист по истории русско-китайских отношений, в том числе по теме Московского договора, нередко именуемого «Договором о КВЖД», издал в 2016 г. книгу «От Китайско-русского тайного договора к советско-китайскому альянсу: 60 лет КВЖД»², обобщающую его многолетние исследования. Статья в «Проблемах Дальнего Востока» содержит обзор китайских работ по истории КВЖД за минувшие 120 лет, включая публикации конца Цин, времен Китайской Республики и КНР. Главные выводы Ма и Цуй таковы:

— специальных исследований по КВЖД до сих пор проведено очень мало. Большинство работ ограничено определенным этапом, работы же по общей истории дороги сравнительно редки;

— ученым КНР не хватает материала «из разных источников и с разных сторон»;

— большинство из них используют китайские архивы и документы, но не привлекают зарубежные фонды из-за трудностей с языком и сбором данных;

— изучение темы зависит от материалов из России;

— материалы двух стран нужно взаимно проверять и интерпретировать, чтобы восполнить недостатки в данных у каждой из сторон³.

С этими выводами можно согласиться, добавив замечание о необходимости полного охвата не просто разных, но всех доступных фактов и источников, а также их достоверной интерпретации. Что касается полноты охвата, то, как признают авторы статьи, часть материалов по КВЖД в Китае утеряна, подробных справочников по русским архивам нет, поэтому в трудах китайских ученых цитируются, как правило, одни и те же источники, давно известные и хорошо изученные⁴. Обзор работ в статье самих Ма и Цуй тоже неполон и носит, по сути, библиографический характер, в основном в духе беглых описаний и цитирования аннотаций к упоминаемым работам. Авторы пишут, что изучение КВЖД началось с публикаций в газетах и журналах, но отслеживают это изучение лишь со времени открытия КВЖД в 1903 г., хотя журнал «Харбин» (1898), газеты «Новый край» (изд. с 1899 г.), «Листок ежедневных телеграмм и объявлений» (1901–1902, 1905) выходили до 1903 г. и тоже содержали ценные сведения о КВЖД⁵. В обзоре Ма и Цуй почти нет и конкретных данных за 1903–1923 гг. Что касается точности изложения и достоверности интерпретаций, то о важности следования этому требованию свидетельствует, в частности, следующий пассаж из книги В.М. и М.В. Крюковых «КВЖД 1929. Эхо и взрыв»: «Когда осенью 1920 г. заведующий Отделом Востока НКВД А.Н. Вознесенский был снят с работы, председатель Совнаркома попросил проверить: “Нет ли тут неправильностей? Личного? Склоки?”»⁶ Профессор Хэйлунцзянского университета Ма Вэйюнь, по-видимому, забыв, что знак “?” употребляется не в утвердительных, а в вопросительных предложениях, писал, что, по словам Владимира Ильича, “в этом деле

¹ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 63–76.

² 马蔚云: 从中俄密约到中苏同盟 — 中东铁路六十年. (Цун Чжун Э миюэ дао тунмэн — Чжунсу телу люши нянь :) [Ма Вэйюнь. От Китайско-русского тайного договора к советско-китайскому альянсу: 60 лет Китайско-Восточной железной дороги]. 北京: 社会科学文献出版社. 2016年.

³ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 71–72.

⁴ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 63–64.

⁵ Чжао Юнхуа. Русская пресса в Китае 1898–1956. М.: Шанс, 2017. С. 57, 80, 83–84.

⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 51. С. 258.

не было никаких неправильностей, чего-либо личного или какой-нибудь склоки»⁷. Нетрудно представить себе, как эта метафора может повлиять на выводы будущих исследователей, если они будут в данном случае основываться не на первоисточнике, а на его изложении проф. Ма Вэйюнем»⁸.

Еще один пример, красноречиво свидетельствующий о важности точных интерпретаций, — трактовка вопроса принадлежности острова Большой Уссурийский (Хэйсяцзыдао) китайскими (Ма Вэйюнь) и российскими учеными (В.М. и М.В. Крюковы). Как и подавляющее большинство китайских историков, Ма Вэйюнь цитирует Дэн Сяопина и утверждает, что войска СССР оккупировали и не вернули остров Хэйсяцзы Китаю после конфликта 1929 г. на КВЖД. Однако Крюковы, ссылаясь на конкретные документы, карты и факты, аргументированно доказывают, что на самом деле «проблема о-ва Хэйсяцзы» не имеет какого бы то ни было отношения к конфликту на КВЖД, т.к. со времен Пекинского договора 1860 г. граница была проведена по правому берегу протоки Казакевича, и острова на р. Амур признавались, таким образом, частью российской территории⁹.

Оценки Московского договора 1896 г. учеными России и Китая

Как известно, тайный союзный договор между Российской империей и цинским Китаем был подписан А.Б. Лобановым-Ростовским, С.Ю. Витте и Ли Хунчжаном 22 мая / 3 июня 1896 г. в Москве, в ходе официального визита Ли в Россию для участия в торжествах по случаю коронации Николая II. Заключение этого договора стало возможным в результате сближения между Россией и Китаем после полного поражения империи Цин в японо-китайской войне 1894–1895 гг., разгрома китайских армии и военно-морского флота, аннексии Тайваня и глубочайшего финансового кризиса, вызванного войной и наложенными на Китай огромными репарациями. Заявленной целью обеих сторон было желание «укрепить счастливо восстановленный на Дальнем Востоке мир и охранить азиатский материк от нового чужеземного вторжения». Шесть статей договора о взаимной обороне предусматривали обязательства «поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами» против Японии в случае ее нападения на любую из сторон или Корею. Стороны также договорились «елико возможно, помогать друг другу в снабжении вооруженных сил», а статья 4-я договора фиксировала, что «китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские Амурскую и Гириинскую провинции, в направлении на Владивосток». В той же 4-й статье особо оговаривалось, что «соединение этой железной дороги не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права Е.В. императора китайского»¹⁰.

⁷ 马蔚云. 国家利益变迁与苏俄在中东铁路问题上的变化. (Гоцзя лии бяньцянь юй суэ цзай чжундун телу вэньти шан дэ бяньхуа :) [Ма Вэйюнь. Смена государственных интересов и изменения позиции СССР в вопросе КВЖД] / “俄罗斯, 东欧, 中亚历史与现实比较”学术研讨会. 哈尔滨. 2014年.

⁸ Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929. Эхо и взрыв. М.: ИВ РАН, 2017. С. 35–36.

⁹ 马蔚云. 国家利益变迁与苏俄在中东铁路问题上的变化. (Гоцзя лии бяньцянь юй суэ цзай чжундун телу вэньти шан дэ бяньхуа :) [Ма Вэйюнь. Смена государственных интересов и изменения позиции СССР в вопросе КВЖД] / “俄罗斯, 东欧, 中亚历史与现实比较”学术研讨会. 哈尔滨. 2014年. 第267, 270–271页; Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929. Эхо и взрыв. М.: ИВ РАН, 2017. С. 505–511.

¹⁰ Полный текст Московского договора см.: Союзный договор между Россией и Китаем. Москва, 22.05 / 03.06.1896. *Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917*. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. С. 292–296.

В России подробности заключения Московского договора изложены и изучены в десятках исследований, самым фундаментальным из которых остается изданная в 1928 г. монография Б.А. Романова «Россия в Манчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма». По мнению Б.А. Романова: «Для китайского правительства в данной политической обстановке [договор] был и выгодным и эффективным исходом из состояния глубокого унижения, созданного манчжурской династии японской войной»¹¹. При этом железная дорога была важна как орудие и основа оборонного союза России и Китая против Японии.

«Что же касается... русско-китайских актов 1896 г., — заключал Б.А. Романов, — то нельзя же отрицать, что в основном оба они выдержали испытание, якобы поставленное им “захватом” 1898 г.: 1) контракт на постройку ж.д. был выполнен китайским правительством до конца, и дорога была выстроена, хотя бы Китай и не сумел обеспечить вполне ее безопасность как от нападений хунхузов, так и от разрушения ее боксерами, и 2) союзный договор,...средатированный только против одной Японии, действительно предохранил Китай от повторного нападения Японии и настойчиво проводился русским правительством относительно Кореи, пока, наконец, корейский вопрос не был решен Японией военными средствами и Россия силою вынуждена была, после войны 1904–1905 гг., отступить от охраны хотя бы и призрачной независимости Кореи»¹².

Российские оценки Московского договора — особая тема, подробно освещавшаяся ранее в русскоязычных публикациях. В целом эти оценки различны: от негативных (Г.В. Ефимов) до преимущественно позитивных (Б.А. Романов, Г.В. Мелихов) и смешанных (не был неравноправным, имел плюсы и минусы для обеих сторон — В.С. Мясников, И.В. Лукоянов, А.Е. Королев и др.)¹³.

Критическое сравнение всего набора оценок и аргументов китайских и российских коллег по теме Московского договора представляет собой давно назревшую научную проблему. Данная статья служит одним из шагов к ее решению и сближению подходов двух сторон. Автор пока ограничивает исследовательскую задачу лишь предварительным обзором общих оценок и аргументов китайских экспертов.

В целом оценки китайских ученых тоже вовсе не едины, как это может показаться на первый взгляд. Кардинально расходились во мнениях еще современники событий. В частности, знаменитый политический деятель Лян Цичао был одним из самых резких критиков действий Ли Хунчжана и полагал, что *вся* дипломатическая деятельность Ли была неудачной, а подписанный им союзный договор с Россией — неравноправным и невыгодным для Китая. По мнению Ляна, это была «наибольшая ошибка, которую Ли Хунчжан в своей жизни сделал во вред отечеству»¹⁴. Но выводы самого Лян Цичао, *не видевшего* текста секретного документа и написавшего биографию Ли Хунчжана в годы своей жизни в Японии (против которой, по сути, и был направлен договор), также во многом противоречивы и пристрастны. В корне неверным был и мрачный прогноз Ляна по поводу судьбы северо-восточного Китая: «Один факт проложения русской железной дороги по нашей территории означает собой окончательную потерю для нас той местно-

¹¹ Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Лен. вост. ин-т, 1928. С. 114, 110–111.

¹² Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Лен. вост. ин-т, 1928. С. 131.

¹³ Головачев В.Ц. «Он был другом нашего отечества»: образ и роль Ли Хунчжана как подписанта Симоносекского и Московского договоров 1895–1896 гг. (российская перцепция) // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2022. Вып. 5. С. 97–109.

¹⁴ Лян Цичао. Лихунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет: соч. Лянцичао; пер. с кит. А.Н. Вознесенский и Чжанчунтун; с предисл. Чжанчунтуна. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1905. С. 193, 204.

сти, откуда дано счастье основателю нынешней династии»¹⁵. Как известно, это пророчество так и не сбылось.

Куда более верными в дальней перспективе оказались выводы Чжан Цинтуна — современника Лян Цичао, выполнившего перевод его книги на русский язык совместно с востоковедом А.Н. Вознесенским (тем самым, чья судьба обеспокоила в 1920 г. председателя Совнаркома В.И. Ленина и о котором мы упоминали выше)¹⁶. В предисловии переводчиков к русскому изданию 1905 г. Чжан писал: «С постройкой Великой Сибирской дороги и Маньчжурской ветви все изменилось: Россия приблизилась к нам более чем вдвое, сравнительно с другими западными державами. <...> Россия приблизила нас к Европе и связала нас в единое целое железной связью. Великая Сибирская железная дорога должна явиться залогом мирного общения народов на Великом океане»¹⁷.

В отличие от Лян Цичао, автор приведенного выше умозаключения малоизвестен. Лишь через несколько десятков лет после издания перевода книги Ляна китайские ученые смогли установить личность переводчика — им оказался юрист и публицист Чжан Цинтун, который приехал в Россию в 1889 г., окончил университет в Петербурге, а в 1905 г. даже вступил в переписку с Л.Н. Толстым, подарив великому русскому писателю свой перевод¹⁸.

В том же предисловии к переводу, опираясь на глубокое личное знание России и Китая, Чжан точно подметил, что, критикуя «Маньчжурскую конвенцию» (т.е. Московский договор), Лян Цичао изменяет своим широким подходам и «не принимает во внимание многих фактов, от которых зависит освещение данного вопроса»¹⁹.

С начала XX в. и до 1949 г. в Китае вышло порядка нескольких десятков книг и статей о КВЖД, при этом тема Московского договора была затронута лишь в немногих. В частности, в самых общих чертах вопрос освещается в изданном в 1934 г. восьмитомнике Ван Юньшэна «Китай и Япония за последние 60 лет»²⁰. Оценки периода Китайской Республики были в основном негативны и отрицали позитивное влияние постройки КВЖД, а авторский анализ проблем был, как верно заключают Ма и Цуй, упрощенным и однобоким²¹.

После основания «Нового Китая», в пору «медового месяца» советско-китайских отношений с 1949 г. и до конца 1950-х гг., проблема КВЖД почти не обсуждалась в научных кругах. В редких работах отмечалось лишь, что крупнейшие капиталистические страны вошли в стадию империализма, а способ их агрессии против колоний и отсталых

¹⁵ Лян Цичао. Лихунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет: соч. Лянцичао; пер. с кит. А.Н. Вознесенский и Чжанчинтун; с предисл. Чжанчинтуна. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1905. С. 203–204.

¹⁶ Вознесенский Арсений Николаевич. В кн.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 101–102.

¹⁷ Лян Цичао. Лихунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет: соч. Лянцичао; пер. с кит. А.Н. Вознесенский и Чжанчинтун; с предисл. Чжанчинтуна. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1905, Предисловие переводчиков. С. XII, XIV.

¹⁸ Шифман А.И. Лев Толстой и Восток / АН СССР. Ин-т востоковедения. Москва: Наука, 1971. С. 69–73.

¹⁹ Лян Цичао. Лихунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет: соч. Лянцичао; пер. с кит. А.Н. Вознесенский и Чжанчинтун; с предисл. Чжанчинтуна. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1905., Предисловие переводчиков. С. VII, XV.

²⁰ 王芸生. 六十年來中国与日本. (Люши няньлай чжунго юй жибынь :) [Вань Юнь-шэн. Китай и Япония за последние 60 лет]. 天津: 大公报馆. 1934年.

²¹ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 66–67.

стран сместился с экспорта товаров на экспорт капитала и борьбу за место вложения капиталов через захват экономических прав, раздел сфер влияния, в том числе путем борьбы за права на постройку железных дорог²².

С 1959 г. до середины 1960-х гг., как установили Ма и Цуй, чисто научные статьи по истории русско-китайских связей почти не выходили в КНР. Публикации 1950-х гг. в Гонконге отличала антироссийская направленность. Из-за предвзятых трактовок истории русско-китайских связей они неизбежно теряли объективность, а выводы не могли не вызывать вопросов²³.

С начала 1960-х гг. и до конца 1970-х гг. власти КНР призывали к «глубокому раскрытию... преступлений царского режима». Китайские ученые «подняли волну разоблачений, осуждений и исследований вторжения царской России в Китай». Но выход научной продукции тех лет был невелик: три монографии о КВЖД, больше десятка связанных с КВЖД книг и менее десяти статей. При этом часть указанных работ вышла не в материковом Китае, а на Тайване²⁴. Многие работы (например, тайваньского ученого Ли Гоци) изображали Россию как страну, всегда проводившую агрессивную политику в отношении Китая, и отрицали взаимовыгодный характер постройки КВЖД для экономики и торговли обеих стран²⁵.

После принятия в 1978 г. курса на модернизацию, реформы и открытость в КНР резко выросло число и качество работ по истории русско-китайских отношений и КВЖД. По подсчетам Ма и Цуй, вышло около 10 монографий по КВЖД и примерно 60 связанных с ней книг²⁶. Ученые КНР стали отходить от политизированных, односторонних и сугубо негативных оценок КВЖД как «захватнической дороги», построенной в ходе «агрессии царской России в Китае». Некоторые из них писали и о позитивном, созидательном влиянии КВЖД на развитие русско-китайских экономических связей, а также промышленности, сельского хозяйства и торговли всего Северо-Восточного Китая²⁷.

Но в целом превалировали негативные оценки. Так, в короткой заметке 1989 г. Лю Цунькуань называет Московский договор «большой аферой в истории международной дипломатии» (国际外交史上的大骗局)²⁸. В том же году в книге Ли Цзитана «Китайско-русский тайный договор и постройка КВЖД» автор негативно оценивает политику царской Рос-

²² Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 67.

²³ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 67–68.

²⁴ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 68.

²⁵ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 68–69.

²⁶ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 68–69.

²⁷ Романова Г.Н. Основные концепции китайской историографии о российских инвестициях и предпринимательстве в экономике Северо-Восточного Китая (рубеж XIX—XX в.) // *ОиГК. XXVIII н.к. Тезисы и доклады*. М., 1998. Ч. 2: 367–374. С. 370–372; 郭蕴深:

试论中俄黑龙江地区的贸易。(Шилунь чжунъэ хэйлунцзян дицой дэ мао:) [Го Юньшэнь. К обсуждению китайско-российской торговли в районе Хэйлунцзяна] // *龙江社会科学*. 哈尔滨. 1990年. 第2期. 第49–54页; 郭蕴深: 中东铁路与中俄经济贸易关系 哈尔滨。(Чжун дун телу юй Чжун-Э цзинцзи мао гуаньси:) [Го Юньшэнь. КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи] // *北方文学*. 哈尔滨. 1991年. 第2期.

²⁸ 刘存宽: 国际外交史上的大骗局 — 论光绪中俄密约。(Гоци цзинцзи мао гуаньси:) [Лю Цунькуань. Большая афера в истории международной дипломатии — о Китайско-русском тайном договоре (эпохи) Гуансюй (1871–1908)] // *社会科学战线*. 1987年. 第2期. 第182页.

сии в Китае и считает КВЖД одним из важных орудий вторжения русского империализма, захвата Китая с помощью банков и железных дорог или «мирной» политики «экономической инфильтрации, естественно приводившей к аннексии территорий Китая»²⁹.

С конца XX в. и в начале XXI в. число публикаций о КВЖД снова резко возросло. Счет пошел уже на сотни, стали появляться и диссертации. Риторика стала сдержаннее, но авторы обычно оценивают «тайный договор» как неравноправный, имевший негативные, либо плохие и хорошие последствия.

В статье 2003 г. историк Го Юньшэнь пишет, что в конце XIX в. Россия стала продвигать стратегию «мирного завоевания» (和平征服) Китая, вынудила власти Цин подписать китайско-русский «тайный договор», получила эксклюзивное право постройки КВЖД на северо-востоке Китая, добилась превращения Дунбэя в сферу исключительного влияния России³⁰.

В 2010 г. Ма Вэйюнь издал книгу «Проблема КВЖД в отношениях между Китаем и Россией (СССР)»³¹, а в 2016 г. — «От Китайско-русского тайного договора к советско-китайскому альянсу: 60 лет КВЖД»³². Эти работы описывают дальневосточную политику царской России, Московский договор и постройку КВЖД. Глава 3-я в книге 2010 г. имеет говорящее название «Подписание “Китайско-русского тайного договора” и ряда других неравноправных договоров»³³.

Как пишет Ма Вэйюнь, в начале переговоров в Москве Ли Хунчжан колебался, поскольку опасался, что выделение земли для постройки железной дороги будет равнозначно прямому нарушению территориального суверенитета Китая. Но российская сторона убедила Ли подписать тайный «Договор взаимопомощи по обороне от врага», вступивший в силу 28 сентября 1896 г., после обмена ратифицированными текстами в Пекине. Предусмотренную договором постройку КВЖД Ма называет «главной агрессивной целью России», стремившейся к расширению на Восток. Китай же хотел сдерживать Японию руками России. Как полагает Ма Вэйюнь, в возникших условиях, при слабости Китая, данный договор был неизбежно «ущербным для суверенитета и позорящим страну неравноправным договором». Природу этого договора и связанных с ним действий Ма объясняет переходом России от этапа территориальных захватов к экспорту капитала в виде инвестиций и займов или экономической экспансии на этапе монополистического капитализма (империализма). КВЖД он оценивает как «инструмент колониальной агрессии России», «авангард внешней агрессии и форпост углубле-

²⁹ Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 68–69; 李济棠:

中俄密约和中东铁路的修筑. (Чжунъэ миюэ хэ чжундун телу дэ сючжу :) [Ли Цзитан. Китайско-русский тайный договор и строительство КВЖД]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1989年.

³⁰ 郭蕴深: 1840–1920年间的中俄关系. (1840–1920 няньцзянь дэ чжунъэ гуаньси :) [Го Юньшэнь. Китайско-российские связи в период 1840–1920-х гг.] // 西伯利亚研究. 2003 年. 第4期. 第50–54页.

³¹ 马蔚云: 中俄苏关系中的中东铁路问题: 中东铁路与黑龙江文化. (Чжунъэ сугуаньси чжун дэ чжундун телу взньти чжундун телу юй хэйлунцзян взньхуа :) [Ма Вэйюнь. Проблема КВЖД в отношениях между Китаем и Россией (СССР): КВЖД и культура Хэйлунцзяна] // 黑龙江与俄罗斯文化关系丛书. 黑龙江大学出版社. 2010年.

³² 马蔚云: 从中俄密约到中苏同盟 — 中东铁路六十年. (Цун Чжун Э миюэ дао тунмэн — Чжунсу телу люши нянь :) [Ма Вэйюнь. От Китайско-русского тайного договора к советско-китайскому альянсу: 60 лет Китайско-Восточной железной дороги]. 北京: 社会科学文献出版社. 2016年.

³³ 马蔚云: 中俄苏关系中的中东铁路问题: 中东铁路与黑龙江文化. (Гоцзя лии бяньцзянь юй суэ цзай чжундун телу взньти шан дэ бяньхуа :) [Ма Вэйюнь. Проблема КВЖД в отношениях между Китаем и Россией (СССР): КВЖД и культура Хэйлунцзяна] // 黑龙江与俄罗斯文化关系丛书. 黑龙江大学出版社. 2010年. 第3卷. 《中俄密约》等一系列不平等条约的签订. 第19–35页.

ния и экспансии России» и даже как «лезвие, которое Россия воткнула в сердце северо-восточного региона Китая» (俄国插入中国东北地区心脏的一把利刃). Открытие КВЖД, как заключает Ма, позволило России расширить свое влияние на Дунбэй и достичь цели захвата эксклюзивных политических, экономических и военных прав. Это привело к серьезному падению международного статуса Китая, плохим последствиям для его безопасности, ускорению превращения страны в полуколонию в политическом, экономическом и прочих аспектах. А ввод в действие КВЖД привел к быстрому расширению агрессивной мощи России в Дунбэе³⁴.

Был ли Московский договор неравноправным? Дискуссии современных китайских ученых

Современные китайские ученые в основном по-прежнему придерживаются негативной точки зрения на Московский договор. Но уже с 1990-х гг. в КНР появляются работы, оспаривающие расхожие негативные оценки и предлагающие более «сбалансированные» и даже позитивные оценки. В связи с этим заслуживает внимания статья Су Шэнвэня и Чжао Шуан в журнале 看历史 («Взгляд на историю»)³⁵, вышедшая, как и книга Ма Вэйюня, в 2016 г. Авторы статьи вновь возвращаются к полемике по вопросу о том, был ли Московский договор неравноправным. За исходную основу и повод для своих критических рассуждений они взяли статью Ло Чжэня «Неравноправен ли Китайско-русский тайный договор?»³⁶, изданную в 1997 г. в журнале 北方论丛 («Северные сборники статей»), и статью Тань Вэньфэн, вышедшую в 1999 г. в журнале 历史档案 («Исторические архивы»)³⁷.

В статье 1997 г. Ло Чжэнь пересматривает, казалось бы, уже решенный вопрос и, в отличие от большинства предшествующих и действующих китайских коллег, доказывает, что договор по сути был *равноправным*, а судить о нем по вторичным последствиям некорректно и «неисторично». Суть аргументов Ло Чжэня сводится к следующему.

Так называемые неравноправные договоры (不平等条约) — это соглашения, при которых одна из сторон вынуждает другую подписать договор путем угроз применения военной силы, а принуждаемая сторона не может действовать по своей воле. Примерами неравноправных международных соглашений служат Нанкинский, Симонсекский, Синчоуский договоры и пр. Россия же в 1896 г. не начинала войну против

³⁴ 马蔚云: 中俄苏关系中的中东铁路问题: 中东铁路与黑龙江文化. (Гоцзя лии бяньцянь юй суэ цзай чжундун телу вэньти шан дэ бяньхуа :) [Ма Вэйюнь. Проблема КВЖД в отношениях между Китаем и Россией (СССР): КВЖД и культура Хэйлунцзяна] // 黑龙江与俄罗斯文化关系丛书. 黑龙江大学出版社. 2010年. 第3卷, 中俄密约》等一系列不平等条约的签订. 第19–35页.

³⁵ 苏生文, 赵爽. 中俄密约与李鸿章受贿之谜. (Чжунгэ миюэ юй Ли Хунчжан шоухуэй чжи ми :) [Су Шэнвэнь, Чжао Шуан. Китайско-русский тайный договор и загадка получения взятки Ли Хунчжаном] // 看历史. 2016年. 第8期. 第100–105页. URL: <https://www.fx361.com/page/2016/1018/278616.shtml> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁶ 罗珍: 中国密约是不平等条约吗. (Чжунго миюэ шибупиндэн таяоюэ ма :) [Ло Чжэнь. Является ли неравноправным Китайско-русский тайный договор?] // 北方论丛. 1997年. 第六期. 第85–89页. URL: <https://www.ncpsd.org/Literature/articleinfo?id=1002471966&type=journalArticle&typename=%E4%B8%AD%E6%96%87%E6%9C%9F%E5%88%8A%E6%96%87%E7%AB%A0&nav=1&langType=1&pageUrl=https%253A%252F%252Fwww.ncpsd.org%252Fjournal%252Fdetails%253Fgch%253D82048X%2526years%253D1997%2526num%253D6%2526nav%253D1%2526langType%253D1> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁷ 谭文凤: 李鸿章签订《中俄密约》中的两个问题. (Ли Хунчжан цяндин чжунгэ миюэ чжун дэ лянгэ вэньти :) [Тань Вэньфэн. Две проблемы с подписанным Ли Хунчжаном «Китайско-русским тайным договором»] // 历史档案. 1999年. 第4期. 第119–122页.

Китай и не угрожала военной силой, а правительство Цин, исходя из международной ситуации после китайско-японской «войны Цзя-У», само добровольно пошло на подписание Московского договора.

После того как Япония вернула Пекину полуостров Ляодун, Китай и Россия быстро нашли общий язык и подписали договор. Как заключает Лю Чжэнь, Россия считала, что достигла своих начальных целей, а Китай тоже был вполне удовлетворен. Поэтому двусторонний договор России и Китая о военном союзе против Японии и взаимной помощи был «в сущности равноправным»³⁸.

В опубликованной в 1999 г. в журнале 历史档案 («Исторические архивы») статье Тань Вэньфэн отмечается, что Ли Хунчжан подписал «тайный» договор, руководствуясь интересами проводимой правительством империи Цин — после поражения в китайско-японской войне 1894–1895 гг. — внешней политики, направленной на «союз с Россией и сдерживание Японии» (联俄制日). Ли Хунчжан был лишь проводником, а не автором этой политики. А значит, если договор был равноправным и все сановники империи Цин — от Цыси до Чжан Чжидуня и Лю Куньи — признали заслуги Ли перед государством, то он заслуживал прежде всего похвалы цинского двора, а не взятки от России.

Ссылаясь на имеющиеся мнения ученых (Тань Вэньфэн, Го Тинъи и др.), Су и Чжао указывают, что взятка не была неременным условием заключения этого договора, выплачивалась долгое время по частям уже после его подписания (даже после смерти Ли Хунчжана) и предназначалась для того, чтобы обеспечить его последующее выполнение. К тому же, еще до возвращения Ли в Китай, на всех этапах проведения и ратификации договора имелось много других возможных взяткополучателей — например, посол Цин в России Сюй Цзинчэн или участники обмена подписанными копиями договора, состоявшегося 28 сентября 1896 г. в Пекине. При этом важным мотивом самого Ли были, вероятно, не столько деньги, сколько желание отомстить японцам за пережитый им позор на Симоносекских переговорах.

Хотя рассекреченные в XXI в. российские архивы показали, что Ли действительно получил взятку (1 млн 609 тыс. 120 руб.), российская сторона просто осуществляла свои планы «следуя местным обычаям» (入乡随俗) и стилю ведения дел, принятым в то время среди чиновников цинского двора.

В то же время, вступая в полемику со сторонниками вышеописанных аргументов, Су и Чжао пишут, что, хотя «внешне “Тайный договор” выглядит как равноправный... тем не менее объективно его подписание вызвало тяжкие последствия для Китая». В результате продолжения переговоров 8 сентября 1896 г. был подписан «Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги»³⁹, уточнявший Московский договор. Но Россия не ограничилась этим и в подписанном позже «Дополнении к Контракту об обществе КВЖД»⁴⁰ (东省铁路公司续订合同) самовольно нарушила пра-

³⁸ 罗珍: 中国密约是不平等条约吗。(Чжунго миюэ шибупиндэн тяюэ ма:) [Лю Чжэнь. Является ли неравноправным Китайско-русский тайный договор?] // 北方论坛. 1997年. 第六期. 第89页. URL: <https://www.ncpssd.org/Literature/articleinfo?id=1002471966&type=journalArticle&typename=%E4%B8%AD%E6%96%87%E6%9C%9F%E5%88%8A%E6%96%87%E7%AB%A0&nav=1&langType=1&pageUrl=https%253A%252F%252Fwww.ncpssd.org%252Fjournal%252Fdetails%252Fgch%253D82048X%2526years%253D1997%2526num%253D6%2526nav%253D1%2526langType%253D1> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 297–302.

⁴⁰ Имеется в виду «Контракт, заключенный между Правлением Общества КВЖД и китайским правительством о постройке и эксплуатации Южно-Маньчжурской ветки КВЖД». Был подписан в Санкт-Петербурге 24.06/06.07.1898.

ва, установленные договором и контрактом, добавив ключевой пункт о праве постройки ветки от одного из пунктов КВЖД (им был выбран Харбин) до Ляодуна с конечным пунктом в Люйшуне (Даляне). Это право было навязано Россией на волне империалистического раздела Китая в конце XIX в. Поэтому, заключают Су и Чжао, «если “Тайный договор” и “Контракт о совместном Обществе КВЖД” все же можно считать равноправными, то “Дополнение к Контракту об Обществе КВЖД” уже без всяких скидок было неравноправным договором».

Не разделяя положительной оценки договора и его последствий, данной Ло Чжэнь, Су и Чжао утверждают, что именно договор во многом спровоцировал восстание ихэтуаней, а также резко усилил противоречия между Москвой и Токио, повлекшие русско-японскую войну, результатом которой стал новый раздел Северо-Восточного Китая. Китай впустил волка (Россию) в дом и не только не смог изгнать тигра (Японию), но и угодил в «схватку между волком и тигром», еще больше усугубив ситуацию. Такие последствия, пишут Су Шэнвэнь и Чжао Шуан, завершая свою ретроспективную полемику со статьёй Ло Чжэнь 1997 г., трудно оправдать тем, что Ли Хунчжан не мог предвидеть их при подписании «тайного» договора. Собственный вывод авторы статьи иллюстрируют стихотворной строкой цинского поэта и дипломата Хуан Цзуньсяня (黄遵宪, 1848–1905): «К старости просчитался, приблизив волка и тигра» (黄遵宪: 老来失计亲豺虎)⁴¹.

Таким образом, выводы и оценки китайских авторов за минувшие 125 лет вовсе не отличаются единодушием, не статичны и, как и в русской историографии, содержат весь спектр оценок — от негативных до позитивных и смешанных. Само наличие этого спектра, наряду с расширением используемой аргументации, свидетельствует о том, что и в исторической науке Китая дискуссия о характере, сути и роли Московского договора 1896 г. пока еще далека от завершения.

Что же касается полемики китайских ученых вокруг имени Ли Хунчжана и его роли в описываемых событиях, то здесь, вероятно, в ожидании объективных оценок, стоит напомнить высказанное 120 лет назад пророчество переводчика Чжан Цинтуна: «Придет время, когда и мы добрым словом помянем Ли Хунчжана»⁴².

Литература

- Головачев В.Ц. «Он был другом нашего отечества»: образ и роль Ли Хунчжана как подписанта Симоносекского и Московского договоров 1895–1896 гг. (российская перцепция) // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 2022. Вып. 5. С. 97–109.
- Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929. Эхо и взрыв. М.: ИВ РАН, 2017. 624 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 51.
- Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
- Лян Цичао. Ли Хунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет: соч. Лянцичао; пер. с кит. А.Н. Вознесенский и Чжанчинтун; с предисл. Чжанчинтуна. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1905. 346 с.
- Ма В., Цуй Ц. Характеристика исследований китайскими учеными Китайско-Восточной железной дороги // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 6. С. 63–76.
URL: <https://pdv.jes.su/s013128120017866-3-1> (дата обращения: 07.07.2023).

⁴¹ 苏生文, 赵爽: 中俄密约与李鸿章受贿之谜. (Чжунхэ миюэ юй Ли Хунчжан шоухуэй чжи ми :) [Су Шэнвэнь, Чжао Шуан. Китайско-русский тайный договор и загадка получения взятки Ли Хунчжаном] // 看历史. 2016年. 第8期. 第105页. URL: <https://www.fx361.com/page/2016/1018/278616.shtml> (дата обращения: 07.07.2023).

⁴² Лян Цичао. Лихунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет: соч. Лянцичао; пер. с кит. А.Н. Вознесенский и Чжанчинтун; с предисл. Чжанчинтуна. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1905., Предисловие переводчиков, с. VII, XV.

- Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Лен. вост. ин-т, 1928. 608 с.
URL: <https://pgpb.ru/digitization/document/1982> (дата обращения: 07.07.2023).
- Романова Г.Н. Основные концепции китайской историографии о российских инвестициях и предпринимательстве в экономике Северо-Восточного Китая (рубеж XIX—XX в.) // *ОиГК. XXVIII н. к. Тезисы и доклады*. М.: ИВ РАН, 1998. Ч. 2: 367–374.
- Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 470 с. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/china896.htm> (дата обращения: 07.07.2023).
- Чжао Юнхуа. Русская пресса в Китае 1898–1956, М.: Шанс, 2017. 397 с.
- Шифман А.И. Лев Толстой и Восток / АН СССР. Ин-т востоковедения. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 1971. 550 с.
- 王芸生. 六十年來中国与日本. (Люши няньлай чжунго юй жибэнь :) [Вань Юньшэнь. Китай и Япония за последние 60 лет]. 天津: 大公报馆, 1932–1934年.
- 郭蕴深: 试论中俄黑龙江地区的贸易. (Шилунь чжунъэ хэйлунцзян дицьюй дэ маои :) [Го Юньшэнь. К обсуждению китайско-русской торговли в районе Хэйлунцзяна] // 龙江社会科学. 哈尔滨. 1990年. 第2期. 第49–54页.
- 郭蕴深: 中东铁路与中俄经济贸易关系 哈尔滨. (Чжундун телу юй чжунъэ цзинци маои гуаньси хаэрбинь :) [Го Юньшэнь. КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи] // 北方文物. 哈尔滨. 1991年. 第2期. 第78页.
- 郭蕴深: 1840–1920年间的中俄关系. (1840–1920 няньцзянь дэ чжунъэ гуаньси :) [Го Юньшэнь. Китайско-русские связи в период 1840–1920-х гг.] // 西伯利亚研究. 2003年. 第4期. 第50–54页.
- 李济棠. 中俄密约和中东铁路的修筑. (Чжунъэ миюэ хэ чжундун телу дэ сючжю :) [Ли Цзитан. Китайско-русский тайный договор и строительство КВЖД]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1989年. 页317数.
- 罗珍: 中国密约是不平等条约吗. (Чжунго миюэ шибупиндэн тяоюэ ма :) [Ло Чжэнь. Является ли неравноправным Китайско-русский тайный договор? // 北方论丛. 1997年. 第六期. 第85–89页.
URL: <https://www.ncpssd.org/Literature/articleinfo?id=1002471966&type=journalArticle&typename=%E4%B8%AD%E6%96%87%E6%9C%9F%E5%88%8A%E6%96%87%E7%AB%A0&nav=1&langType=1&pageUrl=https%253A%252F%252Fwww.ncpssd.org%252Fjournal%252Fdetails%253Fgch%253D82048X%2526years%253D1997%2526num%253D6%2526nav%253D1%2526langType%253D1> (дата обращения: 07.07.2023)
- 刘存宽: 国际外交史上的大骗局 — 论光绪中俄密约. (Гоцзи вайцзяо шишан дэ дапяньцзюй лунь гуансюй чжунъэ миюэ :) [Лю Цунькуань. Большая афера в истории международной дипломатии — о Китайско-русском тайном договоре (эпохи) Гуансюй (1871–1908)] // 社会科学战线. 1987年. 第2期. 第182页.
- 马蔚云. 中俄苏关系中的中东铁路问题: 中东铁路与黑龙江文化. (Чжунъэ сугуаньси чжун дэ чжундун телу вэньти чжундун телу юй хэйлунцзян вэньхуа :) [Ма Вэйюнь. Проблема КВЖД в отношениях между Китаем и Россией (СССР): КВЖД и культура Хэйлунцзяна] // 黑龙江与俄罗斯文化关系丛书. 黑龙江大学出版社. 2010年. 页324数.
- 马蔚云. 国家利益变迁与苏俄在中东铁路问题上的变化. (Гоцзя лии бяньцянь юй суэ цзай чжундун телу вэньти шан дэ бяньхуа :) [Ма Вэйюнь. Смена государственных интересов и изменения позиции СССР в вопросе КВЖД] // “俄罗斯, 东欧, 中亚历史与现实比较”学术研讨会. 哈尔滨. 2014年.
- 马蔚云. 从中俄密约到中苏同盟 — 中东铁路六十年. (Цун Чжун Э миюэ дао тунмэн — Чжунсу телу люши нянь :) [Ма Вэйюнь. От Китайско-русского тайного договора к советско-китайскому альянсу: 60 лет Китайско-Восточной железной дороги]. 北京: 社会科学文献出版社. 2016年. 页440数.
- 苏生文, 赵爽: 中俄密约与李鸿章受贿之谜. (Чжунъэ миюэ юй Ли Хунчжан шоухуэй чжи ми :) [Су Шэнвэнь, Чжао Шуан. Китайско-русский тайный договор и загадка получения взятки Ли Хунчжаном] // 看历史. 2016年. 第8期. 第100–105页.
URL: <https://www.fx361.com/page/2016/1018/278616.shtml> (дата обращения: 07.07.2023).
- 谭文凤: 李鸿章签订《中俄密约》中的两个问题. (Ли Хунчжан цяндин чжунъэ миюэ чжун дэ лян-гэ вэньти :) [Тань Вэньфэн. Две проблемы с подписанным Ли Хунчжаном «Китайско-русским тайным договором»] // 《历史档案》. 1999年. 第4期. 第119–122页.

**“Russia has Come More Than Twice as Nearer to Us”:
The 1896 Moscow Treaty in the Chinese Scholars’ Perceptions**

Valentin Ts. Golovachev

Ph.D. (History), Deputy Director for Science Work, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-4529-8459, E-mail: v.golovachev@ivran.ru

Received 21.07.2023.

Abstract:

Was the 1896 “Moscow Treaty” (“Sino-Russian Secret Treaty”) an unequal one? The Russian assessments of this Treaty, signed by A.B. Lobanov-Rostovsky, S.Y. Witte and Li Hongzhang on May 22.05/03.06.1896, during Li's visit to celebrate the coronation of Nicholas II in Moscow, is a special topic, already generally explored in our publications. These assessments vary a lot — from negative to generally positive and mixed ones (it was not unequal, had pros and cons for both sides). The positive and mixed assessments are dominating in the domestic studies, which does not mean that this so much disputed topic is terminated in Russian historiography. As for the Chinese historiography, a stereotype exists that almost all Chinese experts perceive and evaluate the “Secret Treaty” purely negatively, as an unequal one. In fact, the conclusions and assessments of the Chinese experts nowadays, just as 120 years ago, are not at all unified or totally negative, but, very like the Russian historiography, contain the whole range of assessments — from negative to positive and the mixed ones. The very existence of this broad spectrum, along with the updating and expansion of concrete arguments, indicates that the discussions about the essence of the “Secret Treaty”, as much as the assessment of Li Hongzhang’s actions are still far from being completed in China’s historiography. The reason to issue this article was a bibliographic review of Chinese studies on the China-Eastern Railway (CER) topic, published by Ma Weiyun and Cui Jianping, a pair of prominent Harbin historians, in the “Discussion Tribune” Section of the Russian “Problems of the Far East” Journal (2021, No. 6).

Key words:

China, KVZhD (CER), Li Hongzhang, Moscow Treaty, Qing, Russia, Secret Treaty, 1896.

Funding sources:

Institute of Oriental Studies.

For citation:

Golovachev V.Ts. “Russia has Come More Than Twice as Nearer to Us”: The 1896 Moscow Treaty in the Chinese Scholars’ Perceptions // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 4. Pp. 151–163. DOI: 10.31857/S013128120027111-3.

References

- Golovachev V.Ts.* «On byl drugom nashego otechestva»: obraz i rol' Li Hunchzhana kak podpisanta Simonosekского i Moskovskogo dogovorov 1895–1896 gg. (rossijskaya percepciya) [“He was a friend of our Fatherland”: the image and role of Li Hongzhang as a signatory of the Simonoseki and Moscow Treaties of 1895–1896. (Russian perception)]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2022. Vyp. 5. S. 97–109. (In Russ.)
- Kryukov V.M., Kryukov M.V.* KVZHD 1929. Ekho i vzryv. M.: IV RAN, 2017. (In Russ.)
- Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij [The complete works]. Moskva: Gospolitizdat, 1958–1965. T. 51. (In Russ.)
- Lyudi i sud'by.* Bibliograficheskij slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskij period (1917–1991) [Humans and destinies. Bibliographic dictionary of Orientalists — victims of political terror during the Soviet period (1917–1991)]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. S. 101–102. (In Russ.)
- Lyan Cichao.* Li Hongchzhang, ili Politicheskaya istoriya Kitaya za poslednie 40 let: soch. Lyancichao; per. s kit. A.N. Voznesenskij i Chzhanchintun; s predisl. Chzhanchintuna [Li Hongzhang, or The Political History of China over the past 40 years]. Sankt-Peterburg: V. Berezovskij, 1905. 346 s.
- Ma V., Cui C.* Charakteristika issledovanij kitajskimi uchenymi Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj dorogi [Characteristics of researches of the China-Eastern Railway by the Chinese scientists]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2021. No. 6. S. 63–76. URL: <https://pdv.jes.su/s013128120017866-3-1> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.)
- Romanov B.A.* Rossiya v Manchzhurii (1892–1906): ocherki po istorii vneshnej politiki samodержaviya v epohu imperializma [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on History of the Autocratic Monar-

- chy's Foreign Policy in the Imperialism Era]. L.: Len. vost. in-t, 1928. 608 s.
<https://pgpb.ru/digitization/document/1982>. (In Russ.)
- Romanova G.N. Osnovnye koncepcii kitajskoj istoriografii o rossijskikh investiciyah i predprinimatel'stve v ekonomike Severo-Vostochnogo Kitaya (rubezh XIX—XX v.) [The main concepts of Chinese historiography about Russian investments and entrepreneurship in the economy of Northeast China (the turn of the XIX—XX century)]. *OiGK*. XXVIII n. k. Tezisy i doklady. M.: IV RAN, 1998. Tchast. 2. S. 367–374. (In Russ.)
- Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami [Collection of Russia's treaties with other states]. 1856–1917. M., Gos. izd-vo polit. literatury, 1952.
 URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FORIGN/china896.htm>. (In Russ.)
- Zhao Yonghua. Russkaya pressa v Kitae. 1898–1956 [The Russian press in China. 1898–1956]. M.: Shans, 2017. (In Russ.)
- 王芸生. 六十年来中国与日本 [Wang Yunsheng. China and Japan over the past 60 years]. 天津: 大公报馆. 1934年. (In Chin.)
- 郭蕴深: 试论中俄黑龙江地区的贸易 [Guo Yunshen. To discuss Sino-Russian Trade in the Heilongjiang area]. 龙江社会科学. 哈尔滨. 1990年. 第2期. 第49–54页. (In Chin.)
- 郭蕴深: 中东铁路与中俄经济贸易关系 哈尔滨 [Guo Yunshen. CER and the Sino-Russian trade and economic relations]. 北方文学. 哈尔滨. 1991年. 第2期. (In Chin.)
- 郭蕴深. 1840–1920年间的中俄关系 [Guo Yunshen. Sino-Russian relations during the 1840–1920s period]. 西伯利亚研究. 2003 年. 第4期. 第50–54页. (In Chin.)
- 李济棠. 中俄密约和中东铁路的修筑 [Li Jitang. Sino-Russian secret treaty and the construction of the CER]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1989年. (In Chin.)
- 刘存宽: 国际外交史上的大骗局 — 论光绪中俄密约 [Liu Cunkuan. The Biggest scam in the History of International Diplomacy — about the Sino-Russian secret treaty during the Guangxu (era). 社会科学战线. 1987年. 第2期. 第182页. (In Chin.)
- 马蔚云. 中俄苏关系中的中东铁路问题: 中东铁路与黑龙江文化 [Ma Weiyun. The Problem of the CER in relations between China and Russia (USSR): the CER and the culture of Heilongjiang]. 黑龙江与俄罗斯文化关系丛书. 黑龙江大学出版社. 2010年. (In Chin.)
- 马蔚云. 国家利益变迁与苏俄在中东铁路问题上的变化 [Ma Weiyun. Changes of state interests and shifts in the position of the USSR on the issue of the CER]. “俄罗斯, 东欧, 中亚历史与现实比较”学术研讨会. 哈尔滨. 2014年. (In Chin.)
- 马蔚云. 从中俄密约到中苏同盟 — 中东铁路六十年 [Ma Weiyun. From the Sino-Russian Secret Treaty to the Soviet-Chinese Alliance: 60 Years of the Sino-Eastern Railway]. 北京: 社会科学文献出版社. 2016年. (In Chin.)
- 苏生文, 赵爽: 中俄密约与李鸿章受贿之谜 [Su Shengwen, Zhao Shuang. The Sino-Russian Secret Treaty and the mystery of receiving a bribe by Li Hongzhang]. 看历史. 2016年. 第8期. 第100–105页. URL: <https://www.fx361.com/page/2016/1018/278616.shtml> (accessed: 07.07.2023). (In Chin.)
- 罗珍: 中国密约是不平等条约吗 [Luo Zhen. Is the Sino-Russian Secret Treaty an unequal one?]. 北方路丛. 1997年. 第六期. 第85–89页.
 URL: <https://www.ncpsd.org/Literature/articleinfo?id=1002471966&type=journalArticle&typename=%E4%B8%AD%E6%96%87%E6%9C%9F%E5%88%8A%E6%96%87%E7%AB%A0&nav=1&langType=1&pageUrl=https%253A%252F%252Fwww.ncpsd.org%252Fjournal%252Fdetails%253Fgch%253D82048X%2526years%253D1997%2526num%253D6%2526nav%253D1%2526langType%253D1> (accessed: 07.04.2023). (In Chin.)
- 谭文凤: 中国密约是不平等条约吗 [Tan Wenfeng. Two problems with the “Sino-Russian Secret Treaty” signed by Li Hongzhang]. 历史档案. 1999年. 第4期. 第119–122页. (In Chin.)

«Продолжение Полного собрания исторических записок Дайвьета» и его злосчастная судьба

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027152-8

Федорин Андрей Львович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000–0003–0336–0055. E-mail: ffeedd@list.ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2023.

Аннотация:

Имеющийся у нас текст основополагающего источника по истории древнего и средневекового Вьетнама — «Полного собрания исторических записок Дайвьета» — освещает события в этой стране от глубокой древности и до 1675 г. Между тем канонический текст этой летописи, распространившийся в виде ксилографов в конце XVIII в., доводил это описание до 1740 г., однако в результате существенной правки его заключительной части, проведенной по политическим мотивам при первых императорах династии Нгуен (1802–1945), он был кардинально сокращен, а описание последних 65 лет (1676–1740 гг.) из него вообще исключили. При этом ни одного полного ксилографа исходного текста хроники, каким его сформировали в XVIII в., до нашего времени не дошло. В статье излагается история создания этой летописи, ее принципиальные отличия от аналогичных китайских источников, которые, безусловно, служили для нее образцами, в первую очередь за счет выделения ее дидактической функции в качестве основной. В результате этот «единый учебник истории» всегда составлял важную часть в системе подготовки кадров средневекового чиновничества во Вьетнаме, текст его был весьма устойчивым и изменялся только по политическим соображениям (при приходе к власти новой династии), чаще всего за счет существенного сокращения. Настоящая статья посвящена вопросам восстановления (хотя бы частичного) первоначального варианта источника и его утраченного текста по периоду с 1676 по 1740 г.

Ключевые слова:

История Вьетнама в средние века и в новое время, вьетнамское летописание, Полное собрание исторических записок Дайвьета.

Для цитирования:

Федорин А.Л. «Продолжение Полного собрания исторических записок Дайвьета» и его злосчастная судьба // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 164–173.

DOI: 10.31857/S013128120027152-8.

В начале правления династии Нгуен (1802–1945) в ходе подготовки к восстановлению централизованной системы государственных экзаменов на право занимать чиновничьи должности встал вопрос о пересмотре одного из основных канонических материалов, необходимых для подготовки соискателей — официальной исторической хроники страны. Соответствующие издания времен династий Поздних Ле (1428–1789) и Тайшонов (1778–1802), особенно их последние главы, для этого не годились, поскольку содержали откровенные враждебные выпады в адрес вновь утвердившейся на престоле новой династии, неверную, с ее точки зрения, интерпретацию некоторых событий и даже по своей форме во многих случаях были для нее неприемлемы. Работа по переделке летописи, которая была начата еще при императоре Зя-лонге (1802–1819) и завершена уже при императоре Миньманге (1819–1841), уделявшем идеологическим проблемам особое внимание, привела к появлению ее нового текста, где последние главы были кардинально сокращены, а описание событий 1676–1740 гг. вообще опущено. При этом власти потребовали все прежние ксилографы хроники с изначальным текстом XVIII в. по всей стране конфисковать и уничтожить как крамольные. Это и было сделано, причем настолько качественно, что ни одного экземпляра прежде весьма распространенного издания до сих пор найти не удалось. Между тем

в короткий промежуток времени в начале XIX в., когда прежний вариант еще продолжал существовать, он стал источником сразу для нескольких частных рукописных исторических работ разных авторов, которые его не просто цитировали, но полностью клали в основу своих произведений, лишь трансформируя и добавляя новую информацию. Эти работы и по форме, и по содержанию были вполне лояльными действующей власти, поэтому в число апокрифов не попали. Их тщательный анализ и сравнение между собой позволяют хотя бы частично восстановить утраченный текст описания событий 1676–1740 гг. в том виде, в котором он был написан в XVIII в.

Изначально «Продолжением Полного собрания исторических записок Дайвьета», вернее «Продолжением Основных анналов Полного собрания исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки бан ки тук биен*), назывался последний раздел главного исторического памятника Вьетнама — «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (далее — ТТ). Всего таких разделов (кроме сборника предисловий) в его ксилографе, окончательно сформировавшемся в 1775 г. и охватывающем историю страны с глубокой древности и до 1740 г., было четыре: «Полное собрание внешних анналов исторических записок Дайвьета» (I—V главы Внешних анналов), «Полное собрание Основных анналов исторических записок Дайвьета» (I—XI главы Основных анналов), «Правдивое повествование Основных анналов исторических записок Дайвьета» (главы XII—XV Основных анналов) и «Продолжение Основных анналов полного собрания исторических записок Дайвьета» (начиная с XVI главы Основных анналов). В XIX в. этот последний раздел, самый объемный в хронике, в силу своей политической актуальности претерпел серьезные изменения, в результате которых оказался сокращенным до всего четырех глав (XVI—XIX главы Основных анналов). При этом 65-летний период истории страны (1676–1740 гг.) в нем оказался вообще не освещенным. Между тем, это был крайне интересный период «золотого века» традиционного вьетнамского государства, завершившийся глубокими социально-экономическими потрясениями, поэтому попытка восстановления первоначального текста основного официального источника XVIII в., его касающегося, который мы в дальнейшем и будем называть «Продолжением Полного собрания исторических записок Дайвьета» (далее — ТБ, *Tục biên*), представляется весьма важной.

Как мы уже неоднократно писали в наших работах¹ основным отличием вьетнамской историографической традиции от китайской (при их безусловной генетической связи) являлось то, что для вьетнамских летописцев целью их работ было не столько зафиксировать факты прошлого для будущих поколений, сколько составить дидактический сборник описаний исторических ситуаций, которые могли бы послужить уроком для его читателей, примером для подражания или образцом для осуждения. Для них главным жанром был своеобразный «учебник истории», по которому готовились к испытанию на право занимать свои должности десятки поколений чиновников. Историческая традиция этой страны фактически так и не породила классических летописей по примеру китайских династических хроник с их многочисленными разделами. Попытки составить нечто подобное предпринимались Ле Куи Доном (1726–1784)² в конце XVIII в. и Фан Хуи Тю в начале XIX в. (1782–1840)³, но это была исключительно частная инициатива, результаты которой даже не были удостоены возможности быть распространенными в виде ксило-

¹ Федорин А.Л. Новые данные о вьетнамском летописании. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. С. 8–104; Полное собрание исторических записок Дайвьета (*Дайвьет шы ки тоан тхы*). ТТ. 1–8. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002–2022 (Памятники письменности Востока. СХХХ, 1–8). Т. 2. С. 26–132; Т. 3. С. 39–68.

² *Lê Quý Đôn. Đại Việt thông sử [Ле Куи Дон. Сводная история Дайвьета]*. Sài Gòn: Bộ văn hóa giáo dục và thanh niên xuất bản, 1973.

³ *Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí [Фан Хуи Тю. Классифицированное описание установлений прошлых династий]*. ТТ. 1–4. Hà Nội: Nhà xuất bản Sử học, 1960–1961.

графов. Образцом для национальной историографии всегда были не «исторические записки» (記, jì, кў, *Ши цзи* Сыма Цяня), а «канон истории» (書, shu, thur, *Шу цзин* и основная вьетнамская летопись *Дайвьет шы ки тоан тхы*). Как и любой другой «единый учебник истории» он мог существовать только в одном единственном варианте, общим для всех и обязательно в виде ксилографа. С течением времени менялись династии, менялось отношение властей к тем или иным событиям и деятелям и вместе с этим менялся и текст «учебника». При этом прежние его редакции, не соответствующие «новым требованиям», становились апокрифами и безжалостно уничтожались, т.к. не имели уже в глазах потребителей (чиновников и образованной части населения) какой-либо самостоятельной ценности, более того, содержали крамолу, в распространении которой могли обвинить владельцев соответствующих книг. К глубокому сожалению современных историков, при таком подходе к исправлению текста он из века в век непрерывно сокращался, становясь все более и более лапидарными и содержащим все больше «скрытых указаний», которые были понятны только составителям и «посвященным»⁴.

История создания и бытования «Полного собрания исторических записок Дайвьета» в том виде, в котором этот источник дошел до нашего времени, уже была проанализирована автором данного предисловия ранее⁵. Напомним лишь основные этапы его существования. Примерно в 70-х гг. XI в., когда вьетнамское государство, по выражению китайских историографов, «решило обратить себя в империю» и появился Дайвьет, по-видимому, был написан первый вариант собственной хроники, в основном на материалах китайских произведений (до X в.), а также семейных хроник первых самостоятельных династий (Нго, Динь, Ранние Ле) и, возможно, «правдивого повествования» (*шилун*) времен династии Поздние Ли (1010–1225). Именно этот текст при династии Чан (1225–1400) был взят за основу составителями хроники *Вьет шы лыок*, случайно сохранившейся в Китае, исторических разделов работы Ле Чака *Аннам тыи лыок* и хроники Ле Ван Хыу «Исторические записки Дайвьета» (*Дайвьет шы ки*) (1272 г.), которая и стала первым подобным «учебником истории», где описание событий было доведено до последнего года правления предыдущей династии и сопровождалось многочисленными комментариями автора.

При первых императорах династии Поздние Ле (1428–1789) Фан Фу Тиен написал разделы, касающиеся правления династии Чан и Хо (1400–1407), периода зависимости Вьетнама от китайской династии Мин (1407–1427), а также первых лет правления вновь созданной династии (по-видимому, до 1459 г., может быть и позже, но точно не раньше), назвав все это «Продолжением исторических записок» (*Шы ки тук биен*). Они, судя по всему, составляли отдельную работу (следов вмешательства Фан Фу Тиена в текст Ле Ван Хыу обнаружено не было). В 1479 г. Нго Ши Лиен по заданию императора Ле Тхань-тонга (прав. в 1460–1497 гг.) обработал оба предыдущих текста, добавил к ним первую главу, касающуюся легендарных правителей страны, снабдил все главы своими предисловием и многочисленными комментариями и дал работе ее современное название — «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тоан тхы*). Безусловно, именно в это время появился первый ксилограф хроники⁶, и она стала

⁴ Федорин А.Л. «Скрытые указания» во вьетнамских летописях // *Юго-Восточная Азия: от прошлого к современным трендам развития: коллективная монография*. Отв. ред. Н.Н. Бектимирова, И.Н. Липилина. М.: Издательский дом ВКН, 2020. С. 123–131.

⁵ Федорин А.Л. Новые данные о вьетнамском летописании. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. С. 102–114.

⁶ Некоторые особенности текста сохранившегося до нас экземпляра ТТ (следы соблюдения правила избегать использования соответствующих запретных иероглифов) свидетельствуют о том, что впервые текст летописи мог быть положен на доски еще раньше, при династии Хо. Но это только предположение. Однако то, что он уже был в виде ксилографа во времена императора Ле Тхань-тонга, сомнений не вызывает.

тем самым «учебником истории», который должны были наизусть знать все те, кто претендовал на победу на государственных конкурсных испытаниях.

Следующим этапом работы над хроникой стало продолжение ее текста Ву Куи-нем, дописавшим «Основные анналы четырех императоров» (1460–1509 гг.) и назвавшим свою работу «Полное исследование всеобщего зеркала [истории] Дайвьета» (*Дайвьет тхонг зям тхонг као*) (1511 г.).

После падения династии Ле Шо в 1527 г. все атрибуты государственной власти, включая заботу о государственной хронике, попали в руки династии Мак, чьи анонимные историки довели повествование, по-видимому, до 1529 г., подробно описав приход к власти основателя этой династии Мак Данг Зунга и существенно подкорректировав текст, существовавший ранее. Новая хроника состояла из двух частей: «Полное собрание всеобщего зеркала исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тхонг зям тоан тхы*) и «Продолжение всеобщего зеркала исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тхонг зям тук биен*). Первая из них описывала события с древности и до периода зависимости от Минов включительно, вторая же, как это и было положено, была посвящена правлению династии Ле Шо, которую Маки считали своей предшественницей.

В 1593 г., после утраты Маками контроля над столицей и подавляющей частью территории страны, забота о национальной хронике вновь перешла к династии Поздние Ле (Реставрированные Поздние Ле или Ле Чунг-хынг), вернее к контролировавшему этих императоров дому Чинь. Впрочем, находясь в состоянии противостояния с остатками Маков, а чуть позже, с новым противником, южными сепаратистами во главе с родом Нгуен, они далеко не сразу озаботились этой проблемой. Однако конкурсы на выдвижение гражданских чиновников не прерывались, без «учебника истории» обойтись было никак нельзя, «вражеский» вариант, существовавший при Маках, для этого не подходил, поэтому уже где-то в первой половине XVII вв. некто Данг Бинь, о котором, кроме имени, нам больше ничего не известно, внес соответствующую правку в последнюю на тот момент главу хроники, добавил в ее текст три нелицеприятных для Мак Данг Зунга комментариев и вернул источнику прежнее название, которое тот получил еще в XV в. от Нго Ши Лиена (*Дайвьет шы ки тоан тхы*), доведя текст до 1532 г., кануна возвращения к власти династии Поздние Ле. При этом автор не сильно утруждал себя тщательной переработкой всего текста, поэтому явные следы маковских интервенций в летопись так в ней и остались. Работу свою он закончил довольно поздно, не ранее 1643 г.

Возвращение интереса к вопросам идеологического воспитания будущих кадров гражданских чиновников во времени совпало с постепенным затуханием междоусобных войн. В начале 60-х гг. XVII в. комиссии во главе с тогдашним руководителем гражданской администрации страны Фам Конг Чы (1600–1675) было поручено отредактировать весь текст хроники. В результате работы этой комиссии описание истории страны было доведено до 1662 г. Вкупе с предыдущими разделами хроника была признана официальной, и ее было предложено заново перенести на доски для распространения по всей стране. Но на новые доски успели перенести только ее часть (Внешние анналы, а также I—VII и XII главы Основных анналов), а затем эта работа по каким-то причинам была прекращена: оставшиеся главы источника вплоть до XV-й по-прежнему тиражировались со старых досок.

В 1676 г. была создана новая комиссия по составлению государственной летописи, которую также возглавляли высшие администраторы страны, сначала Хо Ши Зыонг (1622–1681), а после его смерти — Ле Хи (1646–1702). Принято считать, что они переделали всю хронику и заново посадили ее на печатные доски. Однако это не так. Анализ сохранившихся ксилографов показывает, что частей, описывающих историю страны до 1533 г. они практически не касались, сосредоточив все свои усилия на главах, посвященных периоду с 1533 по 1675 г., и реально писали не историю династии Поздние Ле того времени, а историю фактически правившего в стране дома Чинь со всеми вытекающими отсюда атрибутами, в частности, с делением на разделы в том числе и по периодам прав-

ления отдельных правителей-*тоа* из этой рода. Данная работа была завершена в 1697 г., который и считается временем создания ТТ, хотя к этому утверждению стоит отнестись критически. Именно в этих временных рамках (с древности до 1675 г.) существует и нынешний «канонический» вариант летописи, недавно переведенный на русский язык⁷.

В середине XVIII в. знаменитый вьетнамский историограф Ле Куи Дон написал свою версию хроники периода с 1533 по 1675 г. в восьми главах⁸. Она не была заменой «учебника», но пользовалась спросом и также стала ксилографом. Для нас это работа важна тем, что от нее, единственной из всех хроник династии Поздние Ле XVIII в., сохранилась хотя бы часть исходного текста, что сделало возможным проследить на основе компаративного анализа систему вьетнамского летописания в то время.

На этом история создания ТТ не закончилась: ориентировочно в 1775 г. были созданы еще шесть глав этого источника (XX—XXV) по периоду с 1676 по 1740 г., которые также были положены на доски и интегрированы к общую ткань «учебника». Эти шесть глав были составлены комиссией под руководством Нгуен Хоана (1713–1792) и получили название «Продолжение государственной истории» (*Куок шы тук биен*) или «Продолжение Основных анналов» (*Бан ки тук биен*)⁹. В целостном виде эти главы до нас не дошли (причин этого коснемся ниже).

После падения в 1789 г. Поздних Ле и прихода к власти династии Тайшон (1778–1802) прежний «учебник истории» апокрифом не стал хотя бы потому, что в его тексте ничего плохого о новой династии, появившейся на политической арене много позже 1740 г., сказано не было. Однако историки новой администрации страны во главе с Нго Тхи Нямом (1746–1803) на этот раз пошли по новому пути: они не стали переделывать под себя прежний вариант летописи, но решили написать абсолютно новую хронику с другим разделением на главы, а главное, с оценками и комментариями. Первая часть этой хроники — «Предварительные записи к историческим запискам Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тиен биен*)¹⁰, к счастью, сохранилась до наших дней. Прежнюю ТТ никто не запрещал, но утрата этим текстом утилитарного статуса «учебника истории», безусловное, негативно сказалась на его сохранности: он стал никому не нужен.

С приходом к власти Нгуенов (1802–1945 гг.), последней императорской династии во Вьетнаме, вновь встал вопрос о канонической хронике. Использовать вариант опального Нго Тхи Няма, что бы он там ни написал, было никак нельзя, поскольку главной линией новой династии было полное и безусловное отрицание всего того, что было принято и сделано Тайшонами. Летопись, созданная при Поздних Ле, особенно ее поздние разделы, и по содержанию, и по форме также во многом была неприемлема. Но «учебник» был нужен, конкурсные экзамены необходимо было возобновлять. За основу проекта его воссоздания, который, кстати, впервые был реализован не централизованно, государством, как прежде, а

⁷ Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). ТТ. 1–8. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002–2022 (Памятники письменности Востока. СXXX, 1–8).

⁸ Đại Việt sử ký toàn thư [Полное собрание исторических записок Дайвьета]. Т. 4. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1993. Тт. 645–670. (Ксилограф глав XX, XXI и части главы XXII Основных анналов ТТ на ханвьете, хранившийся в библиотеке первого министра просвещения в правительстве ДРВ Нгуен Ван Хуена); Федорин А.Л. Новые данные о вьетнамском летописании. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. С. 93–101.

⁹ Đại Việt sử ký tục biên [Продолжение исторических записок Дайвьета]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1991. Тт. 5–6.

¹⁰ 大越史記前編 [Đại Việt sử ký tiền biên, Предварительные записи к историческим запискам Дайвьета]. Ксилограф А.2/1–7 на ханвьете, хранившийся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm); Đại Việt sử ký tiền biên [Предварительные записи к историческим запискам Дайвьета]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1997.

частным образом, под руководством чиновника Нгуен Ба Кхоа, был все-таки положен текст ТТ времен Поздних Ле, и поступили с ним примерно так же, как и Данг Бинь в XVI в.: всю древность (Внешние анналы, I—XV главы Основных анналов, повествующие о событиях до 1532 г.) не тронули, XVI и XVII главы кардинально изменили, а XVIII и XIX главы переписали заново. Свою летопись Нгуен Ба Кхоа довел лишь до 1675 г., взяв за основу хронологические рамки времен комиссии Ле Хи. А все более поздние главы по существу того же самого источника он просто опустил, сочтя, видимо, что с дидактической точки зрения они особой ценности не представляют.

В результате всех этих многовековых манипуляций образовался чрезвычайно сложный и запутанный конгломерат текстов, самую древнюю часть которого (VIII—X главы Основных анналов) составляли копии оттисков с досок, созданных еще при Нго Ши Лиене, затем (XI и XIII—XIV главы) шли аналогичные тексты Ву Куиня (в обоих случаях с изменениями, внесенными во времена правления династии Мак). За основу XV главы был взят текст, созданный при династии Мак, но кардинально исправленный Данг Бинем. Внешние анналы, I—VII и XII главы Основных анналов — это ксилограф, окончательно сформировавшийся в результате работы комиссии Фам Конг Чы в 60-х гг. XVII в. и не претерпевший с тех пор заметных глазу изменений. XVI и XVII главы Основных анналов — это совместное творчество комиссий Фам Конг Чы и Ле Хи с кардинальной правкой (в сторону сокращения) Нгуен Ба Кхоа, внесенной в начале XIX в. И, наконец, XVIII и XIX главы Основных анналов можно уже считать плодом труда самого Нгуен Ба Кхоа (или его сподвижников), который, несомненно, опирался на более ранние тексты ТТ, но почти ничего не оставил от оригинала. Тем не менее именно этот текст был заново положен на доски (комплект досок, с которых был отпечатан базовый ксилограф ТТ, хранящийся в Париже, так называемый «*Nội các quan bản*») и стал распространяться в стране в качестве канонического. В 1827 г. доски ТТ из Ханоя перевезли в новую столицу (г. Хуэ). С них сделали 30 оттисков и раздали их ученикам школы Сынов отечества, чтобы они исправили ошибки и неточности и поменяли в соответствии с регламентом все династические запретные иероглифы на их аналоги. Затем с этих исправленных листов сделали новый комплект досок (так называемый «*Quốc tử giám bản*»), с помощью которого были отпечатаны все известные нам ксилографы, хранящиеся сейчас во Вьетнаме. Регулярно изменяясь (с появлением новых запретных иероглифов и заменой отдельных досок в связи с их приходом в негодность), этот комплект как рабочий инструмент просуществовал до 80-х гг. XIX в., когда на свет появился новый «учебник» — «Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности» (*Kхам динь Вьет ши тхонг ям кьонг мук*)¹¹, полностью заменивший прежний и выведший его из обращения. Как это и положено, описание исторических событий в этой летописи было доведено до 1789 г., т.е. до времени падения династии, правившей до Нгуенов (Тайшонов в качестве легитимной династии они не признавали), став более полным, чем в тексте ТТ.

С появлением нового варианта ТТ император Минь-манг в 1838 г.¹² издал указ, предписывающий изъять и уничтожить все прежние оттиски этой хроники, сделанные до XIX в., поскольку в них содержались сведения, порочащие действующую династию и незаконно возвеличивающие «правителей-узурпаторов» из рода Чинь. И этот указ был исполнен настолько тщательно и последовательно, что вплоть до настоящего времени, кро-

¹¹ 欽定越史通鑒綱 [Khâm định Việt sử thông giám cương mục, Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности]. Ксилограф А.2674 на ханвьете, хранящийся в библиотеке Азиатского общества в Париже; Khâm định Việt sử thông giám cương mục [Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности]. Т. 1—2. Hà Nội: Nhà xuất bản Giáo dục, 2007.

¹² Đại Việt sử ký tục biên [Продолжение исторических записок Дайвьета]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1991. Tr. 7.

ме не так давно найденного небольшого фрагмента хроники Ле Куи Дона, который мы уже упоминали выше, ни одного ксилографа или его части, содержащих исходный текст летописей, созданных во Вьетнаме в XVIII в., найти так и не удалось, хотя изначально их, как обязательного пособия при подготовке к конкурсным испытаниям на право быть чиновником, должно было быть отпечатано довольно много.

Несмотря на то, что все ксилографы глав ТТ, повествующих об исторических событиях 1676–1740 гг., были уничтожены, восстановить их текст, хотя бы частично, все-таки можно. Дело в том, что при Нгуенах до 1838 г., когда соответствующие ксилографы еще хранились в некоторых частных библиотеках, уже были предприняты попытки так преобразовать их текст, чтобы он стал для властей вполне приемлемым. Это были уже не ксилографы, но авторские рукописи, в которых информацию этого источника отбирали и преобразовывали так, что она уже не могла считаться оскорбительной для правящей династии и незаконно возвеличивающей дом Чинь. Чаще всего это достигалось путем сокращения исходного текста, но нередко и добавления в него новых сведений, которых в первоисточнике быть не могло. В частности, добавляли информацию о внутренних событиях на независимом от Тханглонга юге страны, где самостоятельно правил дом Нгуен (который потом и стал правящей династией). Таким образом, история династии Поздние Ле при относительно небольших изменениях превращалась в историю государства Дайвьет в целом. Пространные цитаты из ТТ приводились и не в летописных по форме произведениях, а, например, в семейных хрониках (см. хронику рода Данг¹³), что вполне легко обнаружить. При этом многие из этих рукописей были доведены до более поздних, чем 1740 г., лет, что свидетельствует о наличии и других (кроме ксилографа ТТ), судя по всему, очень подробных летописных источников, установить которые не всегда представляется возможным.

Под запрет и уничтожение эти тексты не должны были попасть и не попали, и именно они помогают хотя бы фрагментарно восстановить первоначальный вариант глав ТТ, описывающих тот период, в том виде, в котором они существовали в XVIII в. Такие попытки, вполне удачные, уже предпринимались. Во Вьетнаме первым опытом подобного рода стала работа переводчиков Нго Тхэ Лонга и Нгуен Ким Хынга и комментатора Нгуен Донг Тьи, завершенная в 1981 г. В качестве источников своего летописного свода, доведенного до 1789 г., они указали следующие¹⁴:

1. «Продолжение Основных анналов исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки бан ки тук биен*), рукопись под шифром А.1415 (1676–1753 гг.).
2. «Продолжение Основных анналов исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки бан ки тук биен*), рукопись под шифром А.2089 (1676–1733 гг.).
3. «Продолжение вьетской истории» (*Вьет шы тук биен*), рукопись под шифром А.6 (1676–1740 гг.).
4. «Продолжение исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тук биен*), рукопись под шифром А.1210 (1676–1789 гг.).
5. «Продолжение исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тук биен*), рукопись под шифром А.1189 (1417–1773 гг.).
6. «Продолжение исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тук биен*), рукопись под шифром А.2760 (1741–1773 гг.).
7. «Продолжение исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тук биен*), рукопись под шифром А.4 (1417–1786 гг.).

¹³ Đăng gia phả hệ toàn chính thực lục và Đăng gia phả ký tục biên [Правдивое повествование о главной линии рода Данг и Продолжение семейной хроники рода Данг]. Hà Nội: Nhà xuất bản Thế giới, 2006.

¹⁴ Đại Việt sử ký tục biên [Продолжение исторических записок Дайвьета]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1991. Tr. 8–9.

8. «Записки об императорах династии Ле» (*Ле хоанг чиеу ки*), рукопись под шифром А.14 (1740–1786 гг.).

9. «Краткие исторические записки о временах [правления династии] Поздние Ле» (*Хау Ле тхи шы ки лыок*), рукопись под шифром НВ.119 (1730–1789).

При переводе авторы, в первую очередь, опирались на две хроники — А.1415 (для периода с 1676 по 1740 г.) и НВ.119 (для периода с 1741 по 1789 гг.).

В своей работе они также активно использовали хронику Нго Као Ланга «Разнообразные записи о прошлых династиях»¹⁵, самую раннюю и самую подробную по сравнению со всеми перечисленными выше, хотя почему-то не сочли ее еще одним из вариантов переработки поздних глав ТТ и привлекали лишь для подготовки комментариев.

Наконец, в 1986 г. японский ученый китайского происхождения Чэнь Цзинхэ предложил свой вариант сводного текста ТБ (на ханвьете) по периоду с 1676 по 1789 г.¹⁶, который, судя по всему, базировался на рукописи А.1210 (см. выше).

По нашему мнению, восстановление, насколько это возможно, исходного текста ТБ по периоду 1676–1740 гг. является важной задачей, решение которой позволит создать прочную источниковедческую базу для исследования процессов, происходивших во вьетнамском обществе в этот сложный и неоднозначный период. Первые важные успешные шаги в этом направлении были уже предприняты вьетнамскими исследователями¹⁷, однако, к сожалению, ими не был опубликован реконструированный текст на ханвьете, но только его перевод и комментарии к нему. Кроме того, на наш взгляд, они не в полной мере учли сведения главного источника для восстановления текста ТБ — работу Нго Као Ланга¹⁸. В ближайшее время мы планируем продолжить изучение этой утраченной хроники, сделав основной упор на воссоздании и публикации текста на ханвьете, основываясь на имеющихся у нас материалах (хроника Нго Као Ланга, реконструкция Чэнь Цзинхэ на базе рукописи А. 1210, находящаяся в нашем распоряжении копия рукописи А.1189¹⁹) и результатах исследования погибшей летописи вьетнамскими учеными.

Литература

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). ТТ. 1–8. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002–2022 (Памятники письменности Востока. СХХХ, 1–8).

Федорин А.Л. Новые данные о вьетнамском летописании. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. 207 с.

Федорин А.Л. «Скрытые указания» во вьетнамских летописях // *Юго-Восточная Азия: от прошлого к современным трендам развития: коллективная монография*. Отв. ред. Н. Н. Бектимирова, И. Н. Литилина. М: Издательский дом ВКН, 2020. С. 123–131.

¹⁵ 歷朝裸紀 [Lịch triều tạp kỷ, Разнообразные записи о прошлых династиях]. ТТ. 1–4, 6. Рукопись Vh.v.1321 на ханвьете, хранящаяся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm); Ngô Cao Lãng. Lịch triều tạp kỷ [Нго Као Ланг. Разнообразные записи о прошлых династиях]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1995.

¹⁶ 大越史記. 校合本 [Дай Юэ си ки дзэнсё, Полное собрание исторических записок Дайвьета. Сводный текст]. Сост. и коммент. Чэнь Цзинхэ. Т. 3. Токио, 1986 (Текст на ханвьете, предисловие и комментарии на японском языке).

¹⁷ Đại Việt sử ký tục biên [Продолжение исторических записок Дайвьета]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1991.

¹⁸ 歷朝裸紀 [Lịch triều tạp kỷ, Разнообразные записи о прошлых династиях]. ТТ. 1–4, 6. Рукопись Vh.v.1321 на ханвьете, хранящаяся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm).

¹⁹ 大越史記續編 [Đại Việt sử ký tục biên, Продолжение исторических записок Дайвьета]. Рукопись А.1189 на ханвьете, хранящаяся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm).

- Đại Việt sử ký toàn thư [Полное собрание исторических записок Дайвьета]. Т. 4. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1993. Tr. 645–670. (Ксилограф глав XX, XXI и части главы XXII Основных анналов ТТ на ханвьете, хранившийся в библиотеке первого министра просвещения в правительстве ДРВ Нгуен Ван Хуена).
- Đại Việt sử ký tiền biên [Предварительные записи к историческим запискам Дайвьета]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1997. 566 tr.
- Đại Việt sử ký tục biên [Продолжение исторических записок Дайвьета]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1991. 484 tr.
- Đặng gia phả hệ toàn chính thực lục và Đặng gia phả ký tục biên [Правдивое повествование о главной линии рода Данг и Продолжение семейной хроники рода Данг]. Hà Nội: Nhà xuất bản Thế giới, 2006. 1170 tr.
- Khâm định Việt sử thông giám cương mục [Одобрённое высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности]. Т. 1–2. Hà Nội: Nhà xuất bản Giáo dục, 2007.
- Lê Quý Đôn. Đại Việt thông sử [Ле Куи Дон. Сводная история Дайвьета]. Sài Gòn: Bộ văn hóa giáo dục và thanh niên xuất bản, 1973. 308 tr.
- Ngô Cao Lãng. Lịch triều tạp kỷ [Нго Као Ланг. Разнообразные записи о прошлых династиях]. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 1995. 696 tr.
- Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí [Фан Хуи Тю. Классифицированное описание установлений прошлых династий]. ТТ. 1–4. Hà Nội: Nhà xuất bản Sử học, 1960–1961.
- 大越史記前編 [Đại Việt sử ký tiền biên, Предварительные записи к историческим запискам Дайвьета]. Ксилограф A.2/1–7 на ханвьете, хранившийся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm).
- 大越史記續編 [Đại Việt sử ký tục biên, Продолжение исторических записок Дайвьета]. Рукопись A.1189 на ханвьете, хранящаяся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm).
- 大越史記. 校合本 [Дай Юэ си ки дзэнсё, Полное собрание исторических записок Дайвьета. Сводный текст]. Сост. и коммент. Чэнь Цзин-хэ. Т. 1–3. Токио, 1984–1986 (Текст на ханвьете, предисловие и комментарии на японском языке).
- 欽定越史通鑒綱 [Khâm định Việt sử thông giám cương mục, Одобрённое высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности]. Ксилограф A.2674 на ханвьете, хранившийся в библиотеке Азиатского общества в Париже.
- 歷朝裸紀 [Lịch triều tạp kỷ, Разнообразные записи о прошлых династиях]. ТТ. 1–4, 6. Рукопись Vh.v.1321 на ханвьете, хранящаяся в Ханое в библиотеке Института иероглифической письменности (Viện Hán—Nôm).

“Continuation of the Complete Collection of the Historical Notes of Dai Viet” and Its Unfortunate Fate

Andrei L. Fedorin

Dr.Sc. (History), Leading Research Scholar, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nahimovskiy Av., Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–0336–0055. E-mail: ffeedd@list.ru

Received 15.07.2023.

Abstract:

The text of the “Continuation of the complete collection of the historical notes of Dai Viet” available for us is a fundamental source of the history of ancient and medieval Vietnam covers the events in this country from ancient times to 1675. Meanwhile the canonical text of this chronicle, distributed in the form of xylographs in the late 18 century, brought the description up to 1740. However, as a result of a significant revision of its final part carried out for political reasons under the first emperors of the Nguyen dynasty (1802–1945) the canonical text was drastically reduced, and the description of the last 65 years (1676–1740) was excluded from it altogether. At the same time, not a single complete xylograph of the original text of the chronicle, as it was formed in the 18th century, has reached our time. The article describes the history of the creation of this chronicle, its fundamental differences from Chinese sources, which certainly served as a model for it, primarily by highlighting its didactic function as the main one. As a result, this “unified history textbook” has always been an

important part in the training system of Vietnam's medieval bureaucracy, its text was very stable and changed only for political reasons (during the transition to power of a new dynasty), most often due to significant reduction. This article is devoted to the questions of how is it possible to at least partially restore the original version of the source and his lost text for the period from 1676 to 1740.

Key words:

History of Vietnam in the Middle Ages and modern times, Vietnamese chronicle, The Complete collection of the historical notes of Dai Viet.

For citation:

Fedorin A.L. "Continuation of the Complete Collection of the Historical Notes of Dai Viet" and Its Unfortunate Fate // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 4. Pp. 164–173.

DOI: 10.31857/S013128120027152-8.

References

- Dai Viet su ky tien bien [The historical notes of Dai Viet. Preliminary notes]. Ha Noi: Nha xuất bản Khoa học xã hội, 1997. 566 tr. (In Viet.)
- 大越史記前編 [Dai Viet su ky tien bien, The historical notes of Dai Viet. Preliminary notes]. Xylograph A.2/1–7. (In Hanviet)
- Dai Viet su ky toan thu [The complete collection of the historical notes of Dai Viet]. T. 4. Ha Noi: Nha xuất bản Khoa học xã hội, 1993. (In Viet.)
- Dai Viet su ky tuc bien [Continuation of the complete collection of the historical notes of Dai Viet]. Ha Noi: Nha xuất bản Khoa học xã hội, 1991. 484 tr. (In Viet.)
- 大越史記續編 [Dai Viet su ky tuc bien, Continuation of the complete collection of the historical notes of Dai Viet]. Manuscript A.1189. (In Hanviet)
- 大越史記. 校合本 [Dai Yuesi ki dzen sie, The complete collection of the historical notes of Dai Viet. Summary text]. T. 3. Tokyo, 1986. (In Hanviet and Japan.)
- Dang gia pha he toan chinh thuc luc va Dang gia pha ky tuc bien [Family chronicle of the Dang family]. Ha Noi: Nha xuất bản The gioi, 2006. 1170 tr. (In Viet.)
- Fedorin A.L. Novyye dannyye o vietnamskom letopisanii [The new information about the vietnamese chronicles]. M.: Vostochnaya literatura. 2008. 207 s. (In Russ.)
- Fedorin A.L. «Skrytyie ukazaniya» vo vietnamskih letopisyah [«Secret indications» in the vietnamese cronicles]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: ot proshlogo k sovremennym trendam razvitiya* / otv. red. N.N. Bektimirova, I.N. Lipilina. M.: VKN. 2020. S. 123–131. (In Russ.)
- Kham dinh Viet su thong giam cuong muc [Reflected history of Viet, base and details, created on the Emperor's command]. T. 1–2. Ha Noi: Nha xuất bản Giáo dục, 2007. (In Viet.)
- 欽定越史通鑑綱 [Kham dinh Viet su thong giam cuong muc, Reflected history of Viet, base and details, created on the Emperor's command]. Xylograph A.2674. (In Hanviet)
- Le Quy Don. Dai Viet thong su [General history of Daiviet]. Sai Gon: Bo van hoa, giao duc va thanh nien xuất bản, 1973. 308 s. (In Viet.)
- 歷朝裸紀 [Lich trieu tap ky, Various records of past dynasties]. TT. 1–4, 6. Manuscript Vhv.1321. (In Hanviet)
- Ngo Cao Lang. Lich trieu tap ky [Various records of past dynasties]. Ha Noi: Nha xuất bản Khoa học xã hội, 1995. 696 tr. (In Viet.)
- Phan Huy Chu. Lich trieu hien chuong loai chi [Classified description of past dynasties]. T. 1–4. Ha Noi: Nha xuất bản Su hoc, 1960–1961. (In Viet.)
- Polnoye sobraniye istoricheskikh zapisok Daiviet (Dai Viet su ky toan thu) [The complete collection of the historical notes of Dai Viet]. TT. 1–8. M.: Vostochnaya literatura. 2002–2022. (In Russ.)

ОБРАЗОВАНИЕ / EDUCATION**Автономный район Внутренняя Монголия в реализации образовательной политики Китая во Внутренней Азии**

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120027413-5

Актамов Иннокентий Галималаевич

Кандидат педагогических наук, доктор философии (Ph.D.), заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (адрес: 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

ORCID: 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13@gmail.com

Статья поступила в редакцию 01.08.2023.

Аннотация:

Статья посвящена краткому обзору основных тенденций в образовательном сотрудничестве между Россией, Китаем и Монголией. В фокусе исследования — Автономный район Внутренняя Монголия как особое культурно-образовательное пространство, в рамках которого реализуется взаимодействие в сфере высшего образования. На основе статистических данных выявлено, что студенты из Монголии и регионов Сибири и Дальнего Востока России представляют подавляющее большинство в доле иностранных студентов региона. В качестве основных «факторов притяжения» выступают стипендиальные программы различных уровней — Правительства КНР, Народного правительства Внутренней Монголии и вузов региона. Существенным стимулом является выделение специальных квот для поступающих из Монголии, а также вузов-партнеров из России. Определено, что вузы АРВМ за последние 15 лет стали одними из ключевых центров привлечения иностранных студентов из Монголии и российских регионов Внутренней Азии. Руководство Китая рассматривает Внутреннюю Монголию как важный регион для реализации внутренней национальной политики. В последние годы данный регион играет важную роль в выстраивании отношений с Монголией и Россией в контексте реализации глобальных инициатив Китая и гуманитарного сотрудничества в целом. Выдвигается предположение, что в перспективе Внутренняя Монголия будет выполнять стратегические задачи как с точки зрения внутренней политики, так и реализации внешнеполитического курса КНР.

Ключевые слова:

Автономный район Внутренняя Монголия, Россия, Китай, Монголия, гуманитарное сотрудничество, Внутренняя Азия, высшее образование.

Источники финансирования:

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия».

Благодарности:

Выражаю глубокую благодарность профессору Лю Цзяньцзиню (罗见近教授) за его руководство, помощь и поддержку, оказанную во время моей научной стажировки в Институте Ли Ди Института истории науки и техники Педагогического университета Внутренней Монголии (内蒙古师范大学科学技术史研究院李迪书院).

Для цитирования:

Актамов И.Г. Автономный район Внутренняя Монголия в реализации образовательной политики Китая во Внутренней Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 174–187. DOI: 10.31857/S013128120027413-5.

Регион Внутренняя Азия определяется различными характеристиками — природно-географическими, историко-культурными, геополитическими, этноконфессиональными и др. Зачастую эти характеристики накладываются друг на друга: вступают в противоречие либо, напротив, взаимно усиливаются. Наиболее объективным является определение данного региона как глубинной территории субконтинента Центральная Азия. Но даже с точки зрения географии тут нет единого понимания. В свою очередь, природные и социокультурные характеристики позволяют объединить в единое геокультурное пространство три региона России — Республику Бурятия, Республику Тыва и Забайкальский край, территорию Монголии и два субъекта Китая — Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР)¹.

Особое геополитическое значение регион Внутренняя Азия обретает в начале прошлого столетия. Этому способствовали глобальные изменения в Европе, связанные с революциями и Первой мировой войной. Советский Союз, образовавшийся в результате этих геополитических процессов, предложил новую идеологию и государственное устройство, которые были приняты в том числе и в государствах Азии, в первую очередь в МНР и КНР. Идеологическая борьба между коммунистической и капиталистической идеологиями неизменно сопровождалась революциями и гражданской войной, в результате которых были образованы государства, взявшие курс на строительство нового общества в соответствии с идеалами коммунизма.

Из-за милитаристских амбиций Японии в первой половине XX в. Северо-Восточная Азия также стала ареной боевых действий. Японское правительство рассматривало Внутреннюю Азию как стратегически важную территорию. В результате совместные действия СССР, МНР и КНР против Японии позволили отстоять территориальную целостность государств и обеспечить региональную безопасность в Азии. Во второй половине XX в. данный регион активно не вовлекался в глобальные геополитические и геоэкономические процессы. Конец XX в. и начало XXI в. вновь ознаменовались важными историческими событиями, которые отразились и на регионе Внутренняя Азия. В первую очередь это распад Советского Союза и социально-политические изменения в странах бывшего социалистического блока, в том числе и в Монголии. Китай после объявления политики реформ и открытости планомерно двигался своим курсом, с небольшими корректировками во внешней политике. Во внутренней политике был сделан акцент на развитии экономически наиболее отсталых северо-западных территорий, в частности автономных районов Тибет, Синьцзян и Внутренняя Монголия. Эти приграничные территории представляют стратегический интерес для КНР в новом тысячелетии. Автономный район Внутренняя Монголия имеет большое значение для Китая по ряду причин. Прежде всего, это первая национальная автономия в составе КНР. Во-вторых, на фоне Тибета и Синьцзяна, Внутренняя Монголия выделяется своей относительной социально-политической стабильностью. В-третьих, расположение АРВМ весьма выгодно с точки зрения развития экономических связей с центральными регионами страны. Кроме того, выгодное положение автономия занимает с точки зрения развития внешнеэкономических связей с Россией и Монголией. Большое значение имеют природные запасы, которыми богата Внутренняя Монголия. В первую очередь это уголь, редкоземельные металлы, железная руда и т.д. После объявления Си Цзиньпином глобальных инициатив «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», которые впоследствии объединились в инициативу «Один пояс, один путь», Внутренняя Монголия стала выступать как форпост внешней политики КНР во Внутренней Азии.

¹ Гомбоев Б.О., Харимаева В.Г. Сбалансированное развитие пастбищного животноводства в степном комплексе районов Внутренней Азии: актуализация исследования природных, хозяйственных и культурных оснований // *Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география*. 2023. № 1. С. 46.

Опыт гуманитарного сотрудничества в XX в.

Гуманитарное сотрудничество между Россией (СССР), Монголией (МНР) и КНР занимает важное место в развитии трехсторонних отношений. Образовательная сфера является в этом плане фундаментом, обеспечивающим условия для дальнейшего расширения взаимодействия.

На этапе становления новой государственности в начале прошлого века Россия столкнулась с острой нехваткой квалифицированных кадров, низким уровнем грамотности населения. Для решения данных проблем была разработана программа ликвидации безграмотности. С 1919 г. до начала 1940-х гг. проводилось обучение взрослых и детей чтению, письму, арифметике и другим дисциплинам общеобразовательного цикла. Это был уникальный и самый масштабный образовательный проект в истории нашего государства. Есть основания полагать, что подобных прецедентов не было и в мировой практике. Принципиально важной задачей являлось также воспитание политически грамотных граждан, всецело понимающих сущность социалистических преобразований, их значимость и пользу для развития страны.

Со схожими проблемами столкнулось руководство Монголии после Народной революции 1921 г. Несколькими десятилетиями позже, после образования КНР в 1949 г., правительство Китая также вынуждено было решать вопрос ликвидации безграмотности. Вскоре после основания Китайской Народной Республики руководство страны направило большое количество своих студентов в Советский Союз и социалистические страны Восточной Европы для изучения передовых достижений в области науки, культуры и управления. Китайское правительство разработало десятилетний план развития образования и науки, в рамках которого особое внимание было уделено обучению своих студентов за границей и отдельно — приему иностранных специалистов в Китае. Это позволило создать свои кадры, которые начали реформировать национальную систему образования. Обе страны взяли на вооружение опыт Советского Союза, который достаточно органично реализовали с учетом своих условий и социально-демографической специфики. Советская модель образования показала свою высокую эффективность, и через сравнительно короткий исторический отрезок МНР и КНР достигли успехов в реализации политики всеобщей грамотности населения.

Несмотря на объективные трудности, с которыми столкнулось монгольское государство, советские и монгольские специалисты совместными усилиями смогли реализовать комплекс мероприятий, позволивших достичь запланированных целей. Таким образом, уже к концу 1957 г. количество грамотных монголов в возрасте от 13 до 45 лет составило 93,4 %, а в 1970-х гг. Монгольская Народная Республика стала страной всеобщей грамотности, что позволило ей на основании достигнутых показателей войти в число государств с высоким культурным и научным потенциалом².

В Китае ситуация была сложнее. В силу ряда объективных причин проблема ликвидации безграмотности решалась поэтапно в разных районах страны. В данном контексте невозможно переоценить роль советских специалистов в развитии китайской системы общего образования, профессионального обучения и образования, становления научных школ КНР. Принципиальное политическое и идеологическое значение имела языковая политика, научные основы которой также были заложены при помощи советских специалистов. Об этом в своем исследовании пишет профессор Хухбатор «Советский ученый Г.П. Сердюченко и литературный язык: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материа-

² Энхбаяр Д. Трансформация системы образования Монголии // *Власть*. 2011. № 3. С. 97.

лов 1950-х гг.»³. Как отмечает С.С. Семенова: «...в связи с расширением международно-го сотрудничества Советского Союза и КНР в 50-х — начале 60-х гг. учебные заведения Китая всех видов изучали педагогическую теорию и опыт Советского Союза, а также приглашали советских специалистов. Советские специалисты оказали большую помощь, особенно в создании широкой сети производственного обучения и профессионально-технического образования. В 1949–1959 гг. в учебных заведениях Китая работало свыше 760 советских преподавателей, при их участии было создано 337 кафедр и почти 560 лабораторий. Одновременно они подготовили свыше 4 тыс. аспирантов и 7 тыс. педагогических работников. В конце 50-х — начале 60-х гг. в учебных заведениях СССР прошли обучение более 10 тыс. китайских специалистов»⁴. Охлаждение в отношениях между Советским Союзом и КНР в первой половине 1950-х гг. привело к тому, что в 1960 г. практически все советские специалисты были отозваны, и китайская экономика оказалась в очень затруднительном положении. В 1966 г. начинается «культурная революция», которая была негативно встречена советским правительством, а в 1969 г. вспыхнул конфликт из-за острова Даманский (珍宝岛). Нормализация отношений началась лишь в 1980-х гг. Новый этап межгосударственных отношений начался после распада Советского Союза.

Новый этап отношений связан с первым официальным визитом в КНР Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. В ходе визита с 17 по 19 декабря 1992 г. Б. Ельцин встретился с высшим руководством страны в лице Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя и Председателя КНР Ян Шанкуня. По итогам переговоров была подписана Совместная декларация об основах взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. В тексте документа было указано, что государства рассматривают друг друга в качестве дружественных стран. Помимо декларации стороны подписали межправительственный Меморандум о взаимопонимании по вопросам взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе границы, Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях и другие документы⁵.

Отношения между СССР и МНР также прошли период определенной стагнации. На волне демократической революции 1990 г. усилились настроения, направленные на отказ от советского прошлого и всего, что с ним было связано. В качестве ориентира были определены западные либеральные ценности, воспринимавшиеся как идеал построения нового общества. Проблема заключалась в том, что вместе с реально существовавшими недостатками советско-монгольского сотрудничества, отрицались очевидные достижения и позитивные результаты, достигнутые МНР в образовании, медицине, социально-экономическом развитии в целом. Следует отметить, что значительная часть монгольского общества все же объективно оценивала свое недавнее прошлое и отстаивала поступательное развитие страны в условиях глобальных изменений с учетом богатого опыта двустороннего советско-монгольского взаимодействия.

Несмотря на указанные тенденции, российское и монгольское руководство понимало, что оптимальный путь для обеих стран — это развитие сотрудничества в новых условиях. Поэтому, как и в случае с КНР, закономерным стало подписание 20 января

³ Хухбаттор Б. Советский ученый Г.П. Сердюченко и литературный язык: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х гг. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2021. № 1(41). С. 48–60.

⁴ Семенова С.С. Образование в Китае: история и современность // *Вестник ТГПУ*. 2012. № 5(120). С. 126.

⁵ Хроника встреч глав государств Китайской Народной Республики и Российской Федерации // *Китайский информационный интернет-центр*. 10.12.2002. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/52942.htm> (дата обращения: 05.07.2023).

1993 г. Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. С целью координации взаимодействия в политике, экономике, социальной и гуманитарной сферах была создана совместная российско-монгольская Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК)⁶.

Достаточно сложный период в развитии двусторонних отношениях между Советским Союзом и КНР, а также между СССР и МНР был пройден. В новых геополитических и геоэкономических условиях страны достигли уровня стратегического партнерства. Более того, этот наивысший уровень межгосударственных дипломатических отношений нашел свое отражение в треугольнике «Россия — Монголия — Китай».

Сотрудничество в сфере образования: новейший исторический период

Российско-китайское образовательное сотрудничество в новейшей истории получило свое развитие после 1995 г. Россия и Китай подписали Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании академических квалификаций и свидетельств о присвоении учебных степеней⁷. Абитуриенты из двух стран получили право напрямую подавать заявления в высшие учебные заведения для обучения и получения соответствующей квалификации. Министерство образования КНР в 1996 г. учредило Комитет по управлению Национальным стипендиальным фондом в рамках которого началась реализация различных программ стажировок для китайских студентов в России. В 2000 г. в рамках механизма регулярных встреч глав правительств был создан Российско-китайский комитет по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Создание специализированного органа позволило на системной основе организовать работу по сотрудничеству в области образования.

Среди всех документов, подписанных в сфере образования, принципиальное значение имеет Соглашение о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики по изучению китайского языка в Российской Федерации и русского языка в Китайской Народной Республике (2005 г.). Это соглашение позволило выйти образовательному сотрудничеству на новый уровень, увеличилось количество школьников и студентов, изучающих государственные языки РФ и КНР. Генеральный консул КНР в г. Иркутске Чжан Инмэй отмечает, что «по состоянию на 2020 г. в общей сложности 57 тысяч китайских и российских студентов участвовали в образовательном обмене. Развивается сотрудничество в рамках преподавания языков. Около 40 тысяч человек в России изучают китайский язык в 368 школах и университетах и более 90 тысяч человек в Китае изучают русский язык в 868 школах и вузах. В целях развития дружбы и гуманитарных обменов между Россией и Китаем страны организовали ряд масштабных гуманитарных тематических мероприятий»⁸.

⁶ Батунаев Э.В., Григорьева Ю.Г. Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства // *Известия Восточного института*. 2019. № 3. С. 98–109. DOI: 10.24866/2542-1611/2019-3/98-109

⁷ Двусторонние договоры. Правовой департамент МИД России // *Официальный сайт МИД РФ*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47900/ (дата обращения: 05.07.2023).

⁸ Российские студенты заинтересованы учиться в Китае // *АиФ Иркутск*. 19.05.2022. URL: https://irk.aif.ru/culture/rossiyskie_studenty_zainteresovany_uchitsya_v_kitae?ysclid=ljdbodbnz357233541 (дата обращения: 05.07.2023).

Что же касается сотрудничества в сфере высшего образования, то для него знаковым моментом стало создание в 2002 г. совместной аспирантуры. С 23 по 29 мая 2002 г. делегация Пекинского университета посетила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 28 мая прошла торжественная церемония открытия совместной аспирантуры Московского университета и Пекинского университета на базе МГУ. По мнению китайской стороны, «создание совместной аспирантуры Пекинского университета и Московского университета призвано воплотить в жизнь дух Второго заседания Китайско-российского комитета по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, а также является первой совместной аспирантурой между ключевыми университетами Китая и России, созданной в рамках данного комитета»⁹. Впоследствии многие университеты России и Китая стали устанавливать связи, развивать сотрудничество по различным направлениям подготовки.

Отдельно следует отметить развитие сотрудничества между вузами Сибири, Дальнего Востока РФ и северо-восточных провинций КНР. На регулярной основе, как отмечают Ю.Н. Резник и Т.Л. Гурулева¹⁰, оно началось в 1989 г. За эти годы был накоплен значительный опыт реализации различных мероприятий, проектов и образовательных программ. Географическая близость и традиционные историко-культурные связи создали благоприятные условия для активизации взаимовыгодного сотрудничества, которое в результате оформилось в Ассоциацию вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Востока Китая¹¹.

Активную работу в данном направлении проводили Канцелярия по развитию китайского языка (汉办) и Штаб-квартира Института Конфуция, деятельность которых была направлена на распространение китайского языка и культуры во всем мире. В 2020 г. в ходе реорганизации вместо Штаб-квартиры Института Конфуция был создан Центр международных языковых обменов и сотрудничества (中外语言交流合作中心)¹², Канцелярия по развитию китайского языка была реорганизована в Китайский фонд международного обучения китайскому языку (中国国际中文教育基金会)¹³.

С началом реализации глобальных инициатив Китая «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» активизировались межрегиональные связи. В первую очередь это касается развития трансграничной логистической, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры, создания условий для торговли с использованием национальных валют, расширения социальных коммуникаций между представителями разных государств¹⁴. В нашем исследовании предпринята попытка проанализировать гуманитарное сотрудничество в условиях реализации одного из таких экономических коридоров — «Экономического коридора Россия — Монголия — Китай».

⁹ 北京大学—莫斯科大学联合研究生院成立 [Пекинский университет и Московский университет создали совместную аспирантуру] // 中国新闻社. URL: <https://www.chinanews.com/2002-05-29/26/189898.html> (дата обращения: 05.07.2023).

¹⁰ Резник Ю.Н., Гурулева Т.Л. Формирование международного поликультурного образовательного региона Сибири, Дальнего востока России и Северо-восточных провинций Китая // *Вестник Читинского государственного университета*. 2009. № 6(57). С. 85–92.

¹¹ Гурулева Т.Л. Евразийское образовательное пространство России: предпосылки формирования и теоретические аспекты моделирования (на примере образовательного сотрудничества с КНР) // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 5. С. 457.

¹² 中外语言交流合作中心 [Центр международных языковых обменов и сотрудничества].

URL: <http://www.chinese.cn/page/#/pcpage/mainpage> (дата обращения: 01.07.2023).

¹³ 中国国际中文教育基金会 [Китайский фонд международного обучения китайскому языку].

URL: <https://cief.org.cn/sy> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁴ О китайской инициативе «Один пояс, один путь» // *Официальный сайт МИД РФ*.

URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1767163&lang=ru> (дата обращения: 10.07.2023).

Особое значение здесь имеют отношения в культурно-образовательной сфере между регионами Сибири и Дальнего Востока России с Монголией и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР.

Внутренняя Монголия в новой геополитической реальности

В современных условиях вопросы развития образовательной системы КНР в целом, ее отдельных направлений, в том числе в приграничных районах, представляют высокий интерес у отечественных ученых. Автономный район Внутренняя Монголия имеет особое историко-политическое значение для КНР, поскольку это была первая национальная автономия в составе Китайской Народной Республики. Именно в АРВМ были заложены основы этнокультурного образования для национальных меньшинств в Новом Китае, которые впоследствии получили распространение в других районах страны. Вопросы функционирования литературного монгольского языка, развития классической монгольской письменности имели в том числе геополитическое значение в контексте двусторонних китайско-монгольских отношений в середине прошлого века. Языковой фактор сыграл дифференцирующую роль в отношениях между монголами МНР и монголами Внутренней Монголии КНР. Уже в новейший период развития отношений между странами время от времени возникают сложности относительно статуса Далай-ламы XIV, действий Китая по присвоению символов традиционной монгольской культуры и коммерциализации личности Чингисхана¹⁵. Тем не менее большое количество монгольских студентов ежегодно приезжает в вузы Внутренней Монголии для изучения китайского языка и получения профессионального образования.

Встречный интерес по изучению опыта образовательной теории и практики нашей страны есть и у китайских коллег. По мнению китайских экспертов, «Россия обладает фундаментальным опытом в области образования, масштабы, уровень и качество высшего образования занимают важное положение в мире. В советский период было подготовлено большое количество всемирно известных политиков, ученых, писателей и художников, которые внесли выдающийся вклад в развитие мировой цивилизации»¹⁶. Это определяет интерес китайского правительства к изучению содержательных и структурных аспектов реализации образовательных программ, стимулирует развитие научно-образовательных обменов и образовательного сотрудничества в целом между нашими странами.

В последние годы руководство Китая акцентирует внимание на развитии приграничных регионов, что отражается в программных документах по регионально-пространственному развитию. Например, в Скоординированной стратегии регионального развития (区域协调发展战略) отмечается, что в целях дальнейшей оптимизации экономического развития необходимо связать между собой развитый юго-восток и отстающий северо-запад страны. Внутренняя регионализация и стремление выровнять социально-экономические показатели сочетаются с внешнеэкономическими и политическими целями руководства страны¹⁷.

¹⁵ Тарантул Р.В. Монгольский национальный фактор в КНР и китайско-монгольских отношениях // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 1. С. 36–52. DOI: 10.31857/S013128120024367-4

¹⁶ 中俄教育合作的历史 [История китайско-российского сотрудничества в сфере образования] // 汉斯留学. URL: <http://www.hansiliuxue.com/h-nd-28.html> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁷ 中共中央 国务院关于建立更加有效的区域协调发展新机制的意见 [Отдельные тезисы Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета о создании нового более эффективного механизма регионального скоординированного развития] // 中华人民共和国中央人民政府. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-11/29/content_5344537.htm (дата обращения: 22.07.2023).

В рамках инспекционной поездки во Внутреннюю Монголию в начале июня 2023 г. Си Цзиньпин отметил, что «активное строительство “Пояса и пути” и экономического коридора “Китай — Монголия — Россия” основаны на характеристиках Внутренней Монголии, ее стратегическом позиционировании»¹⁸. Особое значение руководством КНР придается развитию сотрудничества в области высшего образования. Университеты АРВМ выступают площадкой для реализации совместных с Россией и Монголией образовательных проектов. Историческая, этнокультурная и языковая близость народов, проживающих в регионе Внутренняя Азия, позволяет использовать эти уникальные стартовые возможности для привлечения студенческой молодежи из Монголии и России в Хух-Хото и другие города региона.

Вузы автономии ежегодно объявляют конкурс по стипендиальным программам Правительства КНР, Народного правительства АРВМ и высших учебных заведений региона. В 2023 г. впервые был объявлен конкурс по программе «Шелкового пути»¹⁹. Специфика данной программы заключается в том, что основной акцент направлен на реализацию образовательных программ по различным профилям направления «география» — физическая география, гуманитарная география, картография и геоинформационные системы и др.

Развитие международного сотрудничества в сфере образования во Внутренней Монголии получило стимул в начале 1980-х гг. Официальные данные свидетельствуют о том, что после начала реализации политики реформ и открытости развитие сотрудничества в образовательной сфере в регионе набрало высокие темпы. Например, за период с 1980 по 1998 г. Университет Внутренней Монголии принял на обучение более 160 иностранных студентов из Соединенных Штатов, Японии, Монголии, России и других стран. Преимущественно это были лингвисты и филологи, приехавшие изучать монгольский и китайский языки по программам языковых стажировок²⁰. Согласно данным Университета Внутренней Монголии, в 1999 г. в вузе обучалось порядка 60 иностранных студентов, из которых 53 — по специальности «монгольский язык и литература», а 7 — по другим направлениям. Иностранные студенты в основном обучались на факультете монгольского языка и литературы. В декабре этого же года было создано специальное структурное подразделение — Институт международного образования Университета Внутренней Монголии, благодаря чему обучение иностранных студентов получило новый импульс и вышло на качественно иной уровень. Данный институт ведет языковую подготовку иностранных студентов, которые после годового обучения продолжают учебу уже по специальности на факультетах и институтах университета. В настоящее время в институте обучается свыше 600 иностранных студентов²¹.

¹⁸ 时政新闻眼. 习近平在内蒙古考察, 这些话语令人深思 [Обзор текущих событий. Инспекционная поездка Си Цзиньпина во Внутреннюю Монголию: Его слова заставляют глубоко задуматься] // 中央广播电视总台央视新闻. 09.06.2023. URL: <http://news.cctv.com/2023/06/09/ARTINBTwiRkhQHFrqIP82b6M230609.shtml> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁹ 2023–2024学年度内蒙古师范大学“丝绸之路”中国政府奖学金来华留学生招生简章 [Официальный сайт Педагогического университета Внутренней Монголии. Новости Института международных связей] // 内蒙古师范大学国际交流学院动态. 15.06.2023. URL: <http://gjil.imnu.edu.cn/info/1046/2757.htm> (дата обращения: 01.07.2023).

²⁰ 学校里的留学生越来越多了 [Количество иностранных студентов в университете неуклонно увеличивается] // 内蒙古日报. 15.11.2018. URL: http://szb.northnews.cn/nmgrb/html/2018-11/15/content_11441_59322.htm (дата обращения: 22.06.2023).

²¹ 国际教育学院 [Институт международного образования Университета Внутренней Монголии] // 内蒙古大学国际教育学院简介. URL: <https://iec.imu.edu.cn/gywm/xyjj.htm> (дата обращения: 03.07.2023).

В период пандемии вузы Китая смогли перестроиться и продолжили реализацию образовательных программ в режиме онлайн. Более того, реализация стипендиальных программ различных уровней для иностранных студентов не была приостановлена. Информатизация образования в КНР идет собственным путем, создаются свои программы, приложения, системы, которые позволяют абсолютно независимо от внешних факторов модернизировать учебный процесс в вузах. Например, к началу пандемии уже широко использовались специализированные инструменты корпорации Tencent (腾讯), в частности WeChat (微信) и VooV Meeting (腾讯会议). Правительство КНР и университеты выполняли свои финансовые обязательства, выплачивая половину стипендии студентам, которые из-за пандемии не могли прибыть в Китай и вынуждены были обучаться дистанционно. В 2023 г. ограничения были сняты, многие студенты вернулись в университеты и продолжили осваивать образовательную программу в традиционном очном формате.

Прием иностранных граждан на обучение по направлениям подготовки высшего образования в рамках стипендиальной программы Народного правительства Автономного района Внутренняя Монголия осуществляется вузами региона. Примечательно, что гражданам Монголии выделяются специальные квоты. Например, в 2022–2023 учебном году в Университет науки и техники Внутренней Монголии (г. Баотоу) было выделено 22 квоты для монгольских студентов по специальностям бакалавриата²².

По данным Департамента образования АРВМ, на конец ноября 2017 г. в регионе в той или иной форме прошли обучение чуть менее шести тысяч (5 691) иностранных студентов из 57 стран. Среди них наибольшее количество монгольских студентов — 4 535, на втором месте российские — 355 человек²³. Таким образом, студенты из Монголии и России составляют подавляющее большинство — порядка 86 % от общего количества иностранных обучающихся. Если на первом этапе это в основном были стажеры и исследователи, повышавшие свои языковые и исследовательские компетенции, то в последние десять лет увеличилось количество бакалавров, магистрантов и докторантов, получающих высшее образование по стипендиальным программам различных направлений подготовки и уровней.

Правительство Китая обозначило стремление поддерживать университеты, которые ведут подготовку студентов для развития трехстороннего сотрудничества между Китаем, Монголией и Россией. В первую очередь это касается языковой подготовки. Возникает потребность в специалистах, владеющих русским, китайским и монгольским языками как в рамках гуманитарного взаимодействия, так и для реализации проекта «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия». Руководство АРВМ в лице Департамента образования заинтересовано продвигать образовательное сотрудничество, в том числе продвигать вузы автономии, расширять подготовку кадров по монгольскому языку и классической монгольской письменности, вести подготовку и переподготовку специалистов в области китайского языка как иностранного, а также создавать учебные и научно-исследовательские центры и лаборатории²⁴. В целом вопросы

²² 内蒙古科技大学2022 - 2023学年内蒙古自治区人民政府奖学金项目招生考核录取工作方案 [Официальный сайт Университета науки и техники Внутренней Монголии (г. Баотоу)] // 内蒙古科技大学国际教育学院留学科大. 30.08.2022. URL: <https://is.imust.edu.cn/info/1007/1404.htm> (дата обращения: 02.07.2023).

²³ 对自治区政协十二届一次会议 第0083号提案的答复 [Официальный сайт Департамента образования Автономного района Внутренняя Монголия] // 内蒙古自治区教育厅建议提案办理. 02.11.2018. URL: https://jyt.nmg.gov.cn/zfxxgk/fdzdgknr/jytabl/202112/t20211202_1966858.html (дата обращения: 02.07.2023).

²⁴ 对自治区政协十二届一次会议 第0083号提案的答复 [Официальный сайт Департамента образования Автономного района Внутренняя Монголия] // 内蒙古自治区教育厅建议提案办理.

языковой политики представляют важное социокультурное и политическое значение для руководства Китая²⁵.

Как отмечалось ранее, северные приграничные районы Китая занимают особое место в образовательной политике КНР. Прежде всего речь идет о Внутренней Монголии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В фокусе внимания руководства страны — развитие системы высшего образования, которая рассматривается в двух основных аспектах: реализация этнокультурного образования национальных меньшинств и повышение уровня социально-экономического развития северо-западных регионов. Высшее образование позиционируется как составная часть реализации стратегии высококачественного развития национальных территорий. Выделяются три направления, которые должны обусловить качественное развитие регионов: повышение профессиональных качеств учителей, улучшение материального обеспечения профессиональных колледжей и повышение качества профессионального образования. Переняв опыт Советского Союза, Китай стремится модернизировать свою систему образования, где развитие человеческого капитала рассматривается как одно из основных условий общественного развития²⁶. Внутренняя Монголия в данном случае должна выступить не только примером реализации этнокультурного образования в КНР, но и стать основой реализации образовательной политики страны в условиях осуществления трехстороннего проекта «Экономический коридор».

В настоящее время китайские эксперты скептически оценивают деятельность сторон по практической реализации совместного проекта. В своей работе Цзян Юнчжи (姜永志) и Бай Хунмэй (白红梅) отмечают, что, несмотря на все прилагаемые усилия, уровень подготовки кадров для реализации проекта «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия» по-прежнему недостаточный. Этим объясняется предложение о создании китайско-монголо-российского образовательного аналитического центра, который создаст возможности для интернационализации этнокультурного образования страны²⁷. Очевидно, по мнению авторов цитируемой работы, данный центр должен стать своеобразным хабом по подготовке кадров для совместных проектов трех стран.

* * *

С момента образования КНР в 1949 г. перед руководством страны стояла стратегическая задача повышения уровня грамотности населения. Решение этой задачи требовало принятия оперативных мер, но без помощи извне в сжатые сроки осуществить намеченное было нереально. Оказанная советскими специалистами методическая и научно-педагогическая помощь позволила китайским коллегам трансформировать национальную систему образования с учетом требований времени и в сравнительно короткие сроки не только повысить общий уровень грамотности населения, но и приступить к масштабной подготовке профессиональных кадров. Период охлаждения отношений между СССР и КНР, начавшийся после смерти И.В. Сталина, получил новый импульс после XX съезда КПСС. К началу 1960 гг. практически все советские специалисты были выну-

02.11.2018. URL: https://jyt.nmg.gov.cn/zfxxgk/fdzdgknr/jytabl/202112/t20211202_1966858.html (дата обращения: 02.07.2023).

²⁵ Завьялова О.И. Языковая политика в Китае: новейшие полевые исследования // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 160–167. DOI: 10.31857/S013128120021422–5

²⁶ Гулева, М.А., Ши Ш., Гао М. Развитие человеческого капитала в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 175–190. DOI 10.31857/S013128120025967–4

²⁷ 姜永志, 白红梅. 一带一路倡议背景下中蒙俄民族教育智库建设: 价值、困境与路径 [Цзян Юнчжи, Бай Хунмэй. Создание китайско-монгольско-российского образовательного аналитического центра в контексте инициативы «Пояс и путь»: значение, препятствия и перспективы] // *Национальное образование*. 2023 г. 3-й квартал (общий № 25). URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1192/4493.htm> (дата обращения: 05.07.2023).

ждены выехать из Китая. Это непосредственно сказалось на научно-образовательной сфере и качестве подготовки кадров. Нормализация отношений началась лишь после 1980-х гг. В середине 1990-х гг. были подписаны новые соглашения о сотрудничестве, в том числе и в сфере образования.

Сегодня образовательная политика является одним из приоритетных направлений внутренней и внешней политики Китая. Северные приграничные территории, где своеобразным флагманом в образовании является Автономный район Внутренняя Монголия, уделяется особое внимание.

Учреждения высшего образования автономии становятся центрами притяжения иностранных студентов, в первую очередь из Монголии и регионов России — Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края. Объясняется это географической близостью, традиционными историко-культурными связями, наличием прямых контактов между вузами АРВМ и регионами России и другими факторами.

Отдельно следует отметить языковую среду: в университетах Хух-Хото широко используется монгольский язык, который является вторым государственным языком во Внутренней Монголии. Во многих структурах, в первую очередь в Институте международных связей, международном отделе университета, а также на факультетах и институтах университета работают этнические монголы. Это создает максимально благоприятные условия для коммуникации первокурсникам из Монголии, которые еще не знают китайский. То же самое можно сказать и про студентов из Бурятии и Калмыкии, которые в той или иной степени владеют бурятским или калмыцким языками. Отчасти это относится и к студентам из Иркутской области и Забайкальского края, выходцам из национальных бурятских округов — Усть-Ордынского (Иркутская область) и Агинского (Забайкальский край). Знание родного языка позволяет быстрее адаптироваться к условиям жизни, наладить коммуникацию с сотрудниками университета и сокурсниками из Монголии.

Руководство КНР рассматривает Внутреннюю Монголию как особую территорию по ряду причин. Во-первых, АРВМ имеет особое историческое и политическое значение в силу того, что лидер монголов Внутренней Монголии Уланьфу поддержал политику Мао Цзэдуна на Северо-Востоке Китая в период национально-освободительной войны. Во-вторых, уже после образования КНР Внутренняя Монголия стала своего рода моделью реализации национальной автономии в Китае. Многие политические принципы, накопленный опыт стали применяться в других национальных регионах. В-третьих, в XXI в. АРВМ обретает новое стратегическое значение в контексте реализации глобальных инициатив китайского руководства, в первую очередь проекта «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия». На данный момент особое внимание уделяется реализации культурно-образовательной политики Китая во Внутренней Азии, которая реализуется в культуре автономии. В перспективе ожидается расширение сотрудничества в научной сфере, в том числе приглашение ведущих ученых из регионов России на работу в рамках краткосрочных и долгосрочных проектов. Поступательная реализация внешнеполитического курса Китая во Внутренней Азии позволяет предположить, что руководство КНР будет усиливать стратегическую роль Автономного района Внутренняя Монголия. Настоящий период можно рассматривать как подготовительную работу по развитию условий для гуманитарного взаимодействия, которые впоследствии позволят максимально эффективно развивать инфраструктурные, логистические и иные проекты.

Литература

- Батунаев Э.В., Григорьева Ю.Г. Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства // *Известия Восточного института*. 2019. № 3. С. 98–109. DOI: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/98-109](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/98-109)
- Гомбоев Б.О., Харимаева В.Г. Сбалансированное развитие пастбищного животноводства в степном комплексе районов Внутренней Азии: актуализация исследования природных, хозяйственных и

- культурных оснований // *Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география*. 2023. № 1. С. 41–50. DOI: 10.18101/2587–7143–2023–1–41–50
- Гулева, М.А., Ши Ш., Гао М. Развитие человеческого капитала в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 175–190. DOI: 10.31857/S013128120025967–4
- Гурулева Т.Л. Евразийское образовательное пространство России: предпосылки формирования и теоретические аспекты моделирования (на примере образовательного сотрудничества с КНР) // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 5. С. 457–466.
- Двусторонние договоры. Правовой департамент МИД России // *Официальный сайт МИД РФ*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contrac/t/47900/ (дата обращения: 05.07.2023).
- Завьялова О.И. Языковая политика в Китае: новейшие полевые исследования // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 160–167. DOI: 10.31857/S013128120021422–5
- Резник Ю.Н., Гурулева Т.Л. Формирование международного поликультурного образовательного региона Сибири, Дальнего востока России и Северо-восточных провинций Китая // *Вестник Читинского государственного университета*. 2009. № 6(57). С. 85–92.
- Семенова С.С. Образование в Китае: история и современность // *Вестник ТГПУ*. 2012. № 5(120). С. 126–130.
- Тарантул Р.В. Монгольский национальный фактор в КНР и китайско-монгольских отношениях // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 1. С. 36–52. DOI: 10.31857/S013128120024367–4
- Хроника встреч глав государств Китайской Народной Республики и Российской Федерации // *Китайский информационный интернет-центр*. 10.12.2002. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/52942.htm> (дата обращения: 05.07.2023).
- Хухбаттор Б. Советский ученый Г.П. Сердюченко и литературный язык: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х гг. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2021. № 1(41). С. 48–60. DOI: 10.31554/2222–9175–2021–41–48–60
- Энхбаяр Д. Трансформация системы образования Монголии // *Власть*. 2011. № 3. С. 96–99.
- 姜永志, 白红梅. “一带一路”倡议背景下中蒙俄民族教育智库建设: 价值、困境与路径 [Цзян Юн-чжи, Бай Хунмэй. Создание китайско-монгольско-российского образовательного аналитического центра в контексте инициативы «Пояс и путь»: значение, препятствия и перспективы] // *Национальное образование*. 2023. 3-й квартал (общий 25-й выпуск). URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1192/4493.htm> (дата обращения: 05.07.2023).
- История сотрудничества в сфере образования [История китайско-российского сотрудничества в сфере образования] // *Хансшюэ*. URL: <http://www.hansilixue.com/h-nd-28.html> (дата обращения: 01.07.2023).
- Политическое Бюро ЦК Коммунистической партии Китая и Государственного совета о создании нового более эффективного механизма регионального скоординированного развития [Отдельные тезисы Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета о создании нового более эффективного механизма регионального скоординированного развития] // *Национальное образование*. 2018. 11-й квартал. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-11/29/content_5344537.htm (дата обращения: 22.07.2023).

The Inner Mongolia Autonomous Region in the Implementation of China's Educational Policy in Inner Asia

Innokentii G. Aktamov

Ph.D. (Education), Ph.D. (History of Sciences), Head of the Laboratory “Oriental languages translation Centre”, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 6, Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13@gmail.com

Received 01.08.2023.

Abstract:

The article is devoted to a brief overview of the main trends in educational cooperation between Russia, China and Mongolia. The focus of the research is the Inner Mongolia Autonomous Region as a special cultural and educational space within which interaction in the field of higher education is implemented. Based on statistical data, it was revealed that students from Mongolia and the regions of Siberia and the Russian Far East represent the overwhelming majority in the proportion

of foreign students in the region. The main "attraction factors" are scholarship programs at various levels — the Government of the People's Republic of China, the People's Government of Inner Mongolia and universities. A significant incentive is the allocation of special quotas for applicants from Mongolia, as well as partner universities from Russia. The universities of the Inner Mongolia Autonomous Region over the past 15 years have become one of the key centers for attracting foreign students from Mongolia and the Russian regions of Inner Asia. The Chinese leadership considers Inner Mongolia as an important region for the implementation of domestic national policy. In recent years, this region has played an important role in building relations with Mongolia and Russia in the context of China's global initiatives and humanitarian cooperation in general. Quite possibly that in the future Inner Mongolia will fulfill strategic tasks both from the point of view of domestic policy and from the implementation of the PR China's foreign policy.

Key words:

Inner Mongolia Autonomous Region; Russia; China; Mongolia; humanitarian cooperation; Inner Asia; higher education.

Funding sources:

This article was prepared with the support of the state assignment: "Monuments of scripts of the peoples of Russia and Inner Asia in oriental languages and archival documents of the XVIII-th and early XXI-th centuries in the context of intercivilizational interaction, No. 121031000302–9".

Acknowledgements:

I would like to express deep gratitude to Prof. Luo Jianjin (罗见近教授) for his guidance, encouragement and gracious support throughout my scientific work in Li Di Institute of the Institute of History of Science and Technology of The Inner Mongolia Normal University (内蒙古师范大学科学技术史研究院李迪书院).

For citation:

Aktamov I.G. The Role of the Inner Mongolia Autonomous Region in the Implementation of China's Educational Policy in Inner Asia // Far Eastern Studies. 2023. No. 4. Pp. 174–187. DOI: 10.31857/S013128120027413-5.

References

- Batunayev E.V., Grigor'eva Yu.G.* Rossijsko-mongol'skie otnosheniya: ot spada do vseob'emlyushchego strategicheskogo partnerstva [Russian-Mongolian relations: from recession to a comprehensive strategic partnership]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2019. No. 3. S. 98–109. DOI: 10.24866/2542–1611/2019–3/98–109. (In Russ.)
- Dvustoronnie dogovory. Pravovoj departament MID Rossii [Bilateral agreements. Legal Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Oficial'nyj sayt MID RF*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47900/ (accessed: 05.07.2023). (In Russ.)
- Enhbayar D.* Transformaciya sistemy obrazovaniya Mongolii [Transformation of the education system in Mongolia]. *Vlast'*. 2011. No. 3. S. 96–99. (In Russ.)
- Gomboev B.O., Harimaeva V.G.* Sbalansirovannoe razvitie pastbishchnogo zhivotnovodstva v stepnom komplekse rajonov Vnutrennej Azii: aktualizaciya issledovaniya prirodnyh, hozyajstvennyh i kul'turnyh osnovanij [Balanced development of pasture animal husbandry in the steppe complex of regions of Inner Asia: actualization of the study of natural, economic and cultural foundations]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya, geografiya*. 2023. No. 1. S. 41–50. DOI: 10.18101/2587–7143–2023–1–41–50. (In Russ.)
- Guleva M.A., Shi Sh., Gao M.* Razvitiye chelovecheskogo kapitala v KNR [Development of human capital in the PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 3. S. 175–190. DOI: 10.31857/S013128120025967–4. (In Russ.)
- Guruleva T.L.* Yevraziyskoe obrazovatel'noye prostranstvo Rossii: predposylki formirovaniya i teoreticheskiye aspekty modelirovaniya (na primere obrazovatel'nogo sotrudnichestva s KNR) [Eurasian Educational Space of Russia: Formation Preconditions and Theoretical Aspects of Modeling (on the Example of Educational Cooperation with China)]. *Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya*. 2015. No. 5. S. 457–466. (In Russ.)
- Hronika vstrech glav gosudarstv Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Rossijskoj Federacii [Chronicle of meetings between the heads of state of the People's Republic of China and the Russian Federation].

Kitajskij informacionnyj internet-centr. 10.12.2002.

URL: <http://russian.china.org.cn/russian/52942.htm> (accessed: 05.07.2023).

Huhbator B. Sovetskij uchenyj G.P. Serdyuchenko i literaturnyj yazyk: istoricheskie osobennosti razvitiya literaturnogo yazyka MNR i mongolov Vnutrennej Mongolii na osnove arhivnyh materialov 1950-h gg. [Soviet scientist G.P. Serdyuchenko and literary language: historical features of the development of the literary language of the Mongolian People's Republic and the Mongols of Inner Mongolia based on archival materials of the 1950s.]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo ot-deleniya Rossijskoj akademii nauk*. 2021. No. 1(41). S. 48–60. DOI: 10.31554/2222–9175–2021–41–48–60. (In Russ.)

Reznik Yu.N., Guruleva T.L. Formirovanie mezhdunarodnogo polikul'turnogo obrazovatel'nogo regiona Sibiri, Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostochnih provincij Kitaya [Formation of the international multicultural educational region of Siberia, the Far East of Russia and the North-Eastern provinces of China]. *Vestnik Chitinskogo Gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 6(57). S. 85–92. (In Russ.)

Semenova S.S. Obrazovanie v Kitae: istoriya i sovremennost' [Education in China: history and modernity]. *Vestnik TGPU*. 2012. No. 5(120). S. 126–130. (In Russ.)

Tarantul R.V. Mongol'skiy natsional'nyy factor v KNR v kitajsko-mongol'skikh otnosheniyakh [Mongolian national factor in China and Sino-Mongolian relations]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 1. S. 36–52. DOI: 10.31857/S013128120024367–4. (In Russ.)

Zavyalova O.I. Yazykovaya politika v Kitaye: novejshiye polevyje issledovaniya [Language policy in China: the latest field research]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2022. No. 4. S. 160–167. DOI: 10.31857/S013128120021422–5. (In Russ.)

姜永志, 白红梅. 一带一路倡议背景下中蒙俄民族教育智库建设: 价值、困境与路径 [Czyan YUnchzhi, Bai Hunmej. Establishment of a Sino-Mongolian-Russian Educational Think Tank in the Context of the Belt and Road Initiative: Significance, Obstacles and Prospects]. 民族教育文摘. 2023年. 第三期目录 (总第二十五期). URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1192/4493.htm> (accessed: 05.07.2023). (In Chin.)

中俄教育合作的历史 [History of Sino-Russian Cooperation in Education]. 汉斯留学.

URL: <http://www.hansliuxue.com/h-nd-28.html> (accessed: 01.07.2023). (In Chin.)

中共中央 国务院关于建立更加有效的区域协调发展新机制的意见 [Separate theses of the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council on the establishment of a new more effective mechanism for regional coordinated development]. 中华人民共和国中央人民政府.

URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-11/29/content_5344537.htm (accessed: 22.07.2023). (In Chin.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC EVENTS

XXIV Международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура»

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120026883–2

Блажескина Анастасия Юрьевна

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000–0002–8313–5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

Кварталова Наталия Леонидовна

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000–0002–1439–9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

7 и 8 июня 2023 г. в Институте Китая и современной Азии РАН состоялась XXIV ежегодная международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture”), организованная Центром изучения культуры Китая ИКСА РАН.

Конференция прошла в смешанном очно-заочном формате, в ней приняли участие более пятидесяти докладчиков из России, Беларуси, Китая, Нидерландов, Италии и Германии.

Российские докладчики представляли ведущие институты страны: ИВ РАН, МГИМО(У) МИД России, ИСАА МГУ, СПбГУ, НГУ, НИУ ВШЭ, Амурский госуниверситет, Сибирский федеральный университет, Институт Конфуция РГГУ, ИОН РАНХиГС, а также Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Секретариат по делам дальнего зарубежья Отдела внешних церковных связей Московского патриархата.

На конференции работали секции «Философия и религия», «Язык, письменность, вопросы перевода», «Литература» и «Культура».

Пленарное заседание открыл доклад и. о. заведующего кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, профессора кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, Чрезвычайного и Полномочного посла МИД России к.и.н. **К.М. Барского** «Китайская дипломатическая культура и культурная дипломатия КНР в свете итогов XX съезда КПК». Автор поведал об истоках и специфике современной китайской дипломатии и о «дипломатии мягкой силы». Важным условием успешности внешней политики в Китае является установка на равноправные отношения между странами и диалог культур.

Г.н.с. ЦИКК ИКСА РАН д.филос.н. **А.А. Крушинский** представил доклад «Логика обстоятельств против логики намерений: смертельное “пары” Гуань Юя с Чжугэ Ляном», рассказав о «вычислительной рациональности и отвечающей ей особой логической аргументации, когда за цифрой признается достоинство доказательства» (и это отсылка к законам арифметики) и о «прогностической дедукции» как свойстве стратегемной логики Китая. Кроме того, автор рассмотрел многоплановость понятия «справедливость» (義): «справедливость» как «должное» против «справедливости» как «договорно-условного». Свою концепцию докладчик проиллюстрировал примером словесной дуэли между героями «Троецарствия» — Гуань Юем с Чжугэ Ляном.

Заместитель заведующего Центром по изучению современной России, доцент Института международных отношений Сычуаньского университета **Ван Ицзюнь**

(王逸群) проанализировал трудности возрождения Сычуаньской оперы и описал феномен «вздохов и пения».

Г.н.с. ЦИКК ИКСА РАН д.ф.н. **О.И. Завьялова** в докладе «Фамильный иероглиф Си в современном медиапространстве», посвященном традиции каллиграфии, рассказала о специфике современной каллиграфии как искусства. Докладчица продемонстрировала характерные примеры надписей и иероглифических каламбуров, в том числе популярных в современном медиапространстве, основывающихся на фамилии Си Цзиньпина.

Профессор **Чжан Юн** (张勇), представляющий Колледж литературы и журналистики Сычуаньского университета, выступил с докладом на тему «Исследование деяний Ши-дэ, монаха храма Гоцин в горах Тяньтай, династия Тан». Докладчик поведал о биографии Ши-дэ, проанализировал содержание его поэзии и разъяснил место последней в культуре Китая.

Закрyla пленарное заседание в.н.с. ИКСА РАН к.ф.н. **В.Б. Виноградская**, выступившая с докладом «Знание в сети: КНР между открытыми соцсетями и платными приложениями». В исследовании был представлен новый культурный феномен — проекты, ориентированные на работу со знаниями. Среди таких проектов есть как общедоступные сервисы, так и платные, но все они делают ставку «на обеспечение максимальной интерактивности».

Затем был проведен круглый стол, посвященный памяти известного философа-китаиста А.Е. Лукьянова, руководителя Центра изучения культуры Китая, д.филос.н., которому в этом году исполнилось бы 75 лет. Вступительную речь — слово памяти — произнесла ученица А.Е. Лукьянова — А.Ю. Блажкина. Доклады круглого стола были посвящены вопросам философии, в большей степени даосизму и конфуцианству, которые были предметом научного интереса профессора А.Е. Лукьянова.

Д.ф.н. **И.В. Белая** (ИВ РАН/ИКСА РАН) выступила с докладом «О даоске Цао Вэнь-и и поэме “Лин юань да дао гэ”». Докладчица отметила, что «Цао Вэнь-и приписывают авторство “Песни о великом Дао-Пути одухотворенного источника” — классического произведения по “внутренней алхимии”», в котором речь идет о совершенствовании внутренней природы. Сама Цао Вэнь-и в дальнейшем стала примером для женщин многих поколений.

К.филос.н. **А.Ю. Блажкина** (ИКСА РАН) представила доклад «Управление на основании добродетели (по материалам “Кун-цзы цзя юй”»». По мнению докладчицы, политическая система, разработанная Конфуцием, позволяет государству регулировать общественные отношения с целью гармонизации общества и достижения Великого единения (大同).

Теме сравнения идей Платона и Конфуция о воспитании был посвящен одноименный доклад выпускницы аспирантуры МГУ **Жань Цзиньхун** (冉锦红). Автор указала на внешнюю схожесть требований к воспитанию Платона и Конфуция (примат нравственного воспитания, изучение музыки), однако подчеркнула, что в них различны классы людей, которые подлежат воспитанию, конечные цели и базовые концепты двух культур — Логос и Дао.

Феномен «российско-советского комплекса» в Китае был раскрыт в междисциплинарном докладе к.и.н. **Хуан Лиляна** (黄立良) (НИУ ВШЭ/РАНХиГС ИБДА).

К.филос.н. **Н.Л. Кварталова** (ИКСА РАН) осветила тему влияния идей Бертрانا Рассела на науку в Китае в 1920-х гг. Из всего прочитанного Б. Расселом за время визита в Китай материала наибольшим успехом пользовались лекции по математической логике. Остальные же его идеи, хоть они и были подхвачены выдающимися учеными того времени, были встречены не так единодушно и породили многочисленные дискуссии.

Во второй половине дня параллельно работали две секции.

Секция «Язык, письменность, вопросы перевода» под руководством **О.И. Завьяловой** открылась докладом заведующей кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ к.ф.н. **Е.Н. Емельченковой** «Пекинизмы как важнейший

элемент художественного языка Лао Шэ», в котором была представлена диалектная лексика Лао Шэ и выявлены семантические, лексические и фразеологические диалектизмы.

Старший преподаватель кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. Ломоносова **Е.А. Бобрикова** выступила с докладом «Стилистические особенности трактата Цзи Чэна “Устройство садов”». Докладчица представила семантический и структурный анализ трактата, выделив две части, одна из которых написана на «“высоком” *вэньяне* (文言), вторая — на языке, приближающемся к разговорному». Примечательно, что в «технической прозе» Цзи Чэн использовал *пьяньвэнь* (駢文), а также употреблял большое количество цитат.

Своими знаниями о лексеме «сумимасэн» (すみません) поделилась со слушателями доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета **Н.В. Кутафьева** в сообщении «Полисемантическая лексема *сумимасэн* “извините” в японской культуре и языке». Многозначность этой лексемы является наглядным примером японской психологии, основанной на культуре недомолвок и намеков.

Завершило работу секции выступление доцента кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета к.ф.н. **Н.В. Михальковой**, представившей основные черты вариативности китайской иероглифики. В исследовании автор использовала семантический и этимологический анализ сложносоставных иероглифов.

Секцию «Философия и религия» вел г.н.с. ЦИКК д.филос.н. **А.А. Крушинский**.

Открыл заседание доклад **иеромонаха Кирилла** (Перегудин Константин Валерьевич, сотрудник Секретариата по делам дальнего зарубежья Отдела внешних церковных связей Московского патриархата) «Влияние концепта 面子 на самосознание китайских христиан». Докладчик сообщил о сложностях соотнесения традиционных китайских культурных концептов, в частности *мянь цзы* (面子), с христианскими заповедями и заключил, что «уважительное отношение к концепции *мянь цзы* (面子) должно являться фундаментом построения любых отношений с китайцами, в том числе и в отношениях священника с китайскими верующими, между верующими китайской и других национальностей в одной общине».

И.Н. Рябухин (Амурский Государственный Университет) осветил «причины создания “Каменного канона [эпохи] Кайчэн”, историю этого процесса, а также значимость и некоторые закономерности появления первых каменных канонов».

С.н.с. ИКСА РАН **А.В. Пиковер** представил доклад «Между символом и смыслом: передача знания в традиционном ушу на примере тайцзи». Докладчик отметил, что «массовость» тайцзицюань как практики — явление современное, получившее распространение после Синьхайской революции, а тот контент, которым заполнены современные медиа, и вовсе сомнителен. Настоящее же знание «требует своего живого носителя, обладающего глубинным пониманием».

В продолжение темы боевых искусств прозвучал доклад **Е.В. Ивович** «Скрытые механизмы Тайцзицюань в бизнесе». Докладчица продемонстрировала, как именно практики тайцзицюань могут быть полезны при ведении бизнеса в Китае.

Теме «экологической мудрости» традиционной японской культуры, проявляющейся в умении человека встраиваться в окружающую среду, а также понятию «внутреннего взгляда», заключающегося в психологическом самосовершенствовании, был посвящен доклад «Эко-гармоничная “картина мира” в традиционной японской культуре (на примере трактата Хакуина “Оратэгама”)» японоведа из Амстердама к.филос.н. **Д.Г. Глазевой**.

Н.В. Пушкарская (ИКСА РАН) представила историческую ретроспективу обоснования существования философской школы *Сы Мэн сюэпай* (思孟学派) и окончательное тому подтверждение на основании исторических свидетельств и находки годиньского и мавандуйского вариантов рукописи «У Син» (五行). Помимо концеп-

ции *У син* (五行) эти направления также объединяет интерес к проблемам внутреннего нравственного совершенствования и взаимосвязь природы человека *син* 性 и предназначения Небес *мин* (命).

А.К. Коробицына (ИБ РАН) в сообщении «Религиозная политика восточноханьского императора Гуан-у-ди (25–57 гг.) во время гражданской войны 22–40 гг. в Древнем Китае» рассказала про основные религиозные культы эпохи гражданской войны в Китае 22–40 гг., действия правителя Гуан-у-ди в области религиозной политики и влияние политической обстановки на последнюю.

Заключительным выступлением заседания стал доклад **А.А. Чигадаева** (Лейпцигский университет, Институт изучения Восточной Азии) «Хорошие пути для монахинь в современном обществе: анализ сочинений Мастера Тайсюя о буддийском модернизме». Докладчик отметил, что Тайсюй «выступает резко против стремления женщин к монашеству, призывая вместо этого практиковать буддизм в мирской жизни», но сам при этом не предлагает планов «реорганизации общества» с учетом роли женщины в нем.

8 июня была проведена секция «Литература» (ведущая — в.н.с. ЦИКК ИКСА РАН к.ф.н. **В.Б. Виноградская**).

Секция открылась докладом доцента кафедры китайской филологии СПбГУ к.ф.н. **Е.И. Митькиной**, последовательно проанализировавшей специфику первых переводов произведений Агаты Кристи в Китае в первой половине XX в. Отчетливо выделяются два пика интереса к творчеству знаменитой английской писательницы: первый пришелся на 1940-е гг., второй начался в 1980-е гг. и продолжается до сих пор.

Научное сообщение профессора кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины д.ф.н. **В.И. Ковалю** было посвящено рассмотрению некоторых прецедентных имен в романе «Цзинь, Пин, Мэй». Употребление прецедентных имен собственных в китайских художественных текстах неслучайно, ведь национальное сознание китайцев трудно представить без обращения к именам исторических и мифологических персонажей, имеющих важное культурное значение.

Своими знаниями о феномене повествовательного искусства «Тихого Дона» с точки зрения визуального измерения поделилась доктор философии из Сычуаньского университета **Ван Е** (王叶). Докладчица проанализировала построение композиции и повествования у М.А. Шолохова, взяв за отправную точку визуальное измерение и сосредоточив внимание на четырех основных элементах цвета, света и тени, чем подчеркнула важность внешних деталей в романе «Тихий Дон».

В.н.с. ИКСА РАН к.ф.н. **А.Н. Коробова** рассказала о функции экфрасиса (словесного описания произведений изобразительного искусства) в прозе современного китайского писателя Фэн Цицайя. Проза Фэн Цицайя насыщена экфрасисами, функцией которых, в первую очередь, является противопоставление искусства и суровой действительности, а также построение альтернативной реальности, которая помогает героям повести «Спасибо жизни» и рассказа «Окно на улицу» выстоять перед лицом тяжелых испытаний.

Тему современной китайской литературы продолжила доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ к.ф.н. **М.В. Семенюк**. Докладчица дала характеристику творчества китайского писателя-авангардиста Сунь Ганьлу, ключевой темой прозы которого является изображение литературного творчества. Для автора характерна рефлексия над процессом создания произведения, его сюжета и персонажей, а также восприятие книги как особого самобытного пространства, которое существует по своим законам.

Профессор Сычуаньского университета **Пэн Юхай** (彭玉海) выступил с докладом о метафорической семантике глаголов. Исследование синтаксиса русского глагола представляется докладчику важной задачей, решение которой предоставит новую теоретическую перспективу и методы анализа для углубленного изучения концептуальной метафоры и семантического синтаксиса русского глагола.

С научным сообщением по теме «Особенности проблематики современной китайской женской прозы» выступила аспирант Восточного факультета СПбГУ **А.А. Куликова**. По мнению докладчицы, специфика современной китайской женской прозы проявляется в проблематике таких произведений, в которых одно из центральных положений занимает тема духовного и физического выживания героинь на фоне драматических исторических событий XX-XXI вв. в Китае.

Выводами о дегероизации и осмыслении повседневности в малой прозе современных южнокорейских авторов — Пак Мингю, Ким Ёнха, Ким Ёнсу — поделилась доцент кафедры корееведения СПбГУ к.ф.н. **И.В. Цой**. В современном литературном пространстве Южной Кореи начала XXI в. акценты смещаются с коллективных историй в сторону проблем конкретного человека, *не-героя*, который живет в относительном комфорте в современном мире, его рефлексий и принятия своей жизни.

Секция завершилась научным сообщением доцента кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России к.ф.н. **М.Ю. Дондоковой**, рассказавшей об аспектах развития китайской поэзии глазами Хань Дуна. Хань Дун — современный поэт, выступающий за уменьшение символизма в поэзии и ее приближение к реальной жизни. Эти особенности творческой парадигмы поэта делают его теоретические изыскания интересными для исследования китайскими и зарубежными литературоведами.

Дневное заседание продолжила секция «Культура» (ведущая — с.н.с. ИВ РАН к.филос.н. **А.Б. Старостина**). В начале секции прозвучал доклад **А.Б. Старостиной** на тему «Конфуцианство Лу Цзя в интерпретации Ван Чуна». На основе анализа серии трактатов «Весы суждений» (论衡), докладчица отметила, что Ван Чун оценивал высказывания и деятельность Лу Цзя как критически, так и восторженно. **А.Б. Старостина** пришла к выводу, что Лу Цзя не только писал о посмертной участи человека, но и оперировал собственной концепцией индивидуальной природы человека, хотя в дошедшем до нас наследии такая информация не сохранилась.

В.н.с. ИКСА РАН, доцент Брянского государственного университета к.ф.н. **Е.А. Завидовская** рассказала о «Цинских альбомах о провинции Юньнань как источнике сведений об истории и этнографии региона». Основу описаний к альбомам составляют сведения о различных аспектах социальной жизни: от системы политического управления до данных о населении и других важных фактов; карты не передают масштаб, они лишь схематически изображают главный город местности, административные, религиозные, военные и учебные сооружения в городе и за его пределами.

Выводами об историографической рефлексии социально-политического процесса в традиционной историографии Древнего Китая поделился н.с. ИКСА РАН **В.В. Башкеев**. Он выявил главные феномены отражения социально-политического процесса в ряде источников эпох Чжаньго и Хань, а именно: понятия *мэн* (盟), *дан* (黨), *ин* (英), обозначающие социальные группы различного масштаба: «блок», «группировка» и отдельные «элитарии» соответственно.

С сообщением по теме «Новейшая политическая история Китая в поэзии Ван Мина» выступил независимый исследователь из г. Оренбург **С.Н. Жилкибаев**. Докладчик отметил, что поэтическая сторона биографии Ван Мина сравнительно мало изучена, но вместе с тем представляет большой научный интерес. Ван Мин осмыслил перипетии своего жизненного пути на фоне глобальных перестроек XX в. в мире и в Китае не только в политической публицистике, но также и в стихах, которые начал писать еще в молодости.

О сущности дискуссии вокруг послесловия Чжан Чжу к художественному произведению «Цинмин шанхэту» (清明上河图) рассказала с.н.с. Музея Сибирского федерального университета к.и.н. **Е.В. Карпенко**. Она проанализировала результаты китайских исследований послесловия Чжан Чжу к художественному произведению «Цинмин шанхэ ту» (清明上河图), которое является важным историческим источником и позволя-

ет не только датировать работу художника, но и понять исторические реалии времени создания произведения.

Аспирант Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН **В.В. Станьева** сообщила о толковании сновидений в монгольском варианте эпоса «Гэсэр». В данном памятнике сны занимают важное место, т.к. они являются аллегорическим отражением событий, влияют на дальнейшую историю и позволяют сюжету развиваться в двух параллельных плоскостях.

С сообщением по теме «“Жизнеописание господина из Пули” Лу Гуймэна (сер. IX в.) как образец китайской автобиографической литературы эпохи Тан» выступил к.ф.н. **Р.В. Березкин** (Фуданьский университет, Институт гуманитарных исследований (КНР) / ИВ РАН), рассказавший о малоизученном в российской синологии танском литераторе Лу Гуймэне и его произведении. Докладчик резюмировал, что «Жизнеописание господина из Пули» представляет собой юмористическую автобиографию поэта, в которой он творит свой идеализированный образ, а также отражает некоторые реальные факты своей жизни.

К рассмотрению современных реалий обратилась с.н.с. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН **А.Л. Верченко**, сообщившая о свадебных подарках как социальной проблеме в Китае. Китайские власти предпринимают меры по пересмотру укорененных в ментальности установок и отходу от устаревших свадебных традиций, преследуя цель уменьшить расходы на подарки и тем самым мотивировать молодежь на вступление в брак.

Вечернее заседание секции «Культура» (ведущая — **Е.А. Завидовская**) открылось сообщением н.с. ЦИКК ИКСА РАН **А.И. Донченко** об историческом начале изобразительного искусства Нового Китая, которое, как полагает докладчица, было напрямую связано с развитием коммунистического движения и китайским пониманием сути марксистско-ленинского учения. А.И. Донченко приходит к выводу, что китайские художники искали новые формы и подходы для создания произведений, которые призваны были отразить идеи революционной борьбы и воспеть трудовые подвиги простого народа.

С.н.с. Отдела сравнительного культуроведения ИВ РАН к.и.н. **К.М. Писцов** провел анализ свидетельства свнуха Лю Жоюя о придворном театре конца эпохи Мин, который дает представление об организационных формах и репертуаре театрального искусства того времени. Лю Жоюй акцентирует внимание на представлениях водяного кукольного театра, рассматривает репертуар кукольных спектаклей, отмечает сцены из исторических и фантастических повествований, а также фиксирует понимание идейно-воспитательного воздействия искусства на человека.

С сообщением по теме «Опера "Война и мир" в постановке МАМТ на сцене Тяньцзиньского большого театра: к вопросу о взаимодействии России и Китая в театральной сфере в нач. XXI в.» выступила старший преподаватель Института общественных наук кафедры иностранных языков РАНХиГС и Института Конфуция РГГУ **В.М. Малая**. Постановка имела широкий общественный резонанс: китайская общественность приняла оперу с восторгом, критики театрального искусства называли спектакль «одним из важнейших событий года»; все это может свидетельствовать о том, что данная постановка является одним из самых показательных примеров успешного культурного взаимодействия России и Китая в начале XXI в.

Продолжил тему современного китайского искусства в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИКСА РАН к.и.н. **А.С. Исаев**. Он рассказал о тенденциях развития и перспективах китайского авторского кино, которое сложилось после культурной революции и долго считалось вредным для распространения в социалистическом обществе. В настоящее время артхаусная драма, в которой поднимаются острые социальные проблемы и при помощи сложного киноязыка дается авторское видение мира, является основной формой творчества современных китайских режиссеров.

С.н.с. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН к.и.н. **К.Г. Муратшина** поделилась идеями о деятельности Институтов Конфуция (ИК) в странах Юго-Восточной Азии. ИК являются мощным инструментом китайской культурной дипломатии и «мягкой силы», поэтому рассмотрение специфики и особенностей работы ИК представляется важной научной задачей.

Н.с. ИВ РАН к.филос.н. **Р.М. Зиганьшин** выступил с докладом «Гадания и знамения в военном деле древнего Китая». **Р.М. Зиганьшин** приходит к выводу, что в китайской традиции теории военного искусства нередко использовали гадания и знамения в качестве эффективного агитационного средства, но не всегда как непреложное руководство к действию.

Исследователь **С.А. Абрамов** (Миланский университет Бикокка, Италия) рассказал о восприятии маоизма в Италии и подчеркнул, что оно во многом определило вектор трансформации Италии второй половины XX в., в большей степени носило инструментальный характер, направленный на разрешение социальных противоречий, а также повлияло на развитие такого философского течения как операизм.

О значении идей истинного добра в духовной культуре и общественно-политической идеологии народов Отечества и Китая рассказал с.н.с. ЦИКК ИКСА РАН к.и.н. **К.К. Меркулов**. В русской культуре феномен «возвращения к духовным истокам» сопряжен с православием, а в духовной культуре Китая идея истинного добра базируется на осмыслении идеалов *датун* (大同) и *сяокан* (小康).

После завершения работы секций состоялась дискуссия, в ходе которой были обсуждены наиболее острые проблемы классической синологии. Большой вклад в успешное проведение конференции внес синхронный переводчик М.Д. Стровский.

XXIV International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture”

Anastasia Y. Blazhkina

Ph.D. (Philosophy), Senior Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0002-8313-5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

Nataliya L. Kvartalova

Ph.D. (Philosophy), Leading Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0002-1439-9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru